

ТЗ/235.55
С.90

Н.В.Суржикова

ПРИГОВОР

именем Советов рабочих и крестьянских Социалистических Республики Ненецкий автономный округ СССР

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

ПРОКУРАТУРА
 Российской Федерации
 ПРОКУРАТУРА
 Свердловской области
 620019, Екатеринбург, ул.
 Малышева, 2-18

№ 17

* отменено

ретроспективного(и) по политическим уголовным преступлениям

Справка о реабилитации

На основании ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации политических репрессий» от 18 октября 1991 года (вступило в

в действие 1 января 1992 года)

Свердловской области

от 5 декабря 1990

г. Екатеринбург

1995 г. № 24*

1942-1956

Светлой Памяти
А.А.Куликова
и Н.И.Суржикова
посвящается

*Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны –
Нет, меня не сумели
Возвратить из Войны.*

*Дни летят, словно пули,
Как снаряды – года...
До сих пор не вернули,
Не вернут никогда.*

Ю.Друнина

К 65-летию начала
Великой
Отечественной войны

**Российская Академия Наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии**

Гуманитарный университет

Н.В.Суржикова

**Иностранные
военнопленные
Второй мировой войны
на Среднем Урале
(1942–1956 гг.)**

**Екатеринбург
2006**

**Russian Academy of Sciences
Ural branch
Institute of History and Archaeology**

Liberal Arts University

N.V. Surzhikova

**The Second World War's
Foreign Prisoners-of-War
in the Middle Urals
(1942–1956)**

**Ekaterinburg
2006**

**УДК 947(470.5)
ББК 63.3(235.55) 622,7
С 90**

С 90 Суржикова Н.В.

Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. 500 с. (47 илл.)

ISBN 5-7741-0063-4

В монографии рассмотрены самые разные аспекты проблемы пребывания на Среднем Урале в 1942–1956 гг. иностранных военнопленных Второй мировой войны – от их приема и размещения до отправки на родину. Автором проанализирована эволюция политики Советского государства по отношению к оказавшимся в его власти вражеским военнослужащим и выявлены механизмы ее реализации в отдельно взятом регионе.

Книга адресована историкам, юристам, экономистам, преподавателям вузов и средних учебных заведений, всем, кому небезразлично прошлое, настоящее и будущее Урала и России.

**УДК 947(470.5)
ББК 63.3(235.55) 622,7**

*Ответственный редактор:
академик РАН В.В.Алексеев*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.Ф.Зима;
доктор исторических наук, профессор В.И.Мотревич

ISBN 5-7741-0063-4

© Суржикова Н.В., 2006
© Оригинал-макет.
В.Б.Белолугов, 2006

Содержание

Введение	7
Глава 1.	
Иностранные военнопленные в лагерях Среднего Урала	53
1.1. Размещение, численность и состав пленных	55
1.2. Режим и условия содержания	78
1.3. Материальное положение и медицинское обеспечение	115
Глава 2.	
Осужденные военнопленные на Среднем Урале	163
2.1. Контингенты лагеря № 476 МВД СССР для военных преступников	165
2.2. Порядок содержания и депатриация	202
Глава 3.	
Использование пленных в народном хозяйстве	227
Заключение	276
Список аббревиатур	285
Приложения	287

Contents

Introduction.....	7
<i>Chapter 1.</i>	
Foreign Prisoner-of-War at the Camps of the Middle Urals.....	53
1.1. Disposition, Number and Composition of the POWs.....	55
1.2. Maintenance Regime and Conditions	78
1.3. Material Conditions and Medical Care.....	116
<i>Chapter 2.</i>	
The Accused Prisoners-of-War	167
2.1. Contingents of the MVD Camp No. 476 for War Criminals.....	169
2.2. Custody Order and repatriation.....	207
<i>Chapter 3.</i>	
Economic Use of the POWs' Labour.....	231
Conclusion.....	283
List of Abbreviations	291
Appendices.....	293

Введение

На рубеже ХХ–XXI вв. изучать историю России особенно сложно. За последние годы теоретический опыт отечественной науки невероятно обогатился. Без преувеличения можно сказать, что ушедшее столетие было временем важнейших методологических поворотов и прорывов, взлетов и падений. Историку предстояло решить, следует ли ориентироваться на конкретное знание, конкретного человека, погруженного в поток истории, или сделать объектом исследования безличные формы его деятельностных проявлений. Не вдаваясь в анализ плюсов и минусов институционального и антропологического подходов, отметим, что оба они, безусловно, имеют право на существование, поскольку прошли многократную апробацию в ходе конкретно-исторических исследований. Но если первый из названных подходов можно считать уже традиционным для отечественной исторической науки, то второй стал открытием историографии конца ХХ в. Именно в рамках этой методологической перспективы актуализировался целый ряд проблем отечественной истории, доселе «заповедных». К такого рода проблемам можно отнести проблемы военного пленя.

Действительно, вплоть до конца ХХ в. иностранные военнопленные, оказавшиеся на территории России в результате войн, в качестве самостоятельного объекта исследования практически не рассматривались. Очевидно, это было связано с тем, что бывшие вражеские военнослужащие не воспринимались как часть общества, были вынесены за пределы социума и, следовательно, за пределы исторического контекста в целом.

Прошедшее 15-летие стало временем небывалого интереса к данной тематике и появления широкого круга «разномастных» прикладных разработок¹. Особенно активно обсуждались различные аспекты пребывания в России (СССР) иностранных военноплененных

¹ О пленных шведах Северной войны 1701–1721 гг. см., напр.: Зиннер О.П. Известия шведских военнопленных о Сибири. Иркутск, 1961; Юркин И.Н. Шведские военнопленные в 1711–1726 гг. (по региональным материалам) // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сб. материалов Всерос. науч. конф., посв. 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 97–100; и др.; О пленных французах Отечественной войны 1812 г. см.: Бессонов В.А. Содержание военнопленных Великой армии в 1813–1814 гг. // Отечественная война

Второй мировой войны. Сегодня, когда отечественная историография, наверное, уже пережила пик интереса к этой теме, специалистов по проблемам плена часто обвиняют в «мелкотемье» и «коинъюнктурщине», а проблему иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР связывают исключительно с проблемой советского тоталитаризма. Изучение истории пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР на самом деле важно для конкретизации существа и особенностей сталинского режима. Но, на наш взгляд, это лишь одна из граней проблемы. Как представляется, решение комплекса вопросов, связанных с историей иностранных военнопленных в России и СССР, позволит, безусловно, глубже разобраться в истории межкультурных коммуникаций и адаптаций, равно как и в вопросе идеентификации советского и самоидентификации российского общества.

Будучи сложной и многоаспектной, тема военного плена имеет свои правовые, военные, политические, экономические, социальные, психологические, этические и другие стороны, а потому ее изучение возможно только посредством междисциплинарного подхода. Не

- 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 18–19; *Он же*. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России (по материалам Калужской губернии): Дис. ...канд. ист. наук. Самара, 2001; *Тотфалушин В.П.* Французы в Саратове. К истории войны 1812 г. // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып.6. С. 157–164; *Он же*. Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1998. Вып.3. Ч.1. С. 100–104; и др.; О военнопленных Первой мировой войны в России см.: *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1998; *Люкишин Д.* Да за нашими бабами вьются: Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27; *Иконникова Т.Я.* Размещение военнопленных Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке (1914–1916 гг.) // Клио. 1999. № 1. С. 210–212; *Полторак С.Н.* «Красная» и «Белая» Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 91–96; *Бондаренко О.Е.* Военнопленные в Усть-Сысольске в годы Первой мировой войны // Вестн. Сыктывкарского ун-та. 1997. Вып.2. С. 61–69; *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны на предприятиях Златоустовского горного округа: условия труда и содержания // Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: Пять Татищевские чтения. Тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 2004. С. 339–341; *Исаев А.П.* Российские органы управления и военнопленные противника: Вопросы взаимоотношений 1917–1922 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1998; и др.

менее важным моментом, во многом обуславливающим эффективность научного поиска, является рассмотрение названной темы в контексте всей истории человечества, ибо история цивилизаций – это и история войн, а значит, и история пленов. В этой связи необходимо отметить, что право военного пленя, являясь частью права вооруженного конфликта (или гуманитарного права), не стало изобретением XX в. с его разрушительными и колоссальными по числу жертв войнами.

Традиционно его зарождение связывают с именами живших в середине XIX в. А.Дюнана и Ф.Либера. Свидетель одного из самых кровопролитных сражений века, битвы при Сольферино в Италии, А.Дюнан стал автором вышедшей в 1862 г. книги «Воспоминания о Сольферино». Реализация высказанных Дюнаном предложений – заключить международное соглашение о придании статуса нейтральности медицинскому персоналу на полях сражений и создать постоянную организацию для оказания практической помощи раненым на войне – привела к созданию Международного Красного Креста².

В то же время в США президент А.Линкольн поручил немецкому иммигранту, юристу Ф.Либеру свести в единый кодекс некоторые правила ведения боевых действий, с тем, чтобы они применялись войсками во время Гражданской войны в США. Опубликованные в 1863 г. «Инструкции полевым войскам США», более известные как Кодекс Либера, охватывали все аспекты ведения войны и были направлены на избежание излишних страданий и ограничение числа жертв войны³.

Деятельность А.Дюнана и Ф.Либера, очевидно, не подозревавших о существовании друг друга, стала началом зарождения сегодняшнего универсального, в основном писаного, международного гуманитарного права. Направленное на смягчение последствий войны, оно, во-первых, ограничивает выбор средств и методов ведения военных действий и, во-вторых, обязывает воюющие стороны щадить лиц, не принимающих или переставших принимать участие в военных действиях. Следует, однако, отметить, что, несмотря на важный вклад А.Дюнана и Ф.Либера в концепцию и содержание современного международного гуманитарного права,

²Гассер Х.П. Международное гуманитарное право: Введение. М., 1995. С. 9.

³ Там же. С. 11.

идея необходимости защитить жертвы войны существовала и до них. Оба они, и Дюнан и Либер, взяли за основу положение, выдвинувшее Ж.-Ж.Руссо в опубликованном в 1762 г. трактате «Об общественном договоре»: целью военного выступления никогда не должно быть физическое уничтожение противника⁴.

Проблема военнопленных как жертв войны, основательно представленная в обычном праве, стала особенно актуальной на рубеже XIX–XX вв. Совершенствовавшиеся на протяжении всей истории человечества средства и методы ведения войны достигли такого уровня развития, что к концу XIX в. в ходе межгосударственных вооруженных конфликтов воюющие стороны стали осуществлять массовый захват в пленение военнослужащих противника. Правила обращения с военнопленными были закреплены в Гаагских конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг.⁵ Следующим шагом в развитии права военного пленя стала Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1929 г., обязанная своим рождением Первой мировой войне. Ставшая своего рода кодексом военнопленного, она явилась главным международно-правовым документом, действовавшим к началу Второй мировой войны в отношении пленных. В соответствии с ней право военнопленных касалось:

1. сражающихся или не сражающихся лиц (военные корреспонденты, поставщики и др.) из состава вооруженных сил неприятеля, а также из состава ополчения и добровольческих отрядов;
2. сражающегося населения, добровольно взявшегося за оружие, если оно открыто носит оружие и действует в соответствии с законами и обычаями войны;
3. любого лица, лишенного свободы не за преступление, а по причинам военного характера⁶.

Опыт Второй мировой войны потребовал конкретизировать и развить правовой статус военнопленных, что нашло отражение в Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г., которая действует и в настоящее время. Согласно этому документу военнопленными считаются:

⁴ Гассер Х.П. Указ. соч. С. 12.

⁵ Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственные распоряжений о военнопленных. М., 1917. С. 6.

⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.21а. Д.36. Л.2.

1) личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, а также личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящих в состав этих вооруженных сил;

2) личный состав других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений Сопротивления, действующих на собственной территории, если эти ополчения и добровольческие отряды отвечают следующим требованиям:
а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
б) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; в) открыто носят оружие; г) соблюдают законы и обычаи войны;

3) личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой;

4) лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно;

5) члены экипажей судов торгового флота, которые не пользуются более льготным режимом в силу каких-либо других положений международного права;

6) население неоккупированных территорий, которое приближении неприятеля стихийно берется за оружие, не успев сформироваться в регулярные войска, и если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны⁷

В Российском государстве испокон веков к поверженному противнику относились гуманно. Уже в период Киевской Руси международные договоры князей содержали особые пункты об участии восхищенных. К примеру, в 944 г. в договоре Руси с Византией был установлен определенный порядок выкупа пленных (ст.7)⁸. Во время княжеских усобиц в XIII–XV вв. также существовали определенные правила обращения с пленными. Противоборствующие стороны взаимно обязывались содержать их «без нужды и тягости», а после заключения мира обменивали без особого выкупа. В войнах XVI–XVII вв. эти правила были перенесены на

⁷ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., 1994. С. 59.

⁸ Емелин А., Ивашов Л. Нравственные и правовые вопросы плены в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 44–45.

пленных литовцев и поляков. При Алексее Михайловиче пленным была посвящена отдельная глава Уложения 1649 г., а сами они находились в ведении особого «польонянничного приказа» (1665–1670). С 1670 по 1678 г. участь пленных решалась Посольским приказом; с 1678 г. заведывание пленными перешло в Земский приказ. Наиболее полно и всесторонне проблема пленных в русском праве была впервые освещена в Артикуле Воинском 1715 г. при Петре I. С одной стороны, в документе решался вопрос об ответственности своих военнослужащих, попавших в руки неприятеля, с другой стороны, регламентировался порядок обращения с вражескими военнослужащими. Известно, что Петр I даровал пленным шведам Северной войны 1701–1721 гг. не только жизнь и содержание по званию, как у российских чинов, но и ряд исключительных прав. Указом от 9 августа 1717 г. «каролины» были приглашены на гражданскую службу при коллегиях. Синодальным посланием от 21 июня 1721 г. были узаконены браки между шведскими военно-пленными и православными невестами. В 1829 г. в России впервые появилось «Положение о военнопленных» — документ, который решал проблему военнопленных комплексно. Он наконец-то закрепил законодательно многие имплицитно ранее присутствовавшие в отечественном праве нормы гуманного отношения к поверженному врагу, а точнее принципы и механизмы их реализации, поскольку сами по себе нормы морали не могут быть отражены в праве. Во второй половине XIX в. правительство России приняло самое активное участие в формализации права военнопленных на международной уровне. В 1868 г. Императорский Российский Кабинет созвал международную конференцию, завершившуюся принятием Санкт-Петербургской декларации, в которой были провозглашены основополагающие принципы права ведения военных действий. В 1870-е гг. Россия выступила с новым амбициозным проектом по выработке законов и обычаев сухопутной войны, результатом реализации которого стала известная специалистам Брюссельская декларация 1874 г. Гуманитарные инициативы довоенной России были поддержаны на I-й и II-й конференциях мира в Гааге в 1899 г. и 1907 г., завершивших международную кодификацию законов и обычаев войны, в том числе связанных с проблемами военного пленя.

В Советской России в апреле 1918 г. Декретом Совнаркома для управления военнопленными была образована Центральная

коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) при Наркомате по военным делам. 4 июня 1918 г. было объявлено о признании всех подписанных Россией до октября 1915 г. международных конвенций о Красном Кресте, в том числе и Гаагских соглашений 1899 и 1907 гг. В январе 1920 г. Центропленбеж был переименован в Центральный эвакуационный отдел (Центрэвак), который был упразднен в 1922 г. в связи с окончанием Гражданской войны. К этому времени все заботы о военнопленных уже были переданы в ведение Наркомата внутренних дел⁹

Передача военнопленных из ведения военного ведомства в ведение НКВД представляется весьма символичной, поскольку она стала своего рода чертой, перейдя которую советское руководство постепенно стало отходить от принципа гуманного отношения к вражеским солдатам и офицерам, попавшим в плен. Это было связано с формированием доктрины наступательной войны, исключавшей возможность плениения красноармейцев, что само собой снимало проблему их правовой защиты в плену. Исходя из этих соображений, сталинское правительство посчитало неразумным связывать себя какими-либо обязательствами на международном уровне. Поэтому, подписав в 1931 г. Конвенцию об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях, СССР отказался присоединиться к Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Господство политических установок проявилось также в концепции приоритета национального права над международным. Этот подход был воплощен в Конституции СССР 1936 г., где ни слова не говорилось о силе международных соглашений.

Излишне напоминать, что неподписание Советским Союзом Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. обернулось страшной трагедией советских военнопленных в Третьем рейхе.

Попытка исправить ошибку И.В.Сталина была предпринята уже в начале советско-германской войны. Нотой НКИДа СССР от 17 июля 1941 г. советское руководство довело до сведения воюющих сторон, что СССР будет соблюдать на основе взаимности требования Гаагской 1907 г. и Женевской 1929 г. конвенций. Более

⁹Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 125.

того, их основные принципы были закреплены в «Положении о военнопленных», утвержденном Постановлением Совнаркома СССР № 1798–800 от 1 июля 1941 г. Согласно этому документу военнопленными считались:

а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР;

б) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащие к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие;

в) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях¹⁰.

В «Положении...» от 1 июля 1941 г. расхождения с международными соглашениями имелись не только при определении статуса военнопленного. В «Положении...» отсутствовала статья, предусматривавшая раздельное содержание людей разных рас и национальностей, не запрещалось размещать военнопленных в районах с неблагоприятными климатическими условиями. Если Женевская конвенция 1929 г. устанавливала пищевой рацион военнопленного по качеству пищи и его количеству на уровне рациона собственных войск, находящихся на казарменном положении, то «Положение...» давало право определять нормы питания Управлению НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. «Положение...», в отличие от конвенции, не содержало запрета использовать труд военнопленных для изготовления и перевозки оружия, для постройки всякого рода укреплений, на вредных для здоровья работах. Различны были и подходы к использованию труда унтер-офицеров. По Женевской конвенции 1929 г. их разрешалось привлекать к труду лишь по надзору за работающими, а по «Положению...» – ко всем работам вместе с рядовыми. В «Положении...» ни слова не было о праве военнопленных на выполнение обрядов своих религий, включая посещение богослужений и право служителей культа обслуживать духовные нужды военнопленных единоверцев. Самым большим недостатком «Положения...» было отсутствие в нем статей, гарантирующих права, предусмотренные

¹⁰ Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 50.

конвенцией. Военнопленные были фактически лишены возможности обращаться к властям с жалобами на режим содержания их в плену. «Положение...» не гарантировало защиты пленным, обвиняемым в совершении преступлений; смертный приговор осужденному мог приводиться в исполнение без уведомления правительства страны, гражданином которой он являлся, без сообщения в Международный Красный Крест и т.д. Даже по формальному признаку – по своему объему – «Положение...» было в три раза меньше и содержало всего 31 статью (конвенция – 97 статей).

Основные требования «Положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г. были детально разработаны в более поздних постановлениях, приказах, директивах и инструкциях. Всего же с 1939-го по 1956 г. в различных формах было принято свыше 60 решений (издано более 3 тыс. нормативных документов), касающихся размещения и содержания военнопленных¹¹. Однако реалии военного и послевоенного времени были далеки как от международно-правовых гарантий, так и от норм обращения с военнопленными, выработанных в советском праве. Крайне трудно было сообщить на родину о нахождении в плену, организовать полноценное питание и медицинское обслуживание, получение почтовых отправлений и т.д. Кроме того, советское правительство зачастую исключительно формально соблюдало нормы права военнопленных. Сегодня известно, что имели место и самочинные расстрелы военнослужащих противника вместо взятия их в плен, и использование пленных на вредных производствах, и репрессии против «потенциально опасных» для советского режима вражеских солдат и офицеров, и неудовлетворительный учет умерших и их погребений. Поэтому права, предоставленные иностранным военнопленным в СССР, в любом случае были уже, чем того требовали международные нормы.

Вместе с тем следует признать, что прием и размещение, содержание и обеспечение, организация трудового использования, а затем и депатриация 4 млн. военнослужащих армий противника, плененных Советской армией в годы войны¹², потребовали немалых

¹¹ Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства... С. 128.

¹² Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48.

усилий. Решение всех этих задач было возложено на созданное еще в сентябре 1939 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (УПВИ).

На 22 июня 1941 г. в составе УПВИ числилось 8 лагерей на 40–45 тыс. чел., в которых находилось 27 435 польских военнопленных. После нападения Германии на Советский Союз было запланировано развернуть 30 приемных пунктов для вражеских военнослужащих. К 22 июля их было 19. Однако уже к августу 1941 г. в подчинении УПВИ осталось только три лагеря: Грязовецкий, Сузdalский и Старобельский, рассчитанные на 8–9 тыс. чел. Расширение сети подведомственных УПВИ объектов началось после разгрома противника под Сталинградом. На местах, где были созданы лагеря и лагерные подразделения для военнопленных, формировались отделения (отделы) по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ). В 1944 г. УПВИ было переименовано в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), а с 1953 г. его функции были переданы Тюремному управлению МВД СССР.

Необходимо указать, что при выборе объекта исследования, – а в качестве такого выступают иностранные военнопленные Второй мировой войны – нами были взяты за основу современные международно-правовые нормы. То есть под военнопленными понимаются лица, чей правовой статус соответствовал Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. Вне поля исследования поэтому остались граждане иностранных государств, интернированные на территории СССР. Предметом изучения является пребывание военнопленных на Среднем Урале, их размещение, численность, состав, материально-бытовое положение и трудовое использование.

В качестве исходных территориальных рамок была избрана территория Свердловской области, включающая в себя Средний и Северный Урал. Здесь в 1942–1956 гг. находилось 14 лагерей, 11 отдельных рабочих батальонов и 2 спецгоспиталя для военнопленных и интернированных, через которые прошли свыше 250 тыс. вражеских солдат и офицеров¹³. Для сравнения отметим, что в соседней Молотовской области было организовано три лагеря для военнопленных, Чкаловской – пять, Курганской – один, Челябинской – шесть. Таким образом, территория Свердловской области стала

¹³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.15.

местом создания наиболее разветвленной сети лагерей и лагерных подразделений для военнопленных в Уральском регионе. Если учесть, что в северных районах области, соответствующих географическому понятию «Северный Урал», концентрация лагерей военнопленных была невысокой, а период их пребывания в данном регионе кратковременным, представляется вполне обоснованным ограничить рамки исследования территорией Среднего Урала.

Хронологические рамки работы охватывают 1942–1956 гг. Нижняя временная граница определяется тем, что именно в 1942 г. на Средний Урал стали прибывать первые партии военнопленных. Верхний рубеж обусловлен ликвидацией в 1956 г. последнего лагеря, где содержались военнопленные, и отправкой их на родину. Следует констатировать, что в литературе конечная дата определяется по-разному. 5 мая 1950 г. ТАСС официально объявило об окончании депатриации военнопленных. Оставшиеся же в Советском Союзе бывшие вражеские военнослужащие, будучи в большинстве своем осужденными за зверства и злодеяния над мирными советскими гражданами или пленными красноармейцами, рассматривались советским руководством исключительно как военные преступники, которые в соответствии с международными обязательствами СССР и национальным законодательством преимуществами военного плена пользоваться не могли. Поэтому в отечественной историографии в последующие годы прочно закрепился тезис о том, что после 1950 г. таких субъектов права, как военнопленные, в СССР больше не было. Между тем часть осужденных военнопленных в настоящее время реабилитирована, а значит, она была лишена своего статуса незаконно. Более того, Женевская конвенция 1949 г. недвусмысленно обязывала применять к осужденным военнопленным режим военного плена. При подписании Конвенции СССР выговорил себе право не выполнять эту норму, однако позиция международного сообщества, будучи более гуманной, была достаточно четкой.

Характеризуя отечественную¹⁴ историографию по теме исследования, следует выделить два этапа ее развития: 1) 1940-е – конец

¹⁴ Подробный анализ зарубежной историографии см.: **Конасов В.Б.** Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996; **Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.** Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, понятийный аппарат. Вологда, 2002.

1980-х гг.; 2) конец 1980-х гг. – наши дни. Широко цитируемый автор В.Б. Конасов предложил выделить в рамках первого из обозначенных периодов в отдельный этап изучения темы 1941–1956 гг.¹⁵ Позволим себе заметить, что при этом в качестве историографических работ В.Б. Конасов рассмотрел в основном мемуарную литературу, материалы периодической печати – обращения военнопленных в МККК, сводки Информбюро и т.п., а также публистику. Однако это скорее источники, нежели специальная литература, а потому говорить о военных и первых послевоенных годах как об отдельном этапе освоения темы пленя не приходится.

Анализируя первый период изучения темы военнопленных Второй мировой войны, отметим, что в 1940–1980-е гг. пребывание вражеских солдат и офицеров в СССР практически всегда освещалось в рамках смежных проблем. Особенно часто исследователи обращались к истории антифашистского движения в лагерях военнопленных НКВД, явно преувеличивая при этом его масштабы и результаты¹⁶, а также к вопросу об уголовной ответственности пленных за совершенные ими военные преступления, пытаясь дать адекватный ответ своим зарубежным оппонентам, сомневавшимся в легитимности судебных преследований иностранных военнопленных в СССР¹⁷.

¹⁵ Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Указ. соч. С. 5–17.

¹⁶ Бланк А.С. НКСГ – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.). М., 1963; Бродский Е.А. Об антифашистской борьбе в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 61; Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1939–1945 гг.) М., 1961; Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939–1945. М., 1987; Зебров Д.К. Листовки НКСГ // Журналистика и жизнь. 1975. Вып.4. С. 223; Корсунский А.Р. Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. № 46. С. 171–177; Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии. М., 1974. См. также: Ежова Г.В. Национальный комитет «Свободная Германия». Некоторые вопросы источниковедения и историографии: Дис.... канд. ист. наук. М., 1979; Погребной Н.Г. Деятельность антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны: Дис.... канд. ист. наук. М., 1979; и др.

¹⁷ Боженко А.М. Черная книга о преступлениях империализма. М., 1968; Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976; Полянский Н.Н. Международное правосудие и преступники войны. М., 1945; Он же. Международный военный трибунал.

Даже те немногочисленные работы¹⁸, которые были напрямую связаны с темой плена, обогатили отечественную историческую науку весьма незначительно. Г.М.Иваницкий, О.Ржешевский, А.С.Бланк, Р.А.Марасанов и А.Н.Мельничук, М.Ф.Войтенко и Г.А.Грибовская изучали не столько конкретные реалии советского плена, сколько стремились доказать беспримерный гуманизм советского государства в отношении поверженного врага, явно идеализируя при этом картину жизни пленных в лагерях НКВД–МВД СССР.

Начавшаяся в 1980-х гг. демократизация советского общества и последовавшая за ней деидеологизация отечественной гуманистики послужили открытию новой страницы в изучении проблем военного плена. К обсуждению темы военнопленных в СССР активно приступили журналисты. В этой связи необходимо отметить публикации газеты «Известия», посвященные итальянским, французским, японским и другим военнопленным¹⁹. Журналисты, наряду с такими профессиональными историками, как Ю.Н.Зоря, Н.С.Лебедева, В.С.Парсаданова и А.С.Прокопенко, внесли весомый вклад в восстановление исторической истины по отношению к полякам, оказавшимся в СССР в 1939 г., чей правовой статус –

М., 1946; *Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. М., 1953; *Трайнин А.Н.* Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. М., 1943. *Он же.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956; *Он же.* Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21; и др.

¹⁸ *Иваницкий Г.М.* К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информ. бюллетень Ин-та воен. истории МО СССР. 1977. № 18. С. 26–35; *Иваницкий Р., Ржешевский О.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 77–81; *Марасанов Р.А., Мельничук А.Н.* Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1981. № 5. С. 19–22; *Войтенко М.Ф., Грибовская Г.А.* Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5. С. 68–71; *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Киль, 1979.

¹⁹ *Бубрыгага Н.* Тайна лагеря № 188 // Известия. 1990. 10 мая; *Руднев В.* Орден бывшему японскому военнопленному // Известия. 1993. 13 апр.; *Прокопенко А.* 647 итальянцев действительно захоронены в Суздале // Известия. 1993. 5 июня; *Тавровский Ю.* Бывшим японским военнопленным нужна помошь // Известия. 1990. 16 нояб.; *Он же.* Судьба японских военнопленных: Пора сказать правду // Известия. 1991. 11 янв.; и др.

военнопленные или интернированные – до сих пор остается спорным²⁰

Впервые в нашей стране различные аспекты темы военного плена в широком плане обсуждались на Международной научной конференции «Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства», состоявшейся в июне 1992 г. в Екатеринбурге. Уральский государственный университет, Уральский кадровый центр, Центр германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН и другие организации собрали на неё историков России и Германии. Проблемы военнопленных той и другой сторон во Второй мировой войне, став открытием конференции, нашли отражение в сборнике тезисов, вышедшем по итогам её работы²¹.

Первыми наиболее ценными работами по истории узников ГУПВИ НКВД СССР стали статьи военного юриста В.П.Галицкого. Им написано 4 монографии и 3 учебных пособия, а также свыше 70 научных и научно-публицистических статей. Около 25 его работ опубликовано в Италии, Германии, Японии, Греции. Изыскания В.П.Галицкого посвящены организации армейских приемных пунктов и лагерей для военнопленных, политике Советского государства в отношении военнопленных, социальным и психологическим аспектам военного плена, участию немецких военнопленных в антифашистском движении в СССР, трудоиспользованию военнопленных. Почти одновременно вышли его работы о японских, венгерских, американских, испанских и финских солдатах в советском плену²².

²⁰ Прокопенко А.С., Зоря Ю.Н. Нюрибергский бумеранг // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 47–57; Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 113–130; Абаринов В.К. Катынский лабиринт. М., 1991; и др.

²¹ Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Тез. межвузовской науч. конф. Екатеринбург, 1992.

²² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Всесоюзный исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; Он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130; Он же. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 120–126; Он же. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 66–78; Он же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социоло-

Можно сказать, что В.П.Галицкий задал тон и определил основные направления исследований в области пленя. Ныне обширный поток изданной за последние годы литературы, на наш взгляд, достаточно четко делится на две части. Первую из них составляют исследования, связанные с пребыванием в СССР бывших военнослужащих европейских армий, вторая, соответственно, включает в себя работы, посвященные истории военнопленных японской армии²³. Однако в пределах этих отличных друг от друга направлений, как правило, рассматриваются близкие сюжеты и решаются схожие задачи.

Один из таких сюжетов – прием, содержание и материально-бытовое положение пленных в лагерях СССР. К этим аспектам пребывания в СССР иностранных военнопленных Второй мировой войны обратились такие исследователи, как И.В.Безбородова, С.С.Букин, И.В.Власова, А.А.Долголюк, В.А.Всеволодов, И.В.Гор-

гические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; *Он же*. Там, в Бекетовке под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 18–22; *Он же*. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. М., 1997. С. 60–68; и др.

²³ Первая из выделенных нами частей современной историографии, очевидно, более объемна, нежели вторая, поскольку вбирает в себя работы не только о немецких военнопленных в СССР, но и об австрийцах, венграх, испанцах, финнах, французах и др. (см., напр.: Галицкий В.П. А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 80–82; *Он же*. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; Конасов В., Кузьминых А., Старостин С. Финские военнопленные на европейском Севере. Вологда, 2003; Конасов В.Б., Терещук А.В. Люксембуржцы в советском плену // Новый часовой. 1997. № 5. С. 342–345; Кузнецов С.И. Французские военнопленные периода Второй мировой войны в СССР // Иностранцы в России: интернирование, плен, ссылка. Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Октябрь 1994. Иркутск, 1994; Марьина В.В. Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 58–73; Рыбалкин Ю. Шведские летчики в советском плену (Советско-финская война 1939–1940 гг.) // Родина. 1998. № 7. С. 34; *Он же*. Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного пленя: история и современность. Материалы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1997. Ч.2. С. 247–251; и др.).

бунов, С.И.Кузнецов, С.И.Кузьмин, В.П.Мотревич, В.В.Мухин, Е.К.Рожкова, С.Г.Сидоров, Н.В.Суржикова и другие²⁴. В названной группе работ выделяются исследования продовольственного обес-

²⁴ **Безбородова И.В.** Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1944–1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165–173; **Букин С.С.** Лагеря для военнопленных и интернированных в Сибири (1943–1949 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998. С.166–169; **Букин С.С., Долголюк А.А.** Военнопленные в Сибири: условия лагерного быта // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 220–236; **Они же.** Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–53; **Власова И.В.** Эвакуация военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. Красногорск, 1996. С. 157–159; **Всеволодов В.А.** «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД–МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. М. – Красногорск, 1999. С. 24–58; **Горбунов И.В.** Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинского обеспечения (по док. ГАРФ) // Проблемы военного плены... Ч.2. С. 134–142; **Кузнецов С.И.** Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; **Кузьмин С.И.** К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плены... Ч.2. С. 124–132; **Мотревич В.П., Суржикова Н.В.** Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 123–125; **Мухин В.В.** Системы и органы пленения, учета, обеспечения и эвакуации советских и немецких военнопленных 1941–1945 гг. во фронтовой полосе // Трагедия войны – трагедия плены... С. 6–20; **Рожкова Е.К.** Условия содержания и медицинского обеспечения немецких военнопленных в СССР // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: Материалы научно-практич. конф. Оренбург, 2000. С. 84–90; **Сидоров С.Г.** Военнопленные и интернированные в СССР. 1939–1956 гг.: связь с родиной // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 1998. № 3. С. 30–44; **Суржикова Н.В.** Иностранные военнопленные на Среднем Урале: условия содержания и обеспечения // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 90–94; и др.

печения²⁵ и медицинского обслуживания пленных²⁶. Они – зачастую имплицитно – доказывают, что Советское государство в не-простых обстоятельствах военного и послевоенного времени приложило немало усилий, чтобы создать хотя бы самые необходимые условия для сохранения жизни и здоровья военнослужащих вра-

²⁵ **Букин С.С.** Продовольственная проблема в сибирских лагерях для военнопленных (1943–1949 гг.) // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX веков. Бахрушинские чтения: Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 131–144; **Букин С.С., Долголюк А.А.** Продовольственная проблема в сибирских лагерях для военнопленных (1943–1949 гг.) // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX веков. Бахрушинские чтения: Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 131–144; **Долголюк А.А.** Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 73–76; **Кузьминых А.Л.** Продовольственное обеспечение иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Ноосферные знания и технологии. XXI век: Тез. докл. научно-практич. конф. Череповец, 2002. С. 129–131; **Сидоров С.Г.** Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 1996. Вып. 1. С. 71–82; **Он же.** Продовольственное обеспечение военнопленных в СССР в 1941–1945 гг. // Сталинградская битва в истории России. СПб., 1997. С. 85–105; **Суржикова Н.В.** Продовольственное обеспечение иностранных военнопленных на Среднем Урале (1942–1949 гг.) // Россия в поисках национальной стратегии развития: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 343–350; и др.

²⁶ **Баранова Н.В.** Советская медицина и немецкие военнопленные (1944–1949 гг.) // Вестн. Верхневолжского отделения Академии военно-исторических наук: Материалы науч. конф. Ярославль, 2000; **Будко А.А., Грибовская Г.А.** Опыт следования законам и обычаям войны при медицинском обслуживании раненых и больных немецких военнопленных в период Второй мировой войны // Трагедия войны – трагедия пленца... С. 58–62; **Букин С.С., Долголюк А.А.** Медицинская помощь военнопленным в сибирских лагерях (1943–1948 гг.) // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 126–142; **Грибовская Г.А.** Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НКСГ – 50 лет... С. 143–146; **Наконетова Б.А.** Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1995. № 3. С. 71–74; **Рожкова Е.К.** Организация спец госпиталей для иностранных военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ОГПУ. Оренбург, 1999. № 2(12): Исторические науки. С. 125–131; **Федорова А.В.** Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия пленца: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 99–103; и др.

жеских армий. В целом же комплекс конкретно-исторических разработок о приеме, учете, размещении, режиме и условиях содержания пленных интересен с точки зрения восстановления самых разных деталей плена, которые в конечном итоге складываются, подобно мозаике, в общую картину пребывания вражеских военнослужащих в СССР.

Другая часто поднимаемая в литературе тема – тема политico-идеологической «обработки» пленных в лагерях НКВД–МВД, которой подвергались как военнопленные европейских армий, так и японцы²⁷. Отдельный массив исследований посвящен проблемам, связанным с деятельностью Национального Комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Особенностью работ по данной проблематике стала широта представленного в них спектра мнений и оценок. В центре оживленной дискуссии оказались вопросы о том, кому принадлежала инициатива создания НКСГ и СНО и добились ли члены этих организаций тех целей, которые они перед собой ставили; можно ли причислить активистов Комитета и Союза к движению Сопротивления. При всем многообразии подходов и трактовок темы российским ученым удалось сблизить свои позиции. Отечественные историки согласились с выводами своих зарубежных коллег о том, что идея образования НКСГ и СНО исходила от советского руководства. Вместе с тем большинство германских специалистов уже согласилось с тем, что деятельность

²⁷ См. об этом: **Бондаренко Е.Ю.** «Школы коммунизма» для японских военнопленных // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 133–140; **Баранова Н.В.** К истории антифашистской и оперативно-розыскной работы в советских лагерях военнопленных (1944–1949) // Российский исторический журнал. 1998. № 4. С. 18–22; **Кузнецов С.И.** Идеологическая обработка японских военнопленных в лагерях на территории Республики Бурятия // Улан-Удэ в прошлом и настоящем: Материалы и тез. докл. научно-практич. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 116–119; **Решин Л.Е.** Агентурно-политические организации из военнопленных на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1996. Ч. I. С. 85–92; **Суржикови Н.В.** Антифашистская работа в лагерях иностранных военнопленных Среднего Урала (1942–1949 гг.) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Пятые Всерос. историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 82–84; **Тестов Л.В.** Репатрированные немецкие военнопленные и антифашистские традиции в послевоенной Германии // Проблемы военного пленя... Ч. I. С. 99–104; и др.

Комитета и Союза была одним из факторов, способствовавших победе сил антигитлеровской коалиции²⁸. Следует указать, что на фоне повышенного внимания к антифашистскому движению немецких солдат и офицеров остается неисследованным опыт демократических организаций пленных других национальностей: румынского «Национального блока», итальянского «Союза гарибальдийцев», Национального комитета «Свободная Венгрия», Австрийского антифашистского союза, обращение к которому внесло бы новую струю в диалог историков разных стран, а может быть – и политиков.

Солидный пласт работ отечественных историков составляют исследования судебного преследования вражеских солдат и офицеров в СССР²⁹. Впервые данная проблема была поставлена в

²⁸ Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Перевод изд. Герда Р.-Юбершера. Красногорск. 1996.

²⁹ Бондаренко Е.Ю. Судьбы пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948–1949 гг.) // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 117–123; Галицкий В.П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1995. С. 3–13; Епифанов А.Е. Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // Право и политика. 2001. № 2; Он же. Деятельность советских органов внутренних дел по применению каторжных работ к гитлеровским военным преступникам и их пособникам // Труды Академии управления МВД России. М., 2000; Он же. К вопросу о восстановлении прав лиц, необоснованно осужденных по обвинению в военных преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны // Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Уфа, 1999; Он же. К вопросу о реабилитации военнопленных вермахта, незаконно осужденных за военные преступления // Соотношение и связи криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Ч.3. Краснодар, 1996; Он же. Некоторые аспекты уголовного законодательства об ответственности гитлеровских военных преступников // Уголовное законодательство: история и современные проблемы: Тез. докл. и сообщений межвузовской научно-практич. конф. Волгоград, 1998; Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. М., 1998; Конасов В.Б., Терещук А.В. «Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337;

1992 г. А.А.Крупенниковым, отметившим, что при подготовке и реализации судебных процессов над военнопленными обвинения против них не всегда подтверждались вескими доказательствами³⁰. Тему продолжил В.П.Галицкий, установивший, что большинство вражеских военнослужащих было привлечено к уголовной ответственности по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» от 19 апреля 1943 г., а также по печально знаменитой ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР³¹. В.Б.Конасов, рассмотрев уголовное преследование пленных в контексте решения проблемы их репатриации, выделил три этапа в политике Советского государства по отношению к вражеским военнослужащим и вслед за В.П.Галицким заключил, что к концу 1940-х гг. она приобретает черты обвинительной и даже репрессивной, что внешне проявилось в переходе от открытых судебных процессов над военнопленными к закрытым судебным заседаниям³².

Крупенников А.А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947–1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. С. 83–85; **Он же.** О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х – начале 50-х гг. // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 177–183; **Кузнецов С.И.** Участие японских военнопленных в Токийском и Хабаровском процессах // Историческое, культурное и природное достояние (составление, проблемы, трансляция). Вып. II. Улан-Удэ, 1997. С. 65–72; **Молодяков В.Э.** «Правосудие победителей»? // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 98–107; **Никишин К.С.** Установление судьбы незаконно репрессированных российских и немецких граждан и вопросы их реабилитации // Проблемы военного плены... Ч.1. С. 71–74; **Николаев А.Н.** Об изучении материалов Токийского международного военного трибунала // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 228–229; **Петров Н.В.** Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плены... Ч.2. С. 83–85; и др.

³⁰ **Крупенников А.А.** К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947–1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока ... С. 83–85.

³¹ **Галицкий В.П.** Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии... С. 3–13.

³² **Конасов В.Б.** Судебное преследование немецких военнопленных в СССР... С.71.

А.С.Смыкалин, осветивший основные стороны создания и функционирования в лагерях агентурной сети среди лагерного контингента, пришел к выводу, что это был один из самых эффективных механизмов выявления и разоблачения вражеских солдат и офицеров, совершивших военные преступления³³. А.Е.Епифанов, исследуя другую область этой же темы, – деятельность Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), занимавшейся расследованием преступлений, совершенных гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР, — обратил внимание на то, что заключения ЧГК, легшие в основу сотен судебных дел против иностранных военнопленных, не всегда отличались достоверностью и объективностью³⁴.

Уже ставший общим местом тезис о слабости доказательной базы обвинений, предъявленных пленным, подтверждают уже свершившиеся и далеко не единичные факты реабилитации осужденных в СССР вражеских солдат и офицеров. Исследователь Н.В.Петров, основываясь на материалах архивов ФСБ, вообще пришел к заключению, что, как и в отношении советских граждан, против иностранных военнопленных применялись и внесудебные репрессии, чинившиеся Особыми совещаниями НКВД, управлениями Особых отделов фронтов и уполномоченными НКВД по фронтам³⁵.

Полезный вклад в разработку некоторых правовых аспектов темы внесли работы Т.А.Щелокаевой³⁶, предметом анализа в ко-

³³ Смыкалин А. С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147–150; *Она же*. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

³⁴ Епифанов А.Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой депортации военнопленных вермахта на родину (1948–1949 гг.) // Проблемы военного плена ... Ч. 2. С. 118–123; *Она же*. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Вологда, 1997.

³⁵ Петров Н.В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена ... Ч. 2. С. 83–85.

³⁶ Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юридич. наук. Екатеринбург, 2000. См. также: Щелокаева Т.А. О международных обязательствах СССР по обращению с военнопленными в годы Второй мировой войны // Юридический вест. 1999. № 19–20; *Она же*. Об уголовном преследовании иностранных военнопленных в СССР (1943–1956 гг.) // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999. С. 174–175.

торых стал правовой статус иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР, рассмотренный автором в свете международных обязательств Советского Союза по обращению с узниками войны. Т.А.Щелокаева считает, что факты осуждения пленных по сомнительным обвинениям не были правилом для советской Фемиды, а практика судебного преследования военнопленных вражеских армий в целом не противоречила ни международному праву, ни национальному законодательству СССР. И если первое из приведенных утверждений Т.В.Щелокаевой спорно, то второе совершенно справедливо, поскольку международные конвенции, действительно, не освобождали пленных от ответственности за преступления, совершенные как в годы войны, так и по ее окончании. Другой вопрос, насколько нормы советского права соответствовали нормам Гаагской и Женевской конвенций. Но этот вопрос, будучи связан с проблемой имплементации норм международного гуманитарного права, явно выходит за рамки темы судебного преследования иностранных военнопленных в СССР и требует внимания не столько историков, сколько юристов.

В этой связи отметим близкое к рассматриваемой нами тематике посвященное изучению сформулированных в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала оснований уголовной ответственности за преступления против мира и человечности и военные преступления исследование А.В.Наумова, где достаточно четко определяется конкретное содержание трех указанных разновидностей уголовно-правовых запретов и рассматриваются процедурные вопросы судопроизводства по делам о международных преступлениях³⁷.

Своего рода продолжением темы, поднятой А.В.Наумовым, стала статья другого юриста, С.А.Лобанова. Обращаясь к наиболее актуальным вопросам реализации правовых норм об ответственности за военные преступления, С.А.Лобанов акцентировал внимание на проблеме международной уголовной юрисдикции в отношении военных преступлений, а также соотношения национального законодательства и норм международного права по делам о военных преступлениях. Оценивая как безусловно положительный опыт привлечения к ответственности военных преступников Второй

³⁷ Наумов А.В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 48–56.

мировой войны, автор подчеркивает, что «эффективным органом международной уголовной юстиции мог бы в перспективе стать Международный уголовный суд. Связанный с национальными уголовными судами и иными органами международной военной юстиции, данный орган представлял бы центральный элемент Международного уголовного права»³⁸.

Крупный комплекс исследований составляют статьи и монографии о трудовом использовании иностранных военнопленных в СССР³⁹. Если учесть, что на протяжении послевоенного десяти-

³⁸ *Лобанов С.А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 78.

³⁹ *Безбородова И.В.* Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 50–58; *Бикметов Р.С.* Трудоиспользование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г.–август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тез. докл. участников Междунар. науч. конф. Кемерово, 2000. С. 34–35; *Букин С.С., Долголюк А.А.* Трудовое использование военнопленных в Сибири // Из прошлого Сибири: Межвузовский сб. науч. тр. Вып.3. Ч.2. Новосибирск, 1999. С. 106–125; *Галицкий В.П.* Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тотализма. Российско-германская конф. историков. М., 1997. С. 63–69; *Калеров М.* Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3(12); *Он же.* Военнопленные на стройках коммунизма // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; *Кузнецов С.И.* Эксплуатация труда японских военнопленных в СССР (1945–1956) // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. Пермь, 1994. С. 120–122; *Кузьминых А.Л.* Использование труда военнопленных на предприятиях и стройках Череповца: 1942–1949 гг. // Вузовская наука – региону. Вологда, 2002. С. 341–343; *Михеева Л.В.* Использование труда военнопленных Второй мировой войны в промышленности Карагандинской области // Социально-экономические проблемы региона. Вып. 6. Караганда, 2000. С. 352–357; *Пянкевич В.Л.* Репарации и труд воспитанников как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны: Вопросы историографии. СПб., 1999; *Рожкова Е.К.* История использования труда военнопленных в СССР и в Оренбуржье // Материалы XXI преподавательской и XXXIX студенческой научно-практич. конф. Оренбург, 1997. С. 116–117; *Сидоров С.Г.* Использование военнопленных в угольной промышленности СССР в 1941–1949 гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. I. Волгоград, 1999. С. 204–212; *Он же.* Использование ино-

летия несколько миллионов вражеских солдат использовались в народном хозяйстве СССР и их трудом создавалась часть совокупного национального продукта, то этот факт игнорировать невозможно. По данным В.П.Галицкого, с 1943-го по 1950 г. иностранными военнопленными всех национальностей было выработано 1,077 млрд. человескодней⁴⁰. Много это или мало?

В.Б.Конасов по этому поводу отмечает, что реальный вклад военнопленных в развитие народного хозяйства СССР был весьма существенным⁴¹. Исследователь М.Колеров вообще приходит к выводу, что после войны военнопленным и интернированным принадлежала роль основного трудового ресурса советской экономики, поскольку в 1945 г. доля лиц принудительного труда среди экономически активного населения СССР превышала 12%⁴². Остается неясным, что в данном случае понимается под определением «основной трудовой ресурс» и почему автор рассматривает 1945 г. как показательный для всего послевоенного периода. Спорна также и сама цифра в 12%. Историк С.Г.Сидоров приводит другие данные: по его подсчетам, доля пленных в общем количестве рабочих и служащих СССР на конец 1945 г. составляла семь с небольшим процентов⁴³.

сторонних военнопленных в народном хозяйстве СССР (1939–1956 гг.) // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М.Осипова и др. М., Волгоград, 2000. Т. 1. С. 431–438; *Он же*. Использование труда военнопленных в народном хозяйстве СССР в 1939–1941 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 2000. Вып. 5; *Он же*. Использование труда военнопленных в СССР на строительстве автомобильных дорог. 1945–1949 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 3: Экономика, экология. 1998. Вып. 3. С. 119–126; *Он же*. Использование труда военнопленных на восстановлении Сталинграда в 1943–1949 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945. Волгоград, 1997. С. 78–94; 237–253; *Он же*. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001; Суржикова Н.В. Трулоиспользование иностранных военнопленных Второй мировой войны: мифы и реальность (на материалах Среднего Урала) // Уральский исторический вестн. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 262–274; и др.

⁴⁰ Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР. С. 69.

⁴¹ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 153.

⁴² Колеров М. Восннопленные на стройках коммунизма. С. 79–83.

⁴³ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. С. 189.

Утверждение М. Колерова требует более строгой аргументации еще и потому, что вопрос о производительности труда бывших вражеских военнослужащих до сих пор остается открытым. И. В. Безбородова указывает, что доход от использования труда военнопленных в СССР ни разу не достиг фактических расходов по их содержанию, и даже после перевода всех лагерей на самоокупаемость осенью 1945 г. они продолжали оставаться дотационными объектами в системе НКВД-МВД СССР⁴⁴. Трудно представить, что пленные, зарабатывая меньше, чем требовалось для удовлетворения их самых скромных потребностей, могли выступать в качестве ударного звена при решении важнейших народнохозяйственных задач.

Уже упомянутый нами исследователь С. Г. Сидоров утверждает, что вывод об убыточности лагерей сомнителен. Тот факт, что заработка пленных не покрывал расходы на содержание лагерей, по мнению исследователя, еще ни о чем не говорит, поскольку в общей стоимости созданных военнопленными материальных ценностей заработка плата составляла только одну треть. Общие же результаты производственной деятельности лагерей имели положительный баланс. На наш взгляд, оба автора, пытаясь решить вопрос об эффективности принудительного использования иностранных военнопленных в трудовых процессах в СССР, оперируют цифрами, которые сами по себе нерепрезентативны и требуют дополнительных обоснований.

До сих пор нет ясности в вопросе периодизации трудового использования иностранных военнопленных в СССР. В. П. Галицкий называет три этапа, характеризующих участие пленных в восстановительных работах: 1941–1942 гг. – труд обезоруженных солдат противника в народном хозяйстве не применялся в силу их незначительной численности; 1943–1949 гг. – массовое вовлечение пленных в трудовые процессы; 1950–1955 гг. – трудоиспользование нескольких тысяч осужденных военных преступников. Странным в данной периодизации, по нашему мнению, выглядит первый этап трудоиспользования, когда собственно трудоиспользования как такого не было.

⁴⁴ Безбородова И. В. Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного пленя... Ч. 2. С. 51.

Неубедительным представляется также и предложенное И.В. Безбородовой⁴⁵ деление трудоиспользования пленных на два этапа по 1945 г., после которого началось широкое использование труда узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД на стройках и предприятиях СССР. Этот вариант периодизации оставляет вне поля зрения историков специфику вовлечения в народное хозяйство СССР осужденных пленных в 1949–1956 гг.

Ряд историков акцентирует внимание на том, что предметом особого интереса «компетентных органов» была профессиональная принадлежность военнопленных, которую СССР использовал в военных целях. Действительно, сегодня известны факты использования германских авиационных специалистов в подмосковных Савелове, Тушине и Химках, немецких физиков и химиков в разработке атомного проекта в Сухуми и некоторые другие⁴⁶. Но известно также и то, что эти специалисты были гражданскими лицами, а не военнопленными. Подавляющее большинство военнопленных использовалось на низкоквалифицированных работах не по специальности, поскольку тяжелый физический труд всегда был неотъемлемой чертой экономики НКВД, являясь мерой социального наказания. Кроме того, оценить степень значимости для советской экономики иностранных специалистов – и военнопленных в том числе – по количественным параметрам невозможно, здесь требуются прежде всего качественные характеристики. Поэтому, очевидно, изыскания в этой области темы необходимо продолжить.

Свое место в историографии плена заняли работы, посвященные депатриации бывших вражеских военнослужащих. Эта тематика нашла отражение в статьях и монографиях Е.Ю.Бондаренко, В.П.Галицкого, В.Б.Конасова, С.И.Кузнецова, А.В.Терещука и дру-

⁴⁵ Безбородова И.В. Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного пленника... Ч. 2. С. 51.

⁴⁶ См. об этом: Германские авиационные специалисты в Советской России: Судьба и работа. 1945–1954 (Московский регион: Подберезье, Савелово, Тушино, Химки) / Сост. Ю.Воронков, В.Зрелов, С.Кувшинов, Ю.Михельс. М., 1996; Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999; Швилкин Б. Духи от Гартмана. Над секретным атомным проектом в Сухуми работали известные немецкие физики и химики // Независимая газета. 1997. 4 февр.; и др.

гих авторов⁴⁷. Важно, что исследователи не только изучили темы освобождения из плена военнослужащих венгерской, германской, итальянской, румынской, финской и японской армий, но и установили прямую зависимость между репатриационными процессами и проблемой решения участия пленных на международном уровне. Вместе с тем исследования в данной области актуализировали проблему общей численности пребывавших в СССР иностранных военнопленных, количества репатриированных и умерших в лагерях. Кроме того, если международный аспект репатриации уже достаточно исследован, то внутриполитическая сторона вопроса продолжает оставаться малоизученной.

⁴⁷ **Бондаренко Е.Ю.** Долгое возвращение из плена (К истории репатриации японских военнопленных из СССР) // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 102–107; **Бугай Н.Ф.** и др. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на Родину из СССР (1940–1950-е годы): Документы, факты, коммент. М., 2001; **Галицкий В.П.** Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практического конф. С. 110–112; **Он же.** Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практического конф. С. 118–122; **Конасов В.Б.** Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 г.: историографический аспект проблемы // Источник. Вологда, 1997. № 1. С. 95–99; **Он же.** Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 176–194; **Он же.** Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 61–66; **Он же.** Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста. 1997. № 5. С. 72–84; **Он же.** Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: Внешнеполитический аспект. М., 1998; **Конасов В.Б., Терещук А.В.** Долгий путь на родину: Репатриация немецких военнопленных из СССР // Новый часовой. 1994. № 2. С. 53–75; **Кузнецов С.И.** Корейцы в советско-японской войне 1945 г. и проблема репатриации // Корейцы в России: Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Декабрь 1994. Иркутск, 1994. С. 21–23; **Он же.** Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск, 1994; **Он же.** Репатриация и социальные процессы в послевоенном японском обществе // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: Тез. докл. науч. конф. Иркутск, 1994. С. 45–49; и др.

Следующая группа работ по интересующей нас проблематике касается иностранных воинских захоронений, их статуса и охраны⁴⁸. Сложность решения всех этих вопросов связана с далеко не однозначным отношением общества к проблеме кладбищ бывших вражеских военнослужащих. Поэтому особенно отрадно, что тема воинских захоронений получила свое развитие не только на теоретическом уровне, но и в практической плоскости. Особенно активно эта работа идет в Уральском регионе, а также в Сибири. Установление мест массовых захоронений солдат противника сопровож-

⁴⁸ См. об этом: Захоронения иностранных военнопленных на территории Красногорского района / Публ. О.Д.Флида, В.А.Всеволодова // Трагедия войны – трагедия плена... С. 328–346; Букин С.С. В чужой земле. Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000; *Он же*. Захоронения военнопленных в Новосибирской области // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX): Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 192–205; Енифанов А.Е. О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 144–149; Колошинская Н.В. Иностранные военные захоронения в Ленинградской области и организационно-правовые мероприятия органов МВД по их сохранению в 40–50-е годы // История государства и права. 2002. № 6. С. 24–26; Кузнецов С.И. Смертность в лагерях японских военнопленных и судьбы захоронений в СССР // Японские военнопленные в Сибири (1945–1956 гг.): Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Август 1995. Иркутск, 1995. С. 11–22; Кузьминых А.Л. Проблема захоронений иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории СССР // PER ASPERA...: Материалы конф. молодых ученых. Череповец, 2001. С.16; Лебедев В.Г. К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в России // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 160–164; *Он же*. О судьбе захоронений иностранных военнопленных в России // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 138–144; Мотревич В.П. Иностранные воинские кладбища в Екатеринбурге // Екатеринбург: вчера, сегодня, завтра: Тез. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1998. С. 145–148; *Он же*. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 52–56; *Он же*. Иностранные воинские захоронения на Урале // Великий подвиг народа. Исторические чтения. Екатеринбург, 1995. С. 149–156; *Он же*. К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области // Двенадцатые Бирюковские чтения: Тез. научно-практич. конф. Челябинск, 1996. С. 71–73; *Он же*. Японские воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние и перспективы эксгумации // Этнокуль-

дается их благоустройством и последующей охраной, а потому есть надежда, что главная – гуманистическая – задача специалистов, занимающихся проблемой иностранных воинских захоронений, к числу которых принадлежат как боевые кладбища, так и кладбища военнопленных в тыловых районах страны, со временем будет решена. На настоящий же момент, когда не только пленные, но и часть военнослужащих Советской армии еще не обрели вечного покоя, говорить о примирении воевавших в середине XX в. народов, видимо, рано.

К последней группе работ мы отнесли комплексные исследования проблемы иностранных военнопленных Второй мировой войны, выполненные на региональном уровне⁴⁹. Их список настолько велик, что позволяет картографировать лагеря пленных на территории России и СССР. Вместе с тем, совершенно очевидно, что на востоке страны комплексное освоение темы идет более результативно. Именно там издан целый ряд монографий, посвященных пребыванию японских военнопленных в разных уголках Си-

турная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 49–52; *Он же*. Экскавация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный: Материалы докл. и сообщений региональной научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999. С. 117–120; *Мотревич В.П., Суржико-ва Н.В.* Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР: Сб. докл. участников Междунар. научно-практич. конф. Нижний Тагил, 2000. С. 97–102; и др.

⁴⁹ *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997; *Баранова Н.В., Ерин М.Е.* Немецкие военнопленные в Ярославской области // Отечественная история. 1995. № 6. С. 133–142; *Букин С.С., Тимошенко А.И.* Военнопленные в Новосибирске (1944–1948 гг.) // Левобережье в Новосибирске: Страницы истории. Новосибирск, 1999. С. 190–192; *Дынкин К.В.* Восстановление города Сталинграда после окончания сражения в 1943 году и участие в восстановительных работах немецких военнопленных // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945: Материалы науч. конф. Волгоград, 1997; *Емельянов Н.* Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158 // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. IX. Вологда, 2001. С. 112–113; *Енифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1956 годы (Немецкие военнопленные в СССР). М., 1999; *Киселев А.А.* Военнопленные

бири и Дальнего Востока⁵⁰. Такое положение вещей, возможно, объясняется тем, что обозначенные регионы стали местом сос-

на Кольском полуострове // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 230–234; **Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.** В плена Страны Советов: Военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.) // Новый часовой. 2002. №. 13–14. С. 55–79; **Конасов В., Кузьминых А., Старостин С.** Финские военнопленные на европейском Севере. Вологда, 2003; **Корибут-Дашкевич Е.** Немецкие офицеры в Воркутлаге // Мемориал-Аспект. 1994. № 7–8. С. 5.; **Кузьминых А.Л.** Военнопленные Второй мировой войны в Вологодской области (историографический обзор) // Традиции в контексте русской культуры. Межвузовский сб. науч. работ. Вып. IX. Череповец, 2002. С. 328–336; **Он же.** Неизвестные строители Северной Магнитки (заключенные и военнопленные на строительстве Череповецкого металлургического комбината) // Северсталь: история и современность. Череповец, 2002. С. 30–36; **Левенштейн О.Г.** Военнопленные германской армии в МАССР в 1941–1945 гг.: некоторые страницы истории // Марийский археографический вестн. 1999. № 9. С. 132–140; **Маркдорф Н.М.** Немецкие военнопленные на предприятиях юга Кузбасса // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Тез. докл. участников Междунар. науч. конф. Кемерово, 2000. С. 41–42; **Михеева Л.В.** Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (40-е годы XX столетия) // Отан тарихы. № 3–4. Алма-Ата, 2002. С. 137–140; **Мотревич В.П.** Вермахт на Среднем Урале // Урал. 2000. № 7. С. 69–74; **Никитина Ю.Я.** Немецкие военнопленные в Переяславле-Залесском // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Ч.3. Вологда, 2000. С. 271–278; **Рожкова Е.К.** Иностранные военнопленные в Оренбуржье (1943–1950 гг.) // Науч. тр. молодых ученых ОГПУ. Оренбург, 1997. С. 173–177; **Сидоров С.Г.** Лагеря немецких военнопленных на территории Стalingрадской области в 1943–1954 гг. // Стержень. Волгоград, 2000. С. 175–184; **Суржикова Н.В.** Военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области // Высшая школа России в преддверии XXI века: Тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 140–144; **Она же.** Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949–1956 гг.) // Урал индустриальный: Материалы третьей региональной науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 84–89; **Точенов С.В.** Лагерь № 48 // Отечественная история. 2001. № 4. С. 112–126; **Филимонов А.В.** Немецкие военнопленные в Пскове // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 197–202; **Чудиновских Е.Н.** Военнопленные Второй мировой в Вятском крае // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 98–100; и др.

⁵⁰ См.: **Базаров О.Д.** «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ. 1997; **Он же.** В сибирском плена (Японские военнопленные в Восточной Сибири). Улан-Удэ, 1994; **Базаров О., Кузнецов С.** В сибирском плена (Японские военнопленные в

редоточения значительного числа вражеских военнопленных и лагерных подразделений для их содержания.

В последнее десятилетие изучение проблемы военнопленных Второй мировой войны активизировалось и на Урале. С начала 1990-х гг. в местной печати появился целый ряд публикаций на эту тему⁵¹. Первые серьезные научные изыскания по проблеме иностранных военнопленных на Среднем Урале были сделаны В.П. Мотревичем. Ему принадлежит целый ряд работ, затрагивающих почти весь комплекс вопросов, связанных с жизнью военнопленных в лагерях Среднего Урала – от приема и размещения до депатриации⁵².

Восточной Сибири). Улан-Удэ, 1994; **Бондаренко Е.Ю.** Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997; **Букин С.С.** Сибирские острова архипелага ГУПВИ // Проблемы истории Второй мировой войны: Сб. науч. работ. Вологда, 2000. С. 98–109; **Он же.** Лагеря для военнопленных и интернированных в Сибири (1943–1949 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 166–169; **Букин С.С., Долголюк А.А.** Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–53; **Катасонова Е.Л.** Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; **Кузнецов С.И.** Японцы в сибирском плена (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; **Кузьмина М.А.** Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996; **Спиридонов М.Н.** Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2001; и др.

⁵¹ Военнопленные на Тагильской земле // Лотос. 1993. 15 марта; **Дунав Ю.** Военнопленные на Урале // Уральский трубник. 1992. 28 окт.; **Каста Г.** Возвратиться в прошлое // Уральский рабочий. 1992. 17 июня; **Кропман В.** Неизвестные кладбища // Пермские новости. 1992. 29 мая; Международное общество прав человека. Уральская группа. Спец. выпуск. 1992. Июнь; **Тищенко Я.** Лесные призраки лагеря № 476 // Урал «МК». 1997. 20–27 нояб.; **Устюжанин С.** Вермахт не прошел, но немцы в нашей земле остались // Егоршинские вести. 1992. 13–19 июля; и др.

⁵² **Мотревич В.П.** Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. 1992. 2 фев.; **Он же.** Новые материалы по истории иностранных военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока ... С. 72–73; **Он же.** Иностранные граждане на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. научно-практич. конф. Екатеринбург. 1995. С. 93–97; **Он же.** Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. 1996. № 2(4). С. 42–43;

Заслуживают внимания посвященные региональной проблематике публикации А.С. Смыкалина⁵³. Именно он первым среди уральских исследователей темы военнопленных получил доступ к ранее секретным материалам Архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области, которые были использованы в книге «Колонии и тюрьмы в Советской России».

Разные аспекты уральского плена рассмотрены в ряде наших публикаций⁵⁴. Но, несмотря на богатство собранного и представленного в них материала, говорить о том, что осмысление темы плена в рамках Среднего Урала закончено, не приходится.

Он же. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена ... Ч. 1. С. 52–56; *Он же.* Экскавация останков военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный. Материалы докл. и сообщений региональной научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999; и др.

⁵³ Смыкалин А. С. Иностранные военнопленные на территории Урала в 1942–1956 гг. // Российский исторический журнал. 2001. № 1. С. 39–45; *Он же.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; *Он же.* Немецкие военнопленные на Урале // Витта. 1997. № 15. С. 25–29; *Он же.* Немецкие военнопленные на Урале // Уральский исторический вестн. № 7. Екатеринбург, 2001. С. 366–374; *Он же.* Строители из дивизии СС // Уральский рабочий. 1995. 17 янв.; и др.

⁵⁴ Суржикова Н. В. Антифашистская работа в лагерях иностранных военнопленных Среднего Урала (1942–1949 гг.) // Многокультурное изменение исторического образования: теория и практика: Пятьдесят Всерос. историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 82–84; *Она же.* Архивно-следственные дела военнопленных как исторический источник (по материалам УГААО СО) // Орел шестого легиона: Тез. докл. студенческой научно-практич. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1999. С. 109–113; *Она же.* Военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области // Высшая школа России в преддверии XXI века: Тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 140–144; *Она же.* Военнопленные Второй мировой войны в СССР // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Тез. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 81–83; *Она же.* Военные преступники на Среднем Урале в 1949–1956 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 234–236; *Она же.* Динамика заболеваемости и смертности военнопленных в лагерях Свердловской области (1942–1949 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Сб. материалов V региональной науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 140–146; *Она же.* Из истории лагеря № 476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения. Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 95–99; *Она же.*

Отсюда – цель настоящего исследования, которая состоит в том, чтобы путем обобщения многочисленных документальных свидетельств и достижений современной науки осуществить комплексный анализ конкретно-исторических, историко-правовых и экономических аспектов проблемы плена и, вместе с тем, на основе анализа объекта исследования как исторической реальности выявить специфические черты, характеризующие пребывание иностранных военнопленных на Среднем Урале в 1942–1956 гг. Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач, а именно:

- показать процесс становления системы лагерей и других мест водворения военнопленных, определив границы их распространения по территории Свердловской области;
- проанализировать динамику численности и качественный состав военнопленных;
- исследовать принципы внутреннего устройства лагерей и характеристики материально-бытового положения военнопленных;
- определить отсутствие или наличие взаимосвязи между обеспечением военнопленных питанием, медицинской помощью, ве-щевым довольствием и уровнем их физического состояния, выра-жающегося в показателях заболеваемости и смертности;

Иностранные военнопленные Второй мировой войны в воспоминаниях уральцев // Вторые военно-исторические чтения: Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 182–184; *Она же*. Иностранные военнопленные и советские граждане: проблемы взаимоотношений (на материалах Среднего Урала) // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 132–136; *Она же*. Иностранные военнопленные на Среднем Урале: условия содержания и обеспечения // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 90–94; *Она же*. К вопросу о медицинском обслуживании военнопленных в лагерях Среднего Урала (1942–1956 гг.) // Орел шестого легиона: Тез. докл. научно-практич. конф. студентов и молодых ученых исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 143–146; *Она же*. К вопросу о факторах размещения иностранных военнопленных на Урале в 1940–1950-х гг. // Уральская провинция в системе регионального развития России: Исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 108–112; *Она же*. К вопросу о численности и составе иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 321–325; и др.

- раскрыть и критически переосмыслить причины и механизм судебного преследования военнопленных;
- осветить основные стороны пребывания на Среднем Урале так называемых военных преступников в условиях ужесточения политики государства в отношении осужденных военнопленных;
- выявить принципы организации и основные сферы приложения труда военнопленных.

Выполнение намеченных задач представляется возможным только на определенной теоретико-методологической основе. В качестве общих концептуальных рамок в работе предусматривается использование наработок такого научного направления, как социальная история. Представители данного течения, возникшего в 1960–1970-х гг. на Западе, включили в круг проблем исследования историю городов, классов и социальных слоев, общественных преобразований, изучение коллективного сознания, истории семьи, социальной мобильности, богатства и бедности, различных форм социального протesta и др. Особенно важным представляется то, что данная методология ориентирована на целостное осмысление жизни общества и человека, анализ способов организации совместной жизни людей, а также развития личностных начал индивида во взаимодействии с изменениями социальности. На наш взгляд, такой подход позволяет избежать традиционного понимания того, что история пленца – это не только опыт малочисленной и инородной для российского общества группы; это и история России и ее народа.

В рамках применения названной познавательной модели предполагается обращение к такому инструменту исследования, как биографический метод, имеющий в своей основе идею непрерывного конструирования реальности в повседневной жизнедеятельности индивида. В фокусе биографического подхода находится жизненный путь человека, описываемый через смысл социальных ролей и стратегий поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе жизни социального пространства, обусловленного влиянием микро- и макроструктур. Выделение из массива разнородных источников достаточно однородных типов жизненных историй пленных позволит уловить и реконструировать то общее, что было характерно для их образа жизни, моделей адаптации и динамики идентификаций в советском плену.

Следует, однако, указать, что поскольку история не может быть чисто социальной и все действия людей имеют культурный, правовой, политический, экономический и т.д. аспекты, было бы

нецелесообразно отказываться от традиционных теоретических компонентов исторического знания. Поэтому в качестве базовых методов исследования будут, безусловно, использованы характерный для подобного рода работ диалектический подход к рассмотрению действительности, а также принцип историзма, последовательно воспроизводящий конкретные факты пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале, складывающиеся в единый процесс, где действуют причинно-следственные связи. Следует подчеркнуть, что оптимальным является рассмотрение всех аспектов проблемы военнопленных в развитии, поскольку таким образом можно выстроить максимально возможные динамические ряды основных показателей и характеристик.

Важное место в методологии анализа проблемы отводится системно-структурному подходу. Анализ исторического прошлого как устойчивого единства, как концентрированного исторического опыта предполагает выделение значимых элементов и связей между ними. В нашем случае системно-структурный подход означает рассмотрение объекта исследования как сложной, меняющейся во времени и пространстве системы во взаимосвязи с другими сложными системами – международными отношениями военного и послевоенного периода, политикой Советского государства в отношении военнопленных, принимавшей на региональном уровне специфические очертания и формы, составляющие в свою очередь еще одну сложную систему.

Думается, плюрализм методов исследования является как раз тем фактором, который позволит исследовать проблему иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале в контексте конкретно-исторических событий в стране и регионе максимально полно.

Названные методологические принципы и широкий познавательный инструментарий вполне соответствуют мировому уровню, а вклад автора данной работы будет еще одной апробацией этих подходов применительно к выбранному объекту исследования.

Выбор в качестве самостоятельного объекта изучения иностранных военнопленных Второй мировой войны, сама по себе постановка цели и задач исследования, а также выбор подходов и методов их достижения определили новизну работы. Среди факторов, обусловивших новизну работы, также важно отметить введение в научный оборот ранее «заповедных», неиспользованных документальных источников.

Спецификой источниковой базы исследования является отсутствие какого-либо единого комплекса документов. Типологически все они делятся на следующие группы:

- источники международно-правового характера и дипломатических документов;
- акты высших органов государственной власти, советских, административных и карательных органов;
- документы местных органов власти;
- делопроизводственная документация Управления НКВД-МВД СССР по Свердловской области, входившего в его структуру Отделения (позже – Отдела) по делам военнопленных и интернированных (ОГВИ);
- статистические материалы;
- архивно-следственные дела;
- источники личного происхождения, в основном – мемуарная литература;
- фотодокументы.

Большинство всех этих источников до сих пор не стало достоянием науки, что составляет вторую особенность источниковой базы. То небольшое количество документов, которое опубликовано, издавалось не в виде подборок документов, а включалось в исторические исследования в качестве иллюстративного материала. В этих случаях часто приводились лишь цитаты из источников, способствующие лучшему освещению описываемых событий. Только в последние годы документы стали поместиться целиком с соблюдением всех правил публикации источников⁵⁵.

Среди источников международно-правового характера и дипломатических документов – конвенций о защите жертв войны, международных договоров, дипломатической переписки – значительная часть сегодня уже опубликована. Эти документы прежде всего позволяют изучить проблему военнопленных в контексте международных отношений. При этом их достоверность редко вызывает сомнения, будучи подтвержденной самим фактом их официальной публикации.

⁵⁵ См., напр.: *Вартанов В.Н. и др.* Немецкие военнопленные в СССР, 1945–1955 гг.: Сб. док. и материалов. Кн. 2. М., 2002; *Вартанов В.Н., Судаков В.В.* Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР. М., 1997; *Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Под ред. М.М. Заго-*

В равной степени это относится и ко второму комплексу источников. Практически все они сформированы в органах власти; в них суммируются однотипные признаки в соответствии с логикой развития политики государства по отношению к военнопленным. В этот комплекс источников входит около 90 видов и разновидностей документов: Уголовный кодекс, законы, указы, приказы, постановления, распоряжения, директивы, положения, циркуляры, инструкции и т.д. Подавляющее большинство источников этого вида составляют ведомственные нормативно-правовые акты. При этом по субъекту издания это преимущественно документы НКВД-МВД и УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Как специфическую черту можно также выделить издание нормативных документов сразу несколькими ведомствами. К примеру, 19 октября 1944 г. НКВД СССР и Начальник тыла Красной армии выпустили совместный приказ о введении в действие новых норм венцевого довольствия военнопленных. 19 января 1948 г. МВД СССР и Министерство связи СССР издали совместную директиву об организации приема посылок для военнопленных из-за границы⁵⁶.

В числе актов высших органов власти необходимо выделить «Положение о военнопленных» от 1 июля 1941 г. Оно является основой для соотнесения статуса оказавшихся в советском плену военнопленных с принятой международной практикой. Текст документа структурирован на шесть разделов: общие положения; эвакуация пленных; условия содержания военнопленных и правовое

рулько. М., 2000; «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства». Докладная записка МВД СССР / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1999. № 1. С. 84–88; Военнопленные. Kriegsgefangene. 1941–1956 // Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. Минск, 2003; Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 87–97; Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 60–122, 175–256, 265–284; Конасов В. Б., Судаков В. В. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и док. Вологда–М., 1997. С. 36–98; Последние пленники Второй мировой войны / Публ. А. М. Петрова // Исторический архив. 1993. № 1. С. 68–78; Союз немецких офицеров. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте 1943–1945 / Публ. Л. Решица // Источник: Док. русской истории. 1993. № 10. С. 86–106.

⁵⁶ Костенецкий А. В. Военнопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (по материалам ГАРФ) // Проблемы военного пленя... Ч. 2. С. 145.

положение; трудовое использование; уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных; справки и помощь военнопленным⁵⁷.

Из многочисленных нормативно-правовых актов следует также отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников», по первой статье которого была привлечена к уголовной ответственности и осуждена за военные преступления значительная часть военнопленных⁵⁸. Интересно отметить, что по Указу от 19 апреля 1943 г. было осуждено советских граждан неизмеримо больше, нежели иностранцев. Знаменательно и то, что названный указ «умер» вместе с И.В.Сталиным: после 1953 г. он практически не применялся.

Значительная часть осужденных военнопленных была привлечена к уголовной ответственности по печально знаменитой ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г., формально действовавшего до 1960 г.⁵⁹ Так же как и Указ от 19 апреля 1943 г., УК РСФСР использовался при изучении проблемы наказания военнопленных за военные и бытовые преступления, статистического подсчета частоты встречаемости тех или иных статей или пунктов в приговорах, при составлении градации мер наказания по определенному обвинению и т.д.

Акты местных органов власти являются своего рода дополнением к предыдущей группе источников. Будучи немногочисленными, они, тем не менее, позволяют проследить, как политика центра по отношению к иностранным военнопленным Второй мировой войны проводилась на местах, какие особенности она приобретала под воздействием местных условий.

Наиболее информативными в конкретно-историческом плане являются делопроизводственные документы областного Управления НКВД-МВД и созданного в его структуре Отделения (с 1945 г. – Отдела) по делам военнопленных и интернированных.

⁵⁷ Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР... С. 50–54.

⁵⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 17.

⁵⁹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 г. М., 1927.

Они хранятся как в центральных архивах, так и в архивах тех областей, где находились лагеря военнопленных.

Особенно интересными материалами располагает Российский государственный военный архив (РГВА, бывший ЦХИДК). Здесь собраны сведения о свыше 4 млн военнопленных – немцах, венграх, румынах и менее значительном контингенте бывших вассалов Третьего рейха, начиная с «Голубой дивизии» испанцев и заканчивая боснийскими, словацкими, хорватскими и другими частями, а также японцами.

В фондах Общего отдела (Секретариата) УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР за 1939–1956 гг. хранятся источники о пребывании иностранных военнопленных в отдельных регионах Советского Союза. Это прежде всего паспорта (формуляры) лагерей, в том числе и лагерей Среднего Урала. Они содержат информацию о дислокации лагерей и лагерных отделений с военнопленными, численности и составе их заключенных, медицинском обеспечении, производственной деятельности, смертности военнопленных, подсобных хозяйствах и в целом материально-технической базе лагерей, охватывая, таким образом, практически все наиболее значимые вопросы пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в Свердловской области. Хорошим дополнением к этим источникам являются материалы деятельности Учетного отдела УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР за 1939–1952 гг., Отдела службы охраны и режима за 1939–1949 гг., Отдела трудового использования за 1943–1951 гг., а также Медицинского отдела за 1939–1950 гг.⁶⁰

Однако документы РГВА крайне скромно рассказывают о пребывании военнопленных на территории Свердловской области в 1942–1945 гг. Связано это с отсутствием в военный период четкой системы учета военнопленных и отчетности лагерей. Поэтому реконструировать в полном объеме картину жизни военнопленных в Свердловской области в эти годы крайне сложно.

К числу использованных в работе документов центральных государственных архивов относятся документы Российской центра хранения и использования документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Главным образом, это материалы о деятельности политотдела УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, свидетельствую-

⁶⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а, 21а; Оп.1е, 7е; Оп.1в–28в; Оп.1и–12и; Оп.1з–10з.

шие об организации антифашистской работы среди военнопленных, ее масштабах и методах.

В структуре рассматриваемой группы источников особое место занимают материалы ведомственных архивов на местах – Отдела спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Свердловской области (Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО) и Архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области (Архив УФСБ РФ по СО). В числе материалов Отдела спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области использовались дела фонда № 56. Из них можно почерпнуть сведения об организации и функционировании особорежимного лагеря № 476 МВД СССР для военных преступников, о составе и численности его узников, их трудовом использовании и депатриации. Здесь хранятся дела с документами на кладбища военнопленных, которые, как правило, содержат: ходатайство лагерной администрации об отводе земельного участка для организации кладбища; решение местного исполкома об отводе земельного участка и акт на отвод земли; план-схему расположения кладбища на местности; схему расположения могил; список захороненных, в котором, помимо фамилии, имени и отчества военнопленного, указывались год его рождения, национальность, воинское звание, даты смерти и захоронения, номер и квадрат расположения могилы; акт о передаче кладбища из ведения местного УВД в ведение местных властей, как правило, городских коммунальных хозяйств; акты проверок состояния кладбища; акт о ликвидации кладбища и его снятии с централизованного учета. Эти документы позволяют продуктивно исследовать самые разные аспекты проблемы иностранных воинских захоронений, – а именно такой статус кладбища военнопленных имеют в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации. Они представляют огромную ценность не только в сугубо научном, но и в практическом плане. Используя эти источники, можно выявить судьбы отдельных людей, места их захоронения, идентифицировать могилы умерших и восстановить кладбища военнопленных, если на их территории не велось строительных, сельскохозяйственных или лесоустроительных работ.

Обнаруженные в фондах Архива УФСБ РФ по Свердловской области источники в массе своей представлены документами отчетно-исполнительного характера. Сюда относятся доклады, рапорты, сообщения, донесения и отчеты управлений лагерей, отделов областного ОПВИ УНКВД-УМВД СССР по Свердловской

области. Среди них наиболее ценными представляются спецсообщения о работе лагерей военнопленных в начальный период их существования, то есть в 1942–1945 гг., доклады управлений лагерей о политико-моральном состоянии военнопленных и проделанной среди них антифашистской работе, также датированные до 1945 г. Будучи уникальными, эти источники проливают свет на проблему становления и функционирования на Среднем Урале первых лагерей военнопленных, динамику численности военнопленных, производственной деятельности лагерей и ее первых результатов, политико-воспитательной работы, проводимой среди узников областного ОПВИ.

Целый ряд аспектов пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях Среднего Урала позволяет изучить хранящийся в архиве областного УФСБ Итоговый доклад оперативного отделения ОПВИ МВД по Свердловской области за 1942–январь 1950 гг. На его основе представляется возможным выявить главные направления и механизмы осуществления среди военнопленных агентурно-оперативной и следственной работы: разоблачения воспитых преступников, гласных и негласных сотрудников вражеской разведки и контрразведки, саботажников и вредителей; организации цензурирования корреспонденции военнопленных; выявления специалистов в разных областях науки и техники; очищения от «преступного» элемента аппарата лагерей и т.д.⁶¹

В целях более глубокого изучения проблемы трудового использования военнопленных в работе использовались статистические источники. Это – материалы Центрального статистического управления СССР, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)⁶². В их числе – данные ежегодных сентябрьских учетов занятых в различных отраслях народного хозяйства и сведения о заработной плате рабочих и служащих Свердловской области.

Установить долю военнопленных в экономически активном населении Среднего Урала позволяют документы Статистического управления Свердловской области Центрального статистического управления при Совете министров СССР, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Прежде всего, это единовременные мартовские учеты численности работающих всех

⁶¹ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66.

⁶² РГАЭ. Ф.1562. Оп.15. Д.3733.

государственных предприятий и учреждений г. Свердловска и области⁶³. Важно отметить, что эти материалы фиксируют не только количественные, но и некоторые качественные характеристики.

Из материалов ГАСО использовались также ежемесячные отчеты отделов трудового использования предприятий и организаций, где были заняты военнопленные. Они содержат данные о численности военнопленных, количестве отработанных ими человекодней и человекочасов, валовую сумму выработки и среднесменную выработку на одного работающего, среднюю производительность труда и ежемесячную заработную плату. Эти источники позволяют не только проследить динамику показателей использования военнопленных в народно-хозяйственных целях, но и соотнести эти показатели с характеристиками труда советских рабочих тех же предприятий.

Архивно-следственные дела военнопленных, осужденных Военным трибуналом войск МВД Уральского округа за военные и государственные преступления в 1940–1950-х гг. и уже реабилитированных сегодня, хранятся в Архиве административных органов Свердловской области. Типичное следственное дело на военнопленного, помимо документов о реабилитации, включает: список обвиняемых и постановление о возбуждении уголовного дела; постановление об избрании меры пресечения и постановление на арест; протокол личного обыска; опросный лист; постановление о приобщении материалов к делу; собственноручные показания и протоколы допросов обвиняемого; показания или протоколы допросов свидетелей или выписки из них; постановление о предъявлении обвинения и обвинительное заключение; протокол и определение подготовительного судебного заседания; расписку об ознакомлении обвиняемого с обвинительным заключением и объявлением о праве ходатайствовать о назначении защитника, экспертов, истребовать новые доказательства по сути предъявленного обвинения; подписку об ответственности за дачу ложных показаний; протокол судебного заседания и приговор; кассационную жалобу осужденного; определение о рассмотрении кассационной жалобы. В деле также могут быть: расписка переводчика, вещественные доказательства, определение Военной коллегии Верховного суда СССР о замене неотбытого срока наказания выдворением за пределы СССР или определение о досрочном освобождении.

⁶³ ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.833, 843, 934, 1242.

Наибольший объем информации содержит опросный лист (анкета) обвиняемого, который дает представление о возрасте, о его последнем месте жительства перед войной, семейном, социальном и имущественном положении, гражданстве и национальности, образовании и профессиональной принадлежности, партийности и судимости, сроке службы в армии, а также времени и месте пленения. Важные сведения о характере обвинения можно получить из постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о предъявлении обвинения, обвинительного заключения, протокола судебного заседания и приговора.

Большинство документов следственных дел, являясь документами уголовного делопроизводства, достоверно. Фальсификация могла иметь место только в протоколах допросов и таким образом повлиять на исход всего следствия. Важно отметить, что заложенная в архивно-следственных делах четкая универсальность позволяет в перспективе подвергнуть их материалы машинной обработке.

Наиболее многочисленными и в то же время наиболее сложными для исследования среди опубликованных являются такие источники, как воспоминания бывших военнопленных и бывших сотрудников аппарата лагерей. Комплекс мемуарной литературы, повествующей о самых разных аспектах жизни пленников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, действительно огромен. Однако переводы многих воспоминаний военнопленных на русский язык отсутствуют, и они остаются практически не известными даже профессиональным историкам⁶⁴.

Особо нужно оговориться по поводу воспоминаний, опубликованных в СССР в 1950–1980-х гг. Все они были подвергнуты жесткой цензуре (и самоцензуре) и выдержаны в духе официальной советской идеологии. Поэтому мемуары А.Адама, А.С.Бланка, Г.Вельца, К.Крайнюкова, В.Мюллера, Р.Петерсхагена, Н.Пузьрева, О.Рюле, Л.Штайдлс весьма тенденциозны. Главное место в них отводится анализу эволюции мировоззрения солдат и офицеров, оказавшихся в плену, а также антифашистскому движению среди

⁶⁴ Konsalik I.G. Der Arzt von Stalingrad. Munchen, 1981; Pechman J. Dawai, dawai! Meine Kriegsgefangenschaft in Ural 2 Mai 1945 – 17 Dezember 1947. Wien, 1997; Pust H. Kriegsgefangener in der Sowjetunion. Erinnerungen 1945–1953 // Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Buchreihe. Hrsg. W. H. Pehle. Frankfurt am Main, 1995. S. 35–92.

военнопленных. Крайне идеализированы при этом сцены из лагерной жизни, быт и нравы обитателей бараков⁶⁵.

Более объективно все эти вопросы освещаются в мемуарной литературе, датированной концом 1980-х – 1990-ми гг. В основном это небольшие очерки участников и очевидцев событий, интервью с ними, опубликованные на страницах периодических изданий. Среди воспоминаний с «той» стороны нужно отметить воспоминания В.Киселинга, О.Клингенберга, В.Роста, Х.Федерта, М.Фритца, Х.Шалова и Э.Штолля и другие⁶⁶.

Сейчас появляются воспоминания с «нашей» стороны, а среди них – и мемуары о пребывании военнопленных на Среднем Урале. Наиболее интересными в этом ряду представляются воспоминания екатеринбуржца М.А.Егорова, работавшего до декабря 1955 г. в должностях заместителя начальника Нижнеисетского лагерного отделения лагеря № 476, старшего помощника начальника областного Отдела по делам военнопленных и интернированных, начальника отдела управления лагеря № 476. В своих воспоминаниях он освещает самые разные страницы истории особорежимного лагеря № 476: лагерный быт, трудоиспользование осужденных

⁶⁵ Адам А.А. Трудное решение: Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1967; Бланк А.С. Пленники Сталинграда // Новый мир. 1983. № 1–12; Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981; Крайнюков А.В. Оружие особого рода. М., 1977; Мюллер В. «Я нашел подлинную Родину». М., 1965; Петерсхаген Р. Мятежная совесть. М., 1958; Пузырев Н.И. Военнопленные генералы: Записки советского офицера // Волга. 1981. № 4–5; Рюле О. Исцеление в Елабуге. М., 1969; Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1973; и др.

⁶⁶ Казак В. «Близость к русским началась у меня в плену» // Нева. 2001. № 3. С. 160–169; Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск, 1992; Клингенберг О. Я ишу вас, доктор! // Международное общество прав человека. Уральская группа. Спец. выпуск. 1992. Июнь; Отте Х.Ю. В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь–ноябрь 1943 г.: Из воспоминаний летчика Люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 226–231; Он же. Сбили! Из воспоминаний летчика Люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый часовой. 1997. № 5. С. 275–287; Плева Н. В русском плену: Воспоминания // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 167–185; Федерт Х. Приключения в русском плену // Нева. 1992. № 9. С. 265–274; Шалов Х. Мне снился земля, где я был заключенным // Комсомольская правда. 1991. 27 нояб.; Штолль Э. Встречи с русскими людьми с 1942 по 1992 гг. // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий. М., 1993. С. 182–183; и др.

военнопленных, отношения заключенных и лагерной администрации⁶⁷.

О работе специального госпиталя для военнопленных № 1893, находившегося в г. Первоуральске, рассказал военврач Б.М.Столбун⁶⁸. Целая подборка воспоминаний опубликована в 1992 г. членами Уральской группы Международного общества прав человека. И.Аржаников, М.Бороздина, Т.Волобуев, П.Дубов, П.Кадочников, Л.Кузьменко, В.Ровнов, Н.Тюленева рассказали о том, как были устроены лагеря и госпиталя военнопленных, как работали и отдыхали обитатели лагерных бараков, как общались с местными жителями, как хоронили своих товарищей, как собирались и возвращались на родину⁶⁹.

Воспоминания как источники, безусловно, являются хорошим дополнением к другим документальным свидетельствам. На основе собственного опыта их авторы описывают события так, как они были пережиты и прочувствованы ими самими. Следует, однако, учитывать, что они представляют позднейшее описание авторских впечатлений, что влияет не только на точность человеческой памяти, но и на оценку фактов прошлого. Но это не умаляет ценности мемуарной литературы, состоящей не только в отражении индивидуального восприятия событий и фактов и передаче личного взгляда на вещи. Она позволяет представить изучаемое время через отдельные человеческие судьбы и характеры, понять мировощущение эпохи.

К использованным в работе фотодокументам относятся материалы Российского государственного военного архива и Архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области, запечатлевшие пребывание на Среднем Урале осужденных военнопленных, условия их жизни и результаты трудового использования. Являясь особой и весьма специфической группой источников, фотодокументы освещают лишь некоторые отдельные фрагменты событий. Однако они наглядны и эмоционально окрашены, что составляет их главное достоинство. Поэтому, на наш взгляд, было бы полезно опубликовать фотодокументы и ввести их тем самым в научный оборот.

⁶⁷ Егоров М. Бунт генералов // Уральский рабочий. 1992. 7 апр.

⁶⁸ Григорьев Г. Мы давали клятву // Вечерний Первоуральск. 1992.

№ 5.

⁶⁹ Международное общество прав человека. Уральская группа. Спец. выпуск. 1992. Июнь. С. 3—4, 22, 25—32.

Между тем следует учитывать, что администрация лагеря № 476 при составлении альбомов с фотографиями своих подопечных стремилась показать условия жизни последних в самом выгодном свете и подходила к отбору снимков избирательно.

Проведенный анализ источниковой базы показывает, что в работе использовался значительный массив документов, – как введенных в научный оборот, так и неопубликованных, – которые в совокупности позволяют решить цели и задачи исследования.

Текст работы состоит из введения, трех глав, заключения, приложений. Постановка основных вопросов темы определила структуру собственно содержательной части исследования, построенной по принципу проблемно-хронологической последовательности. Первая глава работы посвящена пребыванию вражеских солдат и офицеров на Среднем Урале в 1942–1949 гг., вторая – истории освобождения лагеря № 476 МВД СССР и судьбам прошедших через него в 1949–1956 гг. военных преступников. Предложенная нами периодизация носит локально-tempоральный характер и обусловлена тем, что каждая из выделенных «семилеток» представляет собой целостный период, отражающий качественное своеобразие изучаемого объекта. В третьей главе работы рассмотрены две проблемы – организация труда военнопленных и его хозяйственная выгода. Как представляется, в данном случае достаточно выявить особенности трудового использования военнопленных до 1949-го и после 1949 г., тем более что источники не позволяют осуществить полноценный анализ проблемы использования военнопленных в народно-хозяйственных целях отдельно в рамках 1942–1949 гг. и 1949–1956 гг.

Завершая вводную часть исследования, отметим, что авторское повествование в целом ряде случаев стилизовано под канцелярит 1940–1950-х гг. намеренно, чтобы передать колорит изучаемой эпохи.

Глава 1

Иностранные военнопленные в лагерях Среднего Урала

*1.1. Размещение, численность и состав
пленных*

1.2. Режим и условия содержания

*1.3. Материальное положение и медицинское
обслуживание*

Как представляется, ситуацию с иностранными военнопленными Второй мировой войны в СССР можно назвать уникальной. Понеся на начальном этапе войны огромные людские потери и лишившись большей части своего западного военно-промышленного пояса, Советский Союз оказался на грани военно-экономической и политической катастрофы, предотвратить которую смогло только предельное напряжение сил всей страны. В этих условиях резкое понижение и без того низкого уровня материально-бытового обеспечения населения было неизбежным. Массовое обнищание и тотальный дефицит сочетались со значительной интенсификацией трудовых затрат, выразившейся в принятии целого ряда чрезвычайных законов, и усилением государственного прессинга.

Тяготы и лишения военного времени в полной мере ощутили на себе и городские, и сельские жители; в еще большей степени от них страдали узники ГУЛАГа. Несмотря на экстремальные условия, в которые была поставлена страна, сталинское руководство нашло возможным одновременно с содержанием громадных масс военнослужащих и гражданского населения сохранить жизнь и содержать внушительное количество иностранных военнопленных. Их эвакуация с фронтов, оборудование лагерей в тыловых районах страны, охрана, обеспечение вражеских солдат и офицеров регулярным питанием, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием, организация переписки с родственниками и трудового использования потребовали проведения колоссального объема работ и вложения значительных материальных средств. Естественно, ситуация далеко не всегда позволяла создать для военнопленных армий противника условия быта, равные с условиями содержания и обеспечения своих военнослужащих, как это было предусмотрено нормами международного гуманитарного права. Однако если учсть масштабы и жестокость, с которой сталинский режим уничтожал своих настоящих и мнимых врагов за весь период своего существования, то отношение, проявленное к повреженным солдатам и офицерам противника, можно рассматривать как нехарактерный для тоталитарной власти акт гуманизма.

1.1. Размещение, численность и состав пленных

Первые вражеские военнослужащие были захвачены Красной армией уже летом 1941 г. в беспорядочных боях на западной границе СССР. Количество их было ничтожно малым в сравнении с количеством советских солдат и офицеров, плененных противником в течение 1941 г. Из 5,75 млн советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плена в годы войны, 3,35 млн чел. были захвачены именно на начальном ее этапе. В то же время от боевых подразделений Красной армии специально созданными армейскими пунктами Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР было принято только 9,1 тыс. чел.¹ Однако с изменением характера военных действий ситуация меняется. На начало 1946 г., по данным НКВД, в Советском Союзе пребывало более 4 млн иностранных военнопленных².

Содержать пленных вблизи линии фронта было и опасно, и невыгодно. Ситуация обострилась в конце 1942 г. в связи с массовым пленением военнослужащих противника. Поэтому вражеские военнопленные стали высыпаться в тыл и размещаться в специально созданных лагерях, руководство которых отвечало не только за содержание и обеспечение военнопленных, но и за налаживание их как можно более эффективного трудоиспользования.

После войны все лагеря для военнопленных по значимости были разделены на четыре группы: лагеря, отдельные рабочие батальоны и спецгоспитали пограничной зоны; тыловые лагеря для немецких военнопленных с обычным режимом; лагеря для румынских, венгерских и австрийских военнопленных с облегченным режимом; особорежимные лагеря, где содержался получетный элемент из числа сотрудников СС, СД, гестапо и т.д. Всего для содержания военнопленных и интернированных в системе НКВД-МВД СССР было создано 267 лагерей с 2112 лагерными отделениями, 392 рабочих батальона и 178 спецгоспиталей, которые были

¹ Семиряга М.И. Военнопленные – изменники Родины или жертвы войны? Размышления о судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1996. Ч. 1. С. 4–5.

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45.

разбросаны по разным уголкам СССР, а в 1944–1953 гг. – и за его пределами³

Одним из таких уголков стала территория Уральского региона. По имеющимся данным, здесь в военные и послевоенные годы было создано 33 лагеря с около 200 лагерными отделениями. Местом наибольшей концентрации лагерей с военнослужащими иностранных армий из пяти областей и двух республик Урала стала Свердловская область. Впервые вопрос о размещении на ее территории иностранных военнопленных Второй мировой войны встал в сентябре 1941 г. При этом речь шла о 10 тыс. чел. Для их содержания НКВД планировал развернуть на Среднем Урале три лагеря емкостью не менее 3 тыс. чел. в каждом. Управление НКВД по Свердловской области и Свердловский обком ВКП(б) считали иначе, аргументируя свою позицию целым рядом соображений. По их мнению, размещение вражеских военнопленных на территории края, где практически во всех районах работали предприятия оборонного комплекса, было небезопасно. Более того, к осени 1941 г. Свердловская область уже стала местом размещения заводов и фабрик, эвакуированных из прифронтовой полосы, и ими были заняты все свободные помещения. Создание же лагерей для военнопленных на «голом» месте требовало больших затрат денежных средств и дефицитных материалов. Руководству УНКВД по Свердловской области представлялось наиболее целесообразным разместить военнопленных в Серовском районе на лесозаготовках и рудниках в 400 километрах от г. Свердловска на базе бывших исправительно-трудовых колоний (ИТК) и трудпоселений. Это – Шалашинская ИТК в 90 километрах от г. Серова (2000 чел.), ИТК при пос. Белка в 40 километрах от г. Серова (1800 чел.), трудпоселки Ваткуль в 68 километрах от г. Серова (1300 чел.), Тонга в 120 километрах от г. Серова (1000 чел.), Всееволодск в 100 километрах от г. Серова (800 чел.), Баяновка в 120 километрах от г. Серова (800 чел.), Покровка в 120 километрах от г. Серова (1500 чел.) и Лангур в 50 километрах от г. Серова (800 чел.)⁴. В Москве доводы и предложения региональной элиты были оставлены без внимания, и военнопленных, первый эшелон с которыми прибыл на Средний

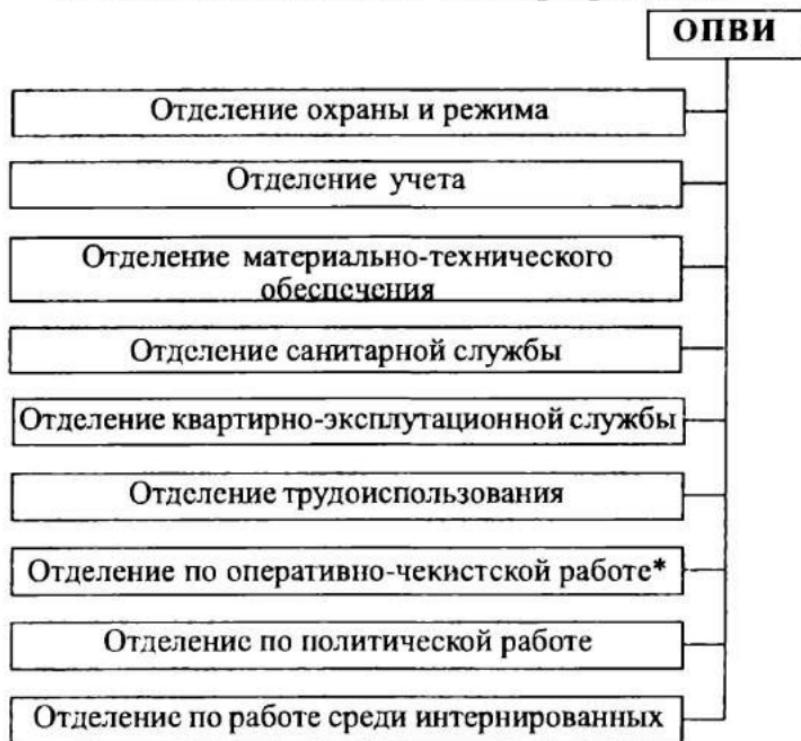
³ «Военнопленные ознакомились с методами социалитического строительства»: Докладная записка МВД СССР / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1999. № 1. С. 84.

⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6з. Д. 5. Л. 21–23.

Урал в мае 1942 г., разместили там, где и планировалось, поскольку в Центре руководствовались прежде всего соображениями экономической необходимости. 8 мая 1942 г. был издан приказ НКВД СССР № 00928 «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области»⁵, в порядке реализации которого первые пленные иностранцы были завезены в три точки: в пос. Басыновский Верхнесалдинского

Диаграмма 1

*Структура Отдела
по делам военнопленных и интернированных*

Источник: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Док. и материалы / Под ред. М.М.Загорулько. М., 2000. С. 125.

*Позже – отделение по оперативной работе.

⁵ Воспоминания о СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Под ред. М.М.Загорулько. М., 2000. С. 547.

района (1000 чел.), Лосиной и Монетный Березовского района (по 1000 чел. в каждом), где в лагере для советских заключенных были созданы специальные зоны. Чуть позже пленных завезли в Исетско-Аятскую зону, также созданную для нужд торфоразработок. В конце 1942 г. на территории Свердловской области были развернуты Тавдинский и Лобвинский лагеря для Наркомата лесной промышленности, а также Асбестовский лагерь для Наркомата промышленности строительных материалов. В феврале 1943 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00368 в составе УНКВД по Свердловской области было организовано Управление (Отделение) по руководству лагерями для военнопленных, в подчинении которого находились семь вышеназванных лагерных подразделений с расчетной численностью 20 тыс. чел.⁶

В январе 1945 г. Управление лагерями военнопленных в составе УНКВД по Свердловской области было преобразовано в Отдел по делам военнопленных и интернированных (Диагр. 1). К концу 1945 г. в его подчинении состояло 13 лагерей для бывших вражеских военнослужащих. Это лагеря: Асбестовский № 84, Нижнетагильский № 153, Алапаевский № 200, Артемовский № 523, Верхнепышминский № 531, Дегтярский № 313, Карпинский № 504, Кировградский № 377, Краснотурьинский № 197, Красноуральский № 376, Нижнеисетский № 314, Новолялинский № 318, Уральский № 245⁷.

Самым крупным среди них был Нижнетагильский лагерь № 153. Выделившись в самостоятельную единицу 18 декабря 1943 г. из Управления Монетно-Лосиного лагеря, он мог принять 15 тыс. чел. Шесть из семи его отделений были расположены в черте г. Нижний Тагил. Седьмое, оздоровительное, отделение было организовано на землях колхоза «Красный партизан» в селе Петрокаменском. Здесь находилось подсобное хозяйство лагеря, которое обслуживали 1500 военнопленных из состава оздоровительных команд⁸.

Вторым по величине и самым первым из созданных на Среднем Урале являлся Асбестовский лагерь № 84 (в ранних документах – Монетно-Лосиновский). Его отделения № 1, 2, 3, 5, 8 и 9 были расположены непосредственно в г. Асбест, остальные три –

⁶ Военнопленные в СССР... С. 564.

⁷ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.1-2.

⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.143. Л.1.

соответственно № 4, 6 и 7 – в пос. Тёплый Ключ, пос. Изумруд и г. Сухой Лог. Лагерь мог принять одновременно до 9400 чел.⁹

Два названных лагеря в дальнейшем стали своего рода базой для создания других лагерных подразделений на территории Свердловской области. Так, в октябре 1944 г., согласно приказу НКВД СССР № 001247, из Управления лагеря № 153 в самостоятельную структуру был выделен Уральский лагерь № 245 (в ранних документах – Красноуральский). Его отделения, за исключением четвертого, которое находилось в г. Верхняя Салда, дислоцировались в г. Нижний Тагил¹⁰.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00423 от 30 апреля 1945 г. на базе четырех уже действовавших отделений лагеря № 84 был создан Нижнеисетский (в ранних документах – Режский) лагерь № 314. Из девяти его отделений пять дислоцировалось в черте г. Свердловск: № 1 – в пос. Малый Исток, № 2 – в пос. Уктус, № 5 – на станции Шарташ, № 6 – в пос. Нижне-Исетск, № 9 – в пос. Елизавет. Другие отделения лагеря находились: № 3 – в пос. Шабровский, № 4 – в пос. Большой Исток, № 7 – в пос. Арамиль, № 8 – в г. Каменск-Уральский. Всего же лагерь мог принять свыше 5 тыс. чел. одновременно¹¹.

Независимо от лагерей № 84 и № 153 еще в 1944 г. по линии Управления строительных работ НКВД возник лагерь № 197. В документах разных лет лагерь именовался по-разному: в ранних – Северо-Уральский или Богословский, в более поздних – Краснотуринский. Судя по всему, емкость лагеря также менялась и колебалась в период 1944–1945 гг. в пределах 3750 – 10 000 чел.¹²

В апреле 1945 г. был организован лагерь № 523, управление которого было расположено в г. Артемовском (он же – Егоршинский). Созданный в соответствии с приказом НКВД СССР № 00333 от 21 апреля 1945 г., он стал одним из самых крупных на территории Среднего Урала: его лимитная численность превышала 7 тыс. чел. Девять его отделений были расположены и могли принять: № 1 – ст. Алтынай – 400 чел., № 2 – г. Реж – 2000 чел., № 3 – г. Артемовский – 1000 чел., № 4 – г. Ирбит – 700 чел., № 5 – ст.

⁹ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 108. Л. 1.

¹⁰ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 196. Л. 1, 27.

¹¹ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 247. Л. 1, 47.

¹² Воспоминания в СССР... С. 110–112, 583; РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 250. Л. 1; Д. 5. Л. 218–221.

Таблица 1

*Лагеря военнопленных в Свердловской области
(на начало 1946 г.)**

Лагерь	№ лагеря	Количество отделений	Лимитная численность, чел.
Асбестовский	84	9	9000-9400
Нижнетагильский	153	7	15 000
Краснотуринский	197	3	3750
Алапаевский	200	10	4000-4500
Уральский	245	6	7000
Дегтярский	313	6	8500
Нижнеисетский	314	9	5000-5300
Новолялинский	318	5	3000
Красноуральский	376	6	6500
Кировградский	377	6	4000-4500
Карпинский	504	8	8750-9250
Артемовский	523	9	7200
Верхнепышминский	531	6	5300
Востокураллаг		2	2164
Ивдельлаг		4	4500
Севураллаг	231	3	3145

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.6з. Д.5. Л.21-23.

*Здесь и далее таблица составлена по принципу нумерации лагерей.

Алтынай – 600 чел., № 6 – ст. Костоусово – 800 чел., № 7 – ст. Крутиха – 700 чел., № 8 – ст. Худяково – 500 чел., № 9 – ст. Самоцвет – 500 чел.¹³

Особо нужно сказать об истории создания Карпинского (в ранних документах – Богословского) лагеря № 504. Первоначально на станции Богословск Свердловской железной дороги в соответствии с приказом НКВД СССР № 0078 от 12 февраля 1945 г. планировалось создать лагерь № 164. Однако еще до окончания его организации вышел другой приказ НКВД СССР – № 00197 от 6 марта 1945 г., согласно которому лагерь № 164 подлежал переформиро-

¹³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.350. Л.1. Д.351. Л.1.

ванию в лагерь № 504 НКВД для интернированных в составе двух лагерных отделений. 22 мая 1945 г. по новому приказу НКВД СССР за № 00550 лагерь № 504 превращался в лагерь для военнопленных и интернированных. Одновременно увеличивался штат лагеря и к двум его отделениям прибавлялось еще пять. Позже, в середине июля, было создано еще одно, восьмое, отделение, с организацией которого лимитная численность лагеря превысила 9 тыс. чел. Его Управление вместе с отделением № 3 размещалось в г. Карпинск. Остальные отделения лагеря были рассредоточены в непосредственной близости от г. Карпинска: № 1 – в пос. Веселовка, № 2 – в пос. Туринка, № 4 – в пос. Волчанка, № 5, 6, 7 – в г. Краснотурьинск, № 8 – на станции Туринские рудники¹⁴.

В конце июня 1945 г. во исполнение приказа НКВД СССР № 00765 от 29 июня 1945 г. на территории Среднего Урала было создано еще два лагеря для военнопленных. Это – Красноуральский лагерь № 376 и Кировградский лагерь № 377. Они могли принять соответственно 6500 чел. и 4500 чел. Отделения первого дислоцировались в г. Красноуральск (№ 1, 2, 4), г. Верхняя Тура (№ 3), г. Нижняя Тура (№ 5) и в пос. Купица (№ 6). Отделения лагеря № 377 были расположены в пос. Левиха, г. Кировград, г. Невьянск, руднике Середовина Невьянского района и пос. Тепловая¹⁵.

Приказом НКВД СССР № 001411 от 22 ноября 1945 г. утверждалась лимитная численность и дислокация еще пяти лагерей, развернутых на территории Свердловской области. Самым крупным среди упомянутых в документе являлся Дегтярский лагерь № 313. Шесть его отделений могли принять свыше 7500 чел. и дислоцировались в г. Ревда (№ 1), пос. Дегтярка Ревдинского района (№ 2, 6), г. Первоуральск (№ 3, 4) и пос. Северском Полевского района (№ 5)¹⁶.

Емкость Верхнепышминского (он же – Каменский) лагеря № 531, также упомянутого в приказе № 001411, составляла 5300 чел. Три из шести его отделений были расположены на территории Верхнепышминского района (№ 1, 2, 5), два – в Березовском районе (№ 4, 6), отделение № 6 – в пос. Экскаваторный Орджоникидзевского района г. Свердловска¹⁷.

¹⁴ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 346. Л. 1, 41.

¹⁵ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 290. Л. 1, 17. Д. 291. Л. 1. Д. 292. Л. 1.

¹⁶ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 246. Л. 1, 27.

¹⁷ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 5. Л. 65–77.

Самую сложную структуру из всех лагерей Среднего Урала имел Алапаевский лагерь № 200, в состав которого входило 10 отделений. Помимо двух, расположенных в г. Алапаевск, они находились на станциях Задание, Овражная, Туровская, Шайтан-Болото, Махнево, Куженево, Нижняя Синячиха и в пос. Монастырь-Бобровка. При этом лагерь № 200 был далеко не самым крупным: его лимитная численность составляла всего 4500 чел.¹⁸ Еще меньшее количество военнопленных – 3 тыс. чел. – мог принять Новолялинский (он же – Серовский) лагерь № 318, отделения которого находились в г. Новая Ляля и г. Верхотурье, а также на территории Новоялинского леспромхоза в кварталах № 54, 72 и 88.

С 1944 г. отделения с военнопленными стали также входить в состав ряда лагерей лесной промышленности НКВД СССР. Среди них – печально знаменитые Севураллаг с центром в пос. Сосьва, Ивдельлаг с центром в г. Ивдель и Востокураллаг с центром в г. Тавда, созданные соответственно в 1937, 1938 и 1942 гг. для содержания советских заключенных. Государства в государстве, они имели в своем распоряжении гигантские площади леса и полезных ископаемых. В их рамках было создано более 100 лагерных подразделений, узниками которых стали десятки тысяч человек. Организованные же в структуре Ивдэльлага, Востокураллага и Севураллага в 1944–1945 г. 9 лагерных отделений для иностранных военнопленных могли принять около 10 тыс. чел.¹⁹

Следует отметить, что кроме лагерных отделений каждый лагерь мог иметь и так называемые подкомандировки. К примеру, в Севураллаге при отделениях для пленных таковых было три – Воровлянка, Черная речка, Березовка²⁰. Это были обособленные штатные подразделения, создававшиеся в целях сокращения расходов на содержание малочисленных лагерных отделений. Вероятно, они также могли открываться для производства краткосрочных сезонных работ на непродолжительное время. Типовой штат подкомандировки был в два раза меньше штата лагерного отделения с лимитной численностью до 300 военнопленных²¹.

Помимо всех перечисленных подразделений, в 1945 г. на территории Свердловской области было организовано 8 отдельных

¹⁸ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 171. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 1, 14, 218.

²⁰ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 5. Л. 21–42.

²¹ Военнопленные в СССР... С. 963.

рабочих батальонов для интернированных (№ 1105, 1801, 1103, 1100, 1099, 1095, 1803, 1802) и в 1946 г. – три отдельных рабочих батальона для японских военнопленных Наркомата обороны СССР (428, 429, 435). В каждом из них насчитывалось от 500 до 1000 чел. По данным Архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области, ОРБ дислоцировались в населенных пунктах Монстный, Березовский, Изоплит, Косулино, Ис, Буланаш, Камышино и др.²²

География всех созданных на территории Свердловской области для содержания военнопленных вражеских армий подразделений была очень широкой. Лагеря, лагерные отделения и ОРБ с военнопленными были рассредоточены по всей ее территории – от Ивделя на севере до Каменска-Уральского на юге, от Тавды на востоке до Кушвы на западе, – и находились практически во всех более или менее значительных населенных пунктах. Среди них – Арамиль, Березовский, Верхотурье, Верхняя Салда, Верхняя Тура, Волчанска, Ирбит, Невьянск, Первоуральск, Полевской, Ревда, Реж, Свердловск, Серов, Среднеуральск, Сухой Лог, Туринск и другие.

С началом массовой депатриации военнопленных география лагерей постепенно сужается, так как ряд из них ликвидируется. Уже в июне 1946 г. на основании приказа начальника УМВД по Свердловской области № 911 был расформирован лагерь № 197, и три его отделения влились в Управление лагеря № 504. В 1947 г. были расформированы лагеря № 200, 245, 318 и 377. При этом все лагерные отделения с находящимся в них контингентом лагеря № 245 были переданы лагерю № 153, лагеря № 318 – лагерю № 504, лагеря № 377 – лагерю № 531. В 1948 г. были ликвидированы еще четыре лагеря. В состав лагеря № 153 влился лагерь № 376, в лагерь № 531 – лагерь № 523, в состав лагерей № 314 и № 531 – лагеря № 84 и № 313. В 1949 г. были ликвидированы все оставшиеся лагеря²³.

Вместе с ликвидацией лагерей шел процесс расформирования отдельных рабочих батальонов. Так, в 1946 г. были ликвидированы ОРБ № 1803, 1095 и 435; в 1948 г. – № 1802, 1105, 1099, 428 и 429; в 1949 г. – № 1801, 1100 и 1103²⁴.

²² Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.56. Л.2; Д.66. Л.2.

²³ РГВА. Ф. п. Оп.15а. Д.143. Л.35–36; Д.247. Л.47; Д.292. Л.7; Д.346. Л.45–46; Д.350. Л.9.

²⁴ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.2.

Таким образом, в создании лагерей и лагерных подразделений для иностранных военнопленных на территории Среднего Урала можно выделить несколько этапов:

- май 1942–1943 гг. – прибытие первых партий пленных и создание первых лагерей;
- 1944 – середина 1946 г. – расширение и окончательное складывание системы лагерей областного ОПВИ;
- середина 1946–1949 г. – свертывание и ликвидация лагерных подразделений для иностранных военнопленных.

В период своего «расцвета» сеть лагерей для иностранных военнопленных в Свердловской области входила в пятерку самых разветвленных и емких на территории СССР наряду с лагерными системами Украинской ССР (25 лагерей на 306 тыс. чел.), Хабаровского края (15 лагерей на 181,5 тыс. чел.), Белорусской ССР (9 лагерей на 104 тыс. чел.), Ленинградской области (9 лагерей на 83 тыс. чел.)²⁵.

Своего рода эволюция сложной и запутанной системы, подчиненной областному ОПВИ УНКВД–УМВД, определялась в первую очередь постоянными изменениями численности пленных. С 1942-го до 1946 г. она увеличивалась с прогрессией. Если в августе 1942 г. в Свердловской области пребывало, по приблизительным подсчетам, около 6 тыс. военнослужащих вражеских армий, то к победному 1945 г. их количество увеличилось почти в 7 раз и составило 41 535 чел.²⁶ Такая динамика вполне закономерна: чем успешнее наступала Красная армия, тем внушительнее становилась масса плененных военнослужащих противника. Широкий размах этого явления приобретает после Сталинградской битвы, в ходе которой было пленено свыше 150 тыс. вражеских солдат и офицеров²⁷.

Однако своего пика численность военнопленных, пребывавших на территории Свердловской области, достигла не в 1945-м, а в 1946 г. По имеющимся данным, на 1 января 1946 г. в лагерях области содержалось 82 270 военнослужащих иностранных армий²⁸. Двукратное увеличение количества заключенных уральских лагерей вытекало из самого факта окончания войны, в последние дни ко-

²⁵ Военнопленные в СССР... С. 653–655.

²⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.34.

²⁷ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР... С. 40.

²⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.35.

торой, как сегодня известно, была пленена если не основная, то весьма значительная часть военнослужащих вражеских армий. По данным академика А.А.Самсонова, только с 9 по 13 мая 1945 г. сложили оружие свыше 1,3 млн солдат и офицеров вермахта²⁹. Очевидно, часть из них оказалась впоследствии в лагерях ГУПВИ НКВД-МВД СССР, расположенных на территории Среднего Урала. Из документов ОПВИ МВД по Свердловской области яствует, что за 1945 г. в лагеря области поступило 46 эшелонов с военнопленными и интернированными в количестве 95 525 чел., из которых 77 387 чел. составляли военнопленные³⁰. В итоге к началу 1946 г. по фактическому наличию военнопленных Свердловская область занимала первое место в РСФСР и второе по Союзу ССР, уступая только УССР³¹.

После 1946 г. численность военнопленных в Свердловской области начинает сокращаться. Именно с 1946 г. количество вновь прибывших в течение года военнопленных начинает уступать числу убывающих. Такая тенденция прослеживается вплоть до 1950 г. Повлиять на нее не смогло даже то, что в 1946 г. на территории области были размещены японские военнопленные, – настолько незначительным было их количество. По известным данным, из 639 635 японских военнослужащих, захваченных Советской армией в ходе войны с Японией в августе – начале сентября 1945 г., в лагеря и лагерные подразделения на территории СССР было вывезено 546 086 чел. Из них в ОРБ Свердловской области находились: по данным на 1946 г. – 2257 чел., на начало 1947 г. – 1984 чел. Основная же масса японских военнопленных содержалась на территории таких регионов, как Хабаровский и Приморский край, Иркутская область, Казахская ССР, Читинская область, Узбекская ССР, Красноярский край, Бурят-Монгольская АССР, Татарская АССР, Алтайский край (в порядке уменьшения численности)³².

Как правило, сокращение численности военнопленных в период с 1946-го по 1949 г. связывают прежде всего с депатриацией. Действительно, начиная с 1945-го по 1949 г. в Свердловской области

²⁹ Самсонов А.А. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1985. С. 523.

³⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.29.

³¹ Военнопленные в СССР... С. 653–655.

³² Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.2; Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115, 124; Военнопленные в СССР... С. 292.

было сформировано и отправлено более 100 эшелонов с депатрируемыми военнопленными и интернированными в количестве свыше 100 тыс. чел.³³ Как показывают архивные материалы, наибольшее количество военнопленных было отправлено на родину в 1945 и 1947 гг., а наименьшее – в 1946 г. Эти же материалы свидетельствуют, что, вопреки распространенному мнению, основным фактором, определявшим динамику численности заключенных в лагерях ОПВИ Свердловской области, являлось движение военнопленных между другими лагерями, спецгоспиталями и тюрьмами НКВД-МВД СССР. Оно могло быть связано с концентрацией военнопленных по национальному признаку и физическому профилю контингента, сосредоточением больных для этапирования в спецгоспитали и нетрудоспособных для депатриации, а также с «оперативными соображениями», и увидеть в нем какие-либо закономерности трудно. Можно только отметить постепенное сокращение с 1946 г. числа военнопленных, передаваемых в ведение спецгоспиталей НКВД-МВД, что является косвенным свидетельством постепенного улучшения физического состояния военнопленных, а, кроме того, с 1947 г. – увеличение количества военнопленных, передаваемых в тюрьмы НКВД-МВД, связанное с активизацией работы оперативных органов по выявлению военных преступников из числа военнослужащих вражеских армий.

Среди прочих факторов, влиявших на численность военнопленных, нельзя упускать из виду смертность. Согласно архивным документам в Свердловской области в период с 1945-го по 1949 г. умерли 11 303 военнопленных. Свыше 90% всех имевших место смертей приходится на 1945–1946 гг.³⁴ Поэтому после 1946 г. смертность не оказывала значительного воздействия на динамику численности контингента лагерей ОПВИ УНКВД-УМВД по Свердловской области. То же самое в полной мере относится и к показателям о побегах, перебросках военнопленных на и с антифашистских курсов, выявлении среди лиц, причисленных к интернированным, военнослужащих армий противника и наоборот, и т.д. Всего же, по имеющимся данным, через систему созданных на территории Свердловской области лагерей для иностранных военнопленных прошло более 250 тыс. чел.

³³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.30.

³⁴ Там же. Л.15.

Таблица 2

*Движение военнопленных в лагерях
Свердловской области в 1945–1949 гг.**

№ п/п	Показатель	ГОДЫ					Итого, чел.
		1945	1946	1947	1948	1949	
1.	содержится на 1-е янв., чел.	41 535	82 270	68 549	46 270	22 699	261 323
2.	в течение года прибыло, чел.,	106 661	32 241	33 786	23 696	17 735	214 119
из них:							
2.1.	с эшелонов фронтов	77 387					77 387
2.2.	из других лагерей	27 330	32 133	33 453	22 479	16 649	13 2044
2.3.	из тюрем	4	84	5	2	5	100
2.4.	из спецгос- питалей		7	270	1087	1072	2436
2.5.	с учета интерниро- ванных	1933	1	6	120	8	2068
2.6.	из побегов	7	16		2	1	26
2.7.	с антифа- шистских курсов			52	6		58

Окончание таблицы на стр. 68

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.15.

* В таблицу не вошли данные за 1942–1944 гг. и данные по ОРБ ввиду их отсутствия.

Окончание таблицы 2

№ п/п	Показатель	ГОДЫ					Итого, чел.
		1945	1946	1947	1948	1949	
3.	в течение года убыло, чел.	65 926	45 962	56 065	47 267	40 342	255 562
из них:							
3.1.	репатриировано;	25 503	9835	25 585	20 937	21 067	102 928
3.2.	в другие лагеря;	25 612	26 797	26 731	23 913	17 089	120 142
3.3.	в тюрьмы;	28	277	179	308	1126	1918
3.4.	в спецгоспитали;	4651	5281	2701	1662	999	15 294
3.5.	на учет интернированных;	415	815	8	23		1261
3.6.	бежало;	11	20	4	2	1	38
3.7	на антифашистские курсы;		65	80	209		354
3.8.	умерло;	8273	2082	672	213	62	11 303
3.9.	освобождено;		789	105		1	895
3.10.	в румынскую дивизию	1433					1433

Состав военнопленных, находившихся в лагерях Среднего Урала, был весьма представительным по всем признакам: национальной принадлежности, принадлежности к армиям, родам войск, воинским званиям, а также возрасту.

Как явствует из Диаграммы 2, подавляющее большинство – свыше 80% всех военнопленных, пребывавших на территории Свердловской области в период с 1945-го по 1950 г., – составляли бывшие военнослужащие германской армии. Более того, год от года их количество постоянно увеличивалось по отношению к численности военнопленных других армий в целом. На начало 1945 г. на их долю приходилось 55,2% от общего числа всех узников уральских лагерей, 1946 г. – 76,4%, 1947 г. – 77,8%, 1948 г. – 81,7%, 1949 г. – 98%, 1950 г. – 100%³⁵.

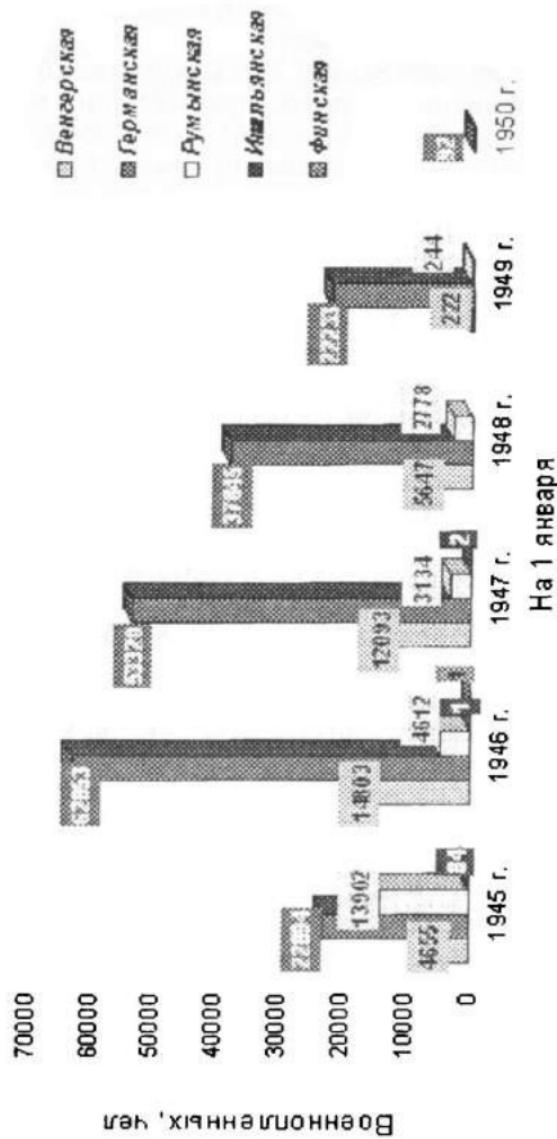
Остальные 20% от среднего количества всех военнопленных составляли бывшие солдаты и офицеры венгерской, румынской, итальянской и финской армий. Правда, число военнослужащих двух последних было ничтожно мало, не достигая даже 1% общей численности всех заключенных лагерей Среднего Урала. Свыше 30% узников лагерей ОПВИ УНКВД по Свердловской области составляли на первое января 1945 г. бывшие военнослужащие румынской армии. В последующие годы их количество начинает сокращаться с 4612 чел., или 5,6%, в 1946 г. до 244 чел., или 1%, в 1949 г. В среднем же на их долю приходилось 8,4% от среднего числа всех военнопленных, пребывавших в лагерях Свердловской области в 1945–1950 гг. Чуть больше 10% от названной цифры составляли бывшие военнослужащие венгерской армии, чье количество также постепенно снижается: с 18% в 1946 г. до 0,9% в 1949 г.³⁶

Сведения о национальной принадлежности военнопленных, сдержавшихся в лагерях Свердловской области на первое января 1946 г., подтверждают, что в основном это были немцы, венгры и румыны, на долю которых приходилось 92,2% общего количества узников областного ОПВИ, или около 76 тыс. чел. Свыше 4 тыс. чел., или 5%, составляли военнопленные австрийцы. Военнопленные других национальностей, – а таковых насчитывалось почти три десятка, – составляли менее 3%, или 2303 чел. Среди них – представители тех народов, которые накануне Великой Отечественной войны стали жертвами сталинской экспансионистской политики.

³⁵ РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 39.

³⁶ Там же.

Диаграмма 2
Приадлежность военнопленных лагерей Свердловской области к армиям
*противника**

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.39.

* В диаграмму не вошли данные за 1942–1944 гг. и данные по ОРБ ввиду их отсутствия.

Таблица 3

Национальный состав и воинские звания военнопленных лагерей Свердловской области (на 01.01.46 г.)

Национальная принадлежность	По воинским званиям принадлежит к:			ВСЕГО, чел.
	старшему начесоставу, чел.	младшему начесоставу, чел.	 рядовому составу, чел.	
1	2	3	4	5
австрийцы	128	2278	1672	4078
американцы*			1	1
белгийцы	1	2	4	7
белорусы			1	1
болгары			1	1
венгры	1356	3297	9787	14 449
голландцы	1	7	37	45
датчане		1	3	4
евреи	1	2	395	398
испанцы		3	13	16
итальянцы	3	4	4	11
латыши		17	19	36
литовцы		3	17	20
люксембуржцы*		1	1	2
молдаване	1	115	508	624
немцы	1697	27 301	27 792	56 790
норвежцы			1	1
поляки	2	76	286	364
румыны	7	1316	3289	4612
русские		15	231	246
сербы			5	5

Окончание таблицы на стр. 72

Источник: РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 35.

* Имеются в виду граждане США, Люксембурга, Швейцарии.

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5
словаки	14	27	56	97
татары			1	1
турки			1	1
украинцы		7	52	59
французы	3	38	52	93
хорваты			6	6
цыгане		2	31	33
чехи	13	92	59	165
швейцарцы*		1	1	2
эстонцы	4		4	8
югославы	2	6	41	49
ИТОГО	3288	34 611	44 371	82 270

На долю лиц славянского происхождения при этом приходилось 1,2% всех военнопленных. Американцы, бельгийцы, голландцы, датчане, испанцы, люксембуржцы, норвежцы, французы, швейцарцы и турки, будучи немногочисленными, составляли около 0,7% общего числа всех узников уральских лагерей. Но именно за их счет национальный состав подопечных областного ОПВИ и был столь представительным³⁷.

Результаты обобщения данных о национальной принадлежности иностранных военнопленных, содержавшихся в лагерях Среднего Урала, наталкивают на мысль о том, что введенное после войны разделение лагерей для военнослужащих вражеских армий по национальному признаку было весьма условным. Оптимальным вариантом, скорее, оказалось деление на лагеря высшего командного состава, среди которых самым известным является Красногорский лагерь № 27, и лагеря для офицерского и рядового состава. К числу последних относились все созданные на Среднем Урале подразделения для содержания иностранных военнопленных. Большинство их узников в годы войны служили в звании рядовых (54%); около 42% принадлежали к так называемому младшему начальствующему составу и 4% – к офицерскому составу³⁸. Правомер-

³⁷ РГВА. Ф. I п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 35.

³⁸ Там же.

ность вышеупомянутых выводов о национальном и «чиновном» составе подопечных ОПВИ УНКВД-УМВД по Свердловской области подтверждают, даже будучи далеко не полными, данные по отдельным лагерям (см. Табл. 4 на стр. 74).

Анализ архивных материалов показал, что из пребывавших в период с 1945-го по 1949 г. на территории Свердловской области военнопленных на долю служивших в пехоте приходилось 52,4%, артиллерии – 13,3%, саперных частях – 7,1%, бронетанковых войсках – 4,6%, авиации – 3,6%, войсках СС и жандармерии – 3,6%, связи – 3,3%, кавалерии – 2,7%, санитарных частях – 1,8%, минометных – 0,9% и прочих – 6,6%³⁹. Примечательно, что в лагерях постепенно увеличивается количество военнопленных, служивших в войсках СС и жандармерии, – с 0,3% от общего числа всех узников областного ОПВИ в 1945-м до 12% в 1950 г. Это было связано с активизацией работы по выявлению и концентрации бывших вражеских военнослужащих, принадлежавших к так называемым карательным частям противника. Большинство из них впоследствии было осуждено советскими органами юстиции как военные преступники за службу в карательных органах или участие в зверствах и злодеяниях против мирных советских граждан или советских военнопленных.

Из данных Диаграммы 3 (Диагр. 3 см. на стр. 77) яствует, что подавляющее большинство военнопленных составляли лица наиболее трудоспособного возраста. Будучи в недавнем прошлом военнослужащими, узники областного ОПВИ просто не могли относиться к какой-либо иной возрастной группе. Тем более что доля старших офицеров в общем числе заключенных была ничтожно малой, поскольку, как уже говорилось выше, военнопленные высшего командного состава содержались отдельно от военнопленных младшего начальствующего и рядового составов в специально созданных местах водворения. Согласно архивным материалам основную массу оказавшихся в лагерях Свердловской области бывших вражеских военнослужащих составляли лица в возрасте от 18 до 45 лет. Среди них в свою очередь большинство составляли военнопленные в возрасте от 25 до 35 лет: свыше 40% среднего количества всех заключенных, прошедших через лагеря Свердловской области в период с 1945-го по 1950 г. Около 30% приходи-

³⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.39.

Таблица 4

*Сводные данные о составе контингента лагерей военнопленных Свердловской области (на июль 1946 г.)**

Ла- герь	Всего, чел	Из них по национальности					Из них по званию	
		австр- ийцы	венг- ры	нем- цы	румы- ны	про- чие	офиц- еры	унтер- офи- церы и рядов- ые
84	9467	687	422	7778	387	193	281	9186
153	8203	400	2073	5037	318	375	51	8152
200	4837	116	829	3555	320	17	46	4791
245	7926	373	1550	5658	384	4	63	7906
313	9025	432	406	6678	1507	2	300	8725
314	7201	449	822	5857	68	5	399	6802
318	2311	3	1357	951			93	2218
376	5510	251	170	1810	3279		109	5401
377	3297	104	272	1511	1403	7	75	3222
504	5272	379	1041	3852			411	4861
523	3435	134	368	2702	95	136	53	3382
Итого	66 527	3328	9310	45 389	7761	739	1881	64 646

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.108. Л.4; Д.143. Л.4; Д.171.Л.4; Д.196. Л.4; Д.246. Л.4; Д.247. Л.4; Д.250. Л.4; Д.290. Л.4; Д.291. Л.4; Д.346. Л.4; Д.351. Л.4.

* По лагерю № 531 сведения отсутствуют; лагерь № 197 к июлю 1946 г. уже был ликвидирован.

Таблица 5

*Принадлежность военнопленных лагерей
Свердловской области к родам войск*

Войска	Военнопленных по состоянию на 1-е января, чел.					
	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Авиация	1047	4754	2975	2009	1114	
Артиллерия	4453	11 994	10 558	8801	4362	1
Бронетанковые	1668	3595	2708	2468	1869	2
Кавалерия	2384	3846	1364	770	470	
Минометные	231	721	2092	162	112	
Пехота	24 789	39 188	30 702	20 982	9713	68
Санитарные	606	1724	1658	882	398	1
Саперные	2495	6521	5075	2713	1311	9
Связь	984	3358	2813	1889	1138	
СС и жандармерия	121	967	943	912	998	11
Прочие	2757	5602	7661	4682	1214	
ИТОГО	41 535	82 270	68 549	46 270	22 699	92

лось на долю военнопленных в возрасте от 18 до 25 лет и выше 23% – от 35 до 45 лет⁴⁰.

Систематизация общего количества иностранных военнопленных, пребывавших в 1945–1950 гг. на территории Свердловской области, по армиям, возрасту, воинским званиям, родам войск и национальному признаку позволяет говорить о том, что состав их был самым разнообразным. В какой-то степени это стало отражением глобальности Второй мировой войны, беспрецедентной по своим масштабам, а значит, и по количеству своих жертв, среди которых – свыше 250 тыс. военнослужащих германской, итальянской, венгерской, румынской, финской и японской армий, оказавшихся пленниками уральских лагерей.

Как представляется, размещение на территории Среднего Урала столь значительного «подневольного интернационала» военнопленных определялось прежде всего экономической целесообразностью. Уже к началу войны Урал представлял собой могучий промышленный район с высокоразвитой многоотраслевой структурой, занимая первое место в стране по производству цветных металлов, второе – по выплавке чугуна и стали, третье – по угледобыче и выпуску химической продукции, четвертое – по мощности машиностроения. В 1941–1942 гг. на Урал было эвакуировано оборудование 788 заводов (из них 212 – в Свердловскую область). За годы войны здесь было построено свыше 500 новых предприятий, объекты военного, хозяйственного и социокультурного назначения. В результате выпуск промышленной продукции в годы войны увеличился в 3,6 раза, а оборонной – в 6 раз⁴¹.

Приобретя важнейшее военно-стратегическое значение, Урал действительно стал опорным краем державы. В условиях военного и послевоенного времени экономика Урала испытывала нехватку рабочих рук. По подсчетам Б.П. Дементьева, к началу 1942 г. только в одном г. Свердловске не хватало 17 тыс. рабочих⁴². Поэтому при размещении иностранных военнопленных на территории Свердловской области цель их как можно более эффективного трудо-

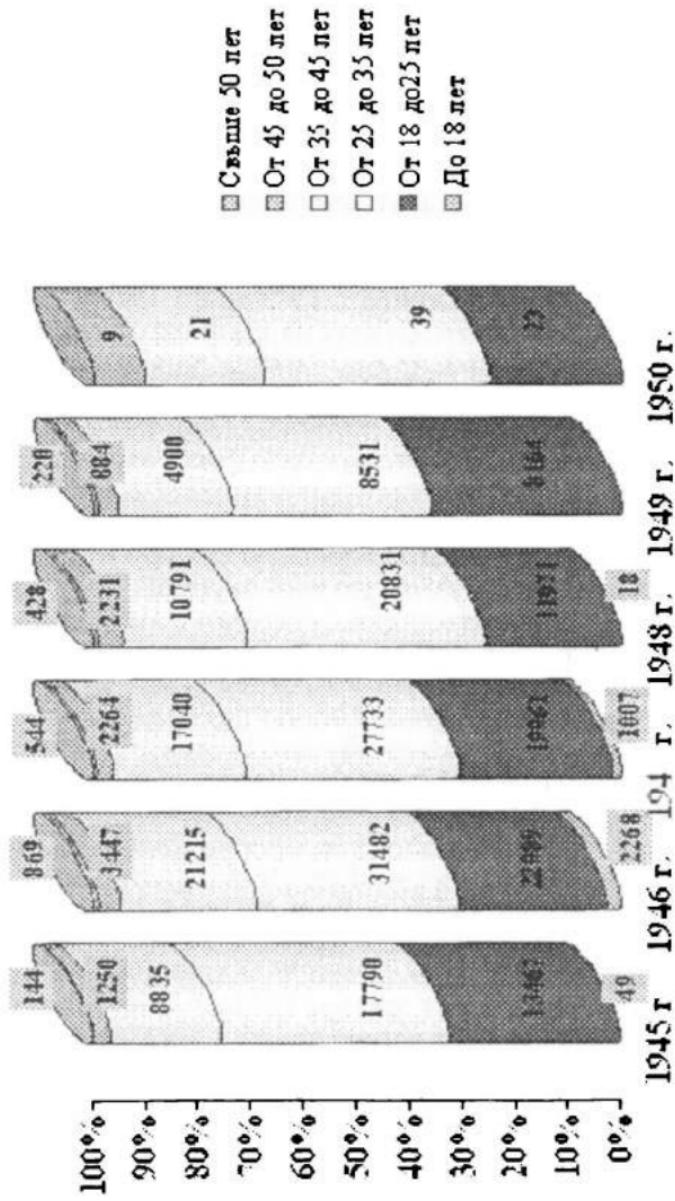
⁴⁰ РГВА. Ф. I п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 40.

⁴¹ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 49, 172, 183.

⁴² Дементьев Б.П. Экономика Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. научн. конф. Екатеринбург, 2000. С. 91.

Диаграмма 3

Возрастной состав военнопленных лагерей Свердловской области

Источник: РГВА. Ф.11п.Оп.15а.Д.341.Л.40.

использования являлась приоритетной, и по географии мест водворения пленных вражеских военнослужащих практически безошибочно можно определить самые значимые экономические районы и центры Среднего Урала 40-х гг.

1.2. Режим и условия содержания

Пребывание иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале в период с 1942-го по 1949 г. с известной долей условности можно разделить на два этапа: первый – до окончания войны, второй – после нее. Разница между ними состоит в том, что в первый период условия содержания военнопленных были более жесткими и суровыми, питание – минимальным, надзор – более строгим, работа – изматывающей. Реалии военного времени объективно не позволяли создать необходимые условия для содержания военнопленных. Не хватало буквально всего. «Отсутствие стекла и неразрешение этого вопроса до сих пор заставило войти в зиму с одинарными рамами, что весьма тяжело сохраняет тепло и снижает эффективность топки помещений. Исключительно тяжелое положение со светом из-за отсутствия электрических лампочек. Нужно помочь лагерю и отпустить 600 штук лампочек. Уборных явно недостаточно... Нормы питания выдерживаются, но ассортимент продуктов выдерживается не всегда из-за их отсутствия. Питание по калорийности явно недостаточное, особенно для военнопленных, занятых на тяжелых рудных работах. Требуется не менее 3500–4000 калорий в сутки, даем – 2450–2900 калорий... Вещевое имущество крайне ветхое, разношерстное и требует замены. Обувь имеется валяная, но в недостаточном количестве. Постельное белье имеется, но стирка его идет с перебоями из-за непуска прачечной в первом лагерном отделении», – сетовала администрация лагеря № 84 в декабре 1943 г.⁴³ Еще более удручающая ситуация сложилась в лагере № 200 в декабре 1944 г.: «Подготовка к зиме не окончена, большая часть лагерных отделений нарами не обеспечена. Водоснабжение не организовано. Продовольствием (лагерь – С.Н.) обеспечивается не в полном ассортименте и с большими перебоями. Автотранспортом лагерь не уком-

⁴³ РГВА. Ф. Iп. Оп.63. Д.20. Л.129–130.

плектован. Поступившие в течение октября этапы военнопленных были на 100% завшивленными, грязными, плохо обмундированными, 40% – без обуви. Количество ослабленных и больных, нуждающихся в госпитализации, – 70%. За время с 1 октября по 10 декабря умерли 431 чел., или 7,1%...»⁴⁴

Второй период был «либеральнее» во всех отношениях, жизнь и быт военнопленных – гораздо легче и комфорtabельнее, питание – сытнее, медицинское обслуживание – квалифицированнее. Связано это было с окончанием войны и постепенным налаживанием мирной жизни в стране в целом и в лагерях военнопленных в частности.

При создании лагерных подразделений для иностранных военнопленных в значительной степени дублировалась хорошо отлаженная система управления и режим содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР. Типичная лагерная структура управления включала в себя: руководство с подчиненной ей канцелярией, группу кадров, политаппарат, оперативно-чекистское (позже – просто оперативное), агентурное, следственное и учетно-розыскное отделения, отдел охраны и режима; несколько отделов чисто гражданского назначения: финансовый, планово-производственный, снабжения, питания, транспорта и т.п.

По прибытии каждой новой партии военнопленных производилась регистрация контингента. Согласно архивным данным, в период с 1942-го по 1945 г. значительное количество прибывавших в Свердловскую область эшелонов с военнопленными поступало без всякой учетной документации и этапных списков. При разгрузке с эшелонов, которые находились в пути следования от 25 до 30 суток и которые должным образом были оборудованы крайне редко, снимались десятки трупов и больные в бессознательном состоянии, умиравшие через непродолжительное время в лагере. В результате трупы захоранивались неопознанными, с неустановленными данными.

Прием контингента с эшелонов за отсутствием этапных списков производился по наличию людей и оформлялся соответствующим актом. Затем военнопленному давался матрикулярный номер, на каждого составлялась учетная карточка и опросный лист. В силу малограмотности работников учетного аппарата лагерей, а

⁴⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.6з. Д.7. Л.12.

также отсутствия переводчиков, в совершенстве владевших иностранными языками, работа по оформлению учетной документации шла крайне медленно и неквалифицированно. Отсюда – путаница в статистическом учете и отчетности. Особенно плохо дело обстояло в лагерях № 318, 376, 377 и 504. Здесь проверкой из «Центра» было установлено, что «учетные дела находятся в хаотическом состоянии. Учет доверяется военнопленным. Шкафы с учетной документацией остаются открытыми. Фактическое наличие контингента не сходится с учетными данными...»⁴⁵ Такое положение дел наблюдалось не только в уральских лагерях. Косвенным тому подтверждением является тот факт, что НКВД СССР неоднократно выпускал документы директивного характера с требованием устранить недостатки в работе учетных отделений лагерей. В их числе приказ НКВД СССР № 00404 от 1 марта 1943 г. «Об упорядочении учета военнопленных и отчетности лагерей», объявленная в ноябре 1944 г. директивой НКВД СССР за № 254 «Инструкция по персональному переучету военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД и спец госпиталях НКО и Наркомзрава», директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/35 от 6 июня 1945 г. «О ведении раздельного учета военнопленных и интернированных в лагерях НКВД для военнопленных». На местах с учетными работниками уральских лагерей периодически проводились 3–7-дневные семинары по изучению и разъяснению всех этих указаний, а также занятия по техминимуму и инструктивные совещания.

Однако ситуация с учетом пленных действительно стала улучшаться только с 1946 г. Причиной тому было прежде всего начавшееся сокращение численности заключенных. Кроме того, в январе 1946 г. была проведена перерегистрация всех военнопленных и интернированных и генеральная сверка учетных дел и учетных карточек с переопросом всего контингента. Для уточнения статистических и установочных данных большое значение также имело создание при областном ОПВИ действующей и архивной хартотеки⁴⁶.

После регистрации вновь прибывшие военнопленные знакомились с режимом дня, которому была подчинена вся внутрилагерная жизнь. Как правило, он предусматривал: в 7.00 – подъем, 7.00–7.25 – утренний туалет, 7.25–8.00 – построение, 8.00–9.00 –

⁴⁵ РГВА. Ф. Iп. Оп.6з. Д.12.Л.71.

⁴⁶ РГВА. Ф. Iп. Оп.15а. Д.341.Л.32.

завтрак, 9.40–14.00 – рабочее время, 14.00–15.00 – обед, 15.00–19.40 – рабочее время, 19.40–20.40 – ужин, 20.40–22.30 – свободное время, 22.30–23.00 – вечерняя поверка, 23.00 – сон⁴⁷. Согласно «Инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», объявленной приказом НКВД СССР № 001067 от 7 августа 1941 г., военнопленные могли беспрепятственно передвигаться в зоне лагеря от сигнала подъема до сигнала отхода ко сну, а также посещать культурно-воспитательные и медико-санитарные учреждения.

«Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» предусматривала также проведение ежемесячных внезапных обысков военнопленных и зон лагерей на предмет конфискации запрещенных к хранению предметов. Перечень их был очень широк и включал всевозможные предметы, необходимые, по мнению лагерной администрации, для организации побегов или диверсий. Как показывают архивные материалы, при проведении обысков в большом количестве изымались топоры, самодельные ножи, пилы, ломы, молотки, плоскогубцы и т.д. В некоторых случаях у военнопленных обнаруживали и краденые вещи из лагерного имущества, как то: белье, обувь, обмундирование, продукты и т.д. Так, по данным учета обысков, проведенных в первом квартале 1947 г., изъятыми у военнопленных значатся: по лагерю № 84: ножей разных – 119; топоров – 12, зубил – 9, молотков – 49, ножниц – 71, напильников – 41; по лагерю № 153: ножей разных – 435, напильников – 45, географических карт иностранного образца – 2, похищенных валенок – 2 пары, курток ватных – 3, френчей – 7, полотенец новых – 11, нательного белья – 7 пар, одеял – 28; по лагерю № 313: ножей разных – 249, топоров – 59, лопат – 40, кайл – 39, ломов – 14, рашпилей – 104, зубил – 35, молотков – 17, бикфордова шнура – 20,5 метра; по лагерю № 314: ножей разных – 242, плоскогубцев – 16, напильников – 15, изоляционной ленты – 1 килограмм, табачной пыли – 8 килограммов⁴⁸.

Нетрудно заметить, что, изымая у своих подопечных так называемые «запрещенные к хранению предметы», лагерная администрация вряд ли учитывала, что часть из них помогает военно-

⁴⁷ Иваницкий Р., Ржешевский О. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 77–78.

⁴⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.147.

пленным обустроить свой быт. Вместе с тем, обыски были одной из самых эффективных мер по предупреждению побегов. К примеру, в мае 1946 г. в лагере № 376 была вскрыта группа военно-пленных в количестве 4 чел., готовившаяся к побегу. Организатором группы был повар Коши. При аресте группы после обыска были обнаружены похищенные продукты, заготовленные на путь следования, советское обмундирование и 1080 рублей денег. В лагеря № 314 у военнопленного Матерна при обыске было изъято 560 рублей советских денег. Следствием по делу было установлено, что деньги он накопил от продажи резиновой обуви, пошитой из материалов, украшенных на заводе № 705. Матерн несколько раз выносил эту обувь за пределы зоны и продавал ее рабочим того же завода, а вырученные деньги, по мнению лагерных оперативников, скапливали на случай побега⁴⁹.

Особое внимание уделялось проведению обысков среди военнопленных. При одном из таких обысков в лагере № 84 13 июня 1947 г. у венгерского военнопленного Надя были найдены списки умерших за 1945–1947 гг. военнопленных. В том же лагере при отправке военнопленных на родину была изъята секретная документация Асбестовского РВК по призыву в армию лиц 1917–1918 гг. рождения, проходившему в 1938 г.⁵⁰

За хранение запрещенных предметов в зоне военнопленные подвергались дисциплинарным взысканиям. Как правило, они переводились на срок до 3 месяцев в штрафные роты и взводы с особым режимом, которые были созданы в лагерях военнопленных в соответствии с приказом НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1943 г. для дисциплинарного воздействия на воров, симулянтов, отказывающихся от работы, бежавших и склонных к побегу, а также нарушителей внутрилагерного режима. Штрафники использовались на тяжелых физических работах под особой охраной с полной изоляцией от других военнопленных. Для них устанавливался 12-часовой рабочий день с обязательным выполнением нормы выработки. При систематических отказах от работы их переводили в карцер и, если отказы повторялись, привлекали к уголовной ответственности как саботажников. Питание штрафников осуществлялось по минимальным нормам довольствия. Кроме того, на

⁴⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 147.

⁵⁰ Там же. Л. 149.

период заключения они лишались права переписки с родственниками⁵¹.

После регистрации, осмотра личных вещей и ознакомления вновь прибывших военнопленных с лагерным режимом они помещались на 21 день в карантин. За это время врачебно-трудовая комиссия устанавливала им норму выработки и группу трудоспособности. Комиссование военнопленных по категориям физического труда стало практиковаться с июля 1942 г., когда была издана директива УПВИ НКВД СССР № 28/7309 «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния». Предварительные обследования военнопленных на предмет пригодности к труду были введены отнюдь не из гуманных побуждений, а с целью их как можно более эффективного с экономической точки зрения трудового использования. Для дифференцированного использования на работах различной тяжести весь контингент лагерей УПВИ НКВД СССР был разделен на 4 группы трудоспособности. К четвертой группе относились военнопленные-инвалиды, вовсе не способные ни к какой работе или могущие быть использованными лишь на специальных работах для инвалидов, к третьей – военнопленные, годные только для выполнения легких физических работ, ко второй – ослабленные военнопленные, ограниченно годные к физическому труду, к первой – практически здоровые военнопленные, пригодные к труду без ограничений⁵². Вне всякого сомнения, система градации контингента по физическому профилю была скопирована с ГУЛАГа, узники которого также делились на четыре категории физтруда: годные к тяжелому труду (ГТТ), годные к среднему труду (ГСТ), годные к легкому труду (ГЛТ), инвалиды и ослабленные⁵³. Не будет преувеличением сказать, что установление той или иной группы трудоспособности в равной степени определяло дальнейшую судьбу как советского зека, так и вражеского военнопленного.

Как и в обычных советских зонах, в лагерях военнопленных была создана система самоуправления заключенных. Из числа пленных назначались старосты бараков, корпусов, лагеря в целом.

⁵¹ Кузьмин С.И. К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 127.

⁵² Военнопленные в СССР.. С. 548.

⁵³ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 22.

Как правило, старостами были лица, вошедшие в доверие лагерной администрации или пользовавшиеся уважением среди военнопленных. В их обязанности входили: контроль за соблюдением режима дня, организация внутрилагерных работ, отчет дежурному офицеру на утренней и вечерней поверке и т.д.

Весной 1945 г. в целях «повышения качества работы на производстве и укрепления дисциплины военнопленных в лагерях»⁵⁴ эта система была реорганизована. Вместо нее в соответствии с приказом НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. вводилась система воинских подразделений: отделение – 12–15 чел., взвод – 36–40 чел., рота – 3–4 взвода в количестве 150–160 чел., батальон – 3–4 роты в количестве 600–700 чел. Формирование отделений, взводов, рот и батальонов производилось по национальному признаку. Командиры всех рангов назначались из числа проверенных офицеров иunter-офицеров и подлежали расконвоированию. Об их должностном положении свидетельствовали нарукавные повязки (КО, КВ и т.д.). Командиры рот и батальонов жили в отдельных помещениях, командиры взводов и отделений – в обособленных помещениях⁵⁵.

Охранялись лагеря военнопленных в соответствии с приказами НКВД-МВД СССР № 0313–1943 г., № 0175–1944 г., № 0118–1948 г. конвойными войсками НКВД-МВД, а также вахтерскими командами лагерей, сформированными из местных жителей. Вывод военнопленных на рабочие объекты также производился под охраной солдат конвойных войск и, кроме того, лиц, выделенных предприятиями, где работали пленные, то есть вахтеров хозорганов⁵⁶. Помимо собственно охраны, в их обязанности входило предупреждение и пресечение побегов и изоляция военнопленных от советских граждан.

В 1945 г. на службу по выводу и охране контингента стали привлекаться сами военнопленные. Для этого были созданы так называемые вспомогательные команды (ВК). За счет их организации планировалось: во-первых, качественно улучшить охрану контингента, во-вторых, решить проблему недостаточности боесостава конвойных войск. Формирование вспомогательных команд шло за счет «проверенных» военнопленных разных национальнос-

⁵⁴ Военнопленные в СССР... С. 598.

⁵⁵ Кузмин С.И. Указ.соч. С. 126.

⁵⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.150.

тей, за исключением немцев, голландцев, норвежцев и датчан. Вспомогательные команды обеспечивались оружием с выдачей 3–4 боевых патронов на период конвоирования. Ответственность за правильное обучение и использование личного состава ВК была возложена на начальников лагерей и заместителей начальников лагерей по охране и режиму. По состоянию на первое июля 1945 г. в лагерях области было создано 30 вспомогательных команд общей численностью 1216 чел. Однако из указанного количества около 30% солдат ВК на службе конвоирования не использовались по причине отсутствия оружия⁵⁷.

Вскоре порядок формирования вспомогательных команд был изменен. 27 июня 1945 г. заместитель наркома внутренних дел В.В.Чернышов подписал приказ «Об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД для военнопленных» за № 0172. В соответствии с ним все ранее проведенные мероприятия по организации ВК были отменены. Теперь ВК комплектовались «проповедниками» военнопленными, независимо от национальности или принадлежности к армиям воевавших против СССР государств. Никакого оружия личному составу ВК уже не выдавалось. Все, чем могли пользоваться солдаты ВК, – это средства предупреждения (свистки, флаги и т.д.). Начальники ВК назначались из числа старшин и старших сержантов из состава охраны лагерей, то есть конвойных войск⁵⁸.

Численность вспомогательных команд определялась численностью выводимых на работу военнопленных в соотношении один конвой ВК на 10–15 военнопленных с надбавкой резерва в 10% на случай подмены заболевших, для использования во внутреннем наряде и т.д.

К названному приказу прилагался перечень лагерей, где разрешалось расконвоирование пленных и организация ВК. Среди лагерей Свердловской области таковых было три: № 84, 200 и 245. Видимо, позже было разрешено формировать вспомогательные команды и в остальных лагерях (Табл. 6)⁵⁹

В состав ВК включали преимущественно пленных из числа антифашистского актива и лояльно относящихся к советскому строю, учитывая желание каждого пленного нести службу в ВК.

⁵⁷ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 157.

⁵⁸ Там же. Л. 158.

⁵⁹ Военнопленные в СССР... С. 211.

Таблица 6

*Вспомогательные команды в лагерях ОПВИ
Свердловской области**

Лагерь, №	По состоянию на 1 января			
	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
84	13/486	5/445	4/201	
153	5/414	6/324	6/282	3/13
200	6/110	8/117		
231	2/31			
245	6/612	6/343		
313	8/306	5/362	3/80	
314	7/290	8/194	6/104	7/151
318	7/219	4/74		
523	17/412	4/74	6/126	
504-197	4/274	7/297	7/231	4/163
376	6/314	6/128	7/178	
377	5/214	5/121		
531	2/27	8/179	8/85	6/71
ИТОГО	88/3745	72/2718	47/1267	20/398

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.159.

* В числителе – создано ВК; в знаменателе – состоит человек в ВК.

При укомплектовании ВК особое внимание обращалось на физическое состояние принимавшихся в их состав пленных. Ослабленных и нетрудоспособных к службе конвоирования не допускали. Однако по особому указанию МВД СССР в 1947 г. с целью максимального использования рабочей силы военнопленных солдаты ВК первой и второй категорий физического труда были полностью заменены военнопленными третьей категории физтруда⁶⁰.

Как явствует из архивных материалов, солдаты ВК использовались в основном под контролем начальников конвоев, назначаемых из гарнизонов конвойных войск. В некоторых лагерях в порялке усиления охраны контингента солдаты ВК привлекались к охране

⁶⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.158.

зон лагерных отделений с внутренней стороны ограждения. Были случаи, когда в ряде отделений, особенно в лагере № 153, охрана военнопленных на рабочих объектах за неукомплектованностью боесостава конвойных войск осуществлялась исключительно силами вспомогательных команд. За весь период существования лагерей по вине солдат ВК было допущено только два побега военнопленных⁶¹.

В целях укрепления вспомогательных команд их личный состав почти ежемесячно пересматривался. При каждой проверке не оправдавшие доверия военнопленные-солдаты ВК заменялись другими военнопленными. Тем более что желающих нести службу в ВК всегда было предостаточно. Связано это было прежде всего с тем, что солдаты ВК размещались в уютных, хорошо оборудованных помещениях, отдельно от общей массы военнопленных. Личный состав ВК обеспечивался полным комплектом постельных принадлежностей и лучшим обмундированием. Кроме того, солдаты ВК подлежали расконовоированию.

В конце июля 1949 г. МВД СССР утвердило положение о самоохране в лагерях МВД для военнопленных. Команды самоохраны комплектовались в нережимных лагерях из числа проверенных антифашистов, как правило, владеющих русским языком для несения службы по охране зон, конвоированию на работы и охране работающих пленных на производственных объектах. Общая численность КС определялась из расчета один конвойр на 25 чел. плюс 10% резерва на случай подмены заболевших⁶².

Документы архивов свидетельствуют, что попытки побегов военнопленных из лагерей и с производственных объектов не были частым явлением, и год от года их количество уменьшалось. Если в 1945 г. из 10 тыс. военнопленных бежало 37 человек, то в 1946 г. этот показатель сократился до 28 чел., в 1947 г. – до 8 чел., в 1948 г. – до 5 чел., в 1949 г. – до 3 чел. Из совершенных в 1946–1950 гг. 474 побегов в течение нескольких дней было пресечено 96 %, нерозысканными же осталось лишь 4 % от числа всех бежавших военнопленных⁶³. Такой порядок цифр определяется тем, что

⁶¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 160.

⁶² Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 355.

⁶³ РГВА. Ф. 1п. оп. 15а. Д. 341. Л. 160.

Таблица 7

Побеги военнопленных из лагерей Свердловской области

№ п/п	Показатель	ГОДЫ					Итого:
		1945	1946	1947	1948	1949	
1.1.	Всего бежало, чел.	154	230	57	26	7	474
1.2.	Всего бежало, в % к общей численности	0,4	0,3	0,1	0,06	0,03	0,18
	<i>Из них:</i>						
2.1	- в бегах, чел.,	6	10	3			19
2.2.	- задержано, чел.	148	220	54	26		455
	<i>Из них при задержании:</i>						
3.1.	- убито, чел.,	22	22	20	1		65
3.2.	- ранено, чел.	4	5	6			15

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.161.

беглецов легко было вычислить, — для Среднего Урала пленные иностранцы были специфическим контингентом, который отличало, в первую очередь незнание русского языка. Кроме того, поиску бежавших военнопленных, как и профилактике побегов, придавали большое значение. В этом особую роль играли постоянно действующие в лагерях оперативные группы, с которыми проводились специальные занятия. На основе имевшихся в лагерях планов организации ближнего и дальнего розыска изучались пути вероятного следования беглецов.

Наряду с подготовкой оперативных групп, которые находились в постоянной связи с территориальными органами НКВД-МВД, большое внимание руководство лагерей уделяло созданию и расширению сети так называемых бригад содействия из местного

населения. Указания об их создании лагеря получили еще в июне 1943 г., когда в свет вышел циркуляр НКВД СССР № 332 «Об улучшении организации охраны лагерей, конвоирования и охраны военнопленных на работах» (п. 5б, 5в)⁶⁴. Бригады содействия, как правило, организовывались на путях наиболее вероятного направления беглецов и на промышленных предприятиях по месту работы военнопленных. На первое января 1945 г. в области насчитывалось 324 бригады содействия в составе 2295 чел., 1946 г. – 359 бригад и 2418 чел., 1947 г. – 392 бригады и 2775 чел., 1948 г. – 341 бригада и 2056 чел., 1949 г. – 180 бригад и 1158 чел.⁶⁵ Архивные материалы свидетельствуют, что посредством бригад содействия были сорваны десятки побегов военнопленных. Так, в лагере № 523 в 1946 г. немецкие военнопленные Брайкидер, Фесте и Фридрихам совершили групповой побег. На пятый день после побега они зашли в дер. Осиновские хутора к гражданке Ширшовой и попросили картошки. Будучи членом бригады содействия, Ширшова проследила, что беглецы остановились в нежилом доме на краю деревни и стали готовить там пищу. Тем временем Ширшова отправила свою dochь в соседнюю деревню Ильичевку, чтобы известить оперативную группу МВД о местонахождении беглецов. В итоге бежавшие военнопленные были обнаружены и отправлены в лагерь⁶⁶.

Наиболее неблагополучными по побегам, розыску и задержанию бежавших военнопленных являлись лагеря № 313, 376, 314, 245, 523, 531, на долю которых приходится 53% всех побегов военнопленных из лагерей Свердловской области и почти 80% всех неликвидированных побегов (Табл. 8). Согласно архивным данным, максимальное количество побегов было совершено с производственных объектов. Именно оттуда бежали 379 военнопленных, или около 80% всех пытавшихся бежать в 1945–1950 гг. Это было связано прежде всего с небдительным иссением службы лицами служебного наряда гарнизонов конвойных войск. По вине последних было допущено 244 побега (свыше 50% всех имевших место). Из-под охраны вахтерского состава лагерей и хозорганов, которые также допускали грубые нарушения охраны и режима, бежало 44%, или 209, военнопленных⁶⁷ (Табл. 9).

⁶⁴ Военнопленные в СССР... С.176.

⁶⁵ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д.341. Л.174.

⁶⁶ Там же. Л. 175–176.

⁶⁷ Там же. Л.164. 168.

Таблица 8

*Побеги военнопленных и интернированных
в разрезе отдельных лагерей и ОРБ Свердловской области**

№ лагеря или ОРБ	ГОДЫ					Всего бежа- ло, чел.	Из них:	
	1945	1946	1947	1948	1949		задер- жано	в бегах
84	34/34	19/19	3/3			56	56	
153	8/8	8/8	2/2	5/5	1/1		24	
200	20/20	5/5	1/1			26	26	
231	2/2	6/6				8	8	
245	12/12	17/16	6/6			35	34	1
313	12/9	40/34	7/7	1/1		61	51	9
314	16/16	16/16	4/3	4/4	3/3	43	42	1
318	4/4	7/7	1/1			12	12	
376	3/3	24/22	8/8			35	33	2
377	2/2	7/7	1/1			10	10	
504-197	12/12	11/11	6/6	7/7	3/3	39	39	
523	11/10	23/23	3/3	1/1		38	37	1

Окончание таблицы на стр. 91

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.166.

* В числителе показано количество бежавших военнопленных; в знаменателе – количество задержанных.

Окончание таблицы 8

№ лагеря или ОРБ	ГОДЫ					Всего бежа- ло, чел.	Из них:	
	1945	1946	1947	1948	1949		задер- жано	в бегах
531		26/26	5/4	7/7		38	37	1
428		1/1	3/3			4	4	
429		5/5	1/1			6	6	
435		3/3				3	3	
1099		1/1	1/1			2	2	
1103			1/0	1/1		2	1	1
1801	7/7	8/7	2/2			17	16	1
1802	11/9	3/3	2/2			16	14	2
ИТОГО	154/ 148	230/ 220	57/ 54	26/ 26	7/7	474	455	19

Анализ источников позволяет говорить о том, что среди бежавших военнопленных большинство составляли немцы. На их долю приходится около 60% всех побегов, совершенных военнопленными из лагерей Среднего Урала в период с 1945-го по 1950 г. Второе место по численности среди пытавшихся бежать занимают венгры (около 17%) и третье – румыны – 63 чел., или 13%⁶⁸. Такая динамика вряд ли определялась какой-то особой склонностью военнопленных именно этих национальностей к побегам. Она, скорее всего, просто отразила тот факт, что немцы, венгры и румыны составляли подавляющее большинство узников областного ОПВИ (Табл. 10).

⁶⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.163.

Таблица 9

*Систематизация побегов военнопленных из лагерей
Свердловской обл. по месту совершения, бежало чел.*

Откуда бежали	Годы					ИТОГО
	1945	1946	1947	1948	1949	
С объектов работ	133	181	39	19	7	379
Из лагерей	20	24	14	6		64
С подсобн. хоз. лагерей		11				11
Из-под конвоя	1	14	4	1		20
ИТОГО	154	230	57	26	7	474

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.163.

Таблица 10

*Систематизация бежавших военнопленных
по национальному признаку, бежало чел.**

Национальность	Годы					ИТОГО
	1945	1946	1947	1948	1949	
Австрийцы	2	3	1			6/0
Венгры	25	35	16	3		79/3
Немцы	87	140	25	20	7	279/8
Поляки	16	19				35/1
Румыны	19	31	10	3		63/6
Японцы		1	4			5/0
Прочие	5	1	1			7/1
ИТОГО	154	230	57	26	7	474/19

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.163.

* В знаменателе – осталось нерозысканными.

Из произошедших за весь период существования лагерей побегов заслуживают быть отмеченными побеги, имевшие место в лагерях:

- лагерь № 504: в 1945 г. с места работы бежали два немца-эсэсовца – Зильбернагель и Миттельштедт. На территории подсобного хозяйства в районе г. Карпинска они зверски убили сторожа, нанеся ему топором восемь ранений головы. После того беглецы забрали 3700 рублей денег, а также продукты. Скрываясь от преследования и не имея средств для пропитания, в ночь с 4 на 5 января 1945 г. военнопленные украли корову и козу в пос. Красный, которых зарезали. Бандиты были задержаны только 28 дней спустя после побега и арестованы. Судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа Зильбернагель и Миттельштедт были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны⁶⁹.

- лагерь № 376: 3 апреля 1946 г. военнопленный немец Шарлетнер, вооружившись топором, после побега из лагеря совершил покушение на убийство гр. Чернильцева и его жены. Следствием по делу было установлено, что к побегу Шарлетнер готовился с февраля 1946 г. Чтобы обеспечить себя на дорогу продуктами питания и гражданской одеждой, за два дня до побега он дважды приходил в дом Чернильцева с просьбой его накормить (!). Убедившись, что Чернильцев живет вдвоем с женой и что у них можно взять продукты, одежду и деньги, военнопленный 2 апреля 1946 г. сбежал из лагеря и в 23 часа явился к дому Чернильцевых и постучал в окно. При выходе хозяина из дома Шарлетнер нанес ему два удара по голове. На крик выбежала хозяйка и также была ранена. Однако сей удалось выхватить топор из рук бандита, и он немедленно скрылся с места преступления. Активными мерами розыска Шарлетнер был задержан в 28 км от лагеря и арестован. По решению Военного Трибунала войск МВД Уральского округа он был расстрелян⁷⁰.

- лагерь № 314: 3 мая 1946 г., в полночь, из-под охраны конвойных войск бежал военнопленный Штейнберг. Воспользовавшись темнотой, он вышел из расположения взвода, взяв с собой кирку, и вернулся к продуктовому складу лагерного отделения № 2. Здесь он спустился в люк овощехранилища и стал ждать. Убедившись, что часовой находится внутри склада, Штейнберг постучался в дверь овощехранилища. Когда часовой открыл дверь, военноплен-

⁶⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 171.

⁷⁰ Там же.

ный нанес ему несколько ударов по голове киркой. Затем Штейнберг затащил его в склад, где и оставил, прихватив с собой 6 банок мясных и 3 банки рыбных консервов, 3 килограмма сахара, 3 пачки чая и 1,5 килограмма сала. Пришедший в сознание часовой пытался задержать Штейнberга, когда тот решил завладеть его документами. Однако военнопленный снова нанес часовому несколько ударов по голове приспособом винтовки, которые оказались смертельными. Только благодаря быстрым и активным мерам по розыску беглеца, а также помощи со стороны населения Штейнберг был задержан бойцами конвойных войск на 4-й день после побега в 93 км от лагеря. За совершенные им преступления военнопленный был приговорен к высшей мере наказания⁷¹.

Военнопленные, совершившие при побегах уголовно-наказуемые деяния, привлекались к суворой ответственности. Нередко к уголовной ответственности привлекались и те из бежавших, чей побег не был связан с какими-либо отягчающими обстоятельствами. Это противоречило нормам международного права, в частности ст. 50 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г., согласно которой против беглецов могли приниматься только дисциплинарные меры наказания, включая арест⁷². Практика привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности за побег из лагеря была особенно широко распространена в первые годы существования лагерей УПВИ НКВД на Среднем Урале. В июне – августе 1942 г. из Монетно-Лосиновского лагеря пытались бежать 17 военнопленных. По имеющимся данным, все они были задержаны, а впоследствии – осуждены судом Военного Трибунала войск НКВД Уральского округа на длительные сроки заключения⁷³. Работники оперативно-чекистского отдела лагеря вряд ли сознательно нарушали нормы гуманитарного права, – скорее всего, они имели крайне смутное представление о праве военнопленных. Тем более что организация лагерей для военнопленных как в Свердловской области, так и в других тыловых районах СССР, шла параллельно с разработкой и изданием нормативно-правовых документов, которые бы детально регламентировали положение этой новой для НКВД категории заключенных. В этих условиях руководством к действию нередко выступало законодательство, ис-

⁷¹ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 172.

⁷² РГВА. Ф. 2т. Оп. 21а. Д. 36. Л. 42.

⁷³ Архив УФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 120–121.

пользовавшееся в лагерях ГУЛАГа. К примеру, совместная директива НКВД, НКО и Прокуратуры СССР № 87/06/ПР/29 от 28 апреля 1941 г. устанавливала ответственность заключенных лагерей НКВД за побег по ст. 58 п. 14 УК РСФСР. Документ требовал рассматривать побеги заключенных как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства и применять к бежавшим суровые судебные меры вплоть до расстрела.

В более позднее время пытающиеся бежать военнопленные также подвергались наказаниям, выходившим за рамки международного права. Все они, как правило, ставились на оперативный учет, и, что самое главное, срок их депатриации отодвигался на неопределенное время.

Пребывая в плену, иностранные военнопленные вплоть до окончания войны находились в состоянии информационной блокады, не имея возможности сообщить о себе своим близким и получать вести с родины. Такую возможность узники лагерей УПВИ НКВД получили только в 1945 г. В конце июня 1945 г. был издан приказ НКВД СССР № 00768 «О введении в действие Инструкции о порядке переписки военнопленных итальянцев с их семьями, проживающими в Италии». В июле того же года нарком внутренних дел Л.П.Берия подписал приказ НКВД СССР № 00834 «О введении в действие Инструкции о порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, румын и венгров с их семьями, проживающими в Германии, Австрии и Венгрии». Через год был разрешен обмен почтовыми открытками и письмами между военнопленными японцами и их семьями, проживающими в Японии, Корее и Маньчжурии⁷⁴. При этом возможности переписываться со своими родственниками, проживающими за границей, были лишены осужденные военными трибуналами пленные. Как представляется, установлению связи иностранных военнопленных с родиной в более ранний период препятствовали не столько заинтересованные в полной изоляции своих подопечных чиновники НКВД-МВД, сколько вытекающие из реалий военного времени вполне объяснимые трудности в организации почтовых отправлений.

Правила переписки военнопленных были объявлены еще летом 1941 г. в «Инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» (раздел 5). Пленные имели право один раз в месяц

⁷⁴ Военнопленные в СССР... С. 220, 938, 942.

отправлять письмо на родину и получать неограниченное количество писем оттуда. Сначала было разрешено писать 25 слов, позднее – 50 слов. Письма должны были просматриваться оперотделом лагеря, а потому – сдаваться в незапечатанных конвертах. Корреспонденция из дома вручалась военнопленным в 5-дневный срок. При обнаружении нелегальной отправки писем военнопленный лишался права переписки на два месяца, при повторном нарушении – помещался на гауптвахту⁷⁵.

Военнопленные и их родственники нередко жаловались на задержки, очевидно, связанные с медленным прохождением цензуры, и невручение писем, которое было характерно при переводе того или иного военнопленного в другой лагерь. В целях устранения негативных явлений был разработан целый ряд мер, призванных облегчить связь военнопленных с родиной. Эти меры нашли свое отражение в приказе МВД СССР № 00344 от 22 апреля 1946 г. «О мероприятиях по улучшению переписки военнопленных», приказе МВД СССР № 00827 от 13 сентября 1946 г. «О мероприятиях по улучшению дела переписки военнопленных со своими семьями», директиве МВД СССР № 61 от 26 марта 1947 г. «О мероприятиях по пресечению нелегальной переписки военнопленных», распоряжении МВД СССР № 223 от 15 апреля 1947 г. «О присвоении почтовых адресов лагерям военнопленных», распоряжении МВД СССР № 295 от 17 мая 1947 г. «О введении строгого контроля за вручением военнопленным бланков почтовых открыток для переписки с их родственниками», распоряжении МВД СССР № 621 от 26 сентября 1947 г. «Об ускорении обработки и цензирования корреспонденции военнопленных и интернированных». Благодаря этим и ряду других решений в период с 1945-го по 1949 г. из лагерей Свердловской области военнопленными было отправлено на родину 2,9 млн открыток и писем. Их перлюстрация была возложена на специально созданные в лагерях и крупных лагерных отделениях пункты воинской цензуры. Для обеспечения тщательной цензуры корреспонденции военнопленных было выделено 27 переводчиков: с немецкого языка – 22 чел., с венгерского языка – 2 чел., с румынского языка – 3 чел. Переписка японских военнопленных направлялась в пункт военной цензуры в г. Хабаровске⁷⁶.

⁷⁵ Костенецкий А.В. Военнопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (по материалам ГАРФ) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 143–144.

⁷⁶ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.64.

Количество изъятых за нарушение правил переписки открыток и писем колебалось от 5 до 30% общего количества всей входящей и исходящей почты. Конфисковывались письма и открытки, содержащие военную или государственную тайну, жалобы или намеки на недовольство лагерными порядками. Из наиболее интересных случаев приведем следующий. В начале 1947 г. в лагере № 314 при проверке было задержано 7 открыток военнопленного немца Г. Кюглера. Между строками текста своих писем он регулярно помещал второй, зашифрованный текст, исполненный квасцовыми чернилами. Расшифровать текст на месте не удалось, и переписка Кюглера была отправлена в Москву. На допросе Кюглера выяснилось, что в июле 1942 г. он попал в плен к англичанам, а затем в порядке обмена военнопленными был переправлен в Германию. Подозревая Кюглера в связях с английской разведкой, ГУПВИ распорядилось отправить его в Москву⁷⁷.

С середины 1947 г. пленным было разрешено получать денежные переводы из-за границы. Их выдача производилась эквивалентными суммами в советских деньгах по существующему курсу⁷⁸. Что касается вопроса о получении военнопленными посылок, то он был разрешен несколько позже. В январе 1946 г. Исполнительный комитет Союза обществ Красного Креста СССР сообщал, что к ним поступают запросы от миссии американского и венгерского Красного Креста в Советском Союзе, а также от румынского посольства в Москве о возможности вручения военнопленным посылок. В Кремле же считали нежелательным установление связи иностранных представительств в Москве с военнопленными, находящимися в СССР и, ввиду отсутствия специальных указаний правительства на места было дано распоряжение не принимать посылки из-за границы, адресованные узникам ГУПВИ. Однако родственники военнопленных и международные благотворительные организации, вопреки мнению советского руководства и, очевидно, исходя из общепринятых международных норм, начали отправлять посылки в СССР в адрес военнопленных, которые постепенно скапливались на Московском почтамте. Поэтому вскоре Министерство связи СССР и Главное таможенное управление Министерства внешней торговли СССР снова подняли вопрос о разрешении вручать военнопленным поступающие из-за границы

⁷⁷ Архив УФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 65.

⁷⁸ Военнопленные в СССР... С. 309.

посылки с продовольствием и предметами первой необходимости. Главное таможенное управление апеллировало при этом к «Положению о военнопленных» от 1 июля 1941 г., в котором подтверждалось право пленных на получение посылок. Министерство связи СССР, в свою очередь, ссыпалось на Всемирную почтовую конвенцию, согласно которой все почтовые отправления, идущие в СССР, должны либо приниматься, либо возвращаться в страну отправления с указанием причины невручения адресату⁷⁹.

Проблема была решена только в начале 1948 г., когда появилась совместная директива МВД СССР и Министерства связи СССР, предписывающая организовать прием и выдачу посылок, поступавших из-за границы в адрес военнопленных. Проверка посылок, так же как и писем, возлагалась на оперативные отделы лагерей. После проверки посылка вручалась адресату по акту⁸⁰. Безусловно, получение военнопленными писем и посылок было для них радостным событием. Тем более что письма и посылки были для военнопленных тоненькой ниточкой, которая связывала их с таким далеким домом, с «нормальной» в понимании обитателей лагерных бараков жизнью.

Скрасить существование военнопленных в лагерях Свердловской области были призваны разнообразные культурно-массовые мероприятия, организации которых уделялось большое внимание. Почти в каждом лагерном отделении были открыты клубы, библиотеки, радиоузлы, а также огромное количество кружков самодеятельности (драмкружки, струинные, духовые и джазовые оркестры, хоровые кружки и кружки народной песни, шахматные, футбольные и гимнастические секции). Так, в лагере № 84 с января 1944 г. начали работать 24 радиоточки, организованы две группы художественной самодеятельности – одна из немецких, другая – из румынских военнопленных, а также оркестр духовой музыки из 15 человек. За январь – февраль 1944 г. ими было дано более 20 концертов. В то же время военнопленные смогли посмотреть 10 кинокартин в 50 сеансов («Она защищает Родину», «Фронтовые подруги», «Партизаны», «Я жду тебя», «Миссия в Москву» и др.)⁸¹. В лагере № 153 в марте 1944 г. силами военнопленных было организовано 6 вечеров самодеятельности, выпущено 8 номеров стен-

⁷⁹ Костенецкий А.В. Указ. соч. С. 144–145.

⁸⁰ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.145.

⁸¹ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.4. Л.5(об.).

Таблица 11

*Культмассовая работа в лагерях военнопленных
№ 313, 376, 504 (октябрь 1945 г.)*

Мероприятия	Лагеря, №		
	313	376	504
Концерты самодеятельности	20	27	35
Показано кинокартин	4	7	1
Спортивные выступления	2	3	122
Спектакли	2	2	

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.48. Л.21, 39, 53.

газеты, где было помещено 104 статьи, в основном о жизни военнопленных в лагере. В течении месяца из лагерной библиотеки было выдано 3200 книг, а число ее читателей составили 1351 военнопленный, в том числе 711 немцев, 347 венгров и 293 румына⁸².

Год от года, с налаживанием быта в лагерях, набор культурных мероприятий, предлагаемых пленным, становится богаче (Табл. 11). Тем более что все они организовывались в основном самими пленными, и вполне понятно, что в послевоенный период, когда проблема выживания перестает быть первоочередной, лагерная жизнь становится более оживленной. Правда, анализ архивных материалов показывает, что вся культмассовая работа, проводимая среди военнопленных изначально страдала определенной заданностью. Суть ее – в «перевоспитании» иностранных военнопленных по коммунистическому образцу сталинской эпохи. Именно такую цель преследовала развернутая в лагерях «политико-воспитательная работа», и набор средств для ее достижения был самым разнообразным. В лагерях и лагерных отделениях с завидным постоянством проводились, к примеру, политинформации и чтение газет. Так, в выполнение вышедшей 31 июля 1943 г. за № 208 директивы Л.П.Берии во всех лагерях Свердловской области для военнопленных ежедневно проводились читки газеты «Известия». Только с 10 по 18 августа 1943 г. таковых было организовано: по лагерю № 84 – 20 с количеством слушателей 1575 чел., по лагерю № 153 – 21 с количеством слушателей 1280 чел.⁸³ По лагерю № 153 эти

⁸² Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.4. Л.121.

⁸³ Там же. Л.53.

Таблица 12

*Политико-воспитательная работа
в лагерях военнопленных № 313, 376, 504 (октябрь 1945 г.)**

Мероприятия	Лагеря, №		
	313	376	504
Общие собрания военнопленных	19/7998	7/3750	6/4800
Производственные собрания	16/8640	21/465	4/2000
Совещания бригадиров			3/270
Политические беседы, лекции, митинги	193/27008	27/3000	2/4000
Читки газет	118/21490		20/2000

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.48. Л.17, 36, 53.

* В числителе – проведено мероприятий, в знаменателе – охват, чел.

цифры, значительно увеличившись, составили в марте 1944 г. соответственно 205 читок и 24 352 чел. Кроме того, в течение месяца было проведено 15 политинформаций⁵⁴. Столь же регулярно с военнопленными проводились собрания, митинги, лекции, индивидуальные и групповые беседы. Их темы говорят сами за себя: «Товарищ Сталин – вождь мирового пролетариата», «Сталинская конституция», «Что такое Советская власть?», «О социальном обеспечении в СССР», «Адольф Гитлер – проклятие Германии», «Причиненный немецкими оккупантами материальный ущерб Советскому Союзу в войне 1941–1945 гг.», «О международном положении», «Международный военный трибунал», «Виновники убийства польских военнопленных в Катынском лесу» и т.д.

Разъяснительную работу среди военнопленных проводили инструкторы и комиссары политических отделов лагерей. Помимо всего прочего, в их обязанности входил сбор и учет данных о настроениях военнопленных, их реакции на те или иные события на фронтах и в мире в целом. Однако охватить тотальной проверкой и наблюдением несколько тысяч человек работники политотделов могли только с помощью осведомителей. Вот почему в каждом лагере создавалась тщательно законспирированная сеть.

⁵⁴ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.4. Л.120, 120(об).

Кроме настроений среди военнопленных, через нее администрация лагеря узнавала о готовящихся побегах, провокационных выпадах и иных неблаговидных действиях и намерениях своих подопечных. Так, при помощи осведомителей в сентябре 1946 г. в лагере № 200 была выявлена и разоблачена «профашистская вредительско-саботажническая группа» военнопленных румынской армии «Бригада де Студену». Ее участники Антроп Кирилл, Безнэ Думитру, Петрашку Георге, Тоти Сотир, Скрыпкару Теодор и другие, всего 8 чел., призывали военнопленных к саботажу и вредительству на производстве, подрыву антифашистской работы, запугивая военнопленных-антифашистов. Более того, они проводили антисоветскую агитацию среди советских граждан, работавших совместно с военнопленными на Алапаевском деревообделочном комбинате. Как было установлено следствием, участники группы забивали железные гвозди в бревна, посыпаемые в лесопильные рамы на распиловку, вследствие чего было выведено из строя до 20 пилорам. Кроме того, участники группы Скрыпкару и Петрашку вывели из строя на 2 суток мотор мотовоза и механическую лебедку по выемке дровесины из воды. Судом военного трибунала войск МВД Уральского военного округа 7–9 января 1947 г. 7 участников группы осуждены на сроки от 5 до 10 лет⁸⁵.

В начале марта 1947 г. в лагере № 313 была разоблачена и привлечена к уголовной ответственности группа, готовившая диверсионный акт на шахте Дегтярского медного рудника. Следствие установило, что военнопленный Пфунд вместе с двумя соотечественниками готовил взрыв клети подъемной машины, а с наступлением весны планировал взорвать проходную шахты. Для выполнения задуманного группа имела взрывчатку и бикфордов шнур. В том же лагере в декабре были арестованы трое военнопленных румынской армии: Сырбу, Негу и Грединару, – которые проводили антисоветскую агитацию путем изготовления и распространения листовок с призывом отказа от работы и требованием немедленной депатриации. Все трое были осуждены судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа к 8 годам ИТЛ⁸⁶.

Лагерное сообщество по вполне понятным причинам относилось к «стукачеству» крайне негативно. За годы своего пребывания за колючей проволокой обитателям лагерных бараков, помимо все-

⁸⁵ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.38, 39.

⁸⁶ Там же.

го прочего, пришлось также осознать, что товарищи далеко не всегда становятся товарищами по несчастью, а используют любую возможность для выживания, даже за счет других. Архивные материалы показывают, что, чем яснее вырисовывалась перспектива разгрома немецко-фашистских войск, тем охотнее обитатели лагерей областного ОПВИ шли на контакты и сотрудничество с оперативниками. Всего же в 1942–1950 гг. работниками оперативно-чекистских (позднее – просто оперативных) отделов лагерей из числа военнопленных было завербовано агентуры 2738 чел., из них с перспективой использования в послевоенный период за границей – 169 чел.⁸⁷

Источники свидетельствуют, что одной из задач, которую оперативники решали довольно успешно, используя сеть своих агентов среди военнопленных, было выявление и разоблачение лиц, виновных в совершении военных преступлений и, как правило, скрывающих свое подлинное лицо. Не менее ощутимую помощь осведомители оказывали при сборе среди военнопленных важных сведений военно-стратегического, политического, тактического, экономического, технического и т.д. характера. По имеющимся данным, в период с 1942-го по 1945 г. в лагерях Свердловской области была получена информация по 693 военно-стратегическим объектам противника: по аэродромам – 65, по авиазаводам – 23, по танковым заводам – 9, по автозаводам – 10, по мотостроительным заводам – 21, по судостроительным – 9, по химическим заводам – 13, по заводам боеприпасов – 49, по металлургическим заводам – 12, по производству и переработке горюче-смазочных материалов – 16, по новым видам вооружения – 16, по базам снабжения и складам – 39, по укрепрайонам – 19, по дислокации штабов – 4, по другим объектам стратегического, экономического и военного назначения – 388⁸⁸.

Нередко в число осведомителей старались попасть военнопленные, преследовавшие свои собственные цели. В сентябре 1942 г. в Монетно-Лосиновском лагере был арестован военнопленный А.Хейно, 1916 года рождения, по национальности финн. Как выяснилось позже, в 1932 г. он нелегально перешел границу из Фин-

⁸⁷ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.6.

⁸⁸ Там же. Л.8, 9; *Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России*. Екатеринбург, 1997. С. 155.

Таблица 13

*Вербовка агентуры в лагерях военнопленных
Свердловской области*

Армии	Завербовано в течение года военнопленных, чел.								Всего
	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	
Немецкая	43	31	105	555	887	278	109	47	2055
Румынская	28	142	70	118	37	12	6		413
Венгерская	2	59	15	108	84	31	5		304
Японская						8	3		11
ИТОГО	73	232	190	781	1008	329	123	47	2738

Источник: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.157; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.6.

ляндии в СССР, в 1937 г. – также нелегально вернулся в Финляндию, где был арестован полицией. При аресте сообщил полиции важные сведения разведывательного характера о Советском Союзе. В 1941 г. был мобилизован в финскую армию. Участвуя в боях против Красной армии, был взят в плен, свою настоящую фамилию скрыл. В лагере Хейно предложил свои услуги «компетентным органам». Не располагая вышеизложенными данными, оперативно-чекистский отдел готовил Хейно после вербовки к переброске за кордон. Об этом-то Хейно и поведал своим товарищам по несчастью в лагере и, более того, настоятельно посоветовал им пойти на сотрудничество с оперативниками, чтобы после вербовки добиться переброски за границу и таким образом вырваться из плена. Однако хитроумный план Хейно был своевременно раскрыт агентурным путем, и он был арестован⁸⁹

⁸⁹ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.122.

В осведомители шли также пленные, надеявшиеся тем самым хоть как-то улучшить свои условия жизни, к примеру, получать дополнительное питание. Но решить эту проблему можно было только за счет других военнопленных. Попытка узаконить поощрение осведомителей была предпринята в конце января 1945 г. Заместитель начальника ГУПВИ НКВД СССР адресовал наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам НКВД краев и областей страны просьбу выделить на спецпитание дополнительные фонды из местных ресурсов⁹⁰.

Наиболее ценными помощниками для оперативников в частности и для лагерной администрации вообще были пленные, заявившие антифашистскую позицию, рассматривавшие свое сотрудничество с советскими органами как посильный вклад в борьбу с фашизмом. Правда, нельзя не отметить, что пока вермахт успешно наступал, антифашистские настроения среди военнопленных были не в моде. Однако с нарастанием на фронте неудач и поражений вермахта ситуация меняется, катализатором роста антигитлеровских настроений стала битва под Сталинградом. 12–13 июля 1943 г. в г. Красногорске состоялась учредительная конференция, на которой был избран Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). В него вошли 4 кадровых офицера, 6 офицеров запаса, солдаты, унтер-офицеры, представители германской политэмиграции, писатели, врачи, священники и рабочие – представители самых разных социальных слоев и групп. Президентом НКСГ был избран поэт-коммунист Эрих Вайнерт. Через два месяца – 11–12 сентября – в пос. Лунево под г. Москвой на конференции военнопленных офицеров и генералов создается Союз немецких офицеров (СНО). Президентом СНО был избран генерал вермахта Вальтер фон Зайдлиц, плененный в конце января 1943 г. под Сталинградом⁹¹.

Вопрос о том, чем было вызвано рождение этих организаций в большей степени – искренним порывом со стороны военнопленных или же мощнейшим идеологическим воздействием советских органов, – до сих пор остается одним из самых дискуссионных.

⁹⁰ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. М., 1992. С. 45.

⁹¹ Крупенников А. Политическая обстановка как мотивация политической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // НКСГ и СНО. Красногорск, 1996. С. 96.

С одной стороны, в обязанности администрации лагерей для военнопленных вменялось обеспечение «идейного роста» своих подопечных. Уже весной 1942 г. в Горьковской области на базе Оранского лагеря военнопленных была создана первая антифашистская школа, которая затем была переведена в г. Красногорск. Первый набор был немногочисленным и составил всего 60 чел. В течение трех месяцев курсанты антифашистской школы изучали такие разделы программы: «Правда о гитлеровской Германии», «Советский Союз – страна социализма», «Вторая мировая война и неизбежность поражения Германии», «Основные понятия об обществе и государстве»⁹². Первый опыт подобной работы оказался успешным, и сразу же был составлен план второго набора в школу. При этом около 40% будущих «школьников» должны были составить военнопленные из уральских лагерей (Табл. 14).

Таблица 14
*Разверстка второго набора антифашистской школы
 в Оранском лагере для военнопленных*

Тыловые лагеря	Всего, чел.	Из них		
		австрийцев	немцев	румын
Басьяновский*	20	5	10	5
Елабугский	19	4	10	5
Моршанский	5			5
Монетный*	75	5	50	20
Рябовский	45	5	40	
Спасо-заводский	20	5	10	5
Темниковский	23	3	15	5
Унжинский	33	3	20	10
Итого	240	30	155	65

Источник: РГХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.103. Л.132.

* Объекты Свердловской области.

⁹² Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории ... С. 49.

По имеющимся данным, в последующие годы на антифашистских курсах и школах прошли обучение 73 756 военнопленных, в том числе 48 090 немцев, 21 137 японцев, 4529 румын, венгров, австрийцев, итальянцев и военнопленных других национальностей. Из числа антифашистов немецкой национальности готовились для работы в советской зоне оккупации Германии газетные работники, работники профсоюзов, культурных и молодежных организаций, пропагандисты для народных предприятий, машинопрокатных станций и работники для Общества по изучению культуры СССР⁹³.

Непосредственно в лагерных подразделениях из наиболее подготовленных и проверенных военнопленных, состоявших в антифашистском активе, были выделены функционеры по антифашистской работе. При политических отделах лагерей были созданы из числа военнопленных пропагандистские лекторские группы, а впоследствии – антифашистские комитеты. Есть сведения, что всего в лагерях СССР для военнопленных работало 5000 функционеров и лекторов пропагандистских групп и до 85 000 чел. антифашистского актива. В целях обеспечения развертывания политической работы среди военнопленных в лагерях было создано 575 клубов, 985 библиотек с наличием 500 тыс. экземпляров книг политической и художественной литературы на различных иностранных языках, 1640 антифашистских комнат, 226 радиоузлов. Для военнопленных издавалось 5 газет на немецком, японском, румынском и итальянском языках с общим тиражом 137,5 тыс. экземпляров, а также бюллетень для военнопленных австрийцев с тиражом 6000 экземпляров. Кроме того, для военнопленных немцев выпытывалось из советской зоны оккупации Германии 15 000 экземпляров семи различных газет и журналов. Специально для военнопленных издавалась на иностранных языках политическая литература: «Краткая биография товарища Сталина», «Ленин и Сталин о комсомоле», «Вопросы ленинизма» И.В.Сталина; всего было издано политической и художественной литературы 30 000 экземпляров⁹⁴.

Используя шоковое состояние от катастрофы на Волге, советское руководство решило институциализировать растущие антигитлеровские настроения среди военнопленных. И созданные на переломе войны НКСГ и СНО стали не только попыткой открытия нового

⁹³ «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства»... С. 85.

⁹⁴ Там же.

политического и идеологического фронта против Гитлера из военнопленных солдат, но и средством давления на узников лагерей УПВИ-ГУПВИ НКВД СССР.

С другой стороны, несмотря на то что антифашистское движение в значительной степени было инициировано советскими органами, оно вряд ли могло бы существовать без ответных шагов со стороны самих военнопленных. Другое дело, какой была мотивация военнопленных, составлявших антифашистские активы лагерей. Нельзя не видеть, что их пополнение при всем благородстве целей и задач довольно часто шло за счет людей с далеко не сформировавшейся идеальной позицией. Лагерная администрация в погоне за массовостью закрывала на это глаза, поощряя процесс формирования антифашистских рядов «липовыми» борцами за правое дело. Главная цель, которую преследовали последние, состояла прежде всего в том, чтобы своей «активностью» заслужить право поскорее вернуться домой. Кроме того, для слушателей антифашистских школ и курсов вводились повышенные нормы питания. В то же время многие военнопленные примкнули к антифашистскому движению не для того, чтобы получить дополнительную порцию хлеба, в чем их неоднократно обвиняли, а чтобы внести свою лепту в разгром фашизма и создание свободной Германии.

Так или иначе, принципиально двойственный характер антифашистского движения, выразившийся в его существовании одновременно как объединения действовавших по твердому убеждению людей и как рупора советской пропаганды среди военнопленных, очевиден. Поэтому, спустя годы, многие видные деятели НКСГ и СНО с горечью осознали, что советское руководство злоупотребляло их искренними порывами в своих политических целях. Очевидно также и то, что большинство бывших военнослужащих вражеских армий сторонилось всяческих антифашистских мероприятий в лагерях и до массового вступления военнопленных в ряды антифашистов дело так и не дошло. Наглядным подтверждением тому служат материалы архивов, освещавшие эту сторону пребывания иностранных военнопленных на Среднем Урале. Так, в лагере № 84, где содержались несколько тысяч военнопленных, в январе – феврале 1944 г. антифашистский актив составлял только 350 чел., из них: 140 чел. – немцы, более 200 чел. – румыны. В лагере № 153 в марте 1944 г. антифашистский актив насчитывал 142 чел.: 48 немцев, 57 венгров и 37 румын. По данным Таблицы

Таблица 15

*Антифашистский актив в лагерях № 153, 313, 376, 504
(на октябрь 1945 г.)*

Лагерь, №	Всего содерж- жится, чел.	Анти- фашист. актив, чел.	Из них				
			авст- рийцы	венгры	немцы	румы- ны	про- чие
153	12 593	877	172	169	425	101	10
313	9152	691	13	8	130	530	10
376	5893	358	52	200	78	15	12
504	5079	74		13	61		

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.48. Л.17, 32, 36, 51, 52, 56–60.

15, в лагерях № 504, 153, 313, 376 военнопленные-антифашисты в октябре 1945 г. составляли от 1,5% до 7,5% всех содержавшихся там военнопленных⁹⁵

Можно утверждать, что реальные возможности антифашистов действовать за колючей проволокой были крайне ограниченными и не выходили за рамки разрешенных администрацией лагерей пропагандистских средств. Более того, вряд ли руководство лагерей и чиновники областного ОПВИ НКВД рассматривали деятельность антифашистов как реальную силу в борьбе с нацизмом. Для них она представляла известную ценность только как наиболее действенный инструмент идеологической «перековки» военнопленных. Отсюда – то деятельное участие работников лагерей в постановке «спектакля» под названием «антифашистская работа». Но о достаточной эффективности этих усилий говорить сложно. Догматическая и назойливая пропаганда, направленная главным образом на «разъяснение преимуществ советского строя перед ка-

⁹⁵ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.4. Л.5(об.),121.

питалистическим, на показ политических, хозяйственных и культурных успехов СССР и роли Советского Союза в борьбе за мир, за интересы трудящихся всех стран»⁹⁶, нередко приносила совершенно противоположные результаты, вызывала негативную реакцию. Поэтому среди военнопленных, как в военный, так и в послевоенный период, количество тех, кто продолжал оставаться непримиримым врагом советского строя, было значительно. В то же время в сознании части военнопленных произошел поворот, касающийся их отношения к Советскому государству: от внущенного нацистской пропагандой образа «еврейского большевизма» до реальных наблюдений и оценок действительности.

Отдельного рассмотрения требует проблема взаимоотношений бывших вражеских военнослужащих и простых советских граждан, поверженных и победивших, которая неизбежно сопутствует военному плену. НКВД-МВД СССР пыталось решить вопрос путем изоляции бывших солдат и офицеров противника от местного населения. Однако успешной эта попытка не стала, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы и воспоминания очевидцев. По объективным причинам оградить пленных от общения с советскими гражданами было просто невозможно: они контактировали не только с лагерным персоналом и охраной, но и с гражданским населением за пределами лагерей.

«Вопиющие» факты особенно широкого общения военнопленных с советскими гражданами были, к примеру, «вскрыты при обследовании лагерей № 245, 313, 153, 377, 376 и 531», проведенном в лагерях Свердловской области в 1946 г. с целью устранения нарушений охраны и режима. Выяснилось, что в лагере № 245 на одном из участков работ рота военнопленных-эсэсовцев работала с 600 мобилизованными немцами и немками. На другом объекте 135 военнопленных трудились вместе с 60 русскими женщинами. В лагере № 153 на заводе треста «Тагилстрой» 60 военнопленных работали вместе с 60 советскими заключенными⁹⁷. Опасаясь, «как бы чего не вышло», лагерное руководство неоднократно указывало на все эти «безобразия» руководителям предприятий и строек, где работали пленные. Но подобного рода указания не могли изменить ситуацию.

⁹⁶ «Военнопленные ознакомились с методами социалитического строительства»... С. 85.

⁹⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 153.

Характер и тональность контактов иностранных военнопленных и советских граждан были далеко не однозначными – как с той, так и с другой стороны. Военнопленные в сознании простых советских людей еще очень долго ассоциировались с личным горем, которое они пережили в трудные для всей страны годы. Примером тому является происшествие, случившееся 14 августа 1943 г. в отделении № 6 лагеря № 153 (г. Нижний Тагил), когда начальник караула был застрелен пленный А.Штефан. Первоначально следствие считало, что убийство произошло при попытке к побегу. Однако по ходу расследования выяснилось, что дело обстояло совсем иначе. 23 августа 1943 г. на допросе начальник караула, лично конвоировавший погибшего в лагерь в г. Нижний Тагил, показал, что причиной к убийству послужило следующее: «Около двух месяцев тому назад я получил письмо с моей родины – Ростовская область, Кагальницкий район, – в котором мне сообщили, что мою мать, брата и сестер убили фашисты. Кроме того, я был на фронте и ранен девять раз, из которых пять ранений – тяжелых...»⁹⁸. 24 августа 1943 г. начальник караула был арестован по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР...

Типичной для военного и послевоенного времени была картина, которую описал в своих воспоминаниях бывший военнопленный Иосиф Пехман: «... разнеслась весть о том, что мы прибыли в Свердловск, на Урал. Кто-то из наших узнал, что разница во времени с Москвой здесь 2 часа, значит, от нашего родного времени нас отделяло 4 часа. В городе люди «приветствовали» нас, не скрывая враждебности: взрослые плевали в нашу сторону, дети кричали и кидали в нас камни»⁹⁹. Правда, тот же И.Пехман отмечает, что так было только один раз за все время его пребывания в плену и с такой ненавистью и злобой со стороны русского населения он больше никогда не сталкивался¹⁰⁰. А вот какой запомнилась встреча с военнопленными Н.Селезневой, детство которой прошло в пос. Лосиный Березовского района: «Бараков у нас в поселке всегда было много. Часть из них огородили и сказали, что там будут жить пленные... Жители с утра вышли к паровозику – «Кукушке», – который

⁹⁸ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.3. Л.180–181.

⁹⁹ Pechman J. Dawai, dawai! Meine Kriegsgefangenschaft in Ural 2 Mai 1945–17 Dezember 1947. Wien, 1997.

¹⁰⁰ Там же.

ходил с участка на участок (имеются в виду участки торфо-разработок. – С.Н.). И вот в 4 часа вечера подошел состав, вагоны открыли, а пленные стоят и боятся выходить. Вышел военный, что-то им объяснил спокойно, и они стали выходить. Но военным пришлось сделать коридор из солдат с собаками, та как народ с обеих сторон начал на них (пленных – С.Н.) надвигаться. В это время вышла пожилая женщина и сказала: «Опомнитесь, это такие же дети и отцы, которых приказом отправили на эту бойню». Жители постояли и стали расходиться»¹⁰¹.

Архивные документы свидетельствуют, что довольно частыми были конфликты между пленными и бойцами конвойных войск, охранявшими лагеря. К примеру, рядовой 239-го полка Гальченко отобрал и присвоил себе часы вплененного Обермаера. При этом он избил командира роты военнопленных Ратковского и военнопленного Мету до такой степени, что они не смогли работать. Поводом для избиения явился тот факт, что они пытались вступиться за товарища¹⁰². Сержант 257-го полка Старовойтов приказал военнопленному Редеру во время работы в цехе № 98 завода № 183 отремонтировать свои ботинки, угрожая ему винтовкой. Сержант Галиев избил военнопленного Колхи за то, что тот после перевыполнения дневной нормы выработки лег на месте работы отдохнуть. В лагере № 153 военнопленный Дюпас самовольно ушел с места работы на базар. Ефрейтор Умбиталиев нашел его на базаре и перед строем военнопленных расстрелял из автомата. Военнопленный Пиль, вышедший за пределы зоны на один метр, был расстрелян рядовым Афанасьевым¹⁰³.

Следует отметить, что враждебность «погрежденных» по отношению к своим «притеснителям», так же как и враждебность советских граждан – будьто местные жители или те, кто общался с пленными по долгу службы, – была необязательным явлением. Инвалид Великой Отечественной войны и ветеран труда В.Богатырев, работавший с 1948 г. в 82-м цехе завода УЗТМ в г. Свердловске, вспоминает: «Каждый день к 8 часам утра привозили к нам на участок одного немца. Сначала мы к нему относились настороженно. Но, увидев его отношение к работе, дружелюбие и

¹⁰¹ Из неопубликованного письма *Н. Селезневой* в редакцию газеты «Уральский рабочий».

¹⁰² РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 156.

¹⁰³ Там же.

приветливость, изменили свое отношение. Мы увидели в нем такого же рабочего парня, как и мы сами. От него подчас даже зависел наш заработка... и не было случая, чтобы из-за него была не сдана продукция. У Ганса – так звали нашего немца – была зажигалка, и мы, почти все курящие, подходили к нему прикуривать, так как со спичками в то время было туговато. Но однажды он оставил ее на разметочной плите, и она исчезла... Нам всем было неловко, и мы пытались узнать, кто стащил зажигалку, но безрезультатно. Ганс не долго унывал и даже сочинил шуточный стишок: «Смотрит, смотрит и не видит, а взял – и до свидания!» Мы вместе с ним дружно смеялись...»¹⁰⁴

«Бить их (пленных. – С.Н.) никогда не били. Солдаты, охранявшие их, никогда не кричали. Если кто дорогой на работу занемог, колонна останавливалась и ждала столько, сколько было нужно. Пленные, которые работали в поселке, могли с нами общаться, и мы передавали им кое-какие вещи. И этого никто не запрещал...»¹⁰⁵, – вспоминает упомянутая выше Н.Селезнева.

С течением времени между военнопленными вражеских армий и местным населением складывались достаточно доверительные, добрые отношения. Пленные выменивали или покупали у гражданского населения, в основном женщин, хлеб, молоко, сахар, табак и т.п., которые последние приносили прямо на места работы. Более того, беспрепятственное в целом ряде случаев общение военнопленных с русскими женщинами приводило к завязыванию между ними близких отношений. Так, заключенный лагеря № 245, военнопленный австриец Розман «установил интимные связи и сожительствовал со спецпереселенкой немкой Цельцер». Работница леспромхоза Поварницкая установила «личное знакомство» с пленными венграми Ола и Айдель, содержавшимися в лагере № 376, и оказала деятельную помощь при совершении ими побега из лагеря, в результате чего вместе с бежавшими предстала перед судом. Заключенный лагеря № 377 румынский военнопленный Кастор «длительное время сожительствовал с работницей шахты Батаниной, и впоследствии Батанина родила от него девочку». Факт своего отцовства Кастор на допросе не отрицал¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Из неопубликованного письма *В.Богатырева* в редакцию газеты «Уральский рабочий»

¹⁰⁵ Из неопубликованного письма *Н.Селезневой* в редакцию газеты «Уральский рабочий».

¹⁰⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.153.

В «непозволительных связях» с военнопленными были замечены и «отдельные морально-неустойчивые» работники и жены сотрудников лагерей. Так, зимой 1943 г. в лазарете лагеря № 153 обнаружили, что уже длительное время врач-ординатор Ворвак состоит в близких отношениях с венгром Эрчей, работающим зубным врачом, и снабжает его спиртом и продуктами. Начальник санитарного отдела одного из отделений лагеря № 531 Наседкина в 1947 г. вступила в интимную связь с военнопленным румыном Джержеску. Кроме того, она «создала условия для встреч у себя на квартире переводчицы Хинской и военнопленного румына Черчилла»¹⁰⁷.

Общению пленных и местного населения не мешало даже не знание языка. И уже очень скоро в лексиконе бывших вражеских военнослужащих появляются слова и выражения Plenni, Woenni, Woina, Tschai, Machorka, paru Kartoschki, poschalsta, Chleb, Kascha, Hirsekascha, Reiskascha, Kapustasup, Kuschat, Stolovaja, Kuchnja, Chlebereska, Natschalnik, Spezialist, Brigadir, Stachanowtschik, Domoi, skoro domoi, idi sjuda, ruki werch, domoi dawai, rabotai dawai, Brigade, Kolchose, Sowchose, Fufaika; Gimnastjorka, saprali, tscho eto, ja ne ponimaju, spasibo, potschemu, ukaz...

Жизнь, таким образом, вносила свои корректиры в решениис проблемы «военнопленные – советские граждане». Война, вызванная противостоянием идеологий и режимов, в российской глубинке разрешилась, как правило, победой простых человеческих отношений. И хотя отношения побежденных и победителей не были идеалистическими, их опыт в целом можно оценить как положительный. В данном алогизме заключается особенность развития любой культуры, нации, страны, которая полноценно живет и развивается только через диалог с другими, иногда диаметрально несходными. Иной путь развития, стремление к созданию «чистой культуры» приводит к обединению и стагнации с последующей «смертью» культуры, поскольку ресурсный фонд ее развития оказывается исчерпанным.

Существует мнение, что в вопросах обращения советское руководство не видело особой разницы между своими гражданами и иностранными военнопленными. Анализ архивных материалов действительно показывает, что быт и режим содержания иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях Среднего

¹⁰⁷ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.11. Д.66. Л.80.

Урала во многом сближал их по положению с советскими заключенными. В системе УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР были воспроизведены отложенные еще в 1930-е гг. механизмы управления в лагерях ГУЛАГа, учета заключенных, их охраны и т.д. Можно сказать, что опыт изоляции значительных масс людей, накопленный в СССР к 1941 г., облегчил интеграцию лагерей с пленными иностранцами в советскую пенитенциарную систему. По крайней мере, чисто технический алгоритм решения задачи уже был, и другого варианта власти не искали просто потому, что не видели, да и не могли видеть альтернативы.

Как и в случае с ГУЛАГом для архипелага ГУПВИ в целом и его локальных образований в частности значение системообразующего имел экономический фактор. Совершенно очевидно, на наш взгляд, что при организации системы заключения для иностранных военнопленных вся внутренняя жизнь любого лагерного организма – режим дня, деление пленных на группы труда и т.д. – подчинялась требованию максимально эффективного использования контингента на рабочих объектах. Однако именно это требование, лежавшее в основе конструкции, известной под псевдонимом УПВИ/ГУПВИ НКВД/МВД СССР, вступало в противоречие с тем фактом, что бывшие военнослужащие армий противника были иностранными подданными, в перспективе необходимыми для резонирования положительного образа Страны Советов. Поэтому откровенно обнажать перед ними подноготную советского строя никто не стремился, скорее наоборот. Источники свидетельствуют, что чем яснее вырисовывалась перспектива победы в войне, а вместе с ней – картина послевоенных международных отношений, тем большие права получили вражеские военнослужащие в СССР в целом и на Среднем Урале – в частности. Самым важным среди них, вне всякого сомнения, было право на жизнь, которое – при всех оговорках, – солдаты и офицеры противника получили изначально, с первых дней плена. Это выгодно отличало иностранных военнопленных в СССР от узников лагерей ГУЛАГа и, в особенности, от советских военнопленных в Германии.

1.3. Материальное положение и медицинское обеспечение

На территории Свердловской области все зоны лагерных отделений были организованы на базе помещений, предоставленных так называемыми хозорганами, то есть предприятиями и организациями, за которыми НКВД закрепляло военнопленных как рабочую силу. Следует отметить, что в период массового поступления в область эшелонов с военнопленными – в 1945–1946 гг. – хозяйствственные организации были не готовы к приему и размещению бывших вражеских солдат. Поэтому зоны организуемых лагерных отделений строились и оборудовались наспех, их жилая площадь не соответствовала нормам, установленным НКВД СССР, и зачастую представляла собой лишь обнесенную ограждением территорию, на которой разбивались палаточные городки. В лагерях № 153, 200, 245, 313, 314, 376 имелись отделения, где военнопленные размещались в землянках и полуzemлянках временного типа. Там же, где предприятия предоставляли для организации лагерных отделений здания и постройки, в большинстве своем это были одноэтажные бараки каркасно-засыпного типа постройки 1930-х гг.¹⁰⁸

Лагеря, принимая от хозорганов помещения для зон лагерных отделений, уже силами самих военнопленных достраивали хозяйственные, бытовые и подсобные помещения, обеспечивающие полный комплекс коммунально-бытового и медико-санитарного обслуживания. В каждой зоне оборудовались лазареты, амбулатории, санитарные, пищеблоки, бани, дезкамеры, прачечные, бытовые мастерские, складские помещения, засолочные пункты, овощехранилища, гауптвахты, караульные помещения и т.д. За пределами зон строились помещения для штабов лагерных отделений, казармы для охраны и гаражи. Для проведения культурно-просветительных мероприятий во всех крупных лагерных отделениях были отведены специальные помещения под клубы. К концу 1946 г. практически все лагерные отделения имели на своей территории все необходимое для нормальных условий содержания военнопленных. К тому же времени были ликвидированы все неблагоустроенные лагерные отделения и проведена полная паспортизация лагерей Свердловской области¹⁰⁹

¹⁰⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.206.

¹⁰⁹ Там же. Л.207.

В жилых помещениях военнопленные размещались отдельными подразделениями (отделение, взвод, рота, батальон) на двухъярусных койках вагонного типа. Помимо коек, бараки обеспечивались столами, табуретками, скамейками, тумбочками, вешалками для верхней одежды и т.д. Для размещения лучших производственников выделялись особые помещения, оборудованные мебелью, одноярусными кроватями, гардинами и т.д. Бывшие старшие офицеры из числа военнопленных также, как правило, размещались в отдельных комнатах с более комфортабельными условиями¹¹⁰.

Таблица 16 показывает, что нормы жилой площади на одного военнопленного даже после 1946 г., когда руководство областного ОПВИ доложило о полном благоустройстве лагерей, выдерживались не всегда. В период с 1942-го по 1949 г. таковых норм действовало две. До 1946 г. действовала норма в 1,2 кв. метра на каждого военнопленного, после 1946 г. – в 2,0 кв. метра. Заметное уменьшение жилой площади на одного человека в 1947 г. архивные источники объясняют двумя причинами. Во-первых, в начале 1947 г. часть жилого фонда была занята под расширение сети лечебных учреждений за счет переуплотнения здорового контингента. Во-вторых, в конце года в Свердловскую область были завезены 4000 военнопленных, при размещении которых создалась «скученность». Ее удалось ликвидировать только в начале 1948 г., когда были введены в эксплуатацию дополнительно построенные бараки¹¹¹.

Таблица 16
Жилой фонд лагерей военнопленных Свердловской области

Показатель	По состоянию на 1 января				
	1945	1946	1947	1948	1949
Емкость лагерей по нормам Н ВД-МВД, чел.	74 502	94 125	50 763	32 178	18 513
Фактически размещено, чел.	68 064	74 692	60 285	32 166	15 486
Приходится жилплощади на одного чел., кв. метров	1,1	1,9	1,7	2,0	2,4

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.208.

¹¹⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.206.

¹¹¹ Там же. Л.208.

Для сравнения следует отметить, что узники ГУЛАГа были обеспечены жилой площадью значительно хуже, чем военнопленные. По данным В.Н.Земского, в 1942 г. на одного советского заключенного приходилось менее 1 кв. метра, к концу войны – 1,8 кв. метра. Увеличить эту цифру до 2 кв. метров удалось только концу первой трети 1950-х гг., причем далеко не везде: в лагерях Дальстроя, Норильска и Воркуты, а также в лесных лагерных отделениях МВД на одного человека приходилось 1–1,5 кв. метра жилой площади¹¹².

В целях сохранения помещений в надлежащем состоянии во всех лагерных отделениях ежегодно проводились текущие и капитальные ремонты зданий. Кроме основных ремонтных работ, также ежегодно проводился целый комплекс мероприятий по подготовке жилых и подсобных помещений к зиме. Правда, это требовало проявления настойчивости лагерной администрации по отношению к хозорганам, поскольку последние особо не интересовались жилищными условиями военнопленных, работающих на их предприятиях, и считали нецелесообразным затрачивать средства на расширение и ремонт помещений в лагерных отделениях, тем более что для большинства зданий технический срок их эксплуатации уже истек. Так, в 1947 г. ОПВИ УМВД по Свердловской области было вынуждено ликвидировать семь лагерных отделений как не подготовленных по вине хозорганов к зиме и непригодных по состоянию жилого фонда к содержанию военнопленных¹¹³.

С постепенным налаживанием жизни в лагерях военнопленные сами стали заботиться о благоустройстве территории лагерных подразделений. Практически везде со временем были посажены деревья, кустарники, декоративная зелень. В летний период устраивались клумбы и выращивались цветы. Во внутридворовых сквериках устанавливались скамейки, столики и устраивались беседки. В некоторых лагерных отделениях, имевших в зонах водопровод, были построены фонтаны, а в отделениях № 3 лагеря № 531 и № 5 лагеря № 504 были устроены бассейны для купания в летнее время. Оборудовались также и спортивные площадки, где проходили соревнования между лагерными отделениями по футболу, волейболу, боксу и другим видам спорта. В отдельных лагерных отделениях были построены летние сцены, где демонстрировались ки-

¹¹² Земсов В.Н. Указ.соч. С. 22.

¹¹³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.209–210.

нофильмы и концерты лагерной самодеятельности. Свободные участки земли на территории зон предоставлялись под огороды военнопленным, что давало им возможность в дополнение к пайку выращивать овощи¹¹⁴.

Водоснабжение лагеря военнопленных в основном получали от городских водопроводных сетей. Исключение составляли лагерные отделения, расположенные в отдалении от населенных пунктов и промышленных предприятий. Там водоснабжение осуществлялось за счет местных водоисточников. При этом не обходилось и без трудностей. Особенно плохо водоснабжение было организовано в отделении № 1 (пос. Веселовка) лагеря № 504 и отделении № 5 (ст. Шайтан-Болото) лагеря № 200, куда вода подвозилась автомашинами и железнодорожным транспортом¹¹⁵.

Электроэнергию для освещения и хозяйственных нужд лагерные отделения также получали от сетей общего пользования. Правда, ряд лагерных отделений лагерей № 200, 318 и 523 вплоть до 1947 г. освещался керосиновыми лампами и фонарями «Летучая мышь», в силу значительного удаления от электромагистралей. Позже, после настоятельных требований со стороны областного ОПВИ к предприятиям, за которыми были закреплены военнопленные, в этих лагерных отделениях были установлены малые электростанции для освещения зон в ночное время¹¹⁶.

Еще недавно одним из самых дискуссионных оставался вопрос о продовольственном обеспечении военнопленных. Осуществлялось оно в соответствии со специально установленными нормами суточного довольствия, которые неоднократно изменялись в сторону понижения и повышения. В советской историографии господствовало мнение о том, что пленные имели высокие нормы продовольствия, несмотря на тяжести повседневной жизни тыла и послевоенную разруху и голод в СССР. Сегодня большинство исследователей – как зарубежных, так и отечественных – склоняется к прямо противоположному выводу. По их мнению, большая часть военнопленных находилась в состоянии постоянного недоедания с первых дней плена¹¹⁷.

¹¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 210–211.

¹¹⁵ Там же. Л. 208–209.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск. 1994; Сидоров С.Г.

До осени 1942 г. питание пленных осуществлялось в соответствии с 4 нормами довольствия: основной, для занятых на производственных работах, для этапируемых с приемных пунктов в тыл страны и двум дополнительным повышенным, для находящихся в оздоровительных учреждениях и оздоровительных командах. Первая, основная норма включала в себя: хлеба ржаного – 500 г, хлеба пшеничного – 300 г, муки пшеничной – 20 г, круп разных – 120 г, макарон – 20 г, жиров животных – 10 г, масла растительного – 30 г, мяса – 75 г, рыбы – 100 г, картофеля и овощей – 600 г, сахара – 30 г, соли – 30 г¹¹⁸. Томящиеся в лагерях ГУЛАГа советские граждане даже с формальной точки зрения находились в менее выгодном положении. Согласно приказу НКВД СССР от 5 августа 1941 г. занятые на основных производственных работах узники ГУЛАГа должны были ежесуточно получать: хлеба ржаного – 700 г, муки пшеничной – 15 г, круп разных и макарон – 100 г, мяса – 20 г, рыбы – 125 г, картофеля и овощей – 600 г, сахара – 10 г, соли – 15 г¹¹⁹. По подсчетам исследователя Л.И.Гвоздковой, после издания названного приказа общая калорийность питания каждого работающего заключенного ИТЛ и колоний ГУЛАГа в день составляла 1292 калории вместо 1800 калорий, необходимых, чтобы поддерживать жизнь, не работая¹²⁰. Даже западные историки, сравнивая иностранных военнопленных и советских заключенных ГУЛАГа, сегодня признают, что положение последних было еще хуже¹²¹. Советским заключенным не полагался даже минимальный рацион военнопленного. Снижение норм довольствия с одновременным увеличением норм выработки повлекло за собой рост смертности среди заключенных. По подсчетам В.Н.Земского, из общего количества узников ГУЛАГа, умерших в 1934–1947 гг., 516 841 чел. или 53,6%, скончались в течение 1941–1943 гг., остальные 446 925 чел., или 46,4%, – умерли в течение 11 лет (1934–

Продовольственное обеспечение военнопленных в СССР 1941–1955 гг. // Стalingрадская битва в истории России: Первые Юношеские чтения. Сб. докл. СПб., Волгоград, 1997.

¹¹⁸ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории ... С. 27.

¹¹⁹ Там же. С. 28.

¹²⁰ Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (1930–1940-е гг.). Кемерово, 1994. С. 106.

¹²¹ Karner S. Deutsche Kriegsgefangene und Internierte in der Sowjetunion 1941–1956 // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 18.

1940 гг. и 1944–1947 гг.)¹²². В условиях постоянного недоедания в годы войны оказалось и большинство советских граждан, особенно колхозники, очень часто погибавшие от дистрофии¹²³.

25 августа 1942 г., в связи с ухудшением экономической ситуации в стране, директивой НКВД СССР № 353 все повышенные нормы довольствия военнопленных были отменены и суточный рацион питания существенно понижен. Основная, единая для всех норма питания включала: хлеба ржаного – 400 г, муки второго сорта – 20 г, круп – 100 г, рыбы – 100 г, овощей и картофеля – 500 г. Правда, работающим военнопленным дополнительно выдавалось еще 100 г хлеба¹²⁴. Введение новой нормы практически уравняло пленных в вопросе продовольственного снабжения с заключенными лагерей и колоний ГУЛАГа¹²⁵.

Изменение норм довольствия в сторону понижения было резко негативно встречено военнопленными. В Басыновском батальонном отделении в течение сентября 1942 г. 85 чел. систематически отказывались выходить на работу. Они заявляли, что при новых нормах работать невозможно, и выражали опасения, что из-за плохого питания они не доживут до своего возвращения домой. Как показывают архивные документы, снижение суточного рациона питания военнопленных действительно привело к ухудшению их физического состояния и, как следствие, к падению производительности труда. В августе 1942 г. военнопленные Басыновского лагерного отделения выполняли производственный план только на 50%. В сентябре 1942 г. эта цифра становится еще меньше и составляет 32%¹²⁶.

¹²² Земсков В.Н. Указ. соч. С.21.

¹²³ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993; Он же. Триединая несправедливость к крестьянству // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 61–67; Денисевич М.Н. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1995. С. 89–93; Корнилов Г.Е. Питание и смертность сельского населения в годы Великой Отечественной войны // 50-летию Победы: Тез. докл. научно-практич. конф. Челябинск, 1995. С. 80–83; Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики. (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993.

¹²⁴ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории ... С. 28.

¹²⁵ Военнопленные в СССР... С. 368.

¹²⁶ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.36, 36 (об).

Опасения пленных были вполне оправданными. Заведующая отделом физиологии Центрального института питания Наркомата здравоохранения СССР профессор Молчанова, проанализировав рацион пленных на предмет калорийности, в своем заключении от 6 ноября 1942 г. сделала следующие выводы: «Такая калорийность (1945 кал.) может покрыть траты человека, находящегося в полном покое... В настоящее время уже имеется достаточное количество клинических наблюдений, показывающих, что при длительном питании рационом с низким калоражем возникает заболевание, получившее название алиментарной дистрофии... Предлагаемый набор продуктов беден не только углеводами и жирами, но и витамином "А", что может привести к поражениям слизистых путей и развитию куриной слепоты. При тяжелой физической работе расстройство наступает значительно быстрее, и часто бывает невозможно уловить те границы, при переходе через которые процесс становится необратимым. Как минимум калорийности при тяжелой физической работе все же следует считать 3000 калорий, при легкой – 2400 и при так называемом комнатном покое – 2000 калорий»¹²⁷.

В начале 1943 г. нормы суточного довольствия военнопленных снова были уточнены и объявлены приказом НКВД СССР от 16 марта за № 00488. Вводились отдельные нормы для военнопленных рядового и унтер-офицерского состава (№ 1), для военнопленных офицеров и военнопленных генералов (№ 2), для содержащихся на гауптвахте (№ 3) и больных (№ 4–6). Дифференциация норм была, вероятно, связана с разгромом противника под Сталинградом и массовым плениением офицеров и генералов.

В соответствии с новыми нормами в рацион питания военнопленных было возвращено мясо (30 г – для рядовых, 50 г – для офицеров и 70 г – для больных), введено сало или комбижир (3 г), но при этом количество рыбы было уменьшено со 100 до 50 г, крупы – со 100 до 80 г, растительного масла и сахара – с 20 до 10 г, соли – с 30 до 10 г. Кроме того, по аналогии с ГУЛАГом НКВД СССР размер хлебного пайка пленного был теперь поставлен в прямую зависимость от производительности труда. Выполняющие производственную норму до 50% получали 400 г хлеба, от 50 до 80% – 500 г, от 80 до 100% – 600 г, от 100 до 125% – 700 г, от 125 до 150% – 800 г и от 150% и выше – 900 г. Военнопленным,

¹²⁷ Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер.4: История, философия. Вып.1. 1996.

занятым на тяжелых физических работах, полагалось на 100 г хлеба больше, чем прочим пленным соответствующей группы довольствия¹²⁸.

Как отмечает исследователь С.Г.Сидоров, принятых мер оказалось недостаточно. Поэтому 9 апреля 1943 г. НКВД СССР издал приказ № 00683 об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных. Впервые на 25% была увеличена, в том числе и по хлебу, основная норма питания для ослабленных военнопленных. Также на 25% увеличивалась основная норма продуктов для занятых на тяжелых физических работах. Резко возрастила и выдача хлеба таким пленным. Выполняющие нормы выработки до 50% получали теперь 650 г; от 50 до 80% – 750 г; от 80 до 100% – 850 г; от 100% и выше – 1000 г. Военнопленным, занятым на других работах, хлеб выдавался в размере от 500 до 700 г также в зависимости от выполнения производственных норм.

С введением новых норм и правил организации питания калорийность пищи, получаемой военнопленными, стала колебаться в пределах от 1649,5 до 2028,5 калорий¹²⁹. Дабы получить максимум, необходимо было выполнить производственное задание на 100%, что удавалось далеко не всем. В результате питание основной части пленных продолжало оставаться недостаточным.

В июле 1943 г. НКВД СССР выпустил директиву № 341 «О дополнительном питании больных и ослабленных военнопленных», но и это не изменило ситуацию в целом. В декабре 1943 г. руководство лагеря № 84 указывало на недостаточную калорийность питания военнопленных, особенно находящихся в оздоровительных командах и занятых на тяжелых физических работах, получавших в среднем 2450–2900 калорий в сутки вместо необходимых 3500–4000¹³⁰. Лишь незначительно улучшили положение с продовольственным обеспечением пленных принятые в первой половине 1944 г. распоряженис НКВД СССР № 18с «О дополнительном питании военнопленных» и директива УВС НКВД СССР № 25-41916 «Об обеспечении выдачи военнопленным, работающим в угольной промышленности, разницы между нормами питания, установленными для военнопленных, и нормами, установленными для рабочих в угольной промышленности». В июне

¹²⁷ Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР...

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.63. Д.20. Л.130.

1944 г. заместитель наркома внутренних дел В.В.Чернышов и начальник УПВИ И.А.Петров обратились к Л.П.Берии с докладной запиской: «Недостаточность в питании и наличие физического истощения военнопленных вследствие тяжелых работ подтверждается по ряду основных производственных лагерей (Тагильский, Потанинский, Асбестовский, Тюменский, Бекетовский, Ашинский, Владимирский, Вольский и Орский) следующими данными:

<i>Месяц</i>	<i>% больных</i>	<i>% слабосильных в оздоровительных лагерях</i>
<i>Январь</i>	<i>9,5</i>	<i>20,2</i>
<i>Февраль</i>	<i>12,3</i>	<i>34,9</i>
<i>Март</i>	<i>12,8</i>	<i>29,8</i>
<i>Апрель</i>	<i>7,6</i>	<i>27,3</i>

...Всего военнопленных – 171 211 чел., из этого числа: временно не могут работать 24 825, находящихся в госпиталях НКО и Наркомздрава – 8664 больных, в лагерях – 17 580 чел. резко ослабленных и инвалидов... Для увеличения количества работающих военнопленных и поднятия производительности их труда считаем необходимым решить вопрос об улучшении питания военнопленных...»¹³¹.

В октябре 1944 г. нормы питания снова были изменены в сторону повышения. Новая основная норма включала в себя: хлеба ржаного – 600 г, крупы – 70 г, мяса – 30 г, рыбы – 50 г, сала – 10 г; сахара – 17 г, картофеля – 400 г и капусты – 200 г. Повышение было незначительным: калорийность основного пайка военнопленного увеличилась с 1839 до 2000 калорий. Для работающих и выполняющих нормы было введено дополнительно второе горячее блюдо, которое включало 50 г мясных и рыбных продуктов, 50 г крупы и 10 г жиров¹³². Калорийность дополнительного блюда составляла 272 калорий. Примерно в то же время были несколько увеличены и нормы питания узников ГУЛАГа: по хлебу – на 12%, крупе – 24%, мясу и рыбе – 40%, жирам – 28% и овощам – 22 %¹³³.

¹³¹ Военнопленные в СССР... С. 368–369.

¹³² Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР...

¹³³ Горбунов И.В. Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинского обеспечения (по док. ГАРФ) // Проблемы военного плена... Ч.2. С.136; Земсков В.Н. Указ.соч. С. 22.

В марте 1945 г. основная норма довольствия военнопленных была увеличена на 524 калории, а для занятых на тяжелых физических работах – на 775 калорий. Калорийность пайка возросла за счет увеличения суточного рациона вермишели с 70 до 90 г, рыбы – с 50 до 100 г, сала – с 10 до 15 г, масла растительного – с 10 до 15 г, соли – с 10 до 30 г, картофеля – с 400 до 600 г, а вместе с другими овощами – с 600 до 920 г. Нормы хлеба остались прежними, и выдавался он военнопленным, как и раньше, дифференцированно, в зависимости от выполнения норм выработки. Для занятых на подземных работах были установлены специальные нормы питания, практически равные нормам отечественных рабочих, занятых в тех же отраслях¹³⁴.

28 сентября 1945 г. приказом НКВД СССР и начальника тыла Красной армии № 001117/0013 были объявлены нормы продовольственного снабжения для военнопленных японской армии. Они, так же как и для бывших военнослужащих европейских армий, были дифференцированными: для военнопленных рядового и унтер-офицерского состава (№ 1), для общегоспитальных больных (№ 2), для военнопленных генералов (№ 3), для военнопленных офицерского состава (№ 4). Питание японцев предполагалось организовать с учетом национальных традиций, а точнее – с учетом специфики японской кухни, поэтому нормы для японских военнопленных отличались от ранее принятых прежде всего набором продуктов. По основной норме № 1 на одного японца в день следовало выдавать в граммах: хлеба из муки простого размола – 300, риса (получищенного) – 300, мяса – 50, рыбы – 100, крупы или муки (из зерна пшеницы, овса, ячменя, бобовых) – 100, овощей свежих и соленных – 600, жиров растительных – 10, мисо (приправа из бобов) – 30, сахара – 15, соли – 15, чая – 3¹³⁵.

Осенью 1946 г. в связи с продовольственным кризисом, возникшим вследствие засухи, все дополнительные нормы питания военнопленных были отменены. Только занятые на подземных работах пленные в соответствии с телеграфным распоряжением МВД СССР № 325 от 12/13 ноября 1946 г. получали при условии выполнения нормы выработки дополнительные 300 г хлеба, а при перевыполнении 400 г¹³⁶.

¹³⁴ Безбородова И.В. Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 54.

¹³⁵ Военнопленные в СССР... С. 390–393.

¹³⁶ Там же.

Резкое уменьшение норм продовольствия и отмена всех дополнительных видов питания привели к тому, что в лагерях Свердловской области калорийность питания военнопленного понизилась с 3300–3600 до 2300–2500 калорий¹³⁷. Разрыв в нормах довольствия вольнонаемных рабочих и военнопленных, работающих на одних и тех же предприятиях, составил¹³⁸:

№ п/п	Продукт	Норма вольнонаемного рабочего, г	Норма военнопленного, г
1.	Хлеб	1000	670
2.	Мясо-рыба	300	100
3.	Жиры	33	20
4.	Крупа	100	140
5.	Картофель	1550	920

В 1947 г. за счет репатриации части военнопленных суточный рацион питания оставшихся удалось повысить на 10%. Были найдены ресурсы, позволившие с февраля 1947 г. повысить нормы питания пленных, занятых на подземных работах в угольной и сланцевой промышленности, а также в горнорудной промышленности Минцвета СССР до норм питания отечественных рабочих этих отраслей¹³⁹. 11 декабря 1947 г. вышло распоряжение МВД СССР № 754 об увеличении нормы выдачи хлеба военнопленным. Для бывших военнослужащих европейских армий было разрешено увеличить хлебную пайку на 100–200 г в сутки за счет добавления в хлеб соевой муки, а военнопленным японцам – выдавать по 50 г соевой муки на котловое довольствие¹⁴⁰. В тот же день МВД СССР издало приказ № 0751 с объявлением 10 новых норм продовольственного обеспечения военнопленных немцев и японцев. Установленные в нем нормы действовали вплоть до освобождения и репатриации последних вражеских военнослужащих в 1956 г.

Очевидно, таким образом, что вопрос о достаточности питания иностранных военнопленных в СССР был снят только к 1948 г. При том система различных надбавок к основному пайку жестко

¹³⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.76.

¹³⁸ Там же. Л.77.

¹³⁹ Горбунов И.В. Указ. соч. С. 141.

¹⁴⁰ Военнопленные в СССР... С. 436.

увязывалась с выполнением нормы выработки, и только так гапленному рантировалось получение удовлетворительного с формальной точки зрения питания. На самом же деле потребности заключенных лагерей УПВИ-ГУПВИ в продовольствии следует рассматривать как изначально заниженные, поскольку их относительное удовлетворение обеспечивало лишь физическое и в меньшей мере социальное выживание. Вот как это отражено в мемуарах одного бывшего военнопленного: «Наступал голод и вместе с ним – потеря достоинства, даже воровство... Преуспевающих «торговцев» и «дельцов» можно было обнаружить во всех социальных группах, как и воров. Там был полковник генерального штаба со звучным именем, которого, несмотря на все предупреждения, многократно ловили как хлебного вора... Там были пленные, которые перед общей сдой прокрадывались в столовую, чтобы заменить свою хлебную пайку на предположительно большую с соседнего стола, или деревянной палочкой измерить уровень супа, чтобы обеспечить себе более полную тарелку»¹⁴¹.

Следует отметить, что в военные и послевоенные годы в полу-голодном состоянии оказались не только иностранные военнопленные, но и значительная часть населения Урала. Есть сведения, что производство и потребление продуктов питания в уральских областях и республиках за годы войны, по сравнению с 1940 г., уменьшилось почти в два раза. М.Н.Денисович указывает, что хроническое недоедание массового распространения в Уральском регионе не получило, но локальные очаги голода наблюдались с конца 1942-го и в течение следующих 1943–1944 гг.¹⁴² По данным В.Т.Анискова, в самом бедственном положении оказалось крестьянство: в 1942–1943 гг. в среднем по стране крестьянская семья на одну душу населения получала примерно 200 г хлеба в сутки¹⁴³.

Известно, что в 1946–1947 гг. голод свирепствовал в целом ряде регионов СССР¹⁴⁴. Как отмечает исследователь В.Ф.Зима, в эпицентре голodomора оказались практически все зерновые райо-

¹⁴¹ Цит. по: *Букин С.С. Немецкие военнопленные в Российской провинции: впечатления о пережитом // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып.2. Новосибирск, 2000. С. 144–151.*

¹⁴² Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 277; *Денисович М.Н. Указ.соч. С. 91.*

¹⁴³ *Анисков В. Т. Триединая несправедливость к крестьянству... С. 63.*

¹⁴⁴ См. об этом: *Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4; Голодомор 1932–1933 гг. на Украине. Причины и послед-*

ны страны – Украина, Молдавия, Правобережье Нижней и Средней Волги, Ростовская область, Центрально-Черноземная область. Серьезно пострадало и население крупных промышленных центров, в том числе Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Красноярска и др. Влияние продовольственного кризиса, безусловно, ощутили жители Нечерноземья, Восточной Сибири, Урала. Голодало около 100 млн чел. – почти половина жителей страны. В общей сложности от послевоенного голода и связанных с ним эпидемий скончалось не менее 2 млн чел., в основном сельчан, а различного рода вызванным голодом заболеваниям (дистрофия, дизентерия, септическая ангина, пневмония, тиф и др.), подверглось приблизительно 4 млн чел., из которых умерло еще около полумиллиона¹⁴⁵. По мнению специалистов, последствия голодного бедствия в СССР были преодолены только в 1950-х гг.¹⁴⁶

Понятно, что в 1940-х гг. при фактически хроническом дефиците продовольствия в стране узники УПВИ-ГУПВИ обеспечивались питанием по минимуму. Важно также отметить, что питание пленных зависело не только от норм продовольствия как таковых, но и от возможностей их выполнения в условиях постоянных экономических трудностей военного и послевоенного времени. Есть основания полагать, что положенное узникам областного ОПВИ пропитание и фактическое потребление далеко не соответствовали друг другу, а поэтому любые сравнения продовольственного обеспечения военнопленных, с одной стороны, и советских граждан – с другой страдают известной долей условности.

Обеспечение лагерей продовольствием производилось в разрезе квартальных и месячных хозяйственных планов, составленных на основании потребностей лагерей в продуктах. Однако зачастую

ствия: Материалы Междунар. науч. конф. Кишинев, 1995; *Банежко Б.С.* Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг. Кишинев, 1990; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. док. М., 1993; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Зима В.Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // *Отечественная история*. 1994. № 3; *Он же*. Голод в России 1946–1947 гг. // *Отечественная история*. 1993. № 1; *Он же*. Социология бесправия. Реакция сталинской юстиции на голод в СССР 1946–1947 гг. // *Политическая социология*. 1999. № 2; и др.

¹⁴⁵ *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 11, 170, 179.

¹⁴⁶ Там же. С. 95.

полный ассортимент положенных продуктов на складах и базах поставщиков отсутствовал. Это влекло за собой недополучение продовольствия лагерями. Так, только за июль – ноябрь 1946 г. лагеря Свердловской области недополучили 17,8 тонн растительного масла, 28,5 тонн сахара, 19,7 тонн молока, 106 тонн мясорыбных продуктов, 31 тонну жиров, 201 тонну крупы и муки. Недостающие продукты отоваривались малокалорийными и неполнценными заменителями. К примеру, в течение летнего периода 1946-го и в первой половине 1947 г. овощи и картофель на 50% заменялись дикорастущей зеленью, что неизбежно снижало качество питания военнопленных и отражалось на их физическом состоянии¹⁴⁷.

На продовольственном обеспечении военнопленных также сказывались упущения и злоупотребления со стороны ответственных органов. Так, в лагерях № 318, 376, 504 производилось произвольное изменение норм замены одних продуктов другими. В лагере № 376 военнопленным систематически недодавали картофеля, чтобы скрыть факт его порчи на складе. В лагере № 504 в марте 1947 г. ослабленным и занятым на тяжелых физических работах военнопленным не выдавалась 25-процентная надбавка сахара. В том же лагере в 1945–1949 гг. из-за недогруза продовольствия поставщиками и по вине железной дороги имели место недостачи: в 1945 г. – на сумму 47 823 рублей, в 1946 г. – 9450 рублей, в 1947 г. – 98 000 рублей, в 1948 г. – 164 000 рублей, в 1949 г. – 85 000 рублей¹⁴⁸. Случались и прямые хищения продуктов.

В 1945 г. в лагере № 318 была вскрыта и арестована группа из 5 работников лагерного отделения № 7, которая занималась систематическим расхищением продуктов питания, а также материальных ценностей. В нее входили начальник лагерного отделения Кулаков, начальник продовольственно-фурожной службы Макушев, заведующий складом лагерного отделения Цапаев, кладовщик Невзоров и счетовод Конкин. Следствием было установлено, что своими действиями они нанесли материальный ущерб государству на сумму 361 281 рублей. Судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа участники группы были приговорены к срокам от 5 до 10 лет ИТЛ.

¹⁴⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.192–193.

¹⁴⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.194–196; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.75–77.

В ноябре 1945 г. в лагере № 314 были арестованы начальник продфуражной службы лагерного отделения № 3 лейтенант Москаленко и кладовщик Кузнецов, которые длительное время расхищали материальные ценности и продовольствие, нанеся материальный ущерб на сумму 221 345 рублей.¹⁴⁹

В феврале 1946 г. в результате реализации агентурного дела «Проходимцы» в лагере № 531 были арестованы начальник военного хоздовольства лагерного отделения № 6 лейтенант Бояршинов, начальник отделения вещевого снабжения Пастушков и др. Следствием было установлено, что преступники в течение 6 месяцев расхищали продовольствие и вещевое имущество, причем продовольствие расхищалось ими путем недодачи продуктов на кухню, что способствовало физическому истощению значительной части военнопленных¹⁵⁰.

В 1946 г. к ответственности была привлечена группа работников продовольственно-фуражной службы лагеря № 153. Как было установлено, ее члены занимались хищениями продуктов питания с дальнейшей их реализацией на рынках г. Свердловска. Так называемой группой Бушуева, в состав которой входили 10 чел., было похищено продуктов на сумму 182 345 рублей. Участники группы были осуждены на сроки от 3 до 25 лет ИТЛ.

Документы свидетельствуют, что продовольственное обеспечение военнопленных в лагерях Среднего Урала становится более или менее удовлетворительным лишь к 1949 г., когда была налажена четкая система внутрилагерного распределения продуктов и прекратились перебои в снабжении, за исключением ряда единичных случаев. Немаловажную роль в улучшении питания военнопленных сыграло начавшееся с конца 1946 г. развертывание в лагерях Свердловской области сети ларьков и буфетов с наличием в последних ассортимента продуктов питания и промышленных товаров. Работа в данном направлении активизировалась после отмены карточной системы. По имеющимся данным, за 1947 г. через торговую сеть лагерных отделений было реализовано продукции на 2 340 000 рублей¹⁵¹. Год от года эта цифра увеличивалась. В ларьках реализовывались нефондовые продукты питания: хлеб, сахар, масло, жиры, колбаса, яйца, а также табак и мелкая галантерея.

¹⁴⁹ Военнопленные в СССР... С. 401.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.195.

Одновременно были принятые меры, направленные на улучшение питания военнопленных. Была организована доставка горячей пищи на места работ с целью недопущения длительных перерывов в ее приеме. По пищеблокам введено дежурство офицерского состава для контроля за полным доведением норм питания до военнопленных, что значительно повысило качество работы пищеблоков. В ряде лагерей были также наложены децентрализованные заготовки дикорастущих витаминоносителей, что помогало ликвидировать авитаминозы, накапливающиеся у военнопленных за долгую уральскую зиму. Для сбора зелени использовались специальные бригады военнопленных из числа оздоровительных команд. В лагере № 504 ими было заготовлено: в 1945 г. – 4500 кг зелени, 850 кг грибов, 120 кг ягод, в 1946 г. – 370 кг зелени, 35 кг ягод, 6000 литров березового сока, в 1947 г. – 45 224 кг зелени, 85 кг шиповника, 13 519 кг грибов, 1437 кг ягод, в 1948 г. – 16 500 кг зелени, 6570 кг грибов, 350 кг ягод¹⁵².

Большое внимание уделялось также созданию и развитию подсобных хозяйств при лагерях военнопленных, являвшихся дополнительным источником продовольствия. В разное время с этой целью были изданы специальные приказы и распоряжения. Раскорчевка и обработка земельных участков производилась при использовании техники МТС, с которыми заключались договора на проведение названных работ. Мелкий сельскохозяйственный инвентарь изготавлялся непосредственно в подсобных хозяйствах силами самих военнопленных, ими же велось и строительство овощебаз, теплиц, зерноскладов, конюшен и др. помещений. Кроме паппи, за подсобными хозяйствами закреплялись также и сенокосные угодья. По имеющимся данным, в 1945 г. по области было создано 10 подсобных хозяйств с количеством пахотной земли 1590 га. В 1946 г. их число увеличивается. В последующие годы, в связи с расформированием ряда лагерей, число подсобных хозяйств сокращается: в 1947 г. – до 10 с посевной площадью в 1742 га, в 1948 г. – до 7 с посевной площадью 1103 га, в 1949 г. – до 3 с 548 га закрепленной земли¹⁵³. С целью получения более высоких урожаев в подсобных хозяйствах проводились все необходимые агротехнические мероприятия, как то: снегозадержания, удобрение почвы, яровизация картофеля, проверка на всхожесть семян зер-

¹⁵² РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д.346. Л.140–141.

¹⁵³ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д.341. Л.207–209.

Таблица 17

*Наличие земли и поголовья скота в подсобных хозяйствах
лагерей военнопленных Свердловской области
(на август 1946 г.)**

Лагерь	Номер лагеря	Площадь земли, га	Поголовье скота, голов
Нижнетагильский	153	528	47
Краснотуринский	197	170	17
Алапаевский	200	120	222
Уральский	245	320	296
Дегтярский	313	380	158
Нижнеисетский	314	250	52
Новолялинский	318	43	11
Красноуральский	376	60	55
Кировградский	377	315	40
Карпинский	504	30	179
Артемовский	523	100	83
Востокураллаг		128	376
Ивдельлаг		276	167
Севураллаг	231	44	93

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.5, 6, 108, 143, 171, 196, 247, 250, 291, 292, 346, 351.

* Подсобное хозяйство лагеря № 84 находилось в с. Некрасово Белоярского района. Данных о наличии в нем скота и земли нет.

новых культур, прополка и многократное рыхление посевов, двухразовое окучивание картофеля, подкормка и т.д. Как отмечается в итоговом отчете областного ОПВИ, особо ценную и полезную инициативу проявил лагерь № 245, где в подсобном хозяйстве была построена водонасосная станция для искусственного полива посевов. К моменту уборки урожая в подсобных хозяйствах строились открытые тока для обмолота, ремонтировались овощехранилища и зерносклады, а также уборочные машины. В крупных подсобных хозяйствах имелись зерносушилки¹⁵⁴. Согласно архивным документам, за весь период существования подсобных хозяйств не было ни одного случая невыполнения плана сдачи сельскохозяйственной продукции на лагерный стол.

¹⁵⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.221–222.

Таблица № 18

Сбор урожая в подсобных хозяйствах лагерей военнопленных Свердловской области

Наименование культур	ГОДЫ					Всего
	1945	1946	1947	1948	1949	
Зерновые, т	350	530	174	400	120	1547
Картофель, т	3220	5510	1674	2892	1309	14 605
Овощи, т	8396	2024	701	106,9	207	11 434,9
Корнеплоды, т	96	494	584	567,7	66	1807,7

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.221.

Помимо полеводства, в подсобных хозяйствах лагерей развивалось животноводство. В хозяйствах разводили кроликов, птицу, овец и коз, свиней, крупный рогатый скот, лошадей. В целях сохранения и предупреждения заболеваемости животных была налажена работа ветеринарных служб. Поголовье скота было закреплено за определенными лицами, ответственными за их состояние. Все конюшни и подсобные помещения ежегодно ремонтировались и готовились к зиме. Ежегодно производилась заготовка кормов на стойловый период.

Характерно, что поголовье скота в подсобных хозяйствах было небольшим. Поэтому количество получаемой продукции животноводства не покрывало нужды лагерей. В 1947 г. подсобные хозяйства поставили: молока – 224 центнера, мяса – 76 центнеров, в 1948 г. соответственно – 291 центнер и 587 центнеров, и в 1949 г. – 506 центнеров и 685 центнеров¹⁵⁵, в то время как потребности лагерей измерялись не центнерами, а десятками тонн.

Основной рабочей силой подсобных хозяйств являлись военнопленные, причем главным образом из числа оздоровительных команд. По имеющимся данным, на работах в подсобных хозяйствах лагерей было занято в среднем: в 1945 г. – 850 чел., в 1946 г. – 1119 чел. К 1947 г. в большинстве хозяйств были сформированы постоянные полеводческие и животноводческие бригады, состав которых практически не менялся до 1949 г. Что, безусловно, способствовало более эффективной и квалифицированной работе воен-

¹⁵⁵ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.223.

нопленных в подсобных хозяйствах лагерей. Правда, до 1948 г. материальные стимулы к этому отсутствовали, так как занятые в подсобных хозяйствах военнопленные не получали никакого денежного вознаграждения. Только с 1948 г. труд военнопленных в подсобных хозяйствах лагерей стал оплачиваться наравне со всеми другими работами¹⁵⁶.

Представляется важным отметить, что за счет продукции, получаемой в подсобных хозяйствах, полностью обеспечить лагеря военнопленных продовольствием не удавалось. Но подсобные хозяйства давали возможность «высвободить» какое-то количество продуктов из плановых фондов снабжения, сокращая тем самым государственные расходы на содержание военнопленных.

В целом же продовольственное снабжение военнопленных в лагерях Среднего Урала медленно, но улучшалось. Этот процесс тормозился двумя объективными обстоятельствами: во-первых, экстремальными условиями военного и послевоенного времени, и в частности продовольственными трудностями, во-вторых, криминализацией сознания людей во время столь длительной и жестокой войны, когда обслуживающий лагеря персонал пытался решать свои проблемы за счет военнопленных. Однако даже в такой ситуации ответственные органы были вынуждены принимать определенные организационные меры для обеспечения военнопленных нормальным питанием. Это в полной мере относится и к обеспечению военнопленных вещевым имуществом, которое производилось за счет бывшего в употреблении красноармейского или трофейного обмундирования по установленным НКВД-МВД СССР нормам вещевого довольствия. В период с 1942-го по 1949 г. таких лействовало две. 7 апреля 1943 г. были утверждены временные нормы вещевого довольствия пленных, которые использовались до 19 октября 1944 г., когда был издан приказ НКВД СССР о порядке обеспечения пленных вещимуществом. В соответствии с ним летом каждый военнопленный должен был получать шинель или телогрейку, хлопчатобумажные или суконные брюки, мундир или гимнастерку, ботинки или сапоги, 2 пары нательного белья, 2 пары портянок, полотенце, пилотку или фуражку; зимой – полуушубок ватный или меховой жилет, телогрейку, ватные брюки, валенки, теплые портянки, шапку-ушанку, полотенце, меховые рукавицы, мундир или гимнастерку.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 224–228.

Таблица 19

*Обеспеченность вещевым довольствием пленных
Монетно-Лосиновского лагеря (на 15.11.42 г.)*

Обмундирование	Требуется	Фактически имеется	Наличие, %
Матрац	2170	1450	66, 8
Фуфайка теплая	1200	270	22, 5
Брюки ватные	1200	600	50
Белье нательное	4390	2700	61, 3

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.56.

Как показывают архивные материалы, вплоть до 1948 г. лагеря военнопленных испытывали нехватку вещевого имущества. Особенно плохо дело обстояло в период с 1942-го по 1945 г., когда снабжение зимним обмундированием и обувью, нательным бельем и постельными принадлежностями было более чем неудовлетворительным. В условиях суровой уральской зимы с ее сильными морозами и большим снежным покровом было невозможно выводить пленных на рабочие объекты на открытом воздухе, не обеспечив их вещимуществом. Такое положение, к примеру, сложилось в лагере № 314, где в конце 1946 г. 3,7% заключенных не выводились на работу из-за отсутствия обуви¹⁵⁷.

Помимо невывода рабочего контингента на работы, отсутствие обмундирования влекло за собой ухудшение физического состояния военнопленных, рост заболеваемости и смертности. Факты обморожений и замерзаний военнопленных, связанные с недостаточным обеспечением контингента вещевым довольствием, были зарегистрированы в лагерях № 84, 523 и 531. Так, 6 октября 1942 г. в одном из отделений лагеря № 84 при возвращении с рабочего объекта в бараки от переохлаждения скончались 6 чел. Несколько днями позже – с 10 октября по 30 октября – в том же лагере в лазарете с диагнозом «переохлаждение» поступили 21 чел. Все они скончались спустя некоторое время после госпитализации. По этой же причине, но уже в конце ноября 1946 г., в лагерном отделении № 6 лагеря № 523 по пути следования с работы умерли трое военнопленных¹⁵⁸.

¹⁵⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.198.

¹⁵⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.3з. Д.4. Л.1–4; Оп.15а. Д.351. Л.19–23.

Пытаясь решить проблему, НКВД-МВД СССР постоянно рассыпало на места грозные указания – распоряжение № 13 об обеспечении военнопленных обувью (13 января 1945 г.), приказ № 054 о сборе теплых вещей, организации их ремонта и подготовки к зимнему сезону 1946/1947 г. в лагерях НКВД для военнопленных (15 марта 1946 г.), телеграфное распоряжение № 56 об обязательном приеме лагерями для военнопленных вещевого имущества, требующего ремонта и реставрации (28 марта 1946 г.), распоряжение № 115 об обеспечении военнопленных непромокаемой обувью на период весенней распутицы (4 марта 1947 г.)¹⁵⁹, – но они не меняли ситуацию в целом, а иногда порождали новые трудности.

Так, прием лагерями ветхого имущества, а также имущества, требовавшего реставрации, привел к тому, что наличие обмундирования в количественном отношении обеспечивало нужды лагерей, но для носки было практически непригодно. Поэтому фактическая обеспеченность военнопленных вещимуществом продолжала оставаться недостаточной и составляла в среднем 60%. Положение усугубилось с началом массовой депатриации, так как весь отправляемый на родину контингент надлежало обеспечить новым обмундированием и обувью. Особенные трудности при этом испытывали лагеря № 313, 314, 376 и 531.

В таких условиях практически при каждом лагерном отделении были открыты мастерские по ремонту, реставрации и пошиву одежды и обуви за счет списанного имущества. К примеру, за 1948 г. в мастерских лагерей № 314 и № 504 было изготовлено вещевого имущества соответственно на сумму 117 966 и 362 586 рублей¹⁶⁰. Наряду с ремонтом, проводимым в мастерских, в зонах практиковалась организация хозяйственных уголков, где мелкий ремонт проводился силами самих военнопленных. Кроме того, со стороны ОПВИ перед лагерями была поставлена задача создания 10–15% обменного фонда на предмет своевременной замены пришедшего в негодность вещимущества, для чего имевшиеся при лагерных отделениях ремонтные мастерские были разукрупнены.

Военнопленные нередко продавали выданное им обмундирование, чтобы на вырученные деньги купить продукты. Так, по лагерю № 504 за 1946–1947 гг. сумма так называемых «промотов» вещевого имущества, допущенных пленными, составила 9326 руб-

¹⁵⁹ Военнопленные в СССР... С. 378, 393, 395, 419.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 201.

Таблица 20

Обеспеченность лагерей военнопленных вещевым имуществом (на ноябрь 1946 г.)

Обмундирование	Наличие, %
Шапки зимние	105
Шинели	101
Телогрейки	26,8
Брюки ватные	75
Полушубки	66
Белье нательное	75
Белье теплое	53
Рукавицы	39
Валенки	48
Одеяла	54
Простыни	60
Наволочки	71

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.199.

лей. Аппарат снабжения лагерей, пользуясь служебным положением, также нередко присваивал вещи, принадлежащие военнопленным. В том же лагере в 1946 г. личным составом было похищено вещимущество на сумму 3850 рублей, в 1947 г. – на сумму 6330 рублей, из которых вещевое имущество на сумму 5342,42 рубля было найдено при обыске и аресте у заведующего базой лагеря Иванова. Иванов был осужден на 10 лет лишения свободы, ряд других работников получили дисциплинарные и административные взыскания¹⁶¹.

Необходимо отметить, что процветавшее в лагерях военнопленных хищения и растраты материальных ценностей, вещевого имущества и продовольствия явились неизбежным следствием войны, в экстремальных условиях которой обслуживающий лагеря персонал нередко пытался решить свои проблемы за счет военнопленных. Процветанию воровства в немалой степени способствовала неудовлетворительная работа оперативных отделов лагерей по борьбе с этим явлением, либеральное отношение к расхитителям, несвоевременное расследование дел о хищениях и мягкость приговоров, засоренность лагерного персонала лицами с преступ-

¹⁶¹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.201.

ным прошлым, путаница в учете движения материальных ценностей, плохая охрана продовольственных и вещевых складов и т.д. НКВД-МВД СССР систематически указывало руководству областных и краевых отделов по делам военнопленных и интернированных на необходимость искоренения недостач, хищений и злоупотреблений личного состава лагерей. В январе 1944 г. циркуляром № 30 предписывалось «прекратить практику наложения на работников лагерей и спецгоспиталей дисциплинарных взысканий за совершаемые хищения. В каждом случае хищений и растрат вместе с организаторами привлекать к уголовной ответственности виновных в попустительстве или создании условий, способствовавших совершению этих преступлений»¹⁶².

В 1945 г. в интересах борьбы с хищениями была проведена реорганизация действовавших при окружных Управлениях военного снабжения НКВД контрольно-ревизионных групп. В результате дополнительного введения 50 ревизоров один ревизор по продовольственной службе стал обслуживать 5 лагерей и один ревизор по вещевой службе – 10 лагерей, что позволило улучшить качество работы ревизионного аппарата. Помимо того, в ГУПВИ НКВД были переведены 300 чел. из числа счетных работников и интендантов, прошедших проверку в проверочно-фильтрационных лагерях¹⁶³. Но судя по тому, что в следующем, 1946-м г. последовал целый ряд новых директив МВД СССР с требованиями «усилить, предупредить, принять меры» по борьбе с хищениями, воровство в лагерях военнопленных продолжало процветать. Способы хищений при этом были самыми различными – от просверливания гирь до подделки чековых требований.

В 1947 г. был проведен целый комплекс мероприятий, направленных на недопущение подобных негативных явлений. С января 1947 г., в соответствии с закрытым письмом МВД СССР № 21, для решения проблемы хищений стали использоваться каналы партийного воздействия на расхитителей, а также, что почти невероятно, учитываться сигналы пленных «о недодачах, недовесах продовольствия и других ненормальностях в организации питания, в трудовом использовании военнопленных, во внутреннем распорядке лаготделения и т.д.»¹⁶⁴. Одновременно все военнопленные, ра-

¹⁶² Военнопленные в СССР... С. 365.

¹⁶³ Кузьмин С.И. Указ.соч. С. 127–128.

¹⁶⁴ Военнопленные в СССР... С. 416.

ботающие на кухнях, продовольственных базах и складах, «во избежание возможности срапивания их с работниками лагерного аппарата», в каждом лагере были переведены в другие лагерные отделения. 24 марта МВД СССР издало приказ № 00326, по которому во всех лагерях в месячный срок был проверен личный состав, связанный с материальными ценностями. Лица, вызывавшие сомнение или совершившие преступление, были сняты со своих должностей. «Впредь на эти должности, — указывалось в документе, — назначать после предварительной проверки и с санкции отдела кадров МВД-УМВД. Практиковать внезапные ревизии, проверки складов, столовых, мастерских, подсобных хозяйств, документируя актами выявленные хищения и недостачи. При возбуждении уголовных дел на расхитителей социалистической собственности обязательно накладывать арест на лично принадлежавшее им имущество, предъявлять гражданский иск в целях возмещения нанесенного государству ущерба. Необоснованное прекращение уголовных дел против расхитителей и вынесение заведомо мягких приговоров опротестовывать»¹⁶⁵. Во все областные, краевые и республиканские управления МВД СССР были разосланы подробные инструкции проверки пищеблоков. В первом квартале 1947 г. в лагеря единовременно было послано 245 чел. из продовольственных служб, которые пробыли в лагерях с проверкой от 30 до 65 дней. 7 марта 1947 г., в соответствии с приказом МВД СССР № 00255, при втором управлении ГУПВИ МВД СССР было создано шестое отделение по борьбе с хищениями соцсобственности в лагерях для военнопленных со штатом в 5 чел.¹⁶⁶

Трудно сказать, что в большей степени способствовало сокращению масштабов хищений и растрат в лагерях — все названные выше меры или постепенная стабилизация экономической ситуации в стране. Но то, что такая тенденция в лагерных подразделениях Свердловской области наблюдалась, очевидно (Табл. 21). Всего же в 1946–1949 гг. от работы с материальными ценностями было отстранено 116 сотрудников аппарата лагерей, уволено за хищения и злоупотребления служебным положением — 329 чел., или свыше 40% всех уволенных в тот период — а это 756 чел.¹⁶⁷

¹⁶⁵ Военнопленные в СССР... С. 420.

¹⁶⁶ Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР...

¹⁶⁷ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.78.

Таблица 21

Ущерб от растрат и хищений сотрудников лагерей военнопленных Свердловской обл.

Год	Причинено ущерба, руб.	Возмещено ущерба, руб.	Убыток, руб.
1946	391 522	344 270	47 252
1947	338 721	283 106	55 615
1948	205 074	195 010	10 064

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.77.

Полностью обеспечить узников областного ОПВИ обмундированием удалось только в 1948 г. Связано это было не столько с налаживанием работы обозно-вещевых служб лагерей, сколько с сокращением в полтора раза численности военнопленных ввиду их депатриации. После расформирования лагерей излишнее вещевое имущество было передано в лагеря системы ГУЛАГа.

Медицинское обслуживание военнопленных в соответствии с «Положением о военнопленных» от 1 июля 1941 г. должно было производиться наравне с военнослужащими Советской армии. В Свердловской области задачи обеспечения иностранных военнопленных медицинской помощью были возложены на медико-санитарную службу ОПВИ УНКВД-УМВД Свердловской области и Санитарный отдел Уральского военного округа. Для их реализации была создана целая сеть специальных медицинских учреждений для военнопленных.

Во всех 13 лагерях в специально отведенных и приспособленных помещениях были созданы амбулатории, в которых, помимо амбулаторного приема, проводились систематические ежедекадные профилактические осмотры военнопленных. Все выявленные при амбулаторном осмотре или приеме больные, нуждавшиеся в стационарном лечении, направлялись в лазареты, также действовавшие в каждом лагере и лагерном отделении. Основными показателями для госпитализации являлись: все острые инфекционные заболевания, лихорадочное состояние больного, подозрения на эпидемические заболевания, острые желудочно-кишечные заболевания, все виды травм, требующие коечного лечения, и т.д. В центральных лазаретах лагерей № 84, 314, 504, 531 имелись

Таблица 22

Обеспеченность лагерей военнопленных Свердловской области медицинским персоналом (на июль 1946 г.)

№ лагеря	Врачей из числа советских граждан, чел.		Среднего медперсо- нала из числа советских граждан, чел.		Врачей из числа воен- но- плен- ных, чел.	Средн. медпер- сонала из числа воен- нооплен- ных, чел.	Коек в ла- зарете, шт.
	по шта- ту	фак- тич.	по штату	фак- тич.			
84	20	4	23	21	18	12	600
153	17	10	26	29	20	6	500
200	9	8	15	23	27	5	200
245	14	7	12	26	24	4	350
313	14	4	22	19	30	8	450
314	8	10	13	18	13	1	300
318	8	1	6	11	12	2	125
376	9	5	14	16	13	3	300
377	10	5	14	18	8	1	200
504	10	3	14	13	15	2	250
523	10	4	14	29	24	8	250
ИТОГО	139	61	183	213	204	52	3525

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.108, 143, 171, 196, 250, 246, 247, 290, 291, 346, 350.

лаборатории, обеспечивающие необходимые клинические исследования, а в тех лагерях, где они отсутствовали, пользовались по договоренности гражданскими лабораториями, что улучшало диагностику и методы лечения. Больные военнопленные, нуждавшиеся в длительном клиническом обследовании и лечении, а также хронические больные и больные туберкулезом, направлялись в специальные госпитали для военнопленных. С 1943-го по 1956 г. работал госпиталь № 1893 на окраине г. Первоуральска, а с 1947 г.

по 1950 г. – передислоцированный с Дальнего Востока госпиталь № 2929 в черте г. Нижнего Тагила¹⁶⁸.

Характерно, что в военные и первые послевоенные годы медико-санитарное обслуживание военнопленных в лагерях Свердловской области оставляло желать лучшего ввиду отсутствия или нехватки медикаментов, а также неукомплектованности медицинского персонала, в особенности врачей. Так, в 1945 г. некомплект врачей по области составлял 130 чел., в 1946 г. – 100 чел., в 1947 г. – 80 чел.¹⁶⁹ Дефицит специалистов не был чисто уральской проблемой. Есть сведения, что лечебные учреждения УПВИ–ГУПВИ в 1944 г. были укомплектованы врачами на 83%, в 1947 г. – на 57,2%, в 1948 г. – на 69,5%, в 1949 г. – на 73,2%¹⁷⁰. Решить вопрос нехватки врачебных кадров пытались путем увеличения штата работников среднего медицинского персонала, которые замещали ряд врачебных должностей, что, безусловно, снижало качество медицинского обслуживания военнопленных. С марта 1946 г. к лечению заключенных стали привлекаться военнопленные-медики: врачебный состав – на должности врачей-ординаторов, а также на работы по санитарному надзору, средний медсостав – на должности фельдшеров, лаборантов, зубных врачей или зуботехников¹⁷¹. В декабре 1945 г. НКВД СССР издало директиву № 234, запрещавшую увольнения медицинских работников из системы ГУПВИ. Но кардинальных перемен не последовало. Есть сведения, что на 1 января 1947 г. по действовавшим в лагерях штатам требовалось 4363 врача и 5526 работников среднего медперсонала, в наличии же было соответственно 2495 и 5331 чел.¹⁷²

Полностью обеспечить лагеря Свердловской области медицинским персоналом удалось лишь к 1948 г. На первое января 1948 г. в лагерях работали: врачей – 45 чел. (37 терапевтов, 5 стоматологов, 2 хирурга, 1 окулист), фельдшеров – 29 чел., медсестер – 33 чел., фармацевтов – 7 чел.¹⁷³ Продолжал широко применяться

¹⁶⁸ Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Международное общество прав человека. Уральская группа. Спец. выпуск. 1992. Июнь. С. 54.

¹⁶⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.85, 86, 87.

¹⁷⁰ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР С. 445.

¹⁷¹ Военнопленные в СССР... С. 488.

¹⁷² Там же. С. 954, 955.

¹⁷³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.87.

труд врачей-военнопленных. Не случайно очевидцы вспоминают, что «по существу своих соотечественников лечили сами немцы, советские врачи подключались лишь в очень сложных случаях»¹⁷⁴. При этом отмечается, что немецкие врачи были прекрасными специалистами.

Военнопленные также привлекались для сдачи крови для оказания помощи больным товарищам. Кроме пайка, донорам в день сдачи крови полагался горячий обед, включавший 12 наименований продуктов (130 г мяса, 30 г жиров, 30 г сахара и т.д.) Они также получали по 100 г туалетного, банныго и хозяйственного мыла. Военнопленные-доноры, сдавшие от 200 до 250 куб. см крови, должны были получать специальный паек, в который входили продукты: по 300 г масла сливочного, сахара, крупы и мяса, а сдавшие от 400 до 500 куб. см крови получали в пайке те же продукты по 500 г¹⁷⁵.

Несомненно, привлечение к медицинскому обслуживанию военнопленных их соотечественников благотворно влияло на ход лечебного процесса, так как снимало возможные барьеры между пациентом и врачом, хотя отношения между военнопленными и советскими врачами и медсестрами тоже, как правило, были нормальными, человеческими. По этому поводу будет уместно привести слова бывшего военного врача Б.М.Столбуня, возглавлявшего спецгоспиталь № 1893 в г. Первоуральске: «Мы врачи и давали клятву Гиппократа, поэтому обязаны помочь любому больному. Скажу сразу, мы не видели в наших пациентах врагов»¹⁷⁶.

Для повышения уровня медицинского обеспечения военнопленных, в соответствии с распоряжением МВД СССР № 576 от 10 сентября 1948 г., были начаты плановые регулярные занятия по специальной подготовке медицинского состава, которыми был охвачен весь штат врачей, а также средние медработники. Количество лиц, посещавших занятия с первого октября 1948-го по март 1949 г. в разрезе отдельных лагерей выражалось в следующих цифрах: по лагерю № 153 – 5 врачей и 8 старших медицинских работников, по лагерю № 314 – соответственно 12 и 14 чел., по лагерю № 531 – 11 и 18 чел., по лагерю № 504 – 7 и 12 чел.¹⁷⁷ Кроме

¹⁷⁴ Григорьев Г. «Мы давали клятву...» // Вечерний Первоуральск. 1992. № 5.

¹⁷⁵ Кузьмин С.И. Указ.соч. С.126.

¹⁷⁶ Григорьев Г. Указ.соч.

¹⁷⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.89.

плановых занятий, 22–29 ноября 1948 г. Санитарным отделением областного ОПВИ были проведены краткосрочные сборы врачебного состава лагерей и спецгоспиталей, на которых присутствовало 45 врачей. Для чтения лекций и проведения практических занятий был привлечен профессорско-преподавательский состав клиник Свердловского медицинского института, Окружного военного госпиталя и Окружного санитарного отделения отряда УралВО. Кроме того, согласно указаниям ГУПВИ МВД СССР о специализации и усовершенствовании знаний врачей, из лагерей военнопленных Свердловской области на курсы повышения квалификации было отправлено в 1947 г. 5 чел. в город Ленинград, в 1949 г. – 2 чел. в город Новосибирск¹⁷⁸. Остается лишь пожалеть о том, что комплекс мер по повышению качества работы медицинских служб лагерей не был принят раньше – до 1945 г., – когда это было крайне необходимо для сохранения не только здоровья, но и жизни подопечных областного ОПВИ.

Поступавшие в лагеря медико-санитарное имущество и медикаменты размещались и хранились на складах аптеко-баз лагерей с последующим распределением по лагерным отделениям согласно заявкам последних. Обеспечение военнопленных медикаментами вплоть до конца 1940-х гг. было минимальным и явно недостаточным, что узники лагерей Свердловской области ощутили на себе со всей остротой. К примеру, в первом полугодии 1945 г. лагерь № 84 был снабжен медикаментами на 75%, а по ряду наименований – на 25%¹⁷⁹. В течение первого квартала 1946 г. плановых поступлений медикаментов и медицинского имущества в лагеря вообще не было. Поэтому в начале года они испытывали острый недостаток в целом ряде лечебных средств, в частности сульфамидных, сердечных, общеукрепляющих и др. препаратах. В 1947–1948 гг. ситуация с медицинским снабжением лагерей более или менее стабилизировалась. Однако ряд лагерей продолжал недополучать сульфамидные препараты, глюкозу, спирт, рыбий жир, слабительные средства. Совершено не отпускался пенициллин, перебои в снабжении которым имели место и в 1949 г. В целом же к концу 1949 г. медицинское снабжение лагерей стало вполне удовлетворительным и оставалось таковым вплоть до депатриации.

¹⁷⁸ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 88.

¹⁷⁹ Там же. Л. 93.

Не всегда квалифицированная и своевременная медицинская помощь, перебои в снабжении продуктами питания и обмундированием, без сомнения, со всей отчестливостью отразились на физическом состоянии военнопленных, уровне их заболеваемости и смертности. Наиболее высокими показатели заболеваемости и смертности военнопленных были в период создания первых лагерей на территории Свердловской области, когда необходимая материальная база для их приема и размещения отсутствовала. В начале ноября 1942 г. начальник Управления НКВД по Свердловской области Т.М.Борщев в специальном сообщении на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андронова докладывал, что в Монетно-Лосиновском батальонном отделении при отсутствии теплой одежды, недостаточном питании и тяжелом труде на разработке торфа заболеваемость и смертность военнопленных постоянно увеличиваются. С момента организации лагеря на протяжении 3-х с половиной месяцев его существования умерли: в июне – 38 чел., в июле – 149 чел., в августе – 148 чел., в сентябре – 170 чел., за первые 15 дней октября – 129 чел., всего – 634 чел., или 30% всех заключенных¹⁸⁰. За весь 1942 г. скончалось 2278 пленных, из них 1902 чел. (83,5%) погибли от дистрофии¹⁸¹.

Ситуация оставалась таковой вплоть до окончания войны. Все это время лагеря военнопленных снабжались по минимуму, так как все ресурсы страны были обращены на обеспечение армии и фронта. Руководство Управления НКВД по Свердловской области признавало, что главными причинами высокой заболеваемости и смертности военнопленных являлись: 1) постоянные перебои в питании, особенно диетическими продуктами; 2) отсутствие теплой одежды и обуви; 3) неудовлетворительная медицинская помощь из-за отсутствия медикаментов и некомплекта кадров¹⁸². Среди прочих причин называлось также прибытие военнопленных истощенными и ослабленными в условия сурового климата Урала из зоны боевых действий и прифронтовых лагерей. Тем более что этапирование военнопленных в тыловые районы производилось в плохо оборудованных или же не оборудованных вовсе вагонах. Особенно тяжелый контингент прибывал из-под Сталинграда в 1943 г. В основном это были дистрофики, для лечения которых в лагерях

¹⁸⁰ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.57.

¹⁸¹ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР... С. 71.

¹⁸² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.56.

Свердловской области необходимых условий не было. Поэтому часть прибывших была обречена. Очевидно, учитывая обстоятельства, в мае 1943 г. всех ослабленных пленных освободили от работ, перевели в оздоровительные команды с обеспечением усиленного питания¹⁸³.

Архивные материалы не позволяют утверждать, что в последующие годы ситуация кардинально меняется. По имеющимся данным, в связи с прибытием в лагеря Среднего Урала большого количества больных дистрофией и инфекционными заболеваниями (тиф, туберкулез, дифтерия, дизентерия и т.д.) высокая заболеваемость военнопленных была зафиксирована в 1945 г. Именно на 1945 г., когда в лагерях Свердловской области умерло 8273 чел., приходится 73,2% всех смертей военнопленных, наступивших в 1945–1949 гг.¹⁸⁴ При этом 5092 военнопленных, или более 60%, скончались в 1945 г. от дистрофии, 1261 чел., или свыше 15% – от воспаления легких, протекавшего очень тяжело на фоне ослабленного организма, 919 чел., или 11% – от инфекционных заболеваний. Особенно неблагополучное положение сложилось в лагерях № 84, 153, 245, 200, 314, где соответственно умерли 2972 чел., 1034 чел., 1578 чел., 843 чел., 614 чел., или 85% общего числа всех скончавшихся в 1945 г. военнопленных¹⁸⁵.

В 1946 г. основной причиной заболеваемости и смертности военнопленных продолжала оставаться дистрофия, сочетавшаяся с авитаминозными расстройствами различных форм. Источники свидетельствуют, что за 1946 г. через стационары и лазареты области было пропущено 10 488 таких больных, или 16,2% от общего числа военнопленных, пользовавшихся лечением¹⁸⁶. Характерно, что главным побудительным фактором истощения военнопленных в ОПВИ УМВД по Свердловской области считали отнюдь не отсутствие должного обеспечения своих подопечных. В архивных документах в качестве главной причины дистрофии указывается завоз в лагеря области уже истощенного и резко ослабленного контингента. Таковой, к примеру, прибыл в сформированные летом и осенью 1945 г. лагеря № 314, 313, 523 и 531 из Фокшан (Румыния), а также в лагеря лесной промышленности ГУЛАГа, в частности в

¹⁸³ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР... С. 105.

¹⁸⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.54.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. Л.57.

Таблица 23

**Заболеваемость военнопленных
в лагерях Свердловской области***

№ п/п	Показатель	ГОДЫ			
		1946	1947	1948	1949
1	2	3	4	5	6
1	Больных в лазаретах на начало года, чел.	6608	4212	2959	299
2	Поступило в лазареты за год, чел., из них по диагнозам	64 848	61 665	18 135	4725
2.1	Острые желудочно-кишечные заболевания	4371	2215	873	339
2.2	Грипп	7314	5499	2399	507
2.3	Пневмония	2994	2198	613	143
2.4	Туберкулез	1583	1922	525	119
2.5	Дистрофия	10 488	27 250	3158	11
2.6	Авитаминозы	906	531	96	4
2.7	Кожные заболевания	4337	1969	952	258
2.8	Хирургические заболевания	3050	4103	2315	908
2.9	Сердечно-сосудистые заболевания	1811	1413	615	131
2.10	Производственные травмы	2983	1855	938	307
2.11	Прочие	23 493	12 106	5309	1957

Окончание табл. на стр. 147

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.57.

* Данные за 1945 г. не приводятся ввиду отсутствия учета.

Окончание табл. 23

1	2	3	4	5	6
3	Убыто всего за год, чел., из них:	65 229	62 290	20 696	4980
3.1	Переведены в спецгоспиталь	5765	4967	1447	872
4	Состоит больных на конец года, чел.	4212	2959	299	15
5	Проведено койко-дней	1297 670	1708 185	397 383	49 055

Ивдельлаг и Севураллаг. Правда, здесь областные чиновники явно лукавили. Те же документы со всей очевидностью доказывают, что к ухудшению физического состояния военнопленных неизбежно приводили те условия содержания и труда, в которые бывшие вражеские солдаты и офицеры были поставлены в лагерях Среднего Урала. Наибольший рост числа ослабленных военнопленных наблюдался там, где они использовались на тяжелых работах, особенно в лагерях № 313 и 376, контингент которых добывал руду под землей¹⁸⁷.

Большое количество дистроиков «поставляли» также подсобные хозяйства лагерей, руководство которых игнорировало требования к трудовому использованию и содержанию военнопленных. Так, в сентябре 1946 г. в подсобное хозяйство лагеря № 84 были направлены 800 военнопленных. Размещены они были в палатах и шалашах. Сушкилока не было. Спали в мокрой одежде и обуви. Санобработка не производилась. Работали по 12 часов в сутки, спали – 6 часов вместо 8 положенных. Физическое состояние при этом не учитывалось. Питание было организовано из рук вон плохо. Систематически недодавались хлеб, жиры, крупа. В результате к ноябрю 15 военнопленных умерли, 248 чел. были госпитализированы в состоянии необратимой дистрофии¹⁸⁸.

Лечение дистроиков производилось преимущественно переливанием крови, для чего в ряде лагерей (№ 313, 314, 531) были созданы группы доноров из числа военнопленных первой и второй

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 57.

¹⁸⁸ Там же. Д. 351. Л. 19.

Таблица 24

*Смертность военнопленных
в лагерях Свердловской области**

Причина смерти	Всего умерло, чел.				
	1945	1946	1947	1948	1949
Сыпной тиф	113				
Брюшной тиф	23				
Дизентерия	86	1			
Паратифы	12				
Острые отравления		4	4		
Острые желудочно-кишечн. заб.				8	
Дифтерия	61				
Дистрофия	5092	724	36	1	1
Пневмония	1126	355	190	9	2
Туберкулез	624	160	145	57	8
Производственные травмы	68	124	77	31	9
Прочие болезни	933	645	170	115	42
ИТОГО	8273	2013	630	213	62

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.54

* Не приведены данные по ОРБ, не учтены 70 случаев смерти в 1946 г. и 42 случая в 1947 г.

категории здоровья. Широко применялась также витаминотерапия и дробное 4-х- и 5-разовое питание. Руководство областного ОПВИ «рапортовало по начальству», что за 1946 г. из лазаретов лагерей было выписано 5 тыс. излеченных дистрофиков. И если в 1945 г. дистрофия дала более 60% всех смертных случаев, имевших место в лагерях Свердловской области, то теперь их число уменьшилось до 36%¹⁸⁹

¹⁸⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.54, 59.

Наличие в лагерях значительного количества ослабленных военнопленных способствовало их особой восприимчивости к другим заболеваниям, особенно простудным. Это повлекло за собой эпидемию гриппа в феврале 1946 г., в результате которой больные гриппом дали 10% от общего числа всех стационарно лечившихся в течение года военнопленных. Их количество, согласно архивным данным, достигло 5 тыс. чел. Из них у 997 чел. грипп осложнился воспалением легких, от которого скончались 355 военнопленных, или 18% всех скончавшихся в 1946 г.¹⁹⁰ Из источников известно, что воспалением легких в основном болели военнопленные, работавшие на открытом воздухе (в лагерях № 314, 504 и 523). Самая же высокая заболеваемость пневмонией отмечалась в лагере № 313 в связи с резким охлаждением военнопленных по выходе из шахт и при транспортировке в зону лагеря. Характерно, что простудные заболевания и обморожения прочно удерживали за собой второе место в общем балансе нестационарной медицинской помощи, оказанной военнопленным в 1946 г. Источники свидетельствуют, что заболевания простудной этиологии и обморожения стали в тот период одной из главных причин обращения военнопленных в амбулатории лагерей и временной утраты трудоспособности, дав около 20% всех освобождений заболевших от работ¹⁹¹. Без сомнения, главной тому причиной явилась неудовлетворительная подготовка лагерей к содержанию и трудоиспользованию военнопленных в зимних условиях.

Безобразные в целом ряде случаев условия содержания и обеспечения военнопленных явились причиной широкого распространения среди них острых желудочно-кишечных заболеваний. Особенно неблагополучным было положение в лагерях № 314 и 523 с неудовлетворительной организацией питания и водоснабжения.

Эти же факторы оказали решающее влияние на высокую заболеваемость военнопленных кожными заболеваниями. Администрация лагерей неоднократно указывала, что хозяйственные организации и предприятия, где работали военнопленные, упорно не выполняли свои договорные обязательства по поставкам топлива, тем самым создавая неудовлетворительные санитарно-бытовые условия в отдельных лагерях. К примеру в лагерях № 313, 314, 376, 377, 523, 531 постоянно срывалось санобработка контингента,

¹⁹⁰ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 57, 84.

¹⁹¹ Там же. Л. 71.

Таблица 25

*Смертность военнопленных
в лагерях Свердловской области в 1946 г.**

Часть 1

Лагеря	84	153	197	200	231	245	313	314
Кол-во смертей, чел.	132	102	14	78	286	102	207	232

Часть 2

Лагеря	318	376	377	504	523	531	ВУЛ	ИЛ	итого
Кол-во смертей, чел.	49	152	81	88	107	328	22	63	2013

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.62.

* В таблице учтены только те смертные случаи, которые имели место в лазаретах лагерей. Вне учета, вероятно, остались данные о смертности военнопленных в пути следования, ОРБ, спецгоспиталях, самоубийствах и т.д. Имеются сведения, что, помимо указанных 2013 смертных случаев, имели место, по крайней мере, еще 70.

что способствовало особой восприимчивости военнопленных к заболеваниям кожи. Наибольшей она была среди военнопленных, занятых на металлургических предприятиях, шахтах угольной и медной промышленности¹⁹². Это объяснялось недостаточной обеспеченностью работающих спецодеждой и предохранительными приспособлениями. В равной степени пиодермия, фурункулез, чесотка и другие дерматологические заболевания были связаны с общим резко ослабленным состоянием военнопленных и явились проявлением авитаминозов.

Нельзя не заметить, что в 1946 г. сократилась заболеваемость и смертность военнопленных от инфекционных заболеваний. При этом, однако, среди прочих заболеваний, которыми страдали военнопленные, видное место продолжал занимать туберкулез. Будучи представлен сравнительно незначительным числом случаев, он выделялся крайне высокой смертностью. За 1946 г. в стационары лагерей поступило 1583 чел. с таким диагнозом, что составило около 2,5% всех пользовавшихся лечением военнопленных. В то же время от туберкулеза легких скончались 160 чел., или почти

¹⁹² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.71.

8% от общего числа всех умерших¹⁹³. Наибольшее число смертных исходов среди туберкулезных больных было зафиксировано с наступлением весенне-летнего периода. По имеющимся данным, самая высокая смертность в 1946 г. имела место в лагерях: № 531 – 328 чел., № 231 (Севураллаг) – 256 чел., № 314 – 232 чел., № 313 – 207 чел. В совокупности на их долю приходится более 50% всех смертных случаев в лагерях военнопленных Свердловской области¹⁹⁴.

В 1947 г. в лагерях Свердловской области наблюдается резкое увеличение числа военнопленных-дистроиков. С диагнозом «дистрофия» в течение года было госпитализировано 27 250 чел., что составило около 45% всех пользовавшихся лечением, – то есть более чем в два с половиной раза выше, чем в 1946 г.¹⁹⁵ Подобная динамика объясняется отменой с первого октября 1946 г. норм дополнительного питания военнопленных, занятых в угольной промышленности, на 40%, занятых на тяжелых работах предприятий и строек других министерств – на 28%; и для военнопленных, находящихся в оздоровительных учреждениях – на 15%, плохим состоянием одежды и обуви, к тому же не соответствующей сезону¹⁹⁶. Как явствует из архивных документов, увеличение числа истощенных военнопленных шло за счет не выполнявших производственные нормы, а потому не имевших возможности приобретать дополнительное питание за плату в ларьках и буфетах. Администрация ряда лагерей (№ 245, 377, 531) нередко умышленно завышала категорию физического состояния военнопленных в целях создания видимости благополучного положения.

Ситуация обострилась в первом квартале 1947 г., особенно в лагерях № 84, 377, 200, 245, 313, контингент которых был занят на тяжелых и вредных работах в асбестовой и угольной промышленности, черной и цветной металлургии. Источники свидетельствуют, что в результате деградации физического состояния военнопленных их смертность увеличилась по сравнению с концом 1946 г. в два раза. За четвертый квартал 1946 г. в лагерях Среднего Урала умерли 248 чел., или 0,3% к списочному составу. В первом квартале 1947 г. эта цифра достигла 416 чел., или 0,6% списочного состава¹⁹⁷.

¹⁹³ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 62.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁹⁶ Горбунов И.В. Указ. соч. С. 139.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 77.

Таблица 26

*Деградация физического состояния военнопленных лагерей
Свердловской области в конце 1946 — начале 1947 г.**

Категория физического состояния	IV квартал 1946 г.		I квартал 1947 г.	
	Кол-во, чел.	В %	Кол-во, чел.	В %%
Трудовой фонд	61 246	78,8	42 006	56,3
Оздоровительные команды	10 646	14,9	19 679	26,1
Стационарные больные	4227	5,7	12 287	16,4
Инвалиды	459	0,6	605	0,8
Неустановленная группа			91	0,1
ИТОГО	76 578	100	74 668	100

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.76.

* По данным С.Г.Сидорова, в целом по СССР число трудоспособных пленных западных армий в период с 1 октября 1946 г. по 1 февраля 1947 г. снизилось на 12,6%, японской армии – на 4,8% (См.: Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 259).

Такое положение сложилось не только в лагерях Среднего Урала, но и в целом по СССР. В октябре 1946 г. в лагерях ГУПВИ умерло 774 чел., в декабре – 875 чел., а за две декады января 1947 г. – 832 чел. Резко увеличилось число больных. На 1 октября 1946 г. они составляли 3,5% от общего числа военнопленных, на 1 января 1947 г. – 4,3 %, на 1 апреля 1947 г. – 5,3%. 28 января 1947 г. МВД СССР издало директиву № 22, которая предусматривала отправку в 9 республик и 20 областей страны специальных комиссий и введение чрезвычайного положения в 109 неблагополучных лагерях военнопленных. 18 февраля 1947 г. начальник ГУПВИ М.С.Кривенко был освобожден от занимаемой должности¹⁹⁸. И, несмотря на то, что в приказе МВД фигурировала фор-

¹⁹⁸ Военнопленные в СССР.. С. 955, 964.

Таблица 27

*Смертность военнопленных в лагерях
Свердловской области в 1947 г.**

Часть 1

Показатель	Лагеря					
	84	153	200	245	313	314
Кол-во смертей, чел.	48	22	60	83	74	59
В % к списочному составу	0,6	0,3	1,2	1,1	0,9	0,8

Часть 2

Показатель	Лагеря						итого
	318	376	377	504	523	531	
Кол-во смертей, чел.	36	70	22	68	41	47	630
В % к списоч-ному составу	2,1	1,4	0,8	0,8	1,5	0,9	0,9

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.64.

* В таблице учтены только те смертные случаи, которые имели место в лазаретах лагерей. Вне учета, вероятно, остались данные о смертности военнопленных в пути следования, ОРБ, спецгоспиталях, самоубийствах и т.д. Имеются сведения, что, помимо указанных 630 смертных случаев, имели место, по крайней мере, еще 42.

мулировка «по собственному желанию», связь увольнения М.С.Кривенко с ростом показателей смертности и заболеваемости военнопленных очевидна. Кстати, покинув Москву, бывший начальник архипелага ГУПВИ, прибыл в г. Свердловск, где работал в должностях заместителя, а затем и начальника УМВД области.

Чрезвычайное положение в лагерях военнопленных Свердловской области было объявлено на период февраля – апреля 1947 г. Основной решающей задачей работы аппарата ОПВИ и каждого лагеря в 1947 г. стала борьба за сохранение и поднятие физического состояния контингента. В достижение этой цели по лагерям военнопленных Свердловской области в период с первого февраля по десятое марта 1947 г. были осуществлены следующие мероприятия: в особо неблагополучные лагеря направлены комиссии во главе с руководящими работниками ОПВИ; проводилось поголовное ко-

Таблица 28

*Смертность военнопленных в лагерях
Свердловской области в 1948 г.*

Показатель	Лагеря									итого
	84	153	313	314	376	504	523	531	Спец-госпиталь 2929	
Кол-во смертей, чел.	3	17	7	34	7	33	7	23	82	213
В % к списочному составу	0,08	0,2	0,2	0,5	0,3	0,3	0,15	0,4	9	0,46

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.67.

миссование контингента с целью максимального выявления ослабленных и больных, в частности из рабочих бригад и оздоровительных команд было госпитализировано 1091 чел.; была ликвидирована скученность в размещении военнопленных переводом контингента в малочисленные лагерные отделения; с целью создания условий нормального отдыха военнопленные были обеспечены качественным комплектом постельных принадлежностей; создан нормальный температурный режим в жилых помещениях; большинство лагерных отделений получили от хозорганов топливо по фактической потребности и, кроме того, создали 30-дневный неприкосновенный запас; в лагерях были организованы благоустроенные комнаты отдыха, куда направлялись лучшие производственные комната, нуждавшиеся в кратковременном отдыхе; все военнопленные получали хвойный настой и дрожжи; ликвидировались имевшиеся в отдельных лагерях длительные разрывы между приемами пищи путем доставки горячих обедов на места работы военнопленных и прекращения их вывода на те производственные объекты, где организация горячего питания была невозможна;

улучшен ассортимент продуктов питания в связи с отпуском лагерям достаточного количества продовольствия, в том числе жиров и мясорыбных продуктов; в лагерных отделениях, расположенных далеко от основных баз, был создан аварийный запас продовольствия на период весенней распутицы; все лагеря были обеспечены зимним вещевым довольствием, и организован его постоянный и качественный ремонт; были проведены мероприятия по упорядочению трудоиспользования военнопленных (организована перевозка военнопленных к месту работ в крытых автомашинах или вагонах, оборудование сушилок для одежды и обуви, устройство специальных «обогревалок» на открытых местах работ); кроме того, часть военнопленных была переведена на работу в закрытые помещения; прекращен вывод военнопленных на опасные участки работ, не отвечающие условиям техники безопасности и охраны труда; неблагоустроенные лагерные отделения, не обеспечивающие нормальных условий содержания и трудового использования военнопленных, как то: отделение № 5 лагеря № 523, № 5 лагеря № 200, № 1 лагеря № 504, № 4 лагеря № 377, № 2 лагеря № 245, – были расформированы.

В результате проведенных мероприятий в лагерях отмечается увеличение численности трудоспособного контингента, снижение количества больных и состава оздоровительных команд. Главной причиной смертности военнопленных в 1947 г. стала не дистрофия, а протекавшие в тяжелой форме на фоне ранее перенесенного истощения воспаление и туберкулез легких. За весь 1947 г. в лагерях Свердловской области от пневмонии и туберкулеза скончались 335 военнопленных, что составило 53% всех зафиксированных смертей. Наиболее высокая заболеваемость и смертность от пневмонии и туберкулеза отмечалась в лагерях № 200, 245, 313, 318 и 376. В лагере № 245, к примеру, они вызвали 50% всех случаев смерти военнопленных, в лагере № 376 – 62%¹⁹⁹. Как было установлено комиссиями УМВД, в этих лагерях высокая заболеваемость и смертность военнопленных от воспаления и туберкулеза легких была вызвана сразу несколькими факторами:

- 1) несвоевременной госпитализацией больных;
- 2) отсутствием квалифицированных медработников;
- 3) неправильным определением физического профиля контингента в сторону его завышения,

¹⁹⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 54, 64, 65.

Таблица 29

*Смертность военнопленных в лагерях
Свердловской области в 1949 г.*

Показатель	Лагеря					ИТОГО
	153	314	504	523	Спецгос- питаль 2929	
Кол-во смертей, чел.	2	14	13		33	62
В % к списочному составу	0,1	0,17			4,8	0,28

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.69.

4) резким охлаждением работающих на открытом воздухе военнопленных.

В пяти названных лагерях в течение года скончались 391 чел., или 62% всех умерших в области военнопленных²⁰⁰.

Характерно, что с 1947 г. особое место среди причин смерти военнопленных начинает занимать производственный травматизм. По имеющимся данным, всего за год имели место 77 производственных травм со смертельным исходом, главным образом по лагерям № 245, 313 и 531. Это составило 12% от общего числа умерших военнопленных²⁰¹.

В 1948 г. производственный травматизм стал причиной гибели 31 военнопленного, что составило 15% всех смертных случаев, имевших место в лагерях Свердловской области. Достаточно высокий процент смертности – более 30%, или 66 смертных случаев – продолжали давать в 1948 г. такие заболевания, как воспаление и туберкулез легких. При этом смертность от туберкулеза легких давали главным образом нетранспортабельные больные. Главной причиной смертности военнопленных в 1948 г. стали болезни, фигурирующие в архивных материалах как «прочие». От них скончались 115 чел., или почти 55% всех умерших военнопленных²⁰². Их гибель была вызвана главным образом хроническими или тяжелыми в клиническом отношении заболеваниями, которые по своему

²⁰⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л. 65.

²⁰¹ Там же. Л.54.

²⁰² Там же.

Таблица 30

**Физическое состояние военнопленных лагерей
Свердловской области (1945–1949 гг.)**

Показатель	Содержится на 1 января, чел.				
	1945	1946	1947	1948	1949
Всего военнопленных	41 531	81 525	68 025	45 305	22 128
1 категория труда, чел.	10 426	23 826	17 394	6843	5892
1 категория труда, %	25,1	29,2	25,4	15,1	26,6
2 категория труда, чел.	11 429	34 791	28 031	22 431	13 547
2 категория труда, %	27,6	42,7	41,3	49,3	61,2
3 категория труда, чел.	5118	9518	8260	6267	188
3 категория труда, %	12,3	11,7	12,1	13,9	5,4
Инвалиды, чел.	73	248	234	146	170
Инвалиды, %	0,2	0,3	0,3	0,3	0,8
Оздоровительных команд, чел.	7871	7343	9943	6699	1031
Оздоровительных команд, %	18,9	9,0	14,6	14,8	4,7
Стационарные больные, чел.	6618	5165	4203	3009	299
Стационарные больные, %	15,9	6,3	6,3	6,6	1,3
Неустановленная группа труда, чел.		634			
Неустановленная группа труда, %		0,8			

течению, органическим поражениям и изменениям являются необратимыми. К ним относятся болезни дыхания, печени, сердечно-сосудистой системы, гипертоническая болезнь, раны и болезни, связанные с участием в боевых действиях.

Несмотря на то, что большинство стационарных больных в 1948 г. продолжали составлять дистрофики – около 17,5% всех пользовавшихся лечением военнопленных, из 213 случаев летальных исходов, имевших место в лагерях области, только один был вызван дистрофией²⁰³. Такая картина определялась двумя факторами: во-первых, отправкой на родину, начиная с апреля месяца, больных и ослабленных восннопленных; во-вторых, улучшением жилищно-бытовых условий, питания и лечебно-профилактической работы в лагерях области. Имевшие место случаи дистрофии и авитаминоза в этой связи в большинстве своем протекали в легкой форме и не требовали продолжительного лечения. В равной степени это относится и к простудным заболеваниям, удельный вес которых в общем балансе больничной помощи составил в 1948 г. 16,5%. Рост больных гриппом и воспалением легких носил сезонный характер и быстро локализовался на начальной стадии заболевания. В 1948 г. пневмония дала всего 9 смертных случаев, или 4% от их общего числа, то есть почти в 8 раз меньше, чем в 1947 г.²⁰⁴

В 1949 г. наибольшую заболеваемость дали болезни: прочие – более 40%, хирургические – около 20%, простудной этиологии – около 14%. Прочие болезни остались в 1949 г. главной причиной смертности военнопленных (68%); воспаление и туберкулез легких дали 16% смертности, производственные травмы – 15%²⁰⁵.

Из приведенных данных видно, что заболеваемость военнопленных в Свердловской области была самой высокой в 1947 г. Причиной тому послужило сокращение с октября 1946 г. норм продовольствия. В последующие годы ситуация заметно меняется в лучшую сторону. Динамика заболеваемости военнопленных со всей отчетливостью отразилась на изменениях физического состояния контингента, содержавшегося в лагерях Свердловской области в 1945–1949 гг. Трудовой фонд лагерей, который составляли восннопленные первой, второй и третьей категорий здоровья, был минимальным в 1945 г., когда количество трудоспособных не превышало

²⁰³ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 57, 67.

²⁰⁴ Там же. Л. 57.

²⁰⁵ Там же.

Таблица 31

Сводные данные о заболеваемости и смертности военнопленных в лагерях Свердловской области (1945–1949 гг.)

Годы	Всего военнопленных, чел.	Из них стационарных больных, чел.	Проведено койко-дней на 1 чел.	Из них умерло, чел.	Умерших на 1000 чел.
1945	41 535	нет данных	нет данных	8273	200
1946	82 270	64 848	20	2083	25
1947	68 549	61 665	27,7	672	10
1948	46 270	18 135	22	213	5
1949	22 699	4725	10	62	3

Источник: Мотревич В.П. Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. 1992. 2 февр.; РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.15, 54, 57.

65% к списочному составу. В 1946 г. число трудоспособных военнопленных увеличилось на 18,6%. Однако увеличение было временным. В 1947–1948 гг. наблюдается отрицательная динамика физического состояния военнопленных, когда трудовой фонд лагерей сокращается в сравнении с 1946 г. примерно на 5% с одновременным увеличением до 21,2–21,7% числа военнопленных четвертой группы физического труда, то есть находящихся на грани «доходяг» и собственно «доходяг»²⁰⁶. Этот процесс был обусловлен теми же причинами, что и рост заболеваемости, отмеченный в 1947 г., а также невозможностью депатриации подозреваемых в совершении военных преступлений военнопленных, среди которых достаточно заметным был удельный вес ослабленных и хронически больных. В 1949 г. физическое состояние военнопленных значительно улучшается, что нашло свое отражение в увеличении трудового фонда лагерей до 93,2%. В то же время в три раза сокращается по сравнению с 1947–1948 гг. число нетрудоспособных военнопленных (см. Табл. 30).

²⁰⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.74.

Смертность военнопленных достигает рекордно высоких цифр в 1945 г., когда по области скончались 8273 военнопленных, или 73% от общего числа всех умерших в 1945–1949 гг., а затем год от года начинает снижаться. Всего же, по данным областного ОПВИ, за этот период в лагерях области умерли 11 303 военнопленных, что составляет около 4,5% от общего числа всех пребывавших на Среднем Урале иностранных военнопленных²⁰⁷. Эта цифра разительно отличается от данных, приводимых В.П. Галицким, которым склонно доверять большинство отечественных историков. По его подсчетам, в советском плену погибло от 35,2% до 37,5% немецких военнопленных²⁰⁸. Столь заметное расхождение объясняется несколькими причинами, как объективными, так и субъективными.

Во-первых, логично предположить, что главный показатель смертности давали не тыловые лагеря, а лагеря прифронтовой (приграничной) полосы и транспортировка военнопленных в глубь страны. До Среднего Урала, очевидно, добирались наиболее устойчивые в смысле выносливости и выживания военнопленные.

Во-вторых, вполне вероятно, что приводимые в официальных документах данные являются далеко не полными. Администрация лагерей могла манипулировать цифрами в целях занижения показателей смертности военнопленных и создания видимости благополучия. В феврале 1946 г. НКВД СССР даже выпустил директиву № 44 «О проведении проверки сведений о смертности среди военнопленных, представляемых лагерями для военнопленных в вышестоящие органы».

В-третьих, в наших подсчетах не использовались сведения за 1942–1944 гг. ввиду их отсутствия, а смертность военнопленных в то время была, безусловно, выше, чем в последующие годы.

Среди причин заболеваемости и смертности военнопленных в лагерях Свердловской области к 1949 г. явно сокращается удельный вес «социальных» болезней: дистрофии, инфекционных и острых желудочно-кишечных заболеваний, воспаления и туберкулеза легких, – развитию которых, как правило, способствуют неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, недостаточное питание, плохое медицинское обслуживание и т.д.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 15.

²⁰⁸ Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 49–50.

В заключение настоящей главы хотелось бы подчеркнуть следующее. В международных конвенциях, существовавших к началу Второй мировой войны, предусматривалось, что военнопленные должны содержаться в условиях, соответствующих быту военнослужащих пленившего их государства. В действительности же ни одна из противоборствующих сторон, в том числе и СССР, это положение не выполняла и по различным причинам не очень-то и стремилась к этому. Поэтому свыше 250 тыс. иностранных военнопленных, побывавших в период с 1942-го по 1949 г. на территории Свердловской области, безусловно, испытали все трудности неволи и разделили вместе с местным населением все тяготы военного и послевоенного времени. Между тем обнаруженные материалы позволяют утверждать, что условия жизни военнопленных в лагерях Среднего Урала постепенно улучшались. Хаос созданной в 1942–1943 гг. системы лагерных подразделений со временем сменился строгим порядком. Лагеря военнопленных из обнесенных колючей проволокой палаточных городков превращаются в обустроенные территории, где функционирует целый комплекс объектов коммунально-бытового и медико-санитарного назначения. Улучшается продовольственное обеспечение, что проявилось, с одной стороны, в неоднократных изменениях – в основном в сторону повышения – норм суточного довольствия, с другой стороны – в стабилизации ситуации с поставкой продуктов питания на лагерный стол. В полной мере это относится и к медицинскому обслуживанию. Подтверждением улучшения материально-бытового положения военнопленных явилось сокращение показателей заболеваемости и смертности.

Следует, правда, отметить, что задачу создания нормальных условий жизни в лагерях областного ОПВИ во многом облегчило постепенное сокращение численности его подопечных к 1949 г. Тем не менее, администрация лагерей действительно стремилась удовлетворить минимальные физиологические потребности военнопленных, – это заставляла делать установка режима на сохранение военнопленных, их жизни и здоровья, а не на их истребление. В этом – главное отличие в положении иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР и советских военнопленных в Германии. Последние не могли рассчитывать даже на сохранение за ними права на жизнь, не говоря уже обо всех остальных преимуществах военного плена. Германские власти даже не пытались создать видимость законности, отдавая приказы об уничтожении пленных красноармейцев без суда и следствия. При всей трагичности судеб и тех и других, участь советских военнопленных в

Третьем рейхе сопоставима, на наш взгляд, лишь с трагедией евреев. Красноречивым подтверждением тому служат цифры о смертности советских военнопленных в Германии. По имеющимся данным, из взятых в плен с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1944 г. 5 231 057 красноармейцев к 1 мая 1944 г. в живых оставалось лишь 1 155 055 чел., или 22%²⁰⁹.

Нельзя, однако, не указать, что более или менее сносные условия существования военнопленных в лагерях Советского Союза создавались «ответственными органами» отнюдь не из гуманных побуждений. В вопросе обращения с военнопленными сталинское руководство исходило прежде всего из соображений политической и экономической целесообразности. Но это, как показали материалы Среднего Урала, оказалось более надежной гарантией сохранения жизни пленных, чем абстрактный гуманизм.

Другой объективной реалией было то, что военнопленные при надлежали к внешнему относительно Страны Советов миру, с иным уровнем социально-экономического развития и иной оценкой человеческой жизни, в результате чего предельные, максимальные в понимании сталинского руководства усилия, направленные на создание нормальных условий содержания в лагерях УПВИ-ГУПВИ, с позиций, скажем, благополучного Фрица, Ганса, Пауля, Карла или Георга, – вариантов здесь много, – не дотягивали даже до минимальной отметки. Поэтому однозначного ответа на вопрос, выполняло советское руководство нормы международного права или нет, очевидно, быть не может.

Как представляется, многие вопросы размещения, содержания и обеспечения военнопленных на Среднем Урале требуют дальнейшего изучения. Многочисленные нормативные акты, касающиеся условий жизни военнопленных, освещают эти проблемы односторонне; их текст и реальное положение вещей могли расходиться коренным образом. Делопроизводственная документация УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, его Свердловского отдела и конкретных лагерей также не всегда могут дать адекватное представление об условиях содержания военнопленных на Среднем Урале, так как нежелательные факты и подробности в документах такого рода могли замалчиваться. Учитывая эти специфические черты базовых источников, при дальнейшем рассмотрении темы было бы не бесполезно провести максимально широкий поиск альтернативных документальных комплексов.

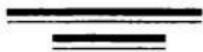
²⁰⁹ Сражались за Родину: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в документах / Под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 2000. С. 90.

Глава 2

Осужденные военноопленные на Среднем Урале

2.1. Контингенты лагеря № 476 МВД СССР
для военных преступников

2.2. Порядок содержания и репатриация

С 1946-го по 1950 г., во исполнение международных договоренностей, основная часть военнопленных, находившихся в СССР, была освобождена и отправлена на родину. Согласно итоговому докладу МВД СССР, подготовленному по случаю завершения депатриации, в этот период СССР покинуло 3 344 696 военнопленных бывших вражеских армий, из них: германской армии – 2 247 368 чел., японской – 581 289 чел., венгерской – 329 093 чел., румынской – 106 769 чел., итальянской – 21 097 чел., финской – 1969 чел.¹ В лагерях и тюрьмах Советского Союза осталось несколько десятков тысяч военнопленных иностранных армий, осужденных советскими органами юстиции за совершенные ими во время войны или уже в период плена преступления.

Нельзя не отметить, что дискуссия вокруг проблемы уголовного преследования иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР имеет очень давнюю историю, но именно сегодня она приобрела столь оживленный характер. Большинство зарубежных и отечественных исследователей склонны полагать, что часть бывших военнослужащих германской, венгерской, румынской и японской армий была осуждена незаконно, пополнив длинный список жертв советского правосудия образца сталинской эпохи. Особенно сомнительными представляются основания привлечения бывших вражеских военнопленных к уголовной ответственности и собственно процедура осуждения. В этой связи следует указать, что ни в международном, ни в советском праве препятствий для привлечения иностранных военнопленных к судебной ответственности не существовало. Женевские конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. и 1949 г. (соответственно ст. 45 и 82) разрешали привлекать последних к дисциплинарной, судебной и уголовной ответственности за преступления, посягающие:

- 1) на основы международного общения, охраняемые нормами международного права;
- 2) на общественные отношения, существующие в государстве и охраняемые нормами национального права².

¹ Грабарь А.С. Первый том сборника документов «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» // Проблемы военного пленя: история и современность: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1996. Ч.2. С.169.

² Щелокава Т.А. Об уголовном преследовании иностранных военнопленных в СССР (1943–1956 гг.) // Современная преступность: состоянис,

Более того, в международном праве было четко оговорено, что военнопленный мог привлекаться к уголовной ответственности только там и по тем нормам права, которые действовали на месте совершения преступления. Привязка уголовной ответственности военнопленных к определенным, вполне конкретным географическим рамкам проистекала, помимо простой логики, и из того, что, будучи физическими лицами, они не могли выступать субъектами международного публичного права³.

Таким образом, иностранные военнопленные, совершившие бытовые, государственные или военные преступления на территории СССР, несли за них ответственность в соответствии с внутренним уголовным законодательством, когда субъектом преступления выступает отдельное лицо.

2.1. Конtingенты лагеря № 476 МВД СССР для военных преступников

В официальных документах НКВД-МВД СССР осужденные военнопленные, оставшиеся в Советском Союзе после 1949 г., фигурируют либо как «осужденные военнопленные», либо как «военные преступники», и сколько-нибудь значительной разницы между этими понятиями не делалось. Однако это далеко не одно и то же: первое понятие, безусловно, шире, так как военнопленный мог быть осужден за любое совершенное им на территории держащей его в плену страны преступление, в том числе и военное. Вполне вероятно, что «ответственные органы» не делали различий между названными понятиями потому, что число военнопленных, привлеченных в СССР к уголовной ответственности за военные преступления, превышало число прочих осужденных иноподданных, к которым относились главным образом интернированные. Но их доля в общем количестве осужденных за совершенные в годы войны и послевоенный период преступления иностранцев была в сравнении с военнопленными значительно меньшей.

тенденции, средства преодоления: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999. С. 174–175.

³ Лобанов С.А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 78.

В качестве пояснения важно отметить, что термин «военные преступления» как таковой обязан своим происхождением Второй мировой войне. Впервые он появляется в решениях Тегеранской конференции, когда Ф.Рузвельтом, И.Сталиным и У.Черчиллем была подписана «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые ими зверства». Окончательно вопрос об ответственности главных военных преступников был разрешен Великобританией, СССР, США и Францией уже после войны. 8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано «Соглашение об судебном преследовании и наказании главных военных преступников», в соответствии с которым учреждался Международный военный трибунал (МВТ)⁴. По уставу МВТ военными преступлениями считались:

1) преступления против мира, както: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны в нарушение международных договоров;

2) военные преступления, как то: нарушение законов и обычаяв войны: убийства, истязания, увод в рабство мирного населения, убийства и истязания военнопленных, заложников и т.д., грабежи и бессмысленные разрушения;

3) преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и др. жестокости в отношении гражданских лиц, преследования по политическим, религиозным, расовым мотивам⁵.

Документом также закреплялся принцип индивидуальной ответственности за военные преступления. И это несмотря на то, что после войны идея об ответственности за международные преступления только государств, так как только государства являлись субъектом международного права, — имела очень много сторонников. Согласно уставу МВТ тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождал его от ответственности и в лучшем случае мог рассматриваться как смягчающее обстоятельство⁶.

Результатом организации и деятельности Международного военного трибунала стал состоявшийся в ноябре 1945 г. — октябре 1946 г. в Нюрнберге судебный процесс над группой главных военных преступников. Его материалы стали основой для привлечения к

⁴ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 2-х т. Т.1. М., 1952. С. 5–9.

⁵ Там же. С. 16–17.

⁶ Там же.

ответственности фашистских преступников в отдельных странах. Другим источником привлечения к суду за военные преступления явились решения ООН: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О выдаче и наказании военных преступников» от 13 февраля 1946 г., резолюция «О подтверждении принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского процесса» от 11 декабря 1946 г., резолюция «О выдаче преступников войны и изменников» от 31 октября 1947 г., резолюция «О преступлении геноцида» от 11 декабря 1946 г. И, наконец, третий источник уголовной ответственности военных преступников составили общие принципы права, признанные цивилизованными странами⁷.

Характерно, что в СССР первые судебные процессы над военными преступниками состоялись еще в годы войны в Киеве, Краснодаре, Минске, Николаеве, Смоленске, Харькове и др. городах, задолго до создания МВТ в Нюрнберге. После войны число таких процессов увеличивается, и проходят они практически во всех уголках страны. Что касается общего числа осужденных в СССР военнопленных и интернированных, – как за военные, так и за бытовые преступления, – то последние сведения банка данных компьютерного учета РГВА дают следующие сведения: немцы – 32 348 чел., австрийцы – 477 чел. В их число входят лица, прошедшие через тюрьмы и лагеря НКВД-МВД СССР, в том числе дважды и трижды осужденные⁸.

До 1948 г., в соответствии с директивой МВД СССР № 219 от 31 августа 1946 г., военнопленные, осужденные за преступления, совершенные на территории СССР, отбывали сроки наказания в Воркутлаге (Воркута), Сиблаге (Красноярск), Карлаге (Караганда), а также в Томском, Иорильском и Попышском (Пермская область) лагерях МВД⁹. Во исполнение распоряжения МВД СССР № 731 от 21 ноября 1947 г. все осужденные пленные и интернированные

⁷ Галицкий В.П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1995. С. 5.

⁸ Крупенников А.А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х – начале 50-х гг. // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 114.

⁹ Воеиннопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 739.

были отправлены в Воркутлаг МВД СССР¹⁰. Через год, с завершением массовой депатриации военнопленных, их осужденных тварищей из системы ГУЛАГа передали в систему ГУПВИ.

30 ноября 1949 г. МВД СССР приняло решение (распоряжение № 759) о содержании осужденных военнопленных в специальных лагерях ГУПВИ. Еще 23 марта 1949 г. был утвержден список из 11 лагерей, расположенных на территории УССР, БССР и РСФСР и рассчитанных на 17 300 мест: Ворошиловградский № 144, Днепропетровский № 460, Ивановский № 48, Киевский № 2, Новгородский № 270, Ростовский № 182, Свердловский № 476, Сталинградский № 362, Сталинский № 280, Хабаровский № 16 и лагерь № 11 в Белорусской ССР. Правда, лагеря № 11, 270 и 460 были расформированы уже ко второй половине 1951 г. Девять из названных лагерей предназначались для содержания осужденных военнослужащих европейских армий, два – для осужденных японцев. Незначительная часть осужденных иностранцев содержалась в лагерях ГУЛАГа и тюрьмах МГБ, а также спецобъектах МВД № 14 и № 5 (г. Москва)¹¹.

Архивные документы свидетельствуют, что самым крупным из существовавших на территории СССР спецлагерем для осужденных военнопленных и интернированных был развернутый на территории Свердловской области лагерь № 476 МВД СССР. По имеющимся данным, каждый четвертый военнопленный и интернированный, осужденный в СССР, отбывал свое наказание именно здесь. Об этом свидетельствует Таблица 32. Приведенные в ней данные нельзя считать полными и исчерпывающими. Тем не менее они делают очевидным тот факт, что основная масса «военных преступников» была сосредоточена в тех районах СССР, где дефицит рабочей силы был особенно ощущим. Прежде всего к ним принадлежали районы Сталинграда, Донбасса и, наконец, Урала.

Лагерь № 476 МВД СССР для военных преступников был организован в конце 1949 г. Базой для его создания стал Нижнеисетский лагерь № 314, все пять отделений которого с личным составом, контингентом и материальными ценностями по состоянию на 1 октября 1949 г. в выполнение приказа МВД СССР № 00810 от 25 августа 1949 г. и приказа УМВД по Свердловской области № 00225 от 14 сентября 1949 г. были переданы режимному лагерю.

¹⁰ Военнопленные в СССР...

¹¹ РГВА. Ф. Iп. Оп. 12и. Д. 1. Л. 18, 84; Оп. 1т. Д. 5. Л. 2, 42.

Таблица 32

*Военные преступники
в СССР в 1951–1953 гг.*

Лагерь	№	Содержится осужденных на:			
		январь 1951 г.	апрель 1951 г.	январь 1953 г.	апрель 1953 г.
Ворошиловградский	144	1514	1799	1814	1885
Днепропетровский	460	1887			
Ивановский	48		-	142	144
Киевский	2	914	630	424	468
Новгородский	270	1818	1813	-	-
Ростовский	182	1931	1823	1778	1577
Свердловский	476	4515	5509	6525	7115
Сталинградский	362	4900	4546	4329	4122
Сталинский	280	1550	2044	2094	2145
Хабаровский	16	1415	1444	943	1484
БССР	11	718	498	-	-
Спецобъекты МВД	5, 11			36	53
Лагеря ГУЛАГа			Нет данных	Нет данных	284
Тюрьмы МГБ					157
ИТОГО	21 162	20 108	18 085	20 132	

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.5. Л.2, 42; Оп.12и. Д.1. Л.18, 25.

Однако его узниками оказались не только бывшие заключенные лагеря № 314. Еще в мае 1948 г. по мере концентрации военнопленных по признакам воинских преступлений в лагерях № 313, 314, 153, 376, 504 и 531 были сформированы режимные отделения, где сосредотачивался весь «преступный элемент» из числа военнопленных, который и оказался в итоге за высоким забором лагеря № 476. Его ряды значительно пополнились за счет осужденных военнопленных и интернированных, прибывших из других регионов СССР, не имевших «собственных» лагерей для содержания военных преступников¹²

¹² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.138; Д.247. Л.98.

Лимитная численность лагеря № 476 была установлена приказом МВД СССР № 0052 от 5 февраля 1951 г. и должна была составлять 5100/7000 чел. Тот же приказ определял лимитную численность лагерных отделений: № 1 – 600 чел., № 2 – 700 чел., № 3 – 1400 чел., № 4 – 1200 чел., № 5 – 600 чел., № 6 – 3000 чел., № 7 – 1300/1400 чел.¹³ Фактическое наличие заключенных лагеря, как показывают материалы трех архивохранилищ, лимиту никогда не соответствовало (Табл. 33). Администрация лагеря, размещая осужденных военнопленных и интернированных, руководствовавась соображениями экономического характера и стремилась создать как можно более благоприятные условия для трудового использования своих подопечных. Вероятно, такая логика привела к возникновению при лагере еще одного, восьмого, отделения. Поэтому переуплотненность некоторых лагерных отделений при неполной заселенности всех прочих была делом обычным. Под-

Таблица 33
Численность заключенных лагеря № 476
по отделениям (1953–1955 гг.)

Отделение, №	Содержится осужденных на:		
	01.04.1953 г.	01.05.1955 г.	01.07.1955 г.
1	550	762	640
2	668	959	939
3	1036	1383	1300
4	1003	930	792
5	772	897	873
6	2072	1553	1471
7	993	394	518
8	-	396	388
с/г 1893	134	126	127
ИТОГО	7228	7320	7048

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.13.; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.110(об.); Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.29. Л.15.

¹³ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.5–8.

твёрдывают это и данные о наличии жилой площади в лагерных отделениях. Как явствует из Таблицы 34, в мае 1955 г. на каждого заключенного приходилось от 1,7 до 2,7 кв. метра жилой площади. В целом же по лагерю и спецгоспиталю № 1893 эта цифра составляла 2,2 кв. метра при норме в 2 кв. метра при двухярусной кроватной системе¹⁴.

Все восемь отделений лагеря № 476 были расположены в районах строительства, лесозаготовок и горноразработок. В черте г. Свердловска находились три из них. Лагерное отделение № 1 было расположено в Чкаловском районе за заводом «Уралхиммаш» (пос. Нижне-Исетск), лагерное отделение № 2 – в том же районе у завода РТИ (пос. «Огнеупор»), лагерное отделение № 8 – на территории Кировского района возле Каменных палаток. Лагерное отделение № 3 дислоцировалось на окраине г. Первоуральск в пос. Талица, лагерное отделение № 4 – на восточной окраине

Таблица 34

Наличие жилой площади в лагере № 476 (на 1 мая 1955 г.)

Отделение, №	Жилой площади, кв.м.	Емкость отделения из расчета 2 кв. м. на чел., чел.	Факти- чески содер- жится, чел.	Жилой площади на 1 чел., кв. м.
1	1378	689	762	1,8
2	2308	1154	959	2,4
3	2557	1272	1383	1,8
4	1798	899	930	1,9
5	2450	1225	897	2,7
6	3842	1921	1553	2,4
7	675	338	394	1,7
8	955	478	396	2,4
с/г 1893	400	200	126	3,1
ИТОГО по лагерю	16 363	8182	7320	2,2

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.110(об.).

¹⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.13.

г. Ревда, лагерное отделение № 5 – в центре пос. Дегтярка, лагерное отделение № 6 – в г. Асбест, лагерное отделение № 7 – на окраине пос. Ключи Сысертского района. Управление лагеря находилось в пос. Нижне-Исетск г. Свердловска¹⁵.

В 1949–1955 гг. в зоне лагерного отделения № 3 (г. Первоуральск) работал госпиталь для военных преступников № 1893. В конце июня 1955 г., когда необходимость в его существовании отпала, госпиталь был заменен лазаретом на 200 коек с подчинением медицинскому отделу Управления лагеря № 476¹⁶.

Численность заключенных лагеря № 476 менялась практически каждый день (Табл. 35). Такая динамика была обусловлена их постоянными перебросками между лагерями, тюрьмами, спецобъектами, госпиталями и др. местами водворения, а также смертью некоторых военнопленных и интернированных. К примеру, есть данные, что в феврале 1954 г. в лагерь № 476 поступило 3825 осужденных, из них прибыло: а) из лагеря № 280 (Донбасс) – 742 чел.,

Таблица 35

*Сводка о движении заключенных
лагеря № 476 (01.02.–15.02.1954 г.)*

Дата	Убыто, чел.	Прибыто, чел.	Наличие, чел.
31.01.1954 г.	1		3506
01.02.1954 г.		1	3507
04.02.1954 г.	1		3506
05.02.1954 г.	1		3505
10.02.1954 г.		776	4281
12.02.1954 г.		958	5239
14.02.1954 г.		739	5978
15.02.1954 г.		1089	7067
16.02.1954 г.		1	7068
ИТОГО	3	3564	

Источник: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.28. Л.69–77.

¹⁵ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.4–8.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.143.

б) из лагеря № 362 (Сталинград) – 1950 чел., в) из лагеря № 182 (Ростов) – 353 чел., г) из лагеря № 144 (Ворошиловград) – 776 чел., д) из лагерей ГУЛАГа (Дальстрой, Степной) – 2 чел., е) из тюрем – 2 чел. За тот же период убыло 132 чел., из них: а) в лагерь № 48 (Иваново) – 117 чел., б) в лагерь № 144 (Ворошиловград) – 9 чел., в) в тюрьмы – 1 чел., г) передано на границе польским властям – 1 чел., д) умерло – 4 чел.¹⁷

Смертность среди заключенных лагеря № 476 была незначительной. В первом квартале 1954 г. по лагерю скончались 11 чел. (0,2% к среднесписочному составу), во втором квартале – 9 чел. (0,12%), в третьем квартале – 7 чел. (0,09%), в четвертом квартале – 14 чел. (0,18%). За первый квартал 1955 г. умерли 8 чел. (0,1%), за второй квартал 1955 г. – 9 чел. (0,12%), за июль–август 1955 г. – 7 чел. (0,1%).¹⁸ Очевидно, что показатели смертности не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на динамику численности узников лагеря № 476.

Более значительные изменения количества пребывавших на Среднем Урале военных преступников всклю за собой депатриация. Как представляется, в период с 1950-го по 1956 г. она не носила планомерного характера и ее темпы определялись главным образом давлением международного сообщества, еще в конце 40-х гг. поставившего под сомнение легитимность осуждения и содержания в лагерях и тюрьмах Советского Союза нескольких десятков тысяч иноподданных. Уже в апреле–мае 1950 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 1108-396-сс от 17 марта 1950 г. на родину должны были вернуться около 17,5 тыс. чел. Правда, их депатриация в названном документе имелаась не освобождением, а «заменой неотбытого срока наказания выдворением за пределы СССР». К сожалению, обнаружить документальные источники, которые бы показали, какое количество военнопленных и интернированных было депатриировано в соответствии с названным решением из лагеря № 476, не удалось. Тем не менее материалы Государственного архива административных органов Свердловской области подтверждают, что часть бывших военнопленных смогла вернуться на родину благодаря именно этому Постановлению Совета Министров СССР. Большинство из них

¹⁷ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.28. Л.78–94.

¹⁸ Там же. Л.12, 19, 54, 56, 63, 94, 103, 115, 152, 179.

составили те, кто был осужден в ноябре–декабре 1949 г. по формальным признакам принадлежности к воинским частям и карательным органам противника, чей личный состав был замечен в совершении военных преступлений, а также за бытовые преступления¹⁹.

После смерти И.В.Сталина, 27 марта 1953 г. был принят Указ об амнистии, под действие которого попали, помимо советских заключенных, и осужденные в СССР иностранцы. С 1 июля 1953 г. предполагалось начать депатриацию 6994 немцев. Однако лидеры ГДР попросили отложить их отправку на родину до середины месяца, ссылаясь на неблагоприятную внутриполитическую обстановку в стране. В июле 1953 г. депатриация так и не началась, и ее первоначальный план был пересмотрен. Было предложено освободить от наказания подданных Австрии, Венгрии, Голландии, Румынии и др. государств общим числом 5618 чел. Что касается немцев, то на сей раз советское руководство остановилось на цифре 5370 чел., из которых более 4000 чел. являлись гражданами ФРГ. По данным исследователя В.Б.Конасова, с 12 сентября по 12 октября 1953 г. на родину должны были отправиться: из лагеря № 476 – 2055 чел., из лагеря № 144 – 585 чел., из лагеря № 182 – 905 чел., из лагеря № 362 – 1027 чел., из лагеря № 280 – 798 чел.²⁰ Архивные материалы свидетельствуют, что в соответствии с названными выше решениями с 18 по 29 сентября 1953 г. лагерь № 476 покинули 3 эшелона с общим количеством амнистированных 2514 чел., из них: 18 сентября 1953 г. – эшелон № 97 740 – 968 немцев; 22 сентября 1953 г. – эшелон № 97 741 – 1086 немцев; 29 сентября 1953 г. – эшелон № 97 551 – 460 граждан Австрии (408 чел.), Испании (45 чел.), Голландии (3 чел.) и Югославии (4 чел.).²¹

30 ноября 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о досрочном освобождении и депатриации еще 4832 немцев. Из них 1043 чел. отбыли во Франкфурт-на-Одере из лагеря № 476 и были переданы германской стороне 29 декабря 1953 г.²² В целом же в сентябре–декабре 1953 г. лагерь № 476 покинули свыше 2,5 тыс. чел., что в полной мере отразилось на динамике численности его

¹⁹ УГААО СО. Ф.1. Оп.2.

²⁰ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998. С. 98.

²¹ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.34, 71, 112.

²² Там же. Д.28. Л.50.

заключенных. Если на 1 апреля 1953 г. в лагере содержались 7228 чел., то к 1 января 1954 г. эта цифра сократилась до 3597 чел., то есть более чем в 2 раза²³

В 1954 г. репатриация осужденных военнопленных также имела место. 24 апреля 1954 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ о порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет. В мае–июне 1954 г. было принято решение о досрочном освобождении лиц, «страдающих душевной болезнью или неизлечимым недугом» (приказ Минюста СССР № 015 от 13 мая 1954 г., приказ № 035 КГБ при Совмине СССР, приказ № 091 Генерального прокурора СССР от 13 мая 1954 г., приказ МВД СССР № 0284 от 13 мая 1954 г. и № 0317 от 1 июня 1954 г.). Однако число попавших под действие этих документов военнопленных было весьма незначительно. К примеру, в соответствии с первым из них отправке на родину подлежали только 88 заключенных лагеря № 476²⁴.

Поскольку в 1954 г. репатриация не стала решающим среди факторов, определяющих динамику численности заключенных лагеря № 476, к 1 января 1955 г. количество пребывавших на Среднем Урале военных преступников возросло по сравнению с той же датой 1954 г. более чем в 2 раза, достигнув своего пика и составив 7371 чел.²⁵

В середине 1955 г. было принято Постановление ЦК КПСС, предусматривавшее отправку на родину всех иностранных граждан, совершивших преступления во время Второй мировой войны и в послевоенный период. Оно касалось подданных 22 государств с общим числом 10 895 чел. Их освобождение, по мнению «компетентных органов», не наносило ущерба интересам безопасности Советского Союза. К концу 1955 г. большинство узников лагеря № 476 было отправлено на родину, и в лагере осталось всего 65 чел., исключенных из списков на репатриацию²⁶.

Таким образом, главными причинами колебания численности заключенных лагеря № 476 являлись: 1) их движение между лагерями, спецобъектами и госпиталями МВД СССР, 2) репатриация.

²³ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.13.

²⁴ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.40, 50, 54.

²⁵ Там же. Д.28. Л.160.

²⁶ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 109; Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Международное общество прав человека. Уральская группа. Спец. выпуск. 1992. Июнь. С. 54.

И если первый из этих факторов крайне сложно связать с какими-то конкретными событиями, то динамика депатриации осужденных военнопленных и интернированных в определенной степени отражает не только отношение советского руководства к военным преступникам, но и позицию стран Запада по освобождению из советского плена последних узников Второй мировой войны.

Помимо осужденных за совершенные ими военные или бытовые преступления, в лагере № 476 вплоть до 1955 г. содержались также неосужденные военнопленные. Вопрос о законности их содержания в Советском Союзе после освобождения к 1950 г. большинства узников лагерей ГУПВИ МВД СССР до сих пор остается открытым. Есть сведения, что на 1 января 1952 г. из пребывавших в СССР 18 833 военнослужащих иностранных армий 1290 чел. составляли неосужденные военнопленные²⁷. Отправлять их на родину, по мнению советского руководства, было нецелесообразно, поскольку, находясь в плену, они работали на «особых» объектах и были осведомлены об их дислокации и характере. Участь этих людей разделили также и те, кто сообщил неточные данные о своем гражданстве, находился во время депатриации под следствием или же в бегах. Их отправка на родину зависела от воли «компетентных органов», и многие из них вернулись домой значительно позже, чем ожидали. Соответствующее постановление Совета Министров СССР за № 711-310 увидело свет только 14 апреля 1954 г., то есть почти через пять лет после депатриации большинства военнопленных.

Таблица 36

*Осужденные и неосужденные военнопленные лагеря № 476
(1953–1955 гг.)*

Дата	Содержится военнопленных, чел.		
	осужденных	неосужденных	всего
01.01.53	6448	77	6525
01.01.54.	3390	76	3466
01.01.55.	7212		7212

Источник: РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 5. Л. 7;

Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–8, 162–164.

²⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 5. Л. 7, 21.

Не будет преувеличением сказать, что пребывавшие на Среднем Урале после 1949 г. военнопленные представляли собой пестый этнический конгломерат. Как показывают архивные документы, среди них были немцы, австрийцы, румыны, венгры, украинцы, русские, бельгийцы, поляки, чехи, словаки, голландцы, евреи, датчане, испанцы, а также литовцы, молдаване, финны, японцы, латыши, французы, итальянцы, хорваты, шведы, цыгане, югославы, корейцы, – всего 26 национальностей. В большинстве своем они являлись германскими гражданами, на долю которых приходилось более 80% всех осужденных военнопленных, пребывавших в лагере № 476. В оставшихся 20% наиболее заметной была доля граждан Австрии (5–11%), Румынии (3–5,5%), Венгрии (1,5–4%) (Табл. 36)²⁸.

Систематизация общего количества осужденных военнопленных лагеря № 476 по воинским званиям показала, что свыше 70% из них составляли бывшие рядовые и унтер-офицеры вражеских армий (Табл. 37). Более четверти военных преступников из числа военнопленных составляли бывшие военнослужащие офицерского состава, среди них были также и генералы вермахта (около 90 чел.), венгерской (5 чел.), румынской (1 чел.), японской (2 чел.) армий, которые содержались в пос. Дегтярка Ревдинского района, г. Асбесте и Первоуральске. Это генералы германской армии К.Агрикола, О.Аудорш, О.Барт, Г.Бауэр, Э.Беге, К.Беккер, В.фон Беркен, Г.Беттхер, Э.фон Боген, В.Бремер, О.Брюкер, Э.Бушенгаген, Ф.Вайнкнехт, Р.Буттман, Г.Ганоузер, М.Гартман, Г.Гейне, К.Герсдорф, А.Гешен, Ф.Гольвицер, Э.Енеке, Д.фон Заукен, И.Зеббот, Э.Зиллер, Э.фон Килиани, Г.Кламт, Г.Кольслорфер, А.Конради, К.Коссман, Р.Кретцер, Т.Кречмер, Э.фон Курковский, Б.Лаш, Г.Ленгенфельдер, Ф.Лигман, Г.Линдеман, Г.Ломбард, Ф.Макке, В.Макс, Г.Медер, Э.Мерк, Г.Михаэлис, Э.Мюллер, Г.Нигафф, В.Бойман, В.Райгель, О.Раузер, К.Репке, Г.Риттберг, К.Роденбург, Ф.Раске, В.Рунге, К.Родигер, И.Тарбук, З.Томашки, Г.Траут, А.Трабитц, Г.фон Фалькенштайн, З.фон Фалькенштайн, З.Ферхайн, Г.Фишер, Ф.фон Кирхензитенбах, Л.Фриккс, Г.Хакс, Э.Хелль, А.Хемман, В.Хенне, З.Хенрици, А.Хенце, А.Хиггер, Ф.Хохбаум, Б.Хульзен, В.Шартов, Б.Шац, И.Шватло-Гестердинг, Г.Ширмер, Ф.Шлипер, Р.Шлигер, З.фон Шляйниц, В.Шмидт-Хаммер, А.Шмидт,

²⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.5. Л.7, 21; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.28. Л.4–6, 162–164.

Р.Шперль, Ф.фон Штейккеплер, И.Энгель, ФЭнгель, а также адмирал германского флота В. Арнсвальд, генералы венгерской армии – Ф.Вашвари, Г.Буковари, Л.Сабо, Г.Фехер, Г.Ерлих, румынской – С.Станеску и др.²⁹ Большинство из них – 86 генералов вермахта,

Таблица 37
Гражданство заключенных лагеря № 476 (1953–1955 гг.) *

Государство	Содержится военнопленных на, чел.		
	01.01.1953 г.	01.01.1954 г.	01.01.1955 г.
Австрия	736	320	359
Бельгия	-	-	8
Венгрия	90	86	286
Германия	5353	2797	6057
Голландия	3	-	2
Дания	-	-	3
Испания	124	77	1
Корея		-	1
Люксембург	-	-	1
Польша	5	4	13
Румыния	180	157	397
Финляндия	1	1	2
Франция	-	-	1
Чехословакия	14	9	25
Швейцария	1	1	1
Югославия	18	14	53
Япония	-	-	2
Итого	6525	3466	7212

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.5. Л.7; Отдел специфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.28. Л.4–8, 162–164.

* Приведены данные только по осужденным военнопленным. Что касается интернированных, то по имеющимся данным на 1 января 1954 г. их в лагере № 476 содержалось 131 чел. (3,6%), на 1 января 1955 г. – 159 чел. (2,2%).

²⁹ Мотревич В.П. Военные преступники в Свердловской области в 1949–1955 годах // Военный комментатор. 2001. № 1 (2). С. 80.

5 венгров и 1 румын, – в феврале 1954 г. были переведены из лагеря № 476 в Ивановский лагерь № 48; на этом уральский период их плена завершился³⁰. По имеющимся данным, девяти бывшим вражеским генералам суждено было навсегда остаться на Среднем Урале. Документы «генеральской» картотеки РГВА свидетельствуют, что в 1952–1954 гг. в лагере № 476 умерли и захоронены в г. Асбесте (лагерное отделение № 6) – 6 немецких генералов, в г. Первоуральск (лагерное отделение № 3) – еще 3, из которых двое – австрийцы по происхождению. Это генерал-лейтенант Зикст фон Армин, генерал-майор Мюллер фон Бюлов, генерал-майор фон Штайи Либенштайн, генерал-майор В. Гебб, генерал-майор И. Рупrecht, генерал-лейтенант фон Штрахвитц, генералы К. Закс, Р. Майнер и И. Браунер³¹.

Среди заключенных лагеря № 476 оказались и некогда близкие к «великому фюреру» люди. Это камердинер Гитлера майор войск СС Г. Линге, шеф-пилот Гитлера генерал-лейтенант Г. Бауэр, адъютант Гитлера майор О. Гюнше, адъютант Кейтеля полковник

Таблица 38

*Динамика численности военных преступников
из числа бывших военнопленных лагеря № 476
по воинским званиям (1953–1955 гг.)*

Дата	Генералы, чел.	Старшие офицеры, чел.	Унтер-офицеры и рядовые, чел.	Всего, чел.
01.04.1953 г.	85	531	4375	6495
01.01.1954 г.	79	885	2502	3466
01.03.1954 г.		1946	5088	7034
01.01.1955 г.	5	1913	5298	7212
01.04.1955 г.	3	1907	5263	7173
01.09.1955 г.	2	1801	4943	6746

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.13; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1 . Д.28. Л.4–8, 95–98, 162–164; Д.29. Л.3–5, 58–60.

³⁰ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.28. Л.56, 60, 93–94, 164.

³¹ Мотревич В.П. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. 1996. № 2(4). С. 226–227.

Гензен, племянник владельца крупнейшего в Европе промышленного концерна «Крупп» Г. Крупп фон Болен унд Гальбах, начальник отдела «Е» VI управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник главного управления военной разведки ОКВ полковник Зюскинд-Швенти, племянник осужденного в Нюрнберге фон Папена подполковник А. фон Папен, сын фельдмаршала Клейста капитан Э. Клейст, приемный сын рейхсфюрера СС Гиммлера, сын бывшего наместника Гитлера по Австрии Зейсс Инкварта, казненного в Нюрнберге, сын премьер-министра Венгрии Калаи, родственник последнего личного немецкого посла в Москве Шулленбурга и др.³²

Анализ архивных материалов показывает, что большинство осужденных военнопленных, пребывавших на территории Среднего Урала, были привлечены к уголовной ответственности по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» от 19 апреля 1943 г. 11 января 1944 г. НКВД СССР была издана директива, вменявшая в обязанности администрации лагерей работу по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодействий. Для ее осуществления при оперотделениях ОПВИ Управления МВД по Свердловской области были созданы четыре постоянные следственные группы – по 20–30 следователей и переводчиков в каждой³³.

По имеющимся данным, за пять лет работы в лагерях Свердловской области было выявлено и подвергнуто активной агентурно-оперативной и следственной разработке более 3000 чел. прямых или косвенных участников зверств. Из этого количества было разоблачено: в 1945 г. – 31 чел., 1946 г. – 176 чел., 1947 г. – 313 чел., 1948 г. – 464 чел., за первый квартал 1949 г. – 196 чел., – всего 1180 чел.³⁴ Из них к уголовной ответственности были привлечены и осуждены судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. 1126 чел. участников

³² Моторевич В.П. Где сидел адъютант Гитлера...; РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.83; Оп.31а. Д.1. Л.47, 111.

³³ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.157; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.12.

³⁴ Там же. Л.9, 10, 11.

зверств: в 1946 г. – 36 чел., 1947 г. – 161 чел., 1948 г. – 273 чел., 1949 г. – 656 чел. Архивные материалы свидетельствуют, что в большинстве своем это были бывшие военнослужащие германской армии – 1044 чел.; остальные – солдаты и офицеры румынской (56 чел.) и венгерской (26 чел.) армий. Из них 20 чел., осужденные до выхода 26 мая 1947 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни», были расстреляны, остальные 1106 чел. – приговорены к срокам от 15 до 25 лет ИТЛ. Кроме того, ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г., а также ст. 17 УК РСФСР стали основанием для привлечения к уголовной ответственности еще 368 военнопленных, служивших в так называемых карательных органах бывшей германской армии, «конкретная преступная деятельность которых полностью разоблачена не была»³⁵. При этом каждый второй военнопленный, осужденный как военный преступник, проходил по так называемым групповым агентурным делам, а именно: по делу «Майская гроза» – 113 чел. из 87-й пехотной дивизии; по делу «Грабители и убийцы» – 95 чел. из 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан гайер»; по делу «Злодеи» – 59 чел. из 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова»; по делу «Завоеватели» – 52 чел. из 31-й пехотной дивизии СС; по делу «Буйволы» – 39 чел. из 7-й пехотной дивизии; по делу «Поджигатели и убийцы» – 37 чел. из 8-й танковой дивизии; по делу «Варвары» – 36 чел. из 299-й пехотной дивизии; по делу «Варвары» – 28 чел. из 57-й пехотной дивизии; по делу «Палачи» – 24 чел. из мотопехотной дивизии СА «Фельдгерихалле»; по делу на группу участников зверств из дивизии СС «Великая Германия» – 15 чел.; по делу «Тигры» – 15 чел. из 17-й танковой дивизии; по делу «Погромщики» – 14 чел. из 290-й пехотной дивизии; по делу «Саперы» – 14 чел. из 743-го саперного батальона; по делу «Саперы» – 14 чел. из 750 саперного батальона; по делу на группу участников зверств из 44-го саперного батальона – 11 чел.; по делу «Изверги» – 10 чел. из 110-й пехотной дивизии; по делу «Шакалы» – 8 чел. местной комендатуры № 1-534; по делу «Каратели» – 6 чел. из 31-й полицейской дивизии; по делу «Имперцы» – 5 чел. из дивизии СС «Дас райх»; по делу «Егерчане» – 5 чел. из 5-й егерской дивизии; по делу «Душегубы» – 5 чел. из 131-й пехотной дивизии; по делу «Медики» – 5 чел. из 1-й санитарной роты 134-й пехотной дивизии; по делу «Бандиты» –

³⁵ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России... С. 157; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.9, 10, 11.

3 чел. из 262-й пехотной дивизии; по делу «Зулусы» – 3 чел. из 69-го пехотного полка; итого – 616 чел.³⁶

Два следственных дела, № 2757 и № 2665, хранящиеся в Архиве Управления ФСБ РФ по Свердловской области, рассказывают о злодеяниях 95 военнослужащих 8-й кавалерийской дивизии «Флориан Гайер» войск СС, которое использовалось для уничтожения мирного населения Белоруссии, России и Украины. В ходе одной из карательных операций в сентябре 1942 г. обвиняемый Э. Рамади запер в сарае 50 жителей деревни Касиля Смоленской области и забросал их ручными гранатами, в живых не осталось никого. В этих операциях Ш. Мюллер лично расстрелял 20 чел. Его подельники К. Кросс и И. Нойкам, кроме аналогичных преступлений на территории СССР, участвовали в карательных операциях в Чехословакии и Польше. В 1943 г., когда дивизию отправили на отдых и переформирование, Кросс лично уничтожил более 100 узников лагеря Майданек³⁷.

Дело № 948/1061 отражает следствие по делу о преступлениях, совершенных в Крыму 24 чел. военно-полевой комендатуры г. Симферополя под руководством начальника комендатуры полковника К. Эбмайера и его заместителей майоров Криммеля и Замбергера. В течение всего периода оккупации Крыма – с ноября 1941 г. по апрель 1943 г. – комендатура в тесном контакте с СД и гестапо осуществляла режим жесточайшего террора и насилия над мирным населением. В массовых расстрелах непосредственное участие принимали военнопленные Келлер, Еккерль, Хайбск и др. По прямым указаниям полковника Эбмайера его подчиненные убили несколько сотен человек, а около 8 тыс. чел. угнали в Германию³⁸.

Из одиночных дел на участников зверств отметим дело № 976 на военнопленного В. Фойгта, оконченное в мае 1946 г. Состоя в зондеркоманде СД, осенью 1942 г. Фойгт принимал непосредственное участие в расстреле 18 000 советских граждан-евреев, проживавших в г. Львове, Золочеве, Тернополе. При этом Фойгт лично расстрелял около 800 чел. Кроме того, «ради забавы» Фойгт

³⁶ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России С. 157; Архив УФСБ РФ по СО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 66. Л. 12–13.

³⁷ Смыкалин А. С. Строители из дивизии СС // Уральский рабочий. 1995. 17 янв.

³⁸ Он же. Колонии и тюрьмы в Советской России... С. 156.

зверски убил 4 советских военнопленных-танкистов. Связав их по рукам и ногам, он привязал к ним ручные гранаты, которые затем взорвал, дергая за длинные шнурки. В 1949 г. был выявлен и привлечен к суду второй участник этих злодеяний, военнопленный Ф.Плешингер³⁹.

В 1949 г. было заведено уголовное дело на бывшего обер-ефрейтора 52-го авиаполка Г.Рудольфа. Следствием было установлено, что, находясь на территории Сталинской области, он лично расстрелял: в феврале 1942 г. в селе Амфросиевка – 80 чел. и в мае 1943 г. в селе Куйбышево – 112 мирных советских граждан⁴⁰.

Как участники зверств были осуждены также 30 военнопленных – сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника. Еще 75 военнопленных, пребывавших в лагерях Свердловской области, были привлечены к судебной ответственности за разведывательную деятельность на территории СССР⁴¹. Всего же в период с 1942-го по 1950 г. в лагерях областного ОПВИ было выявлено и разоблачено 446 гласных и негласных сотрудников разведки, контрразведки и карательных органов противников. Среди них – бывший офицер отдела 1«Ц» 357-й пехотной дивизии германской армии Г.Кнаппик. После пленения американскими войсками в 1945 г. он был завербован в качестве агента американской разведки и передан советской стороне в порядке обмена военнопленными с заданием проведения в СССР разведывательной и диверсионной деятельности. Находясь в лагере для военнопленных в г. Новосибирске, Кнаппик собирал сведения о промышленности города и области, а также занимался вербовкой военнопленных для работы в пользу американской разведки⁴².

Служивший во время войны сначала переводчиком отдела 1«Ц», а затем следователем тайной полевой полиции (ГФП) группы № 626 при 1-й танковой армии немецкий военнопленный Г.Майор пытался выдать себя за рядового военнослужащего 959-й роты разведки связи штаба 16-й немецкой армии. Однако «компетентным органам» удалось установить не только его принадлежность к тайной полевой полиции, но и факт его личного участия в расстреле 30 советских граждан в г. Макеевка в ноябре 1943 г., а также мас-

³⁹ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.23.

⁴⁰ Там же. Л.24.

⁴¹ Там же. Л.27.

⁴² Там же. Л.29.

Таблица 39

Выявление гласных сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника в лагерях военнопленных Свердловской области (1942–1950 гг.)

Орган	Выявлено военнопленных-разведчиков и карателей, чел.	По их данным взято на учет агентуры и предателей из числа советских граждан, чел.	Из них установлено местными органами МВД-МГБ, чел.
Абвер	16	11	-
Отдел 1 "Ц"	67	67	18
Тайная полевая полиция (ГФП)	9	9	2
Военно-полевые комендатуры	41	54	21
Венгерская разведка	4		
Румынская разведка и жандармерия	8	30	20
Японская разведка и контрразведка	24	21	10
ИТОГО	206	254	91

Источник: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 158.

совых расстрелах и истязаниях мирного советского населения в г. Днепропетровске, Сталино, Железнодворске, Пятигорске, Воропшиловске и др. В ходе следствия Майор назвал известных ему гласных сотрудников тайной полевой полиции группы № 626, а также 7 советских граждан, являвшихся немецкими агентами и пособниками⁴³.

⁴³ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.33.

Документы показывают, что среди военнопленных, осужденных по обвинению в совершении так называемых государственных преступлений, большинство составляли именно те, кто был привлечен к ответственности за шпионаж и принадлежность к разведывательным органам противника. Основанием для их привлечения к суду послужила печально знаменитая ст. 58 п. 6 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовного законодательства союзных республик. Представляется важным отметить, что при этом оказались востребованными практически все пункты ст. 58 УК РСФСР. Помимо уже упомянутого и «самого популярного» шестого пункта, это:

- 58-2 – вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на территорию СССР;
- 58-3 – сношение и способствование в контрреволюционных целях иностранному государству или его представителям;
- 58-4 – оказание помощи международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы;
- 58-8 – совершение террористических актов;
- 58-9 – разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами средств сообщения, связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений, государственного и общественного имущества;
- 58-10 – антисоветская пропаганда и агитация;
- 58-11 – организационная деятельность по подготовке и совершению всех вышеперечисленных, то есть государственных преступлений;
- 58-14 – контрреволюционный саботаж⁴⁴.

Правовой анализ материалов дел на заключенных лагеря № 476 дает основание высказать мнение, что названные выше преступные деяния инкриминировались военнопленным значительно реже, чем интернированным⁴⁵. Источники также свидетельствуют, что так называемые государственные преступления военнослужащие вражеских армий совершали, как правило, не в годы войны, а после ее окончания, когда солдаты и офицеры оказались во власти Советского государства в совершенно новом для себя качестве – качестве военнопленных. Психологическое состояние, в котором

⁴⁴ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 г. М., 1927.

⁴⁵ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СД. Ф.56. Оп.1. Д.27. Л.1-87.

они находились, мешало трезво оценивать окружающую действительность, превращая реальность в кошмар, и вызывало резкое неприятие лагерных порядков, идеологического пресса и в целом советского строя. Отсюда – те немногочисленные, но все-таки имевшие место, попытки противостоять – осознанно или нет – своим «угнетателям». При этом далеко не каждый военнопленный понимал, что в советском праве эти попытки именуются «государственными преступлениями», едва ли не самыми тягчайшими по меркам сталинской эпохи, и влекут за собой суровую кару. Среди такого рода преступлений, совершенных узниками областного ОПВИ отметим следующие.

13 января 1947 г. в отделении № 3 лагеря № 245 были арестованы военнопленные немцы И.Брассер, Э.Мюллер и З.Райнлендер. Они обвинялись в саботаже путем отказа от работы, агитации среди других военнопленных с призывом не выполнять производственные задания и не выходить на работу, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.58-14 УК РСФСР. Судом Всесоюзного Трибунала войск МВД Уральского округа 23 февраля 1947 г. Брассер был приговорен к расстрелу, Мюллер и Райнлендер – к 10 годам ИТЛ⁴⁶.

В конце января 1949 г. в одном из отделений лагеря № 504 был арестован бывший немецкий унтер-офицер, служивший в 277-й отдельной бригаде самоходной артиллерии, Я.Биллау. 19 февраля 1949 г. он был осужден по ст. 17 и ст. 58–8 УК РСФСР «за то, что неоднократно проявлял враждебное отношение к СССР, а 15 декабря 1948 г. демонстративно изломал раму портрета одного из руководителей Советского Союза и вместе с измятым портретом бросил в горящую печь жилого помещения». Приговор – 25 лет ИТЛ⁴⁷.

К 25 годам ИТЛ был приговорен по ст.58-8 УК РСФСР и японский военнопленный Ватанабе Хидайте, содержавшийся в отдельном рабочем батальоне № 428. Совершенное им преступление было куда менее безобидным, чем два предыдущие: в ночь с 25 на 26 сентября 1947 г. Хидайте с целью убийства нанес несколько ударов топором по голове старшему антифашистского комитета Асати Ацуси и командиру роты военнопленных Фурута Кедзуо, которые «вели борьбу с лодырями, ворами и дезорганизаторами производства»⁴⁸.

⁴⁶ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.46822. Л.32.

⁴⁷ Там же. Д.46349. Л.29.

⁴⁸ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.40.

Военнопленные, осужденные за государственные преступления, пополнили ряды так называемых военных преступников, разделив с ними долголетнее заключение в лагере № 476. Среди его узников оказались также военнослужащие вражеских армий, осужденные за бытовые преступления, как то: воровство, членовредительство, нарушение трудовой дисциплины и лагерного режима, хулиганство и прочие мелкие деяния. Наиболее многочисленными из них оказались те, кто был привлечен к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хищение личной и общественной собственности» от 4 июня 1947 г. По имеющимся данным, в период с 1946-го по 1950 г. из осужденных в Свердловской области за бытовые преступления 257 военнопленных 216 чел. были привлечены к ответственности за «хищенис социалистической и индивидуальной собственности граждан». В их числе – немецкий военнопленный А.Грунтнер. Судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа 15 октября 1947 г. он был приговорен к 6 годам ИТЛ за хищение картофеля с индивидуальных огородов граждан⁴⁹. Судьбу Грунтнера повторили многие другие военнопленные, но нельзя не отметить, что в конце 1940-х гг. по Указу от 4 июня 1947 г. советских граждан было осуждено в десятки раз больше, чем иностранных военнопленных.

Обобщение данных о сроках наказания заключенных лагеря № 476 показало, что из 7228 чел., пребывавших за его стенами по состоянию на 1 апреля 1953 г., 4 чел. были осуждены на срок до 5 лет ИТЛ, 632 чел. – от 6 до 10 лет ИТЛ, 240 чел. – от 11 до 20 лет ИТЛ, 6263 чел. – от 21 до 25 лет ИТЛ; 89 чел. составляли неосужденные военнопленные и интернированные⁵⁰. Эти цифры позволяют утверждать, что большинство узников лагеря № 476 были осуждены как военные преступники, поскольку именно они подвергались самому длительному наказанию. Кроме того, есть основания полагать, что они были привлечены к суду главным образом в конце 1949 г., то есть в период завершения массовой депатриации военнопленных. По данным В.Б.Конасова, на 20 января 1949 г. в СССР как военные преступники были осуждены 3721 чел. из числа немецких военнопленных. По его же подсчетам, за два последних месяца

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.48; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.27. Л.18.

⁵⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.13.

1949 г. их количество увеличилось до 13 603 чел., то есть почти в четыре раза⁵¹. Если учесть, что задача выявления военных преступников в лагерях ГУПВИ МВД СССР была поставлена еще в 1944 г., вряд ли такую динамику численности осужденных военно-запертых можно объяснить нерасторопностью и нерадивостью «компетентных органов». Еще совсем недавно, в 1930-е – начале 1940-х гг., они просто поражали своей ретивостью в деле исполнения указаний свыше. Более правдоподобное объяснение вырисовывается при анализе событий полувековой давности.

Еще в годы войны Советский Союз едва ли не первым продемонстрировал решимость сурово покарать нарушителей законов и обычаях войны, инициировав первые в истории судебные процессы над военными преступниками. В 1945 г. СССР подтвердил свое намерение участием в целом ряде международных соглашений. Кроме того, 13 августа 1945 г., когда встал вопрос об отправке на родину иностранных военнопленных, МВД СССР издало приказ за № 00955. В соответствии с ним освобождению и депатриации не подлежали: а) участники зверств, уже взятые на учет, а также те из не взятых, на которых имеются проверенные агентурные и официальные данные; б) лица, служившие в войсках СС и СА, полевой полиции и жандармерии; в) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; г) руководящие члены фашистских партий и их организаций, както: Национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрепленные стрелы», «Железная гвардия» и другие; д) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; е) осужденные в плену за военные преступления⁵². В «черный» список при этом попали не только признанные в Нюрнберге преступными руководящий состав фашистской партии, СС, СД и гестапо, но представители СА, тайной полевой полиции, жандармерии, разведки и контрразведки, организаций «Скрепленные стрелы», «Железная гвардия» и даже «Гитлерюгенда». А 22 ноября 1945 г. вышла директива МВД СССР № 216 «О проведении медицинского осмотра военнопленных немцев в целях выявления татуировок» – характерного признака принадлежности к СС.

⁵¹ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 56.

⁵² Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 176–177.

Названные решения были приняты на фоне уже очевидного «похолодания» в отношениях бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Одним из его проявлений стало начавшееся с 1946 г. в Западной зоне оккупации Германии массовое освобождение из тюрем членов нацистской партии. Позиция советского руководства в данном вопросе никак не совпадала с позицией Запада, и, обвинив своих противников в «поджигании новой мировой войны», СССР всячески стремился подтвердить свою репутацию «борца за мир». В то время как на Западе нацисты выпускали на свободу, МВД СССР издало директивы № 230 «О выявлении среди военнопленных лиц, служивших в войсках СС и принимавших участие в массовых зверствах на оккупированной территории СССР» и № 285 «О выявлении военных преступников среди военнопленных и интернированных немцев» с расчетом окончания работы к 1 марта 1947 г. Это, однако, не помешало западным державам продолжить начатое, что незамедлительно отразилось на их отношениях с Москвой. Раскол Европы стал окончательным в июле 1947 г., когда СССР и вместе с ним страны Восточной Европы отвергли план возрождения Европы, известный как «план Маршалла». Оказавшись в окружении врагов, Кремль начинает манипулировать судьбами находящихся в его власти солдат и офицеров вражеских армий, используя их не только в пропагандистских целях, но и как своего рода козырь в противоборстве с Западом.

В условиях «холодной войны» самым простым и удобным основанием для задержания иностранных военнопленных в СССР был перевод «подучетного элемента» из их числа в категорию военных преступников, и работа в данном направлении заметно активизируется. В начале июня 1947 г. МВД СССР издаст приказ № 00576 «Об усилении агентурно-следственной работы по выявлению и разоблачению военнопленных и интернированных – сотрудников разведывательных органов противника и их агентуры». 30 июня 1947 г. министр внутренних дел СССР издает грозное распоряжение за № 411 «Об усилении проверки оперсоставом лагерей МВД для военнопленных отправляемого контингента из лагерей на родину», предупреждая, что в случае пропуска военных преступников МВД будет привлекать виновных к строгой ответственности⁵³.

Вероятно, решение удержать в тюрьмах и лагерях СССР как военных преступников часть бывших военнослужащих вражеских

⁵³ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... С. 205.

армий окончательно формируется в 1948–1949 гг. При этом его связь с событиями в Европе несомненна. В марте 1948 г. бывшие союзники приняли решение об организации выборов в западногерманское учредительное собрание, а несколькими днями позже предприняли выпуск немецкой денежной марки, объявив, что она будет общей для всех зон. В ответ советская сторона установила контроль за коммуникациями между Западным Берлином и Западной Германией. Блокада германской столицы, оказавшись в целом неудачной, продолжалась почти год – с 24 июня 1948 г. до 12 мая 1949 г.

Еще до ее начала, 20 апреля 1948 г., МВД, МГБ и Генпрокуратура СССР издали совместную директиву № 53/95/18-сс, в соответствии с которой местные органы внутренних дел получили право передавать следственные дела по военным преступникам сразу в военные трибуналы – без предварительной экспертизы в Москве, как это было раньше⁵⁴. Тем самым процедура привлечения к ответственности, а вместе с ней и осуждения военнопленных и интернированных значительно упрощалась и ускорялась. Становится характерной и к концу 1940-х гг. прочно входит в практику привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности такая особенность, как ускоренное ведение следствия, подготовка обвинения и рассмотрение дел в суде. Кроме того, на смену открытых показательным судебным процессам – последние состоялись в Сталино, Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле в конце 1947 г. – приходят закрытые судебные заседания, проходившие по «упрощенной процедуре»: в присутствии обвиняемого, но без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей. Чаще всего военный трибунал под председательством старшего офицера и двух военнослужащих в звании от ефрейтора до капитана выносил обвинительный вердикт в течение 20–30 минут. Несколько дольше могло длиться заседание, когда перед судьями находился высокопоставленный офицерский чин. Однако и в первом, и во втором случае исход дела был предрешен. Для тех, кто вершил правосудие над военнопленными и интернированными, нарушение процессуальных норм было делом обыденным, так как такой порядок, как известно, был широко принят в сталинские годы.

⁵⁴ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 51.

С возникновением весной 1949 г. блока НАТО и основанием осенью того же года Германской Федеративной Республики (позже – ФРГ) обстановка в Европе еще более накаляется. Помимо всех прочих одним из последствий осложнения отношений Москвы и Запада стала небывалая доселе активизация работы по привлечению к суду иностранных военнопленных. Еще в январе 1949 г. МВД СССР издало распоряжение № 31 «Об усилении следственной работы по разоблачению и преданию суду участников зверств и злодеяний из числа военнопленных генералов, содержащихся в лагере № 48». 16 июня 1949 г. заместитель министра внутренних дел СССР И.А. Серов утвердил «Инструкцию по фильтрации военнопленных, числящихся на оперативном учете». В обязанность «компетентным органам» на местах вменялось «уделить первостепенное внимание контингенту, взятому на учет по так называемым формальным признакам»⁵⁵. Это означало, что военнопленные, служившие в карательных и охранных органах противника, а также разведке и контрразведке отстранялись от депатриации и привлекались к ответственности только за сам факт «соучастия в преступной организации» с дальнейшим препровождением в лагерь № 476 и ему подобные.

23 июня 1949 г. вышло распоряжение МВД СССР № 413 «О выявлении среди военнопленных офицеров лиц, причастных к зверствам и злодействиям на временно оккупированной территории СССР». В нем указывалось: «...при расследовании дел о зверствах и злодействиях и агентурно-разведывательной деятельности военнопленных настойчиво добиваться получения материалов, изобличающих старших офицеров, которые, как правило, в качестве командиров войсковых, полицейских, жандармских, охранных и иных формирований играли руководящую роль в этих преступлениях»⁵⁶.

28 ноября 1949 г. было принято решение о прекращении депатриации офицеров, служивших в СС, СД, гестапо, полиции, карательных частях и органах⁵⁷. Принцип необязательности доказательства конкретной вины обвиняемого был окончательно закреплен вышедшими 29 ноября 1949 г. совместным распоряжением МВД, МГБ и Генпрокуратуры СССР № 746/364/213 сс, в котором указывалось:

⁵⁵ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 51.

⁵⁶ Военнопленные в СССР... С. 772.

⁵⁷ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 53.

«1. В тех случаях, когда достаточных следственных материалов о конкретной преступной деятельности не имеется, военнопленных офицеров, служивших на командных оперативных должностях в органах и войсках СС, предавать суду по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 г. за самый факт принадлежности к СС как военных преступников. Во всех случаях, когда это возможно, указывать на акты Чрезвычайной государственной комиссии, устанавливающие преступления воинской части, в которой состоял обвиняемый.

2. Командный и рядовой состав, служивший в концентрационных лагерях, лагсрях для советских военнопленных и мирных граждан, а также работников карательных органов: суда, прокуратуры, полиции и следственных органов, – также судить по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 г.

3. Сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов предать суду по ст. 17 и 58–6 УК РСФСР»⁵⁸.

Требуется пояснить, что ст. 17 УК РСФСР утверждала принцип коллективной ответственности за совершенное преступление. Поэтому названное распоряжение без труда позволяло осудить почти каждого военнопленного. Необходимо было лишь установить его принадлежность к воинскому соединению, личный состав которого был причастен к зверствам и злодействиям на советской земле, или же так называемым карательным органам противника, перечень которых советское руководство, вопреки достигнутым в Нюрнберге договоренностям, значительно расширило по собственному усмотрению. Поэтому, по выражению В.Б. Конасова, «разоблачение» военных преступников часто ограничивалось изучением их автобиографий, места, времени и характера службы⁵⁹. Приведем лишь несколько примеров.

Немецкий военнопленный А.Адамисц, 1904 года рождения, осужденный трибуналом войск МВД Уральского военного округа 28 декабря 1949 г. по ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» на 25 лет ИТЛ, был обвинен в том, что «с июня 1942 г. по август 1942 г. проходил службу в составе вспомогательной полиции города Ратибор (Германия) в чине рот-вахмитсра в должности полицейского, где нес наружную службу. С августа 1942 г. по 8 мая 1945 г. проходил службу в составе

⁵⁸ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 54.

⁵⁹ Там же. С. 55.

29 жандармского мотовзвода в чине обер-вахмистра. Булучи на временно оккупированной территории СССР в районе города Гродно, личный состав взвода проводил карательные операции против партизан». В кассационной жалобе Адамец требовал пересмотреть приговор суда, так как не считал себя виновным: «Я лично в операциях не участвовал, так как работал сапожником в мастерской и за весь период службы не произвел ни единого выстрела. Первого русского вооруженного солдата я увидел после капитуляции в плену»⁶⁰.

Из приговора от 22 декабря 1949 г. по делу немецкого военно-пленного Г.Геккера, 1910 года рождения, взятого в плен 24 августа 1944 г.: «Геккер с 1939 г. по май 1944 г. состоял на службе в 385 отдельном пехотном полку в чине лейтенанта в качестве командира взвода. В начале мая 1944 г. был зачислен на службу в отдел 1«Ц» четвертого армейского корпуса и направлен для работы в 385 отдельный пехотный полк, который входил в названный корпус, в качестве офицера отдела 1«Ц», где он работал по конец июля 1944 г. Отдел 1«Ц» занимался шпионской, разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу Советской Армии». На этом основании Геккер был признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 17 и 58-6 УК РСФСР, и приговорен к 25 годам ИТЛ⁶¹.

Немецкий военнопленный С.Даусман, 1903 года рождения, проходил службу в полевой комендатуре № 853 г. Симферополя в чине сержанта в должности повара. Затем продолжил службу на территории Румынии. Этого оказалось достаточно, чтобы судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа 19 декабря 1949 г. он был осужден за службу в карательных органах противника и признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 17 УК РСФСР и ст.1 Указа от 19 апреля 1943 г. Приговор – 25 лет ИТЛ. В своей кассационной жалобе Даусман писал: «Выдвинутые против меня обвинения не соответствуют действительности. 19 мая 1943 г. я был призван в немецкую армию и зачислен в 12 запасной автотранспортный батальон г. Кайзерслайтена. С октября по 28 декабря 1943 г. работал при Красном Кресте на выдаче маршевого довольствия. С января 1944 г. по апрель 1944 г. работал при комендатуре на транспортировке угля и леса. В апреле 1944 г. был назначен помощником повара при полевой комендатуре № 853.

⁶⁰ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45657. Л.16, 17, 31, 33.

⁶¹ Там же. Д.48537. Л.23, 30.

В 1946 г. с 10 по 20 ноября проходил судебный процесс против полевой комендатуры № 853, на котором я был признан невиновным. Я никак не могу понять, за что меня наказали, так как я никаких преступлений не совершал и их совершению не содействовал»⁶².

Другой немецкий военнопленный, Г. Вурцер, 1922 года рождения, был арестован 14 декабря 1949 г. Следствием по делу было установлено, что в годы войны вплоть до плена он служил в 502-м тяжело-артиллерийском дивизионе 44-й дивизии СС в чине лейтенанта в должности командира батареи. Судом Военного Трибунала войск МВД Уральского округа 23 декабря 1943 г. Вурцер за службу в карательных органах противника (ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г.) был осужден на 25 лет ИТЛ. В тот же день на том же основании к 25 годам ИТЛ был приговорен немецкий военнопленный Я. Даубмайер. Вина его заключалась в том, что он проходил службу в 10-й роте охранного батальона дивизии СС «Мертвая голова» охранником, рядовым солдатом⁶³. Никаких конкретных преступлений Я. Даубмайера следствие и суд так и не установили.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть военнопленных была привлечена к уголовной ответственности на основании ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. за деяния, которые крайне сложно определить как военные преступления. Стalinское же руководство, очевидно, считало иначе, что нашло свое отражение непосредственно в тексте самого Указа. Согласно его первой статье, «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев», карались смертной казнью через повешение. С юридической точки зрения определение признаков субъекта преступления в данном случае не совсем корректно, поскольку авторы Указа оперировали не правовыми категориями, а морально-оценочными – «фашистские злодеи». В равной степени это относится и к толкованию состава воинского преступления. В преамбуле Указа они определялись как «неслыханные зверства и чудовищные насилия», а также как «злодеяния», что позволяло подвести под этот состав практически

⁶² УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45393. Л.19, 28, 32.

⁶³ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45746. Л.18, 28, 29; Д.45648. Л.14, 19, 22.

любое действие⁶⁴. Источники свидетельствуют, что такая возможность широко использовалась советскими военными юристами. К примеру, как военный преступник к 25 годам ИТЛ 7 декабря 1949 г. был осужден бывший фельдфебель германской армии Э.Байес. В обвинительном заключении по его делу говорилось: «Предварительным расследованием по делу установлено, что в июне 1941 г. Байес совместно с обер-ефрейтором Альтгофом в одном населенном пункте (название не установлено), расположенным в районе г. Брест-Литовска, изъял двух лошадей у мирных советских граждан. В октябре 1941 г. Байес совместно с пятью другими солдатами изъял у местных жителей населенных пунктов (название не установлено), расположенных в Тульской области, около 60 кг муки, 130 кг картофеля, 25 штук куриц. Аналогичные случаи изъятия продуктов питания у населения происходили с участием Байеса в районе г. Бобруйска, Гомеля, Нежина, Брянска...»⁶⁵

Другой немецкий военнопленный, Э.Гаазе, 1913 года рождения, служивший в чине обер-ефрейтора в должности телефониста 9-й батареи 18-го артполка 18-й мотоегерской дивизии и взятый в плен 15 июля 1944 г., был осужден по ст. 1 Указа «О наказании немецко-фашистских злодеев...» к 25 годам ИТЛ за участие в грабежах советского мирного населения и в разрушении населенных пунктов. В обвинительном заключении по его делу говорилось: «В июле 1941 г. в городе Витебске участвовал в ограблении продуктового склада, где лично взял 12 кг сыра. В конце сентября 1941 г. в районе города Могилева участвовал в разрушении населенного пункта, где лично разрушил 5–6 жилых домов, материалы которых были использованы на строительство оборонительных сооружений». Кассационная жалоба Гаазе, как и сотни других, была оставлена без удовлетворения⁶⁶.

За зверства и злодействия над мирными советскими гражданами к 25 годам ИТЛ был приговорен обер-сфрейтор, шофер 3-го зенитного дивизиона 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» К.Босс. Он был обвинен в том, что, находясь на временно оккупированной территории СССР, в январе 1944 г. в селах Большая Виска и Гутовка

⁶⁴ См.: *Шелокова Т. А.* Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юридич. наук. Екатеринбург, 2000. С. 123.

⁶⁵ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45558. Л.19, 20.

⁶⁶ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45392. Л.16, 25.

Кировоградской области вывозил на автомашине в течение четырех дней по 30 чел. советских граждан на работу по рытью окопов в прифронтовой полосе в зоне обстрела; в феврале 1944 г. в селе Большая Виска изъял у мирных советских граждан 7 коров, которых лично доставил в расположение своей части⁶⁷

Правовая оценка материалов уголовных дел на Э.Байеса, Э.Гаазе и К.Босса, осужденных по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г., дает основания утверждать, что состав преступления в инкриминируемых этим военнопленным деяниях практически отсутствует.

Весьма показателен тот факт, что участи Э.Байеса, Э.Гаазе и К.Босса избежали пленные, которые в ходе судебного разбирательства отказались от своих показаний. Советское правосудие тем самым просто лишалось едва ли не всяких законных оснований для продолжения судопроизводства. За отсутствием признательных показаний обвиняемого доказать его конкретную вину следствию и суду не удавалось, дело закрывалось с формулировкой «за недостаточностью улик» или «из-за отсутствия улик». К примеру, на судебном заседании 14 декабря 1948 г. обвиняемый в участии в грабежах, арестах, угоне на рабский труд в Германию и насильственном привлечении к труду мирных советских граждан обер-сержант Беккер Готхарл Рейнгард не только отказался от своих показаний, но и потребовал вызова свидетелей из числа своих сослуживцев. Дело было направлено на доследование и закрыто за недостаточностью доказательств 17 марта 1949 г. В апреле 1949 г. следствие возобновили, но из-за отсутствия улик окончательно прекратили 14 октября 1949 г. 21 декабря 1949 г. от своих показаний прямо в зале суда отказался рядовой 5-й егерской дивизии Айгнер Георг Вильгельм, на следующий день дело было закрыто. Примеру Айгнера 23 декабря 1949 г. последовал сержант 560-го строительного батальона Бем Макс Пауль, обвинявшийся в участии в изъятии продуктов у мирного советского населения. Следствие продолжили, но 27 февраля 1950 г. все обвинения с Бема были сняты, так как никаких изобличающих фактов его преступной деятельности установлено не было.

Нельзя не отметить, что в процессе привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских зло-

⁶⁷ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45776. Л.23, 24.

деев и их пособников» от 19 апреля 1943 г. не обошлось без правовых курьезов. По названному указу, который был предназначен для привлечения к суду виновных в зверствах и злодеяниях над мирными советскими гражданами и советскими военнопленными, к уголовной ответственности были привлечены и те военнопленные, которые никогда не были на территории СССР и не имели никакого отношения к репрессиям советских военнопленных. Так, бывший полицмейстер отдела «К» (транспорт) охранной полиции Э.Байер, проходивший службу на территории Польши в г. Варшаве, Катовицах и Ченстохове, был приговорен к 25 годам ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. и ст.17 УК РСФСР за службу в германских карательных органах и участие в начале сентября 1944 г. в подавлении Варшавского восстания. За участие в грабежах и арестах мирных чешских граждан по ст.1 Указа от 19 апреля 1943 г. был осужден на 25 лет ИТЛ бывший унтер-офицер 2-й роты 2-го пехотного полка штурмовой бригады СС «Дерливангер» В.Аут. Та же участь постигла служившего на территории Германии и Польши бывшего обер-лейтенанта, командира полицейской сотни Ф.-К.Ди-невальда⁶⁸.

Приведенные факты, когда приговоры строились на обвинениях без доказательств, а сами обвинения отвергались осужденными в кассационных жалобах, единичными не были. Источники свидетельствуют, что по сомнительным приговорам была осуждена значительная часть военнопленных. Юридическим последствием этого стала развернувшаяся в последние годы в России в целом и в Свердловской области в частности работа по реабилитации незаконно осужденных за нарушение законов и обычаев войны бывших военнослужащих вражеских армий, которые сегодня причислены к жертвам политических репрессий. По данным Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры РФ, в четырех случаях из пяти осужденные в прошлом военнопленные ныне подлежат реабилитации⁶⁹

Сегодня считается доказанным, что на иностранных военнопленных в полной мере распространялось репрессивное законодательство 1930–1940-х гг. Поэтому не будет преувеличением сказать, что часть иностранных граждан, оказавшихся в результате Второй мировой войны заложниками сталинского режима, разде-

⁶⁸ УГААО СО. Ф.1. Оп.2. Д.45664. Л.29; Д.46042. Л.28; Д.46071. Л.21.

⁶⁹ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 75.

лила участь сотен тысяч советских граждан, прошедших через сталинские лагеря. При этом советское руководство рассматривало бывших военнослужащих иностранных армий не только как идейных противников, но и как потенциальных солдат и офицеров армий блока НАТО, а также как очень удобный и простой в применении инструмент для воздействия на западные державы при решении своих внешнеполитических задач, в частности так называемого германского вопроса. И совсем не случайно только с по теплением отношений Москвы и Запада, выразившимся после смерти И.В.Сталина в том числе и в подписании мирного договора с Австрией и установлении дипломатических отношений с ФРГ, стало возможным в 1955–1956 гг. освобождение из советского плена и отправка на родину последних иностранных военнопленных.

Среди жертв политики Советского государства по отношению к иностранным военнопленным Второй мировой войны оказалось немало людей, которые прошли через сталинско-бериевские судилища дважды и даже трижды. В их числе – генерал-майор, командир 9-й немецкой авиадивизии Х.Герман. В годы войны он воевал на фронте в Западной Европе, против морских конвоев в Северном Ледовитом океане. В боях на Восточном фронте не участвовал. 10–11 мая 1945 г. Герман добровольно сдался в плен Советской армии. Затем последовали три года плена в лагере № 27 в г. Красногорске. В мае 1948 г. он переволится в лагерь № 119 под г. Казанью. В ночь с 3 на 4 марта 1949 г. Х.Герман бежит из лагеря, но уже вечером 4 марта его арестовывают на железнодорожной станции в Казани. Согласно нормам международного права побег военнопленного не может быть основанием для его привлечения к уголовной ответственности и влечет за собой только дисциплинарное наказание. Однако это не помешало открытому суду военного трибунала приговорить представшего перед ним 6 мая 1949 г. обвиняемого Х.Германа к 10 годам ИТЛ. Правда, дабы сохранить видимость законности, бывший генерал был осужден не за побег, а за хищение государственного имущества – телогрейки, валенок и шароваров, которые были на нем одеты во время побега, – по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного имущества». После суда Герман был отправлен в лагерь № 476. В конце февраля 1953 г. он снова предстал перед судом. На этот раз он был обвинен в создании в лагере подпольной организации, которая ставила своей задачей совершение диверсий, са-

ботажа, подготовку покушений и группового побега. Решением суда на основании ст. 58-8, 58-11 и 58-14 УК РСФСР Х. Герман был приговорен к 25 годам ИТЛ⁷⁰.

По делу генерала Х. Германа были арестованы и привлечены к уголовной ответственности военнопленные Лидель, Шольтессен, Фигль и еще 4 немца, австриец Воллингер и испанец из так называемой «Голубой дивизии» Де-Ля-Рока. Среди них особого внимания заслуживает Л. Фигль, который за годы своего пребывания в плену привлекался к суду трижды. 4 декабря 1946 г. он был осужден судом Военного Трибунала войск МВД Мурманской области на 8 лет ИТЛ по ст. 58-9 УК РСФСР за то, что «работая на Мурманской электростанции, умышленно сбросил с 10-метровой высоты вагонетку в шахтоподъемник, в результате чего последний выпал из строя». 30 июня 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Минского областного суда приговорила Фигля к 10 годам ИТЛ по ст. 75 УК Белорусской ССР за совершение 7 декабря 1950 г. побега из лагеря и проживание в течение 11 месяцев на нелегальном положении. После повторного осуждения Фигль был этапирован в отделение № 1 лагеря № 476. Весной 1953 г. он оказался в числе обвиняемых по делу генерала Германа и был осужден на 25 лет ИТЛ. В ходе следствия Фигль сообщил «компрометирующие сведения» об упомянутом нами выше племяннике владельца крупнейшего в Европе промышленного концерна «Крупп» бывшем обер-лейтенанте германской армии Гаральде Круппе фон Болене унд Гальбахе. Другие обвиняемые по делу генерала Германа также показали, что фон Болен «систематически подстрекает других осужденных к антисоветской саботажнической и диверсионной деятельности», якобы обещая в награду всяческие блага по возвращению в Германию. Этого оказалось достаточно, чтобы фон Болен пополнил список военнопленных, обвиняемых по делу генерала Германа⁷¹.

Судьба фон Болена представляет особый интерес, поскольку со всей очевидностью отражает то пристальное внимание со стороны «компетентных органов», которым пользовались военнопленные, имевшие влиятельных родственников и высоких покровителей. С 1940-го по сентябрь 1941 г. фон Болен служил в немецкой армии в 52-м артполку офицером-наблюдателем. В сентябре 1941 г. по

⁷⁰ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.18.

⁷¹ Там же. Л.10–12.

личному приказу Гитлера он был отзван с фронта и в 1942 г. назначен в состав германской военной миссии в Бухаресте. Последний чин фон Болена — обер-лейтенант.

После заключения 24 августа 1944 г. перемирия между СССР и Румынией фон Болен был пленен и водворен сначала в лагерь Турну-Магуреле, затем — лагерь Гениша (Румыния). В апреле 1946 г. фон Болен был передан советской стороне. Прекрасно понимая, что как племянник «пушечного» магната Круппа, на заводах которого ковалось оружие для германского вермахта, он сразу окажется объектом наблюдения со стороны советских органов, фон Болен скрывался под вымышленным именем как фельдфебель Боллер. Однако вскоре он был разоблачен и в мае 1950 г. предстал перед Военным Трибуналом войск МВД Московской области в составе майора юстиции, младшего лейтенанта и ефрейтора. Ему было предъявлено следующее обвинение: «Являясь сыном (на самом деле — племянником. — С.Н.) фон Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером, Риббентропом и другими гитлеровскими нацистами. В составе 24, 97 и 125-й пехотных дивизий принимал участие в боевых действиях против Советского Союза и в оккупации территории СССР, где захватчикамичинились насилия и злодеяния. Будучи в сентябре 1941 г. отзван с фронта по личному приказу Гитлера, в 1942 г. был назначен на должность адъютанта начальника артиллерийского отдела германской военной миссии в Румынии. Являясь убежденным фашистом, принимал активное участие в организации и подготовке артиллерийских кадров из румынских солдат и генералов для борьбы с СССР, для подрыва и уничтожения нового демократического строя Румынии (в то время в Румынии господствовал фашистский режим Антонеску. — С.Н.). Наряду с этим поддерживал связь с разведывательными органами Германии, в 1943 г. с разведывательными целями выезжал в Одессу и пр. города (города, о которых идет речь, были в то время оккупированы фашистами. — С.Н.), после чего добывшие сведения передавал в военную разведку»⁷².

Несмотря на то, что никаких конкретных фактов преступной деятельности в предъявленном фон Болену обвинении указано не было, суд приговорил его к 25 годам ИТЛ, признав виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58—6 УК РСФСР. Как представляется, решающую роль для осуждения фон Болена среди об-

⁷² Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.4-8.

щих фраз обвинительного заключения сыграла констатация факта его близкого знакомства и общения с представителями правящих кругов фашистской Германии. Во время пребывания под следствием «компетентные органы» настойчиво склоняли фон Болена к сотрудничеству. Однако он практически сразу отказался от данной им во время заключения в Бутырской тюрьме г. Москвы подписки о сотрудничестве.

После суда фон Болен как военный преступник был переведен в лагерь № 476, где продолжал оставаться в центре внимания оперативников. Источники свидетельствуют, что его пребывание в лагере освещалось аж тремя агентами – «Волга», «Пик-Асс» и «Фукс». По их сообщениям, в лагере № 476 фон Болен вел себя исключительно сдержанно. Строго соблюдал режим и порядок, аккуратно выполнял порученную ему работу, работая наравне со всеми – сначала разнорабочим на строительстве жилых домов, а с июля 1953 г. – старшим прачечной жилой зоны лагеря. Общался фон Болен с узким кругом осужденных, главным образом из числа бывших аристократов и высших чиновных кругов – сыном бывшего наместника Гитлера по Австрии Зейсс-Инквартом и родственником последнего немецкого довоенного посла в Москве фон дер Шуленбургом⁷³.

Есть сведения, что фон Болен отказался от досрочного освобождения из плена по ходатайству своего ляди Чарльза фон Болена, работавшего американским послом в СССР. Однако это отнюдь не означало согласия фон Болена с предъявленным ему обвинением. Покидая 26 сентября 1955 г. лагерное отделение в пос. Дегтярка, он заявил: «Я не питают чувства злобы ни к господам начальникам лагеря, ни к вышестоящим инстанциям. Я знаю, что эти люди по отношению ко мне, – как советские граждане, – выполнили свой долг, и я знаю, что они с фактом моего осуждения, который я по сей день считаю незаконным, ничего общего не имели. С точки зрения политической я сегодня понимаю факт своего осуждения, хотя по-прежнему не одобряю его с точки зрения правосудия»⁷⁴.

Под этими словами могло подписьаться несколько тысяч иностранных военнопленных, осужденных органами советской юстиции. Но их точное число ни отечественные, ни зарубежные

⁷³ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.9–13.

⁷⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.31а. Д.1. Л.112.

специалисты сегодня назвать не решаются. Проблема осложняется тем, что обе стороны в данной ситуации не могут выступать в роли беспристрастных судей. Кроме того, объективный анализ судебных разбирательств о военных преступлениях требует обращения к первоисточникам, то есть документам архивно-следственных дел, часть которых до сих пор не подлежит огласке. Даже при их рассекречивании выявить строгое процентное соотношение пребывавших в СССР действительных и мнимых военных преступников вряд ли удастся. Препятствием для успешного поиска в данном направлении является характерный для соответствующих советских инстанций специфический подход к следственно-розыскной работе, состоявший в стандартизации материалов дел. При очевидном шаблонировании обвинительного заключения и упоминании на этапе следствия таких важнейших для квалификации преступления признаков, как место, время, обстоятельства, соучастники или свидетели его совершения, добросовестный юрист либо отправит дело на доследование, либо вообще его закроет. И вполне может оказаться, что некий уже реабилитированный пленный действительно принимал лично участие в противоправных действиях на территории СССР в годы войны, но установить это способно лишь новое расследование, подкрепленное свидетельскими показаниями, вещественными доказательствами и т.д., собрать которые по прошествии более полувека практически невозможно. Таким образом, сталинское правосудие обмануло самое себя, спровоцировав ожесточенные историко-политические дебаты вокруг проблемы «правосудия победителей».

2.2. Порядок содержания и репатриация

Как представляется, судьбы тысяч осужденных в СССР иностранных военнопленных куда более сходны с судьбами других узников сталинских лагерей, нежели с советскими военнопленными Второй мировой войны в Германии. Важно отметить, что советское руководство считало неприемлемым распространять на осужденных вражеских военнослужащих какие-либо юридические гарантии и рассматривали их исключительно как уголовных и военных преступников, в отношении которых преимущества военного пленя уже не действуют. Правда, как совершенно справедливо отмечает в своем исследовании В.Б. Конасов, документа, который бы узаконил правовой статус осужденных иностранных подданных, на уровне

Совета Министров СССР, – а это входило в его компетенцию, – принято так и не было⁷⁵.

Проект такого правительственного постановления о статусе осужденных иностранных военнопленных существовал и дважды выносился на повестку дня – в конце декабря 1950-го и в июне 1952 г., – но И.В.Сталин не посчитал необходимым его утвердить. Это, однако, не помешало руководству МВД ужесточить режим содержания своих подопечных. Источники свидетельствуют, что для всех заключенных спецлагерей была установлена, независимо от их бывших званий, единая норма питания, принятая для рядового и унтер-офицерского состава (кроме нетрудоспособных и больных, для которых сохранялись повышенные нормы довольствия). По такому же принципу осуществлялось обеспечение вешевым довольствием. Все трудоспособные, независимо от бывших званий, привлекались к труду и использовались на самых тяжелых, главным образом строительных, работах. Для всех устанавливалась единая норма выработки как для вольнонаемных рабочих соответствующих отраслей. При этом оплата труда осужденных военнопленных была ниже тарифных ставок вольнонаемных рабочих в среднем на 35%, которые шли в доход государства. Из оставшихся 65% заработка вычиталась стоимость содержания в лагере; на руки выдавалось не более 250 рублей, остальные деньги – при их наличии – также шли в доход государства. Требовалось также исключить любые контакты осужденных военнопленных с советскими гражданами и пресекать их контакты с лагерной администрацией⁷⁶.

20 ноября 1950 г. начальник ГУПВИ МВД СССР А.З.Кобулов подписал директиву с требованием к своим подчиненным повысить «большевистскую и чекистскую бдительность», установив в лагерях для осужденных иностранцев строгий режим содержания и охраны, усилив агентурно-оперативную работу в целях пресечения враждебных выступлений и подрывных актов на производстве. Военнопленных и интернированных, повторно осужденных за саботаж и прочие деяния, а также нарушителей лагерной дисциплины и лиц, склонных к побегу, переводить в штрафное отделение лагеря № 476 (отделение № 5 в пос. Дегтярка). Спустя неделю оперативные отделы получили «Ориентировку об активных враждебных проявле-

⁷⁵ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 66.

⁷⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.34а. Д.9. Л.17–19.

ниях в лагерях для осужденных военных преступников». К их числу были отнесены: отказ от работы, призыв к коллективной забастовке, попытка выйти на связь с иностранными посольствами, избиение лагерных агентов и осведомителей и т.п.⁷⁷

«Враждебные проявления» в лагерях для осужденных военнопленных действительно не были редкостью. В октябре 1952 г. в лагере № 476 заключенный Бауэр распространял «клеветнические измышления по адресу руководителей Советского государства, стран народной демократии и новой демократической Германии, одновременно восхваляя фашистско-гебельсовскую литературу, в частности книгу “Моя борьба”»⁷⁸.

В том же 1952 г. в одном из свердловских отделений лагеря военнопленный Пицона «сколотил» небольшую группу единомышленников и провел тщательную подготовку к побегу. Было заготовлено несколько килограммов сухарей, куплены часы, карта СССР. Бежать собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе и воспользовавшись плохой погодой, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Чтобы парализовать видимость часовых, стоявших на вышках по периметру лагерной зоны, Пицона специально сделал рогатку, из которой намеревался разбить лампочку, чтобы место предполагаемого побега стало не просматриваемым. Все участники предполагаемого побега были арестованы и отправлены на 10–20 суток в лагерный карцер⁷⁹.

29 января 1953 г. бывший офицер войск СС Э. Вернер при закрытии нарядов на рабочем месте пытался обмануть советского мастера путем приписки большего объема работ, чем сделано фактически. Будучи уличен мастером, Вернер стал угрожать ему и заявил: «Я был фашистом и останусь фашистом, а вы, когда придет время, получите по заслугам» (7 суток строгого ареста с содержанием в карцере)⁸⁰.

17 марта 1953 г. осужденный военнопленный К. Себор отказался работать. На предложение бригадира из числа военнопленных приступить к работе, Себор ответил оскорблением и нанес ему несколько ударов по голове (7 суток строгого ареста с содержанием в карцере)⁸¹.

⁷⁷ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 63, 64.

⁷⁸ Пушкирев Г. «С нами бог» // Подробности. 1998. 27 марта.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 17. Л. 21–22.

⁸¹ Там же.

В марте 1955 г. в отделении № 6 был вскрыт факт подготовки к побегу из лагеря осужденным военнопленным Э.Кохом. Агентурным путем было установлено, что для осуществления своего намерения Кох пытался попасть в бригаду грузчиков, которая время от времени выезжала в г. Асбест – на хлебозавод, заготовительные склады и т.д., – с тем, чтобы совершить побег с одного из этих объектов⁸².

Как правило, нарушители лагерной и производственной дисциплины, а также пытавшиеся бежать наказывались водворением в карцер или лишением права переписки с родственниками. «Грубо нарушавшие» режим изолировались от основной массы военнопленных и сводились в так называемые режимные бригады. Военнопленные, на которых названные выше меры действия не возымели, переводились на тюремный режим содержания сроком на один год. По имеющимся данным, за 1953 г. в карцере лагеря № 476 успели побывать 569 чел., были лишены права переписки – 22 чел., изолированы от остальных заключенных в особом помещении лагерного отделения № 5 – 24 чел., переведены на тюремный режим содержания – 33 чел.⁸³

Вообще нужно отметить, что с переводом военнопленных в категорию военных преступников хлопот у лагерной администрации, а особенно – у оперативников, заметно прибавилось. В силу того что контингент лагеря № 476 был в высшей степени «социально опасным», от «компетентных органов» постоянно требовалось отслеживать и направлять в нужное русло настроения осужденных военнопленных. В этой связи сеть внутрилагерных осведомителей постоянно расширялась, тем более что, идя на сотрудничество с советскими органами, узники лагеря № 476 надеялись на льготную репатриацию. Наверное, самым большим успехом в работе оперативного отдела лагеря № 476 стала вербовка одного из бывших немецких генералов. Об этом начальник УПВИ А.З.Кобулов посчитал важным доложить в конце декабря 1951 г. заместителю министра внутренних дел СССР И.А.Серову: «В целях внедрения агента в группу генералов была начата работа с бывшим генерал-лейтенантом К. Для его вербовки был применен метод постепенного втягивания без немедленного требования обязательств в сотрудничестве. В результате проведения с К. ряда

⁸² Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.80.

⁸³ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.71.

бесед и оказания ему некоторых знаков внимания среди окружающих, генерал стал представлять письменные сообщения о политических настроениях осужденных, а затем пошел и на оформление вербовки, избрав себе псевдоним «Лейман». В настоящее время он добросовсстно выполняет задания оперотдела по разработке бывших генералов и старших офицеров»⁸⁴.

Специфика содержавшегося в лагере № 476 контингента заставляла уделять особое внимание профилактике побегов военных преступников. Для предупреждения этого явления был пущен в ход достаточно простой и эффективный механизм. Агентурным путем среди военнопленных выявлялись и ставились на особый учет осужденные с «побеговыми настроениями» с последующей изоляцией, если это было необходимо, от общей массы заключенных. Так, в целях «усиления охраны и режима из числа осужденных военных преступников лагеря № 476 как склонных к побегу», по состоянию на 15 марта 1953 г. на учет были взяты 161 чел., из них: в лагерном отделении № 1 – 4 чел., № 2 – 32 чел., № 3 – 24 чел., № 4 – 14 чел., № 5 – 44 чел., № 6 – 33 чел., № 7 – 4 чел., № 8 – 6 чел.⁸⁵ В итоге число побегов из лагеря № 476 было сведено к минимуму. Если же кому-то из осужденных военнопленных все-таки удавалось бежать, то это рассматривалось как чрезвычайное происшествие. Одно их таких происшествий случилось 17 марта 1953 г., когда с рабочего объекта «ТЭЦ» (отделение № 3, г. Превоуральск) из-под охраны солдат гарнизона 105-го отдельного дивизиона конвойных войск бежал переводчик русского языка бывшей германской армии К. Гаупт. По территории строительной площадки под землей проходила труба диаметром 110 сантиметров. Спустившись в один из пяти смотровых колодцев, расположенных в зоне строительных работ, Гаупт прошел по этой самой трубе 610 метров и вышел через смотровой колодец вне зоны. Направившись к автобусной остановке, Гаупт решил поехать в г. Свердловск, но был задержан гражданином Ковиным, знавшим беглеца в лицо по работе на строительстве ТЭЦ. Суд Военного Трибунала войск МВД Уральского округа приговорил Гаупта за побег к 25 годам ИТЛ, признав его виновным в преступлении, предусмотренном ст. 58-14 УК РСФСР. Работники «ответственных органов», не сумевшие распознать в Гаупте потенциального беглеца, были строго наказаны⁸⁶.

⁸⁴ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 65.

⁸⁵ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.80.

⁸⁶ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.23.

Нельзя не отметить, что предпринятые МВД СССР меры по ужесточению режима в лагерях для осужденных военных преступников в целом не выходили за рамки обычной практики советских пенитенциарных учреждений, а по целому ряду пунктов условия содержания и труда осужденных военнопленных выгодно отличались от ГУЛАГовских порядков. К примеру, подопечные УПВИ МВД имели право жаловаться как устно, так и письменно по вопросам, связанным с их трудоиспользованием и содержанием. Как яствует из архивных документов, право это осужденные военнопленные и интернированные действительно использовали. Жаловались в основном на неполучение почтовых отправлений, плохое качество медицинской помощи, тяжелые условия труда и др. Правда, лишь немногие из жалоб военных преступников оказывались после их рассмотрения удовлетворенными. Приведем следующий пример.

15 марта 1955 г. в Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР поступили жалобы от румынских военнопленных М.Оларту и К.Скурту, содержавшихся в отделении № 6 лагеря № 476. С момента своего плена, указывал М.Оларту, он «ведет рабский образ жизни, работая без перерыва и отдыха» и, кроме того, подвергается постоянным избиениям со стороны бригадира, а 9 мая 1954 г. при допросе переводчик Вагнер оскорбил его и ударил в лицо. К.Скурту жаловался на то, что «в лагерном отделении № 6 лагеря № 476 попираются все человеческие права», что в течение 10 лет он работал без отдыха, без отпуска, без выходных. За эти 10 лет он несколько раз болел и медицинской помощи не получал. В текущем году отсидел в зимнее время 22 дня в карцере голодный и раздетый на цементном полу. Кроме того, Скурту жаловался на невыдачу посылок и отсутствие газет на румынском языке⁸⁷.

В официальном ответе на жалобу М.Оларту лагерное руководство отмечало, что он выводился на работу наравне со всеми остальными заключенными лагеря согласно его группе трудоспособности. Никакого отпуска в условиях лагеря ему не положено, все воскресные и выходные дни ему предоставлялись, как и всем военнопленным, как это предусмотрено КЗОТом для граждан СССР. Факты избиения Оларту бригадиром и переводчиком не подтвердились. Более того, 9 мая 1954 г. Оларту сам явился инициатором группового избиения военнопленного Германа, за что и был переведен на тюремный режим сроком на один год⁸⁸.

⁸⁷ РГВА. Ф. Iп. Оп.бт. Д.39. Л.344–345.

⁸⁸ Там же. Л.346–347.

Что касается жалобы второго осужденного военнопленного, К.Скурту, то в ответе на нее лагерная администрация признала, что в лагере № 476 действительно отсутствует литература на румынском языке, поскольку приобрести ее в Румынии нет возможности за отсутствием валюты у Управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Но всем же остальным пунктам жалоба Скурту была названа «необъективной». Было установлено, что в период с 22 марта по 5 апреля 1954 г. он находился в лазарете лагерного отделения, где ему была сделана хирургическая операция. После операции в «хорошем состоянии» Скурту был переведен в оздоровительную команду, и в дальнейшем за медицинской помощью больные не обращался. Поэтому все его претензии по поводу неоказания медицинской помощи никакой почвы под собой не имеют. Проверка карцера лагерного отделения № 6 показала, что карцерное помещение «вполне отвечает режимным требованиям. Данные о том, Скурту был раздет, не подтвердились. Окна в камерах в тот период были все целые и температура была естественно-нормальной – 13–14 градусов. Ввиду того, что отопительный сезон к маю месяцу уже был закончен, содержавшимся в карцере на весь срок ареста выдавалась теплая верхняя одежда. Случаев самоубийств в карцере или попыток к нему со стороны осужденных военнопленных не было». Поэтому заявление Скурту о том, что «сажая людей в карцер, начальник лагеря и оперуполномоченный толкают их на самоубийство», действительности не соответствует. Все посылки, приходящие в адрес Скурту, он получал сразу; после перевода на тюремный режим – за избиение бригадира Костана 5 мая 1954 г. – все шесть посылок, поступившие на имя Скурту, были пересадресованы из лагеря № 476 по месту его содержания в тюрьму № 3 УМВД Ростовской области⁸⁹. На основании вышеизложенного жалобы М.Оларту и К.Скурту было решено оставить без внимания, а приведенные в них факты считать неподтверждившимися.

Помимо права подавать жалобы, осужденные военнопленные имели право на переписку с родственниками. И не будет преувеличением сказать, что оно оказалось самым востребованным среди предоставленных осужденным военнопленным прав, если не считать права на сохранение жизни и здоровья. Следует, однако, отметить, что в период с 23 ноября 1949-го по середину октября

⁸⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.6т. Д.39. Л.346–347.

1950 г., в соответствии с распоряжением заместителя министра внутренних дел СССР А.И.Серова за № 730, действовал временный запрет на переписку военных преступников. Просуществовав почти год, он был отменен 14 октября 1950 г. распоряжением министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова за № 831. Правда, распоряжение это не касалось осужденных военнопленных Японии и Италии: им право на почтовые отправления было предоставлено позже – соответственно с 29 июля 1951-го и 10 марта 1952 г.

Есть сведения, что за июль 1955 г. осужденными военнопленными и интернированными лагеря № 476 было отправлено на родину 1413 писем, из них: в ФРГ – 1030, ГДР – 303, Австрию – 18, Румынию – 10, Венгрию – 49, Чехословакию – 2, Югославию – 1. За это же время в лагерь поступило корреспонденции в количестве 1183 письма: из ФРГ – 938, ГДР – 209, Австрии – 20, Румынии – 3, Венгрии – 12, Югославии – 1⁹⁰. Таким образом, из 7048 военных преступников лагеря № 476 в июле 1955 г. письмо на родину отправил каждый пятый, и каждый шестой получил весточку из дома.

Из архивных материалов явствует, что, несмотря на унификацию норм обеспечения, ужесточение режима содержания и использование так называемых военных преступников лагеря № 476 на тяжелых физических работах, условия их жизни были более чем сносными. Многие бывшие военнопленные помнили о том, что еще недавно, в военные и послевоенные годы, главной проблемой была проблема выживания, теперь же она утратила свою актуальность. К 1949 г. в СССР закончилось восстановление народного хозяйства, разрушенного войной. В 1950 г. национальный доход и валовой общественный продукт превысили достигнутые в 1940 г. показатели в 1,6 раза. В первой половине 1950-х гг. подъем экономики Страны Советов продолжался. Все это явилось главным условием для повышения жизненного уровня советских граждан и не могло не отразиться на материально-бытовом положении продолжавших оставаться в СССР иностранных военнопленных. Вероятно, источники рассказывают об этой стороне пребывания осужденных военнопленных столь скромно как раз потому, что особых трудностей в обеспечении своих подопечных всем необходимым администрация лагеря № 476 практически не испытывала.

Узники лагеря № 476 внимательно следили за тем, как постепенно преображается послевоенный Урал, с интересом смотрели

⁹⁰ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.113.

фильмы о жизни советских людей. Для их показа в лагере имелось 5 передвижных киноустановок, и за второе полугодие 1953 г. было организовано 113 киносеансов. Постоянно в лагерь приходили газеты на немецком языке. Кроме того, в каждом лагерном отделении были созданы газетные витрины иотовые выставки, материалы которых монтировались из немецких журналов. Со второй половины 1954 г. в лагерь стали поступать газеты на румынском и венгерском языках. В каждую зону доставлялась также газета «Известия». В 1955 г. узникам лагеря № 476 было разрешено за собственный счет оформлять индивидуальную подписку на периодическую печать. Правда, при этом имелись в виду газеты и журналы, издаваемые исключительно в «странах народной демократии»⁹¹. По данным на конец 1953 – начало 1954 г. в восьми отделениях лагеря № 476 работало 29 радиоузлов и радиоточек, 2 клуба, 4 клуба-столовых, 15 культурных центров, 6 библиотек с книжным фондом в 8931 экземплярах и числом читателей 2316 чел. В лагере регулярно работало 15 кружков самодеятельности – хоровых, драматических, музыкальных и пр., – силами которых во второй половине 1953 г. было организовано 102 спектакля, концерта, вечера. Постоянно проводились спортивные мероприятия. Многие заключенные лагеря № 476 в летнее время играли в футбол и гандбол, а зимой – в шахматы⁹².

Случалось, свое свободное время военнопленные проводили и другим способом. В одном из приказов по лагерю № 476 отмечалось: «С некоторых пор установилась нездоровая практика, когда устраиваются внутри зоны «вечеринки с вином», «товарищеские вечера», на которых военнопленные распивают спиртные напитки, а однажды в этом принимали участие даже представители хозоргана»⁹³. В этом и ему подобных случаях виновные в «непозволительных связях» с военными преступниками строго наказывались и даже увольнялись из органов МВД.

Не следует, однако, думать, что в годы своего пребывания на Среднем Урале так называемые военные преступники жили как на курорте. Само по себе пребывание в неволе исключало такую возможность. И вряд ли будет преувеличением сказать, что главным и единственным желанием узников лагеря № 476 было желание

⁹¹ РГВА. Ф.1п. Оп.4т. Д.49. Л.8, 9, 27, 49.

⁹² Там же.

⁹³ Пушкирев Г. Указ. соч.

как можно скорее вернуться домой. Как уже говорилось выше, время от времени немногим «счастливчикам» из числа осужденных удавалось попасть в списки на репатриацию – либо оказавшись в рядах «выдворенных за пределы СССР» в 1950 г., либо в рядах амнистированных в 1953 г. Те же военные преступники, которые наблюдали за отправкой своих товарищей на родину со стороны, продолжали надеяться на близкое освобождение, несмотря на то, что в массе своей они были приговорены к 25-летнему заключению.

До настоящего времени продолжаются дискуссии между историками о том, как решалась судьба последних иностранных военнопленных в СССР на дипломатическом уровне, какие причины побудили советское руководство согласиться на помилование военных преступников, какое их количество было репатриировано из Советского Союза. Вряд ли в данной работе стоит пытаться ответить на все эти вопросы, поскольку задача эта требует более широко рассмотрения темы. Тем не менее представляется необходимым отметить, что после смерти И.В.Сталина перспектива освобождения и отправки на родину тысяч удерживаемых в СССР военных преступников вырисовывается все отчетливее. Преемники «вождя», очевидно, понимали, что репатриация бывших военнопленных по мере истечения срока их наказания – дело слишком хлопотное и долгое. Более того, в Кремле осознавали, что затягивать решение этой проблемы нецелесообразно еще и потому, что на Западе осуждение иностранных военнопленных в СССР по обвинению в тяжких военных преступлениях сразу же вызвало масированную и целенаправленную критику, и в этой связи дипломатическое давление на советское руководство год от года нарастало.

В апреле 1955 г., когда был заключен мирный договор между СССР и Австрийской Республикой, в Москве решили удовлетворить просьбу президента Австрии Т.Кернера о помиловании австрийских граждан. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии и репатриации осужденных австрийских граждан» досрочно освобождались 613 чел., еще 113 чел. передавались правительству Ю.Рааба на правах военных преступников⁹⁴. К середине 1955 г. было принято окончательное решение о репатриации – по амнистии или без нее – всех осужденных в СССР за совершенные в годы войны преступления иностранцев.

⁹⁴ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 108.

По решению МВД СССР на базе лагерного отделения МВД в Мордовской АССР на ст. Потьма, лагеря № 16 УМВД Хабаровского края и лагеря № 476 УМВД Свердловской области для иностранцев, освобождаемых из мест заключения, были созданы сборные пункты, где устанавливался облегченный режим содержания. На Дальнем Востоке планировалось собрать всех граждан Японии, Кореи, Китая и Монголии; в Свердловской области – граждан Германии и Австрии, частично – Венгрии и Румынии; в Мордовии – всех остальных⁹⁵. Таким образом, лагерю № 476 суждено было стать последним местом пребывания бывших иностранных военнопленных и интернированных. На наш взгляд, представляется не-безинтересным рассмотреть в конкретно-сюжетном плане ход их депатриации, ее организацию и темпы.

Первый эшелон с депатриируемыми гражданами Австрии покинул лагерь № 476 25 мая 1955 г. Вся подготовительная работа по концентрации и отправке первой партии депатрируемых проводилась в точном соответствии с намеченным планом мероприятий. 15 мая им было официально объявлено об амнистии и депатриации. С этого дня подлежащие отправке на родину австрийцы освобождались от работ и готовились к отъезду. Депатрируемые прошли тщательный медицинский осмотр и были поставлены на усиленное питание. За 10 дней среди освобожденных были проведены групповые и индивидуальные беседы по разъяснению сущности советско-австрийского договора и указа об освобождении. В порядке культурного обслуживания силами самих австрийцев были организованы 3 концерта самодеятельности, показаны 4 советских кинофильма в 9 сеансов, поставлен спектакль на немецком языке «Укрощение строптивой», разыграны три футбольных матча⁹⁶.

За семь дней до отправки с бывшими заключенными был произведен окончательный расчет по зарплате. Всего было выдано 79 тыс. рублей, а также ранее заработанные деньги с лицевых счетов. Через организованную в лагере торговлю австрийцы приобрели: 27 фотоаппаратов, 37 часов, 11 театральных биноклей, 3 фотоувеличителя, отрезы шелка, трикотаж, парфюмерию, табачные изделия, – всего на 127 тыс. рублей. Часть из перечисленного была

⁹⁵ Моторевич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках... С. 53.

⁹⁶ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30. Л.45.

приобретена непосредственно в магазинах Ювелирторга и Универмага г. Свердловска путем организованного выезда представителя от репатрируемых в сопровождении офицера лагеря⁹⁷.

Всем репатриируемым накануне отъезда были выдана новая одежда и обувь. Эшелон был сформирован из пяти четырехосных вагонов, оборудованных всем необходимым инвентарем. В отдельном вагоне был организован пищеблок. Эшелон был обеспечен продуктами из расчета на 13 дней пути. Для сопровождения эшелона был выделен медицинский работник и оборудован санизолятор. Все поступившие по 24 мая посылки были выданы репатрируемым. Состав команды сопровождения был подобран в индивидуальном порядке и включал: начальника эшелона старшего лейтенанта С.Г.Борисова, его заместителя, оперуполномоченного, переводчика, врача, кладовщика и четырех вахтеров⁹⁸.

Отправленный со станции Капралово Свердловской железной дороги 25 мая 1955 г. эшелон № 97230 с 250 репатрируемыми австрийцами 2 июня прибыл на пограничную станцию Чоп. На следующий день бывшие военнопленные прошли таможенный осмотр и были посажены в пассажирский поезд, который около полудня пересек советско-венгерскую границу, а 4 июня – венгерско-австрийскую границу. На родине бывших узников советских лагерей встречали необыкновенно тепло. В Австрии возвращение своих соотечественников из долголетнего плена рассматривали как событие общенационального значения, тем более что прибывшие эшелоном № 97230 были первыми австрийцами, отправленными из СССР по амнистии 1955 г. Уже на венгерско-австрийской границе поезд фотографировали многочисленные фотокорреспонденты. На станции Брук-Вена поезд встретила делегация с оркестром. Утром 4 июня репатрируемые прибыли на станцию Винер-Нойштадт, где их встретили канцлер Австрии Рааб, министр внутренних дел Гельмер и представитель аппарата Верховного комиссара СССР в Австрии подполковник Саможенников. После подписания акта передачи репатрируемых вагоны были открыты, и освобожденные – теперь уже окончательно – австрийцы в сопровождении родственников и встречающих проследовали на привокзальную площадь, где состоялся митинг. По его окончании вчерашние во-

⁹⁷ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30. Л.45–46.

⁹⁸ Там же.

еннопленные были доставлены в г. Вену, к ратуше, где их приветствовал бургомистр города⁹⁹.

10 июня из лагеря № 476 была отправлена вторая партия австрийцев в количестве 185 чел. На станции Брук-Вена поезд встретили представители Международного Красного Креста, которые подготовили для каждого прибывшего цветы и подарки. Почти всю 20-минутную стоянку играл оркестр. Вечером 20 июня бывшие военнопленные прибыли на станцию Винер-Нойштадт, где к приходу поезда собрались несколько тысяч встречающих, среди которых – канцлер Рааб, министр внутренних дел Гельмер, бургомистр и вице-бургомистр города. Обращаясь к вчерашним узникам лагеря № 476, Гельмер подчеркнул: «Нам больших трудов стоило возвратить вас на родину. Вы были осуждены советским судом незаконно, поэтому мы не считаем вас преступниками и окажем вам необходимое содействие в устройстве вашей жизни и благополучия»¹⁰⁰. Со словами благодарности за многолетнюю поддержку от имени прибывших к соотечественникам обратился бывший военнопленный фон Каль. После митинга каждому депатриированному были преподнесены подарки и выдано по 3 тыс. шиллингов. В тот же день во всех венских газетах появились фотографии и статьи, посвященные возвращению на родину бывших военнопленных, по выражению начальника команды сопровождения майора Бобкова, «все далекие от действительности»¹⁰¹.

После отправки на родину австрийских граждан в лагере № 476 осталось 6951 чел.¹⁰²

В сентябре 1955 г., после визита в СССР канцлера ФРГ К. Аденауэра и достижения соответствующих договоренностей, началась депатриация граждан Германии. 26 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, а 28 сентября Президиум Верховного Совета СССР – указ, согласно которым досрочному освобождению подлежали 8877 граждан ФРГ и ГДР, осужденных за военные преступления. Еще 749 немцев подлежали передаче правительствам ФРГ и ГДР как военные преступники для дальнейшего отбывания наказания. Во исполнение этих решений в период с 29 сентября 1955-го по середину января 1956 г. в Германию были ре-

⁹⁹ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30. Л.59–60.

¹⁰⁰ Там же. Л.75.

¹⁰¹ Там же. Л.77.

¹⁰² Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.32. Л.5.

патриированы 9536 чел., из них в ГДР – 3104 чел., в ФРГ – 6432 чел.¹⁰³

Источники свидетельствуют, что из 9536 немцев для 6682 чел., или 70%, местом отправки на родину стал лагерь № 476. Из архивных документов также яствует, что депатриация узников лагеря № 476 проходила в три этапа: с 29 сентября по 15 октября 1955 г.; с 6 по 12 декабря 1955 г.; с 28 декабря 1955 г. по 7 января 1956 г.¹⁰⁴

Уже в последние дни сентября из Магадана, Иркутска, Новочеркасска, Хабаровска, Ростова, Ровно, Владимира, с Ангары, из Усольлага, Ужлага, Краслага, Дубравлага, Песчаного, Озерного, Степного лагерей в лагерь № 476 стали пребывать партии граждан Германии. После объявления об амнистии они считались свободными и 27 сентября появились на улицах г. Свердловска. Организованными группами по 20–30 чел. в сопровождении советских офицеров освобожденные немцы посещали музеи, театры, кинотеатры, картинную галерею, Уктусские горы и другие достопримечательности города. Иногда немцы были упущены из-под контроля и свободно разгуливали по городу, что приводило к недопустимым, с точки зрения властей, инцидентам. Так, 27 сентября во время посещения ресторана «Ялта» один военнослужащий уронил сверток бумаг, который был подобран официанткой. Как оказалось, бумаги содержали описание собранной в СССР паровой установки, характеристику и чертеж котла — всего на 10 листах. 28 сентября 14 амнистированных немцев «заглянули в гости» к проживающим по улице Сталина одноком женщина, выразив при этом желание остаться в СССР при условии, если они найдут «подругу жизни». Офицерам — виновникам подобных «штаний» вчерашних узников лагеря № 476 грозил, как минимум, выговор, а лица, «имевшие связи» с немцами, «подвергались воздействию по линии советских и партийных органов»¹⁰⁵.

Руководство областного УМВД предложило депатриировать бывших немецких военнослужащих по следующей схеме: 1400 чел. — двумя эшелонами со станции Асбест; 960 чел. — одним эшелоном со станции Цегтярка; 1378 чел. — двумя эшелонами со станции Хромпик; 871 чел. — одним эшелоном со станции Капралово;

¹⁰³ Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 139.

¹⁰⁴ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30, 31, 32.

¹⁰⁵ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1 Д.32. Л.36, 39, 40.

2020 чел. – со станции Свердловск; итого – 6628 чел. восемью эшелонами¹⁰⁶. Однако, как показывает Таблица 40, план этот был изменен, и депатриация бывших немецких военнопленных проходила по другому графику.

29 сентября 1955 г. первый эшелон с немецкими гражданами отбыл со станции Хромпик в ГДР, куда он прибыл 8 октября 1955 г. За ним последовали другие. Но 13 октября в лагерь № 476 поступило указание министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова о приостановке депатриации. По официальной версии, причиной тому было невыполнение правительством ФРГ обязательств, которые были подписаны К.Аденauerом в Москве.

Объявление о приостановке депатриации крайне негативно повлияло на настроения пребывавших в лагере № 476 немцев. С каждым днем они становились все нервнее и отзывались о происходящем примерно так: «Нас всегда обманывали и на сей раз тоже обманули. На русском языке это называется культурой»¹⁰⁷. При этом военнопленные выдвинули свою версию о причине отсрочки депатриации. По их мнению, отложить отправку военнопленных домой советское руководство побудил тот факт, что большинство немцев, уже депатриированных из СССР в ГДР, выразили желание выехать в Западную Германию. К тому же, советские граждане, оказавшиеся после войны в Западной Германии, отказались добровольно вернуться в СССР. Были и другие суждения на сей счет. Бывший адъютант Гитлера майор Гюнше полагал, что временная задержка депатриации вызвана «непоследовательным поведением должностных лиц правительства Западной Германии. На русских произвел отчуждающее впечатление тот факт, что министр иностранных дел ФРГ фон Брентано не принял приглашения к завтраку, устроенному Молотовым в Нью-Йорке. Я все же надеюсь, что дипломаты договорятся, и мы скоро поедем домой». Сын бывшего фельдмаршала Клейста Эвальд Клейст считал, что задержка депатриации «объясняется тем, что правительство ФРГ затягивает обмен послами с СССР. Согласно договоренности этот обмен должен был произойти до 15 октября 1955 г., между тем посол ФРГ до сих пор в Москву не прибыл»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30. Л.87.

¹⁰⁷ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.32. Л.65–66.

¹⁰⁸ Там же. Л.146.

Таблица 40

*Динамика репатриации бывших военнопленных
и интернированных из лагеря № 476 МВД СССР
(с 25 мая 1955 г.)*

№ эшелона	Количество репатрируемых и их подданство	Дата и место отправки эшелона	Прибытие на советскую границу	Место назначения	Примечание
1	2	3	4	5	6
97230	250 граждан Австрии	25.05.1955 г. ст. Капралово	02.06. 1955 г. ст. Чоп	Австрия	все 250 чел. амнистированные
97239	185 граждан Австрии	10.06.1955 г. ст. Капралово	19.06.1955 г. ст. Чоп	Австрия	все 185 чел. амнистированные
97441	600 граждан Германии	29.09.1955 г. ст. Хромпик	05.10. 1955 г. ст. Брест	ГДР	все 600 чел. амнистированные
97442	600 граждан Германии	30.09.1955 г. ст. Уктуз	ст. Брест	ФРГ	все 600 чел. амнистированные
97500	600 граждан Германии	04.10.1955 г. ст. Хромпик	10.10. 1955 г. ст. Брест	ФРГ	все 600 чел. амнистированные
97502	794 граждан Германии	11.10.1955 г.	ст. Брест	ГДР (628 чел.), ФРГ (190 чел.)	все 794 чел. интернированные
97503	600 граждан Германии	06.10.1955 г. ст. Ревда	12.10. 1955 г. ст. Брест	ФРГ	все 600 чел. амнистированные
97504	600 граждан Германии	07.10.1955 г. ст. Дегтярка	13.10. 1955 г. ст. Брест	ФРГ	все 600 чел. амнистированные

Продолжение табл. на стр. 218

Продолжение табл. 40

1	2	3	4	5	6
97505	600 граждан Германии	09.10.1955 г. ст. Асбест	15.10. 1955 г. ст. Брест	ФРГ	все 600 чел. амнисти- рованные
97507	600 граждан Германии	10.10.1955 г.		ФРГ	14.10.1955 г. на ст. Можайск эшелон разгружен из- за задержки репатриации
97508	600 граждан Германии	13.10.1955 г.		ФРГ	17.10.1955 г. на ст. Потьма эшелон разгружен из- за задержки репатриации
97563	391 граждан Венгрии	12.11.1955 г. ст. Колюткино	19.11. 1955 г. ст. Чоп	Венг- рия	239 чел. амнисти- рованных, 155 чел. неамнистиро- ванных
97580	437 граждан Румынии	23.11.1955 г. ст. Колюткино	ст. Унгены	Румы- ния	284 чел. мисти- рованных, 165 чел. неамнисти- рованных
97509	487 граждан Германии	06.12.1955 г. ст. Хромпик	ст. Брест	ГДР	все 487 чел. амнисти- рованные
97510	207 граждан Германии	10.12.1955 г. ст. Капралово	ст. Брест	ГДР	все 207 чел. неамнисти- рованные

Окончание табл. на стр. 219

Окончание табл. 40.

1	2	3	4	5	6
97511	541 граждан Германии	07.01.1956 г.	ст. Брест	ГДР и ФРГ	все 541 чел. больные
97515	453 граждан Германии	05.01.1956 г.	ст. Брест	ГДР	все 453 чел. неамнистированные
Итого	8546 чел.				

Гадать о причинах отсрочки депатриации и сроках ее возобновления пребывавшим в лагере № 476 военнопленным пришлось более чем полтора месяца. Их отправка на родину возобновилась только 6 декабря 1955 г., но не надолго. Уже 12 декабря в связи со снежными заносами на железной дороге она снова остановилась, что не замедлило отразиться на психологическом состоянии находившихся оказаться дома в ближайшее время немцев. В лагере № 476 появились листовки с призывом прекратить всякую работу на кухне, то есть, по сути, с призывом объявить голодовку. Правда, отклика среди военнопленных он не получил¹⁰⁹.

Завершающий этап депатриации бывших немецких военнопленных начался 28 декабря 1955 г., когда вышло соответствующее распоряжение Тюремного отдела МВД СССР № 28/3/7339. 7 января 1956 г. из лагеря № 476 был отправлен последний эшелон с немцами¹¹⁰.

Следует отметить, что в соответствии с указаниями МВД СССР отправка бывших немецких военнопленных на родину производилась в зависимости от места жительства их семей. При решении вопроса о том, куда поедет тот или другой немец – в ГДР или в ФРГ – предписывалось руководствоваться данными опросного листа военнопленного. Обобщение материалов нескольких архивных дел показывает, что из 6682 покинувших лагерь № 476 немцев около 4 тыс. чел. отбыли в ФРГ и немногим более 2,5 тыс. чел. – в ГДР¹¹¹. Из них в качестве военных преступников правительству Восточной Германии были переданы 660 чел. Относительно

¹⁰⁹ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.32. Л.150.

¹¹⁰ Там же. Д.31. Л.177.

¹¹¹ Там же. Д.30, 31, 32.

же военнопленных, которые по возвращению на родину подлежали водворению в тюрьмы Западной Германии, нужно отметить, что в Бонне делать этого явно не собирались. 6 октября 1955 г. западногерманский бундестаг принял решение, что лица, передаваемые ФРГ как восстанные преступники, – а это 475 чел., – будут отпущены на свободу¹¹². И никакие попытки советского руководства остановить реабилитацию возвращающихся на родину немцев, развернувшего в этой связи активную пропагандистскую кампанию, успеха не имели. Нельзя сказать, что в данном случае руководство ФРГ заняло беспрогрышную позицию, поскольку, помимо невинных жертв сталинского правосудия, в числе депатрируемых были, безусловно, и действительные виновники чудовищных преступлений, совершенных в годы войны.

Параллельно с депатриацией граждан Германии проходила депатриация венгерских и румынских граждан, часть из которых освобождалась досрочно, а другая – подлежала передаче властям Венгрии и Румынии на правах военных преступников. Решение об этом было принято еще в начале сентября 1955 г. Первоначально планировалось отправить содержавшихся в лагере № 476 венгров и румын на родину в период с 25 по 30 сентября. Однако их депатриация затянулась до ноября 1955 г. По имеющимся данным, на 20 сентября 1955 г. в лагере пребывали 394 венгра, из них 239 чел. – амнистированные и 155 чел. – подлежащие передаче венгерскому правительству для дальнейшего отбывания наказания. В то же время в лагере находилось 449 румынских граждан – 284 чел. освобожденных досрочно и 165 чел., не попавших под амнистию¹¹³. Эшелон с бывшими венгерскими военнопленными и интернированными в количестве 391 чел. покинул лагерь № 476 12 ноября 1955 г. 23 ноября того же года домой были отправлены 437 румынских граждан, из которых 173 чел. предстояло снова оказаться в роли заключенных¹¹⁴.

Характерно, что среди венгров и румын некоторые отказались покидать СССР, некоторые просили отправить их в Австрию или Германию. Такие настроения были особенно распространены среди военнопленных, которым предстояло сменить лагерь № 476 на

¹¹² Конасов В.Б. Судебное преследование... С. 116.

¹¹³ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30. Л.97.

¹¹⁴ Там же. Д.32. Л.195.

тюрьмы Венгрии и Румынии. Они мотивировали свой отказ уезжать из СССР следующим образом:

- Чиклош Иозеф, капитан венгерской армии: «Мы не поедем из СССР, пока не пересмотрят объективно наши дела. С тем клеймом, которое нам приклесли как военным преступникам, совершившим тяжкие преступления, мы не согласны»;

- Явор Иожеф, офицер венгерской пехоты: «Мы не поедем на родину, так как там нас заставят отбывать срок наказания как тяжких преступников. Если здесь над нами не издеваются и дают все, что нам положено, то там мы ничего не получим»;

- Кертес Золантен, младший сержант венгерской армии: «Если здесь я получаю 600 граммов хлеба в день, то там я буду получать 200 грамм, да еще по спине дубинкой»¹¹⁵.

Всего за два дня, после того как венграм и румынам было объявлено о репатриации, от них поступило свыше 50 заявлений с просьбой не отправлять их на родину. К сожалению, архивные материалы не дают ответа на вопрос, были удовлетворены эти просьбы или нет¹¹⁶.

При организации репатриации иностранных военнопленных «компетентные органы» брали практически с каждого расписку в том, что у него нет никаких претензий к Советскому Союзу. Более того, в ненавязчивой форме бывшим узникам лагеря № 476 предлагалось оставить «написанные собственноручно» отзывы об СССР. Как правило, вчерашние военнопленные высказывались о своем долголетнем пребывании в Стране Советов положительно. Однако далеко не всегда это делалось от чистого сердца. Многие хорошо знали по собственному горькому опыту, как дорого может обойтись любое «антисоветское высказывание», и теперь, когда надежда вернуться домой была столь близкой к осуществлению, просто не хотели рисковать. Отсюда – та общая для отзывов бывших вражеских солдат тональность, суть которой – если не в дифирамбах в адрес советского строя, то, по крайней мере, и не в резком его неприятии.

Среди наиболее типичных приведем собственноручное заявление майора бывшей германской армии Б.фон Арнсдорфа, 1918 года рождения, осужденного Военным Трибуналом войск МВД

¹¹⁵ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.32. Л.65.

¹¹⁶ Там же.

Сталинградской области на 25 лет ИТЛ по ст.1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «Я, бывший осужденный военнопленный Бодо фон Арнсдорф, позволю себе сегодня выразить Правительству Советского Союза мою благодарность как за мое досрочное освобождение, так и за то человеческое отношение, которое было проявлено ко мне и моим товарищам. В противоположность тому, чего я ожидал, и, несмотря на наложенное на нас наказание, с нами, военнослужащими бывшего немецкого вермахта, постоянно обращались как с людьми. Свою благодарность я хочу скрепить обещанием, что по прибытии на родину отдам все силы за дело мира и дружбы между народами»¹¹⁷.

Примерно так же о своем пребывании в советском плену отзывался подполковник бывшей германской армии Адольф фон Папен, 1900 года рождения, осужденный Военным Трибуналом войск МВД Московской области в середине декабря 1949 г. на 25 лет ИТЛ по ст.1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «Оставляя Советский Союз, я заявляю, что за все 11 лет моего пребывания здесь со мною всегда обращались самым корректным образом. Я приветствую соглашение, достигнутое в сентябре месяце текущего года между государственными деятелями Советского Союза и ФРГ и выражаю надежду, что эти соглашения приведут не просто к нормальным, а к дружественным экономическим, культурным и политическим взаимоотношениям»¹¹⁸.

Другой бывший подполковник германской армии, Г.Брокш, 1906 года рождения, также приговоренный к 25 годам ИТЛ, в своем заявлении, помимо отказа от каких-либо претензий по его содержанию в советском плену, писал: «Для мира во всем мире было бы очень важно, если бы оба немецких государства пришли к совместным переговорам по поводу объединения Германии и создали бы мирную демократическую Германию»¹¹⁹.

Сын фельдмаршала Клейста капитан бывшей германской армии Э.Клейст, 1917 года рождения, осужденный в советском плену по ст.58-8 УК РСФСР на 10 лет заключения, покидая лагерь № 476, заявил: «Обращение со мной как с туберкулезно больным во время моего пребывания в госпиталях для воснощленных было вполне корректным; для восстановления моего здоровья делалось все.

¹¹⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.31а. Д.1. Л.33.

¹¹⁸ Там же. Л.47.

¹¹⁹ Там же. Л.6.

В госпитале при лагере в г. Шахты мне была сделана операция легких специалистом-хирургом, прибывшим из Москвы. Надо признать, что медицинский персонал в эти годы делал для больных все, что только было возможно»¹²⁰.

Из отзыва о пребывании в СССР капитана медслужбы бывшей германской армии П.Боргардта, 1913 года рождения, осужденного Военным Трибуналом войск МВД Татарской АССР на 25 лет ИТЛ по ст.1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «После почти 13-летнего пребывания здесь я оставляю вашу страну. Я имел счастье работать по специальности как врач... Ваши работники, с которыми я сталкивался, всегда старались отдать все свои знания и силы для улучшения лечения моих заболевших товарищей. Это было полезно не только вам, но и дало мне много полезного и нового... Я предаю забвению тяжелое время плена. Каких-либо претензий у меня к вам не имеется. Пред лицом великих и благородных задач, стоявших перед медицинской наукой на благо народов, я усматриваю свою цель в служении этому делу. Я оставляю вашу страну не с чувством ненависти, а с чувством дружбы»¹²¹.

Примечательно, что, помимо стандартных фраз благодарности советскому правительству, в написанных бывшими вражескими солдатами отзывах сохранились скучные впечатления о г. Свердловске и его жителях. Оставляя отделение № 1 лагеря № 476, бывший фельдфебель немецкой армии Г.Бураш, 1924 года рождения, осужденный как военный преступник на 25 лет ИТЛ, писал: «2 октября 1955 г. я ездил с моими товарищами в г. Свердловск, чтобы осмотреть как сам город, так и его достопримечательности. Повсюду я видел огромные строительные объекты будущих жилых домов. Колossalное впечатление на меня произвело отношение к нам русского населения. Никаких признаков ненависти. Наоборот, девушки и парни, женщины и старики и даже инвалиды войны обнимали и целовали нас со слезами на глазах. Нет сомнения, что эти порывы исходили от самого чистого сердца русских людей. Мы ответили на русском языке, что приложим все усилия к тому, чтобы сохранить мир между народами. В ресторане девушки даже танцевали с нами, а оркестр играл специально для нас немецкие мелодии. Нас приглашали пить пиво, что нам показалось просто непостижимым. За все 15 лет (плены. – С.Н.) я ничего подобного

¹²⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.31а. Д.1. Л.88.

¹²¹ Там же. Л.16.

не испытывал. Но приезд домой я расскажу своим землякам, что русский народ не желает войны, а хочет жить в мире со всеми народами. Этого требует моя совесть, и я вижу в этом свой наивысший долг»¹²².

Как представляется, при всей их изначальной заданности в отзывах вчерашних узников лагеря № 476 при более детальном рассмотрении нельзя не увидеть и некоторые замечания и оценки, в искренности которых усомниться трудно. Вряд ли все бывшие военнопленные стали бы в один голос заявлять о том, что условия их содержания и медицинского обслуживания в лагере № 476 были вполне приемлемыми, если бы дело обстояло совсем наоборот. Не лишены смысла и отзывы вчерашних военных преступников о советских людях, которые позволяют говорить о добрых чувствах военнопленных по отношению к местному населению. Справедливости ради следует, однако, отметить, что не все узники лагеря № 476 оставляли его со светлыми чувствами. Открыто говорить об этом военнопленным не приходилось, но сквозь строчки некоторых заявлений, оставленных ими при отъезде на родину, явно просматривались тяжелые впечатления о пребывании в советских лагерях. В числе подобных отзывов об СССР – заявление бывшего майора войск СС, личного камердинера Гитлера Г.Линге, 1913 года рождения, приговоренного в мае 1950 г. к 25 годам ИТЛ. Заявление это содержит всего несколько сухих фраз, которые, на наш взгляд, недвусмысленно говорят о том, что годы плена не оставили у Линге сколько-нибудь теплых воспоминаний: «Господину майору Бобкову. Я не имею никаких жалоб и претензий против лагерного руководства и Управления лагеря. Со мной обращались корректно за время (моего пребывания в лагере. – С.Н.) с 1950 г. по 1955 г.»¹²³.

К 15 декабря 1955 г. контингент лагеря № 476 сократился до 65 иностранных граждан. Из списков на депатриацию были исключены 36 румын, 11 немцев, 4 бельгийца, а также подданные Венгрии, Голландии, Дании, Польши и Люксембурга. Их отправка на родину была отложена «до особого распоряжения». Что скрывалось за этой формулировкой, остается неясным. Известно, однако, что отсрочка депатриации предусматривалась распоряжениями Тюремного отдела МВД СССР № 40/5-35120 от 18 октября

¹²² РГВА. Ф.1п. Оп.31а. Д.1. Л.55.

¹²³ Там же. Л.111.

1955 г., № 40/5–18453 от 25 октября 1955 г., № 28/3/6314 от 14 ноября 1955 г., № 28/3/6331 по ВЧ (? – С.Н.), а также указаниями МВД СССР № 664 от 6 октября 1955 г. и № 645 от 3 декабря 1955 г.¹²⁴ Их содержание до сих пор засекречено, оставляя открытым вопрос о судьбах последних пленных иностранцев на Среднем Урале в частности и Союзе СССР в целом. А потому ставить точку в истории пребывания на территории Свердловской области вражеских военнослужащих Второй мировой войны, формально завершившейся в середине февраля 1956 г. ликвидацией лагеря № 476, еще рано¹²⁵.

По сути, вывод о недостаточном освоении и вместе с ним осмыслении темы осужденных военнопленных в СССР является основной результирующей нашей исследования в той его части, которая посвящена лагерю № 476 и его заключенным. При этом вряд ли оправданно рассматривать изучение истории Свердловского лагеря № 476 для военных преступников исключительно как вклад в разработку региональной проблематики. Подтверждает правомерность такой позиции прежде всего тот факт, что лагерь № 476 был самым крупным из созданных в СССР для осужденных иностранцев, и судьбы его заключенных в массе своей типичны для всех пребывавших в Советском Союзе так называемых военных преступников. В соответствии с этой логикой уральский материал может считаться хорошей основой для воссоздания общей картины отношения Советского государства к иностранным военнопленным и интернированным в период 1949–1956 гг.

Анализ материалов архивно-следственных дел на осужденных военных преступников лагеря № 476 показал, что большинство из них было привлечено к уголовной ответственности на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» от 19 апреля 1943 г. и ст. 17 и 58 УК РСФСР. Однако количественные характеристики здесь представляются куда менее выразительными, чем качественные. Последние же, в свою очередь, сводятся к выводу о том, что в отношении некоторой части иностранных военнопленных широко использовался формальный принцип с обвинительным уклоном. Вполне вероятно, что осужденные пленные и принимали

¹²⁴ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.178.

¹²⁵ Там же.

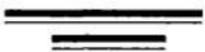
участие в преступных деяниях, но советское правосудие в силу своих издержек не сумело установить их конкретной вины, да и не особенно стремилось к этому, полагаясь на незыблемость существовавших тогда порядков и норм. Исходя из вредности или полезности конкретных лиц для советской власти, иначе говоря, опираясь на «классовый подход»¹²⁶, при осуждении тысяч бывших военнопленных за военные преступления вопрос о соотношении права и политики в Кремле был решен в пользу последней. За этот вывод говорит и тот факт, что узники лагеря № 476 уже не рассматривались как военнопленные, что позволило советскому руководству не только ужесточить режим их содержания, но и отложить на неопределенное время их возвращение на родину.

Все высказанное, на наш взгляд, указывает на необходимость заново пересмотреть уголовные дела на осужденных военнопленных в целях определения законности их заведения и реализации. В то же время следует дать правовой анализ правильности реализации советскими судебными органами законов и решений о наказании военных преступников Второй мировой войны, заключенных на международном уровне. Однако это, скорее, задачи юристов, нежели историков.

¹²⁶ Петров Н.В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 91.

Глава 3

Использование пленных в народном хозяйстве

При наличии в отечественной и зарубежной историографии целого ряда трактовок тоталитаризма исследователи в большинстве своем причисляют к его сущностным характеристикам экспенсивный способ хозяйствования. Будучи базовым в основании советской экономики 1930–1950 гг., этот принцип прежде всего предполагал вместо создания условий для повышения производительности труда максимальное увеличение числа работающих. Можно считать доказанным тот факт, что в сталинской школе хозяйствования решающая роль отводилась методам внешэкономического принуждения, когда в ход запускался административно-мобилизационный механизм организации труда. При этом принуждение рассматривалось как непременное условие нормального функционирования и поступательного укрепления режима и, в конечном итоге, как закономерность «социалистического строительства». В советской деревне эта закономерность проявилась в насильственной коллективизации. Явившись, по существу, вторым изданием крепостного права, она превратила крестьянина в бесправного наемника государства. С принятием 26 июня 1940 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восемичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» в таком же положении оказалось и городское население страны. Главным же элементом в созданной тоталитарным государством системе «хозяйства под принуждением», безусловно, являлся ГУЛАГ.

Созданный с целью укрепления «диктатуры пролетариата» для изоляции классово чуждых и социально опасных элементов ГУЛАГ очень быстро превратился в фактически самостоятельную отрасль экономики. В.Н.Земсков подчеркивает, что без указанной отрасли решение многих задач индустриализации было бы невозможным¹. Более того, как справедливо отмечает А.В.Бакунин, прослеживается своего рода закономерность – «чем сложнее ставились задачи строительства социализма, тем сложнее становилась система ГУЛАГа, с помощью которой была создана вторая угольно-металлургическая база на Востоке страны (Урало-Кузбасс), освоены далекие восточные земли (Колыма, Магадан, Сахалин), Северные

¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 21.

районы (Воркута, Салехард, Тюмень), Сибирский край (Томск, Алтай), Казахстанские степи и др.»².

Многими своими «великими свершениями» на трудовом фронте советская экономика обязана не только заключенным лагерей и тюрем ГУЛАГа, но и другим «спецконтингентам» – спецпереселенцам, трудармейцам, депортированным народам и т.д. Постоянно пополняя трудовые ресурсы страны лицами, подлежавшими принудительному использованию, сталинское руководство добивалось предельного удешевления рабочей силы, ведь для этой системы – системы «подневольного социализма», или «государственного рабства», – жизнь «единицы контингента» никогда не представляла самостоятельной ценности.

По мнению Н.П.Палецких, все виды государственного рабства имели функциональное единство, являясь в то же время мерой социального наказания. К числу «государственных рабов» исследователь отнесла и военнопленных³. Это в полной мере относится к советским военнопленным Второй мировой войны, оказавшимся после тюрем и концлагерей Германии узниками НКВД-МВД СССР. Что касается иностранных военнопленных в СССР, то не будет преувеличением сказать, что организации их трудового использования также уделялось колоссальное внимание. Более того, в этом заключалась одна из главных задач УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР.

* * *

Привлечение военнопленных к труду не противоречило нормам международного права. Статьи 27–32 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. разрешали воюющим сторонам использовать военнопленных в соответствии с их положением и профессией (за исключением офицеров и генералов). Продолжительность рабочего дня военнопленных должна была соответствовать нормам, установленным для работы гражданских лиц того же района с предоставлением одного 24-часового выходного в неделю. Запрещалось использовать военнопленных на работах, к которым они физически непригодны, а также на вредных и военных производствах⁴.

² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн.II. Екатеринбург, 1997. С. 197.

³ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 23, 27.

⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.21а. Д.36. Л.30–36.

Практически все эти нормы были продублированы в «Положении о военнопленных» от 1 июля 1941 г. (ст. 20–25). В соответствии с ним привлекаться к труду в обязательном порядке могли только рядовые и унтер-офицеры, офицеры и приравненные к ним лица – только на добровольной основе. Льгота не касалась осужденных офицеров, которые привлекались к труду наравне со всеми остальными, вероятно, потому, что советское руководство не считало их военнопленными, как и осужденных рядового и унтер-офицерского состава. С февраля 1946 г. она перестала распространяться и на офицеров бывшей германской армии до капитана включительно.

«Положением...» также воспрещалось использовать труд военнопленных в зоне боевых действий, для обслуживания личных нужд лагерной администрации, учреждений и других военнопленных. На работающих военнопленных распространялось постановление об охране труда и рабочем времени, применяющееся в данной местности к гражданам СССР. При этом работающие военнопленные снимались со всех видов государственного довольствия и обеспечивались жильем и коммунальными услугами за счет предприятий и организаций – работодателей, именуемых в документах хозорганами. На возмещение этих расходов производилось удержание из заработной платы военнопленного⁵.

В последующие годы в СССР была выпущена целая серия указаний, которые регламентировали организацию привлечения отвоевавшихся вражеских солдат к труду. Это – приказ НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 г. «О размещении и трудовом использовании военнопленных», приказ НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. «С объявлением типового договора Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, директивы о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов и табеля суточных донесений по трудовому использованию», постановление ГКО № 6725 от 14 октября 1944 г. «Об упорядочении трудового использования и повышении производительности труда военнопленных», постановление ГКО № 8921 от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей военнопленных», директива НКВД СССР № 147 от 28 ав-

⁵ Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 52.

густа 1945 г. «О максимальном привлечении военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, к трудовому использованию», директива НКВД СССР № 115 от 13 сентября 1945 г. «О максимальном привлечении к трудоиспользованию военнопленных», положение НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных» от 29 сентября 1945 г., директива № 227 от 27 ноября 1945 г. «О мероприятиях по улучшению использования труда военнопленных и сохранению их физического состояния в зимних условиях на стройках, предприятиях и в лагерях НКВД», директива НКВД СССР № 66 от 18 марта 1946 г. «Об усилении агентурно-оперативной и следственной работы в лагерях НКВД среди военнопленных и интернированных по предупреждению вредительства и саботажа на производстве», директива МВД СССР № 115 от 6 мая 1946 г. «О неудовлетворительном состоянии техники безопасности в лагерях МВД для военнопленных», приказ МВД СССР № 00247 от 4 марта 1947 г. «Об усилении борьбы с производственным травматизмом среди работающих военнопленных», директива МВД СССР № 172 от 18 сентября 1947 г. «Об устраниении недочетов в трудовом использовании военнопленных», распоряжение МВД СССР № 233 от 21 апреля 1948 г. «О денежном вознаграждении военнопленных за выполнение и перевыполнение государственных норм выработки», распоряжение МВД СССР № 180 от 19 февраля 1951 г. «О запрещении совместной работы осужденных военных преступников с другой рабочей силой» и многие другие.

Среди всех этих документов обращает на себя особое внимание директива УПВИ НКВД СССР № 28/7309 от 17 июля 1942 г. «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния». Она предусматривала разделение контингента лагерей УПВИ НКВД на 4 группы трудоспособности (см. Гл. 1). Военнопленные четвертой группы – дистрофики – либо вообще не привлекались к труду, либо использовались на специальных видах работ, организованных для инвалидов. Третью группу, к которой относились военнопленные, находящиеся на грани «доходят», рекомендовались легкие физические работы общей продолжительностью от 4 до 6 часов в день. Зимой разрешалось вообще не привлекать их к работе. Ко второй группе причислялись ослабленные пленные. Их рабочий день длился 8 часов, но нормы выработки, как и для третьей группы, были снижены на 30–50%. Здоровые военнопленные, пригодные к труду без ограничений, составляли первую группу и использовались на тяжелых работах. Для

них также устанавливался 8-часовой рабочий день. В соответствии с названным документом, военнопленные первой, второй и третьей категорий физического состояния составляли трудовой фонд лагерей.

6 апреля 1943 г. была издана директива НКВД СССР «О порядке трудового использования военнопленных», объявленная приказом № 00675. Она предусматривала предоставление работающим не менее трех выходных в месяц. Пешее хождение на объекты работы не должно было превышать расстояние в 5 км. Пленные должны были быть одеты по сезону и снабжаться горячей пищей в обеденный перерыв. Запрещалась их работа на вредных производствах. За правильностью организации труда и соблюдением трудового законодательства следили инженеры и инспекторы по труду. Медицинский контроль за трудоиспользованием военнопленных осуществляла медицинская служба при УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР.

Пик нормотворчества по вопросу использования рабочей силы военнослужащих иностранных армий приходится на победный 1945 г. 4 июня 1945 г. ГКО принял постановление № 8921 «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». Суть постановления сводилась к тому, чтобы произвести рациональное распределение уже имевшейся и продолжавшей поступать из фронтовых лагерей рабочей силы в лице военнопленных по различным отраслям хозяйства СССР. Постановлением устанавливается порядок поощрения военнопленных за выполняемую работу. Выполнившие и перевыполнившие норму выработки получали от 100 до 200 рублей, а высококвалифицированные специалисты, бригадиры, десятники, командиры взводов и рот – от 125 до 500 рублей, в зависимости от выполнения установленного планового задания их подчиненными. Для хорошо работающих создавались улучшенные условия содержания. Не выполняющих установленную норму выработки рекомендовалось оставлять на рабочем месте сверхурочно до 2 часов. Те из военнопленных, кто злостно уклонялся от работы или своими действиями способствовал дезорганизации производства, отдавались под суд военного трибунала⁶.

⁶ Кузьмин С.И. К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1996. Ч. 2. С. 129.

29 сентября 1945 г. НКВД СССР ввел в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных», которое должно было стать руководством к действию для производственно-плановых отделов лагерей. В документе подчеркивалось, что вовлечение пленных в трудовые процессы должно быть максимально продуктивным, покрывающим все расходы государства на содержание лагерей⁷.

Очевидно, решение начать широкое использование труда военнопленных на стройках и предприятиях народного хозяйства было вызвано, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, содержание нескольких миллионов военнопленных для разоренной войной страны становилось тяжелым бременем. По данным И.В. Безбородовой, в 1939 г. на содержание лагерей для военнопленных из союзного бюджета было выделено 20 млн рублей. В 1943 г., с массовым плениением вражеских солдат и офицеров под Сталинградом, эта цифра достигла 214 млн 563 тыс. рублей⁸. Вероятно, в последующие годы тенденция к ее возрастанию сохранилась. Во-вторых, – и это главная причина, – необходимо было восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство страны, остро нуждавшееся в рабочих руках. Истощение трудовых ресурсов со всей очевидностью проявилось уже во второй год войны. Есть сведения, что в уральской деревне до июня 1941 г. доля мужчин среди трудоспособного населения составляла 46,2%, женщин – 53,8%; к концу 1942 г. эти цифры составили соответственно 18,8% и 81,2% при сокращении общей численности трудоспособного населения на 702 тыс. чел. (29%)⁹.

Большинство историков склонно полагать, что вплоть до окончания войны труд военнопленных за пределами лагерей использовался редко и вся их трудовая деятельность сводилась к внутрилагерным работам по самообслуживанию: обустройству территории, ремонту и постройке жилых и подсобных помещений, работе

⁷ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 107.

⁸ Безбородова И.В. Организация трудового использования военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плены... Ч.2. С. 51–52.

⁹ Денисевич М.Н. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1995. С. 90.

в прачечных, столовых, медпунктах, складах и т.д. В возникших на территории лагерей столярных, сапожных, портновских, часовых и др. мастерских был наложен выпуск предметов широкого потребления, производство которых включалось в список обязательных лагерных работ. Так, за сентябрь 1942 г. в Басьяновском лагерном отделении военнопленными был построен скотный двор, проложен водопровод на глубине 1,5 метра, выстроена дезкамера с пропускной способностью, обеспечивающей нужды лагеря, отремонтировано 75 и заново сложено 8 печей, покрыта крыша над общей площадью в 1750 кв. метров, капитально оборудовано овощехранилище емкостью 100 тонн и заново построено еще одно длиной 12,5 метров. Мастерскими на территории лагеря было выпущено и отремонтировано: лаптей – 348 пар, сапог – 470 пар, ботинок – 390 пар, брюк – 310, и «заново пошито 52 различных предмета». В то же время администраций лагеря «проводились мероприятия по более широкой организации и освоению подсобных мастерских с выпуском следующих видов продукции: производство деревянных лопат, плетение лаптей, корзин, пошивка баходил, рукавиц и т.д. на базе местного сырья»¹⁰.

Широкое использование труда узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД на стройках и предприятиях страны началось с 1946 г., когда в важнейшие отрасли народного хозяйства СССР было направлено свыше 1800 тыс. военнопленных, из них: на строительство (включая автодорожное и железнодорожное) – 645 532 чел., или 35,2%, в топливно-энергетическую промышленность – 410 793 чел., или 22,4%, в оборонную промышленность и для Министерства Вооруженных сил СССР – 319 098 чел., или 17,4%, на производство строительных материалов (включая лесную промышленность) – 247 576 чел., или 13,5%, в металлургическую и машиностроительную промышленность – 143 044 чел., или 7,8%, в другие отрасли промышленности и сельское хозяйство – 67 822 чел., или 3,7%¹¹. Таблица 41 показывает, что труд военнопленных достаточно широко использовался в отраслях народного хозяйства СССР еще до 1946 г.

Вопреки распространенному мнению, труд военнопленных в народном хозяйстве Среднего Урала широко применялся на контр-

¹⁰ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.37(об.), 38.

¹¹ «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства»: Докладная записка МВД СССР / Публ. Н.Сидорова // Источник. 1999. № 1. С. 84.

Таблица 41

Распределение военнопленных по отраслям производства

Показатель	На 5.12. 1944 г.	На 17.05. 1945 г.	На 1.06. 1946 г.
Содержится военнопленных в лагерях, чел.	435 388	555 300	1 851 210
Распределение пленных по наркоматам (министерствам), в % к общему числу			
Угольной пром-ти	19,6	18,9	7,9
Внутренних дел	12,4	10,2	15,1
Строительства*	11,2	9,1	16,0
Обороны, вооружений, боеприпасов	7,1	11,0	12,2
Черной металлургии	6,2	3,78	1,6
Целлюлозно-бумажной пром-ти	4,4	4,68	2,0
Авиационной пром-ти	3,92	3,4	1,9
Жилищное гражданское строительство	0,8	6,7	1,8
Пром-ти строительных материалов	3,0	4,1	2,5
Химической пром-ти	2,54	1,45	0,6
Путей сообщения	2,3	3,7	5,2
Станкостроения	2,2	1,2	0,3
Машиностроения**	2,06	3,3	3,7
Цветной металлургии	2,0	2,6	3,0
Лесной пром-ти	1,4	1,2	2,7
Электростанций	1,24	1,7	3,3

Окончание табл. на стр. 236.

Подсчитано по: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Док. и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 592, 604, 662, 685, 711.

*До 1946 г. строительство находилось в ведении Наркомата строительства. В 1946 г. было организовано несколько министерств: Министерство строительства топливных предприятий, Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии, Министерство строительства военных и военно-морских предприятий.

**За 1944 г. данные приводятся только по Наркомату тяжелого машиностроения, затем – по Министерствам тяжелого машиностроения, транспортного машиностроения, сельхозмашиностроения, среднего машиностроения.

Окончание табл. 41.

Показатель	На 1.04. 1947 г.	На 1.01. 1948 г.	В сред- нем
Содержится военнопленных в лагерях, чел.	1 629 872	1 605 654	
Распределение пленных по наркоматам (министерствам), в % к общему числу			
Угольной пром-ти	8,2	10,1	13,0
Внутренних дел	22,6	13,2	14,7
Строительства*	16,9	12,8	13,2
Обороны, вооружений, боеприпасов	9,8 1,4	5,1 0,9	9,04 2,8
Черной металлургии	2,0	1,04	2,8
Целлюлозно-бумажной пром-ти	1,9	1,3	2,5
Авиационной пром-ти			
Жилищное гражданское строительство	2,6 2,46	1,1 1,4	2,6 2,7
Пром-ти строительных материалов	1,0	0,7	1,3
Химической пром-ти	4,2	1,6	3,4
Путей сообщения	0,4	0,2	0,86
Станкостроения	4,5	2,06	3,1
Машиностроения**	1,8	1,0	2,1
Цветной металлургии	2,0	0,7	1,6
Лесной пром-ти	3,2	2,0	2,3
Электростанций			

агентских началах, — то есть путем предоставления рабочей силы подопечных ОПВИ НКВД предприятиям других наркоматов, — начиная уже с 1942 г., с момента прибытия в Свердловскую область первых партий военнопленных. Источники свидетельствуют, что лагеря военнопленных на Среднем Урале изначально создавались как производственные. Так, во исполнение постановления ГКО № 1709 от 6 мая 1942 г. «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области» и одноименного приказа НКВД СССР № 00929 от 8 мая 1942 г. на территории края в кратчайшие сроки были созданы Монетно-Лосиновское (2000 чел.) и Басьяновское (1000 чел.) баталь-

Таблица 42

*Трудовое использование военнопленных в разрезе отдельных лагерей ОПВИ УМВД по Свердловской области
(на июль 1946 г.)**

№ ла- гэ- ря	Содер- жится, чел.	Трудо- вого фонда, чел.	Из них занято на:					
			рабо- тах хозор- ганов, чел.	в % к трудо- вому фонду	в мас- тер- ских лаге- ря, чел.	в % к трудо- вому фонду	в обс- луге лаге- ря, чел.	в % к трудо- вому фонду
84	9453	7907	7027	85,9	496	5,2	384	4,0
153	8343	7043	5846	83,5	358	4,3	368	4,5
200	4679	4152	3708	89,3	222	4,7	160	3,4
245	7944	7003	6320	90,0	182	2,3	310	3,9
313	8680	7730	6992	90,4	296	3,4	320	3,6
314	7162	6419	5808	90,4	161	2,2	303	4,2
318	2294	2084	1743	83,6	207	9,0	89	3,8
376	5509	4896	4401	89,8	237	4,3	169	3,0
377	3280	2803	2371	84,5	145	4,4	148	4,5
504	4871	4404	3796	86,1	346	7,1	181	3,7
523	3435	2739	2329	85,0	95	2,7	138	3,9

Источник: РГВА.Ф.15а. Д.108. Л.7; Д.143. Л.7; Д.171. Л.7; Д.196. Л.7; Д.247. Л.7; Д.250. Л.7; Д.290. Л.7; Д.291. Л.7; Д.346. Л.7; Д.351. Л.8.

* Данные по лагерю № 531 отсутствуют. Лагерь № 197 к середине июля 1946 г. был расформирован.

онные отделения с военнопленными, которые работали на предприятиях «Свердлторфтреста»¹². Приказом НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 г. «О размещении и трудоиспользовании военнопленных» для использования пленных на предприятиях и лесоразработках Наркомата лесной промышленности СССР были организованы Тавдинский (3000 чел.) и Лобвинский лагеря. Одновременно для работы пленных на предприятиях Наркомата промышленности строительных материалов специально был развернут ла-

¹² Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.67–69, 92–93.

Таблица 43

*Использование труда военнопленных на предприятиях
Свердловской области (на 01.11.1947 г.)*

Предприятие	Работает пленных, чел.	Предприятие	Работает пленных, чел.
Трест «Союзасбест»	3008	Завод № 183	2426
Трест «Тагилстрой»	3918	Верхнесалдинский металлургический завод	472
Высокогорское рудоуправление	537	Трест «Уралтяжстрой»	1420
Средуралмедьзавод	566	Трест «Трубстрой»	806
Трест «Дегтярьмедьруда»	2026	Магнезитовый рудник	355
Стройуправление № 5	440	Северское стройуправление	2128
Совхоз УМГБ	505	Нижнеисетское стройуправление	2481
«Красноуральск-медьруда»	743	Красноуральский медеплавильный завод	995
Гороблагодатское рудоуправление	361	Трест «Богословск углестрой»	1986
Трест «Вахрушевуголь»	1706	Трест «Волчанскуголь»	1589
Трест «Базстрой»	3445	Новолялинский ЦБ	422
Верхотурская ГЭС	534	Среднеуральская ГРЭС	362
Трест «Свердлпромстрой»	1452	Верхнепышминский медьэлектролитный завод	650
Кировградское рудоуправление	765	Кировградский медеплавильный завод	877
Костоусовский леспромхоз	367	ИТОГО	37 342

тесь в Асбесте. С 1943 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00689 от 9/11 апреля 1943 г. «О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента», лагеря Свердловской области стали предоставлять пленным предприятиям Наркомата цветной металлургии. В целях обеспечения рабочей силой строительства Богословского алюминиевого завода в июле 1944 г. на территории Урала специально был создан лагерь на 5 тыс. военнопленных под номером 197¹³. Есть сведения, что в мае 1945 г. на предприятиях разных наркоматов в Свердловской области работало около 45 000 бывших военнослужащих иностранных армий¹⁴.

На июль 1946 г., когда была проведена полная паспортизация лагерей, пребывавшие в Свердловской области военнопленные были закреплены за предприятиями и министерствами следующим образом:

- военнопленные лагеря № 84 – за трестом «Союзасбест» и Цементным заводом № 450 Министерства промышленности строительных материалов (МПСМ), трестом «Свердллес» Министерства лесной промышленности (МЛП);
- военнопленные лагеря № 153 – за трестом «Тагилстрой» МВД;
- военнопленные лагеря № 197 – за трестом «Базстрой» МВД;
- военнопленные лагеря № 200 – за трестом «Уралтяжстрой» Министерства тяжелого строительства (Минтяжстрой), заводом № 1 ГВИУ КА Министерства Вооруженных сил (МВС), строительством железнодорожной линии Сосьва–Алапаевск Министерства путей сообщения (МПС);
- военнопленные лагеря № 245 – за Верхнесалдинским metallurgическим заводом, Высокогорским рудоуправлением и Рудником им. III Интернационала Министерства metallurgической промышленности (ММП), трестом «Уралмашстрой» Минтяжстроя и заводом № 183 им. И.В.Сталина Министерства тяжелой промышленности (Минтяжпром);
- военнопленные лагеря № 313 – за трестом «Дегтярмедьруд», Северским metallurgическим заводом, Среднеуральским медеплавильным заводом, Титано-магнезитовым рудником ММП, трестом «Трубстрой» Минтяжстроя;

¹³ Военнопленные в СССР... С.111–112, 547, 562, 583–584.

¹⁴ Там же. С. 604–609.

Таблица 44

Использование труда военных преступников лагеря № 476 на стройках Среднего Урала (на 15 июля 1955 г.)

Местонахождение	Строительный объект	Работает, чел.
г. Асбест	Фабрика № 5	600
	Столярные мастерские деревообделочного комбината	115
	Дом культуры и жилые дома в центре города	330
пос. Дегтярка Ревдинского района	Шахта «Капитальная № 1»	100
	Больничный городок	150
	Жилые кварталы и дома	150
пос. Ключи Сысерского р-на	Завод ферросплавов	440
г. Первоуральск	Теплоэлектроцентраль	250
	Склад инертных материалов	40
	Дом культуры в пос. Динас	100
	Жилые кварталы и дома	525
г. Ревда	Метизный завод	240
	Жилые кварталы и дома	250
г. Свердловск	Стадион «Металлург»	150
	Цеха завода РТИ	420
	Техникум при заводе РТИ	100
	Склады УВС	120
	Пожарно-техническое училище по ул. Первомайской	200
	Завод «Новострой»	20
	Политехнический институт	100
	Жилые кварталы и дома	440
ИТОГО		5025

Источник: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.4-7.

- военнопленные лагеря № 314 – за трестом «Уралтяжстрой» Минтяжстроя, заводом «Новострой» и Шабровским тальковым рудником МПСМ, Уральским алюминиевым заводом ММП, Арамильской суконной фабрикой и заводом № 508 Министерства легкой промышленности, совхозом «Исток» УМВД по Свердловской области;
- военнопленные лагеря № 318 – за трестом «Свердллес» МЛП, Новолялинским целлюлозно-бумажным комбинатом, строительством Верхотурской ГЭС Министерства электростанций (МЭС);
- военнопленные лагеря № 376 – за трестом «Красноуральскмедьруд», Красноуральским медеплавильным заводом и Гороблагодатским рудоуправлением ММП, заводом № 72 Министерства сельхозмашин, строительством Нижнетуринской ГЭС МЭС;
- военнопленные лагеря № 377 – за трестом «Кировградмедьруд», Кировградским медеплавильным заводом и прииском «Уралзолото» ММП, Цементным заводом МПСМ;
- военнопленные лагеря № 504 – за трестами «Волчанскуголь», «Богословскуглестрой» и «Богословжилстрой» Министерства угольной промышленности (МУП), трестом «Базстрой» МВД и трестом «Главуралмедь» ММП;
- военнопленные лагеря № 523 – за трестом «Свердловскоблтоп», трестом «Егоршингрэсстрой» МЭС, трестом «Егоршиншахтстрой» МУП, трестом «Свердллес» МЛП, заводом № 576 МВС и Ирбитским мотозаводом;
- военнопленные лагеря № 531 – за трестом «Свердллес» МЛП, трестом «Свердлпромстрой» Минтяжпрома, строительством Среднеуральской ГРЭС МЭС, Среднеуральским медеплавильным заводом и Верхнепышминским медъэлектролитным заводом ММП;
- военнопленные Востокураллага, Ивдельлага и Севураллага – за лесными заводами НКВД-МВД¹⁵.

Из приведенных данных следует, что в 1942–1949 гг. труд военнопленных лагерей Свердловской области, как и по всей стране, наиболее широко применялся в строительстве, добывающей и металлургической промышленности, на предприятиях топливно-энер-

¹⁵ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.5. Л.21–42, 218–221, 280–282; Д.6. Л.88–96; Д.108. Л.1; Д.143. Л.1; Д.171. Л.1; Д.196. Л.1; Д.247. Л.1; Д.250. Л.4; Д.291. Л.1; Д.292. Л.1; Д.346. Л.1; Д.351. Л.1.

гетического комплекса и лесозаготовительной отрасли, а также в экономике НКВД-МВД.

Относительно осужденных военнопленных источники со всей очевидностью указывают, что они трудились исключительно на стройках Среднего Урала, как того и требовали предписания МВД СССР о трудовом использовании военных преступников. За 1950–1955 гг. узники лагеря № 476 построили около 90 объектов промышленного и социально-бытового назначения. По имеющимся данным, на 25 апреля 1953 г. они выводились на 54 производственных объекта; на середину июля 1955 г. – на 27 объектов: из отделения № 1 – на объекты Нижнеисетского строй управления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 2 – на строительные объекты треста «Свердлптрмстрой»; из отделения № 3 – на объекты Первоуральского строй управления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 4 – на объекты Ревдинского строй управления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 5 – на объекты Отдела капитального строительства Дегтярского рудоуправления; из отделения № 6 – на строительные объекты треста «Союзасбест»; из отделения № 7 – на строительство Ключевского завода ферросплавов треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 8 – на строительные объекты Хозяйственного отдела Управления МВД по Свердловской области¹⁶.

Таким образом, очевидно, что подавляющее большинство пленных вражеских армий трудилось не в экономике НКВД-МВД, а представлялось в качестве рабочей силы другим наркоматам (министерствам). В этом – одно из главных отличий трудового использования иностранных военнопленных и заключенных ГУЛАГа. По замечанию В.Н.Земкова, к концу войны и непосредственно после нее количество советских заключенных, занятых на контрагентских работах, увеличивается. Однако ситуации в целом это не изменило. По имеющимся сведениям, из 2 258 957 чел., содержавшихся на 1 сентября 1948 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, на предприятиях и стройках других ведомств работало 499 994 чел., или 22% заключенных, остальные использовались на объектах, подведомственных МВД СССР¹⁷.

¹⁶ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.4–7; РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.7.

¹⁷ Земков В.Н. Указ. соч. С. 7.

Таблица 45

**Военнопленные-специалисты, выявленные
в лагерях УПВИ-ГУПВИ**

Выявлено специалистов	На 15.10.1945 г.	На 22.06.1946 г.
всего	581	1600
Ученых	105	111
Инженеров	476	1385
Прочих		104

Источник: Военнопленные в СССР... С. 646, 663–664.

Усилиями военнопленных на Среднем Урале были построены многие крупные объекты. Это ТЭЦ, механический, железнодорожный, купоросный цеха Новотрубного завода в г. Нижнем Тагиле; завод ЖБИ, обогатительная фабрика, кирпичный завод, горный техникум и электродепо в г. Асбесте; заводы ферросплавов в г. Двуреченске; ТЭЦ, обогатительная фабрика, мартеновский и механический цеха 25-го завода в г. Первоуральске; угольная база и новые цеха Метизного завода в г. Ревде; бетонозавод и завод резино-технических изделий в г. Свердловске. Кроме того, в областном центре военнопленными были построены Центральный стадион, здание пожарно-технического училища по ул. Первомайской, мост по ул. Белинского, Истокская дача горисполкома, облицовано здание горсовета, капитально отремонтирован стадион «Динамо»¹⁸. Их трудом возведены десятки школ, детских садов, поликлиник, магазинов, домов и дворцов культуры, дорог, не говоря уже о жилых домах и целых жилых кварталах: в Первоуральске военнопленными ли построены дома по ул. Ватутина, в Нижнем Тагиле – жилье для заводов Наркомчермета, в Асбесте – так называемый Новоокуневский поселок, в Свердловске – поселок Химмаш и более 150 тыс. кв. метров жилья в Чкаловском районе. Военнопленные работали на Уралмаше, Уралвагонзаводе, шахтах «Капитальная» и «Магнезитовая», руднике им. Третьего Интернационала и т.д. Особенно заметен вклад военнопленных в строительство Богдановского алюминиевого завода и Новотагильского металлургического завода.

¹⁸ Мотревич В., Капустин А. Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. 1991. 31 мая; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.30–33.

Было бы неверным полагать, что труд военнопленных лагерей Свердловской области использовался исключительно на вспомогательных и низкоквалифицированных работах. Есть сведения, что часть военнопленных, не имевших производственных навыков, за время пребывания в лагерях Свердловской области приобрели различные производственные и строительные специальности. Только на предприятиях Красноуральского рудоуправления в 1945 г. такую возможность получили 933 чел., в 1946 г. – 801 чел.¹⁹

Вообще, профессиональные знания и навыки военнопленных всегда представляли интерес для «компетентных органов». В апреле 1945 г. директива НКВД предписывала всем начальникам лагерей для военнопленных: 1) провести учет военнопленных-специалистов по группам квалификации; 2) провести подготовительные мероприятия по максимальному использованию военнопленных-специалистов на производстве непосредственно по прямому назначению; 3) договориться с хозорганами об организации профтехнического обучения военнопленных по дефицитным специальностям.

В июне того же года последовало распоряжение НКВД, конкретизировавшее требования названной директивы: постановка на учет подлежали пленные с законченным высшим и средним специальным образованием. В результате проведения комплексного обследования контингента в лагерях ГУПВИ к середине октября 1945 г. на специальный учет были взяты почти 600 немецких военнопленных, а в июне 1946 г. – 1600 высококвалифицированных специалистов среди бывших военнослужащих германской, венгерской, итальянской, румынской, финской и японской армий²⁰.

Известно, что иностранные военнопленные, работавшие в системе 4-го спецотдела МВД СССР, принимали участие в реализации проектов по созданию турбореактивного двигателя с винтом (ТРДВ), а также трех опытных экземпляров самолета Т-117²¹.

В Свердловской области пленные использовались на работах по наладке оборудования по выпуску высокообогащенного урана на комбинате № 813 в Новоуральске. В 13 лагерях областного ОПВИ для военнопленных – специалистов в разных областях науки и техники были созданы условия для творческой работы. При лагерях № 84, 245, 314 и 504 специально были организованы конст-

¹⁹ ГАСО. Ф. Р2415. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–19.

²⁰ Военнопленные в СССР... С. 602, 617, 646, 663–664.

²¹ Военнопленные в СССР... С. 667–669, 704–705.

Таблица 46

*Трудовой фонд в лагерях военнопленных
Свердловской области в 1945–1949 гг.*

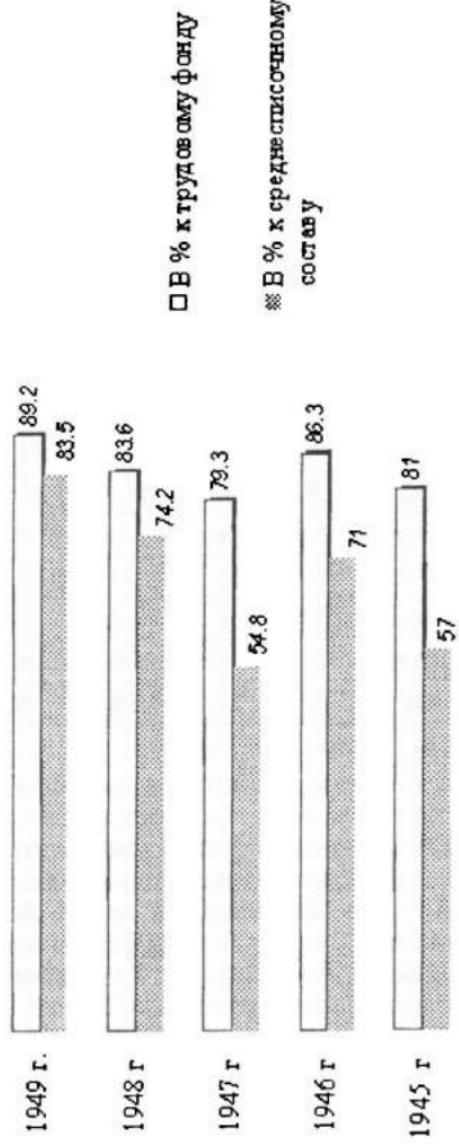
Показатели	Период	Годы				
		1945	1946	1947	1948	1949
Содержится военно-пленных, в среднем, чел.	I квартал	52 975	74 608	69 204	44 741	21 814
	II квартал	54 685	73 731	67 178	37 473	19 008
	III квартал	87 148	78 019	54 454	24 184	15 022
	IV квартал	77 388	72 408	50 023	22 249	6100
Трудовой фонд, в среднем, чел.	За год	68 046	74 692	60 285	32 166	15 486
	I квартал	24 136	58 319	41 226	36 32	20 254
	II квартал	31 457	59 453	41 229	33 265	18 003
	III квартал	69 851	68 916	43 853	22 717	14 308
	IV квартал	66 443	62 184	40 157	21 644	5518
	За год	47 971	61 712	41 634	28 511	14521
Трудового фонда к среднесписочному составу, %	I квартал	45,7	78,0	59,5	81,4	92,6
	II квартал	57,6	81,1	61,5	89,0	94,7
	III квартал	79,5	88,3	80,7	93,8	95,4
	IV квартал	86,0	86,0	80,4	97,4	90,0
	За год	70,5	83,3	69,5	88,5	93,5

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.101.

рукторские бюро, группы изобретателей и рационализаторов. Всего же к работе по изобретательству было привлечено до 50 военнопленных с высшим специальным образованием (профессора, доктора наук и инженеры) и большое количество рационализаторов из числа рядовых рабочих²². Военнопленными лагеря № 314 за весь период его существования было внесено 250 рационализаторских предложений. В лагере № 504 только за 1947 г. от военнопленных поступило 20 рационализаторских предложений, из которых 6 были внедрены в производство. Так, военнопленный Адольф изготавливал пресс воздушного давления для производства шлакоблокового

²² Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.159; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.66–67.

Диаграмма 4

Выход военнопленных из лагерей Свердловской области на производство^{*}

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341.Л.108.

*Данные за 1942–1944 гг. отсутствуют. Для сравнения: вывод военнопленных на оплачиваемые работы (в % к среднесписочному составу) в целом по СССР составлял в 1945 г. – 55,0%, 1946 г. – 64,4%, 1947 г. – 64,2%, 1948 г. – 75,2%, 1949 г. – 78,5% (Военнопленные в СССР... С. 1047).

кирпича, с применением которого на заводе треста «Богословскуглестрой» производительность увеличилась в 6 раз²³. По предложению заключенного лагеря № 84 военного инженера Хайне на механическом заводе треста «Союзасбест» был внедрен штамповочный пресс для производства гаек. В мастерских того же треста по предложению военнопленного Никкеля внедрили фрезерный станок для фрезеровки в горизонтальном положении дерева большого диаметра. Конструкция автопогрузчика асбеста и двухцилиндрового двигателя на сжатом воздухе для ритмичного передвижения вагонеток при погрузке асбеста была разработана военнопленным Лангбеном. На одном из предприятий треста «Вахрушевуголь» в г. Карпинске по предложению военнопленного Лича были внедрены в производство автопогрузчик угля и конструкция цепи трансформатора для транспортировки угля. За годы плены профессор Хабель написал «объемистый» труд «Расчеты прочности железобетонных и сталебетонных конструкций на нагрузку, рас-tяжение и сгибание», а доктор химических наук Любенгер – труд под названием «О новом виде холодного клея»²⁴.

Вывод военнопленных на производство напрямую зависел от их физического состояния, которое определяло количество трудовых ресурсов в лагерях ОПВИ НКВД-МВД по Свердловской области, подлежащих использованию на стройках и предприятиях региона. Источники свидетельствуют, что год от года количество это увеличивалось – с 70,5% общего числа военнопленных в 1945 г. до 93,5% в 1949-м²⁵. Исключение составляет только 1947 г., когда с начавшимся ухудшением физического состояния военнопленных основной задачей лагерей стало «сохранение и восстановление трудового фонда», а сами лагеря были объявлены на чрезвычайном положении.

Вместе с ростом трудового фонда в лагерях областного ОПВИ постепенно увеличивался процент выводимых на работы хозорганов военнопленных – с 57,0% всех узников лагерей Среднего Урала в 1945 г. до 83,5% в 1949-м. Снижение этого показателя в первом квартале 1946 г. областные чиновники объясняли двумя причинами. Во-первых, для большинства военнопленных зима 1945/1946 г. стала первой зимой на Урале, и многие из них к новым климатическим

²³ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.247. Л.93; Д.346. Л.112–113.

²⁴ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.67.

²⁵ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.101.

условиям еще не адаптировались и постоянно болели. Во-вторых, еще в четвертом квартале 1945 г. в лагеря Свердловской области поступила партия военнопленных в количестве 14 419 чел., в большинстве своем ослабленных и нетрудоспособных, пополнивших ряды оздоровительных команд. Кроме того, в осенне-зимний период некоторые виды работ, в особенности строительных, сворачивались, и за отсутствием фронта работ часть военнопленных оседала в лагерях и лагерных отделениях. Наименьший вывод военнопленных на производство хозорганов в 1946 г. наблюдался в лагерях: № 523 – 58% к списочному составу, № 531 – 61%, № 377 – 66%, № 318 – 68%²⁶.

Повышенная заболеваемость и смертность военнопленных в 1947 г. незамедлительно отразились на показателях их трудового использования. Именно в 1947 г. процент вывода военнопленных на контрагентские работы был минимальным. Чтобы хоть как-то повлиять на упручающие цифры отчетности, областное ОГВИ распорядилось сократить численность военнопленных, занятых на внутрилагерных работах, и, вместе с тем, заменить военнопленных первой и второй категорий труда, состоявших в лагерной обслуге, ослабленными военнопленными третьей группы здоровья. В итоге в третьем квартале 1947 г. количество военнопленных, выводимых на производство, удалось несколько увеличить, однако в последующие три месяца оно снова сократилось. Связано это было с подготовкой к отправке на родину значительной части ослабленного контингента, который перед депатриацией на работу не выводился. Отстающими по выводу своих заключенных оказались в 1947 г. лагеря № 377 (40,4%) и № 523 (46,5%), наиболее преуспевающими – № 313 (61,1%), № 84 (58,0%), № 504 (62,0%)²⁷.

В 1948 г. процент вывода военнопленных на производство по сравнению с 1947 г. увеличился почти на 20% к их общему количеству. Это стало следствием значительного улучшения физического состояния военнопленных, максимального сокращения лагерной обслуги, сведения к минимуму случаев невыхода военнопленных на работу из-за отсутствия фронта работ, обмундирования, конвоя и т.д. Наиболее высокий вывод своих заключенных на производство дали в 1948 г. лагеря № 314 и 504 – соответственно 77,9% и 78,7% среднесписочного состава²⁸.

²⁶ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 109.

²⁷ Там же. Л. 111.

²⁸ Там же.

Максимальных цифр вывод военнопленных на объекты работ за пределами лагерей достиг во втором – третьем кварталах 1949 г., превысив 85% среднесписочного состава и 90% трудового фонда. Снижение этого показателя в последние три месяца 1949 г. произошло за счет фильтрации всего «подучетного» элемента и массовой депатриации военнопленных, связанных с большими перебросками контингента лагерей областного ОПВИ в целях его концентрации. Наибольший процент вывода военнопленных на производство в 1949 г. дали лагеря № 153 и 504 – 85,8% и 85,2% общего числа всех заключенных²⁹.

Несмотря на постоянный рост вывода пленных на работы за пределами лагерей, они никогда не составляли сколько-нибудь заметной части экономически активного населения региона. В 1945 г. на производство выводилось военнопленных – 38,8 тыс. чел., 1946 г. – 53,0 тыс. чел., 1947 г. – 32,9 тыс. чел., 1948 г. – 23,8 тыс. чел., 1949 г. – 12,9 тыс. чел.³⁰ По итогам единовременных мартовских учетов численности работающих, в народном хозяйстве Свердловской области в 1945 г. были заняты 869 802 чел., 1946 г. – 843 342 чел., 1947 г. – 955 786 чел., 1948 г. – 943 342 чел.³¹ Вне учета в данном случае остались колхозники, поскольку колхозы формально не относились к экономике государственного сектора. Но если учесть, что труд военнопленных в сельском хозяйстве практически не применялся, то приведенные данные о количестве используемых в народном хозяйстве края узников областного ОПВИ и общем количестве трудящихся представляются вполне сопоставимыми. При их анализе обнаружилось, что в 1945 г. удельный вес военнопленных среди занятых на государственных предприятиях и в учреждениях жителей Свердловской области не превышал 4,5%, 1946 г. – 6,3%, 1947 г. – 3,4%, 1948 г. – 2,6%, в среднем за эти годы – 4,2 %³².

Для сравнения обратимся к цифрам, опубликованным исследователем С.Г. Сидоровым. Им подсчитано, что в 1946 г. доля иностранных военнопленных в числе рабочих и служащих наиболее

²⁹ РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 113.

³⁰ Там же. Л. 108.

³¹ ГАСО. Ф. 1813. Оп. I. Д. 833. Л. 2, 3, 141(об); Д. 843. Л. 4, 334, 335; Д. 934. Л. 3(об), 203; Д. 1214. Л. 12, 13, 56(об).

³² РГВА. Ф. Iп. Оп. 15а. Д. 341. Л. 108; ГАСО. Ф. 1813. Оп. I. Д. 833. Л. 2, 3, 141(об); Д. 843. Л. 4, 334, 335; Д. 934. Л. 3(об), 203; Д. 1214. Л. 12, 13, 56(об).

пострадавших от войны регионов СССР была весьма значительна. В Эстонской ССР пленные составляли 24,6% экономически активного населения республики, в Латвийской ССР – 23,5%, в Литовской ССР – 17,8%, в Карело-Финской ССР – 15,4%, в Белорусской ССР – 12,7%. В то же время по РСФСР и в целом по СССР этот показатель колебался в пределах 6,2–6,3%³³. В 1947 г. удельный вес пленных в числе рабочих и служащих страны составил 4,7%, в 1948-м – 2,5%, в 1949-м – 1,0%, в 1950-м – 0,1%³⁴. Очевидно, таким образом, что бывшие вражеские военнослужащие в период с 1946-го по 1950 г. вряд ли играли роль основного трудового ресурса советской экономики.

Вместе с тем следует отметить, что на некоторых производственных объектах удельный вес военнопленных в общем балансе рабочей силы был весьма значителен. Есть сведения, что в Свердловской области в 1946 г. из 19,7 тыс. рабочих треста «Тагилстрой» военнопленные составляли 3,8 тыс. чел., или 19,3%; из 7,1 тыс. рабочих треста «Уралтяжстрой» – 2,0 тыс. чел. (28,6%); из 8,5 тыс. рабочих треста «Базстрой» – 2,6 тыс. чел. (30,6%)³⁵. На 5 марта 1947 г. доля пленных в общем количестве рабочих авиационной промышленности СССР составляла более 30%, строительстве топливных предприятий и предприятий тяжелой индустрии – соответственно 27,7% и 20,1%, целлюлозно-бумажной промышленности – 27,2%, промышленности стройматериалов – свыше 24%, черной и цветной металлургии – 5,9% и 15,9%, на электростанциях – 16,8%, угольной промышленности – 10%³⁶.

Полные данные о количестве выводимых на работы хозорганов военных преступников лагеря № 476 в 1949–1955 гг. отсутствуют. Но есть сведения, что в 1951–1954 гг. за его пределами трудилось от 68,6% до 81,5% всех его узников (Табл.47). Казалось бы, с заметным улучшением материально-бытовых условий в лагерях военнопленных и переводом части из них в категорию военных преступников показатели вывода на производство хозорганов должны были увеличиться за счет офицеров и генералов, которые теперь привлекались к труду на общих основаниях с рядовыми и

³³ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР... С. 206.

³⁴ Там же. С. 403.

³⁵ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф. 56. Оп.1. Д.33. Л.30–33; РГВА. Ф.1п. Оп.6т. Д.1. Л.139–140.

³⁶ Военнопленные в СССР... С. 680.

Таблица 47

*Вывод на производство военных преступников
лагеря № 476 (1951–1954 гг.)*

Показатель	Кварталы, годы						
	I 1951	II 1951	III 1951	IV 1951	I 1953	I 1954	II 1954
Выводилось на производство в % к списочному составу	68,6	81,4	81,5	80,5	80,8	70,0	77,2
Выводилось на производство в % к трудовому фонду	90,2	93,9	94,5	92,4	93,4	82,8	90,7

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.6; Оп.12и. Д.1. Л.21, 43, 56, 59, 62, 67, 72, 81, 87, 94, 101, 107, 112, 120; Оп.3и. Д.19. Л.42–45, 68, 75–76, 100–101, 112–113, 123–124, 135–136.

унтер-офицерами, а также за счет сокращения ослабленного контингента. Источники же свидетельствуют, что ничего подобного не произошло, и в 1951–1954 гг. показатели вывода военных преступников на контрагентские работы ни разу не достигли уровня 1949 г. Объясняется это спецификой контингента лагеря № 476. Во-первых, среди его заключенных было немало осужденных военнопленных старшего офицерского состава – в массе своей уже нетрудоспособных лиц преклонного возраста. Во-вторых, поскольку в лагере № 476 содержались «убежденные фашисты», часть из них систематически отказывалась выходить на работу, предпочитая проводить время в лагерном карцере. И, наконец, в-третьих, узники лагеря могли не выводиться на производство по «оперативным соображениям», находясь, к примеру, под следствием.

Следует отметить, что руководители предприятий и строек, где трудились бывшие вражеские военнослужащие, старались выжать из военнопленных максимум возможного, затратив минимум средств и усилий со своей стороны. Лагерная администрация зачастую закрывала на это глаза, а в ряде случаев – также игнорировала требования к трудовому использованию своих подопечных. Допускалось использование военнопленных на вредных производствах, работа на 30-градусном морозе, нарушения техники безопасности, рабочий день растягивался на 10–12 часов, не учитывая

лось физическое состояние пленных и т.д. Так, 15 декабря 1946 г. в отсении № 4 лагеря № 523 бригада военнопленных в количестве 20 чел. второй и третьей групп физтруда работала без перерыва и питания в течение 20 часов на разгрузке угля при 30–35-градусном морозе. В итоге 16 военнопленных оказались в лагерном лазарете с обморожениями конечностей: три человека – II степени, тринадцать человек – I степени; остальные были переведены в оздоровительные команды. Начальник лагерного отсения № 4 капитан Ф. Ставров был уволен из органов МВД³⁷.

Отсутствие надлежащих условий труда и нарушение правил трудоиспользования приводили к производственным травмам военнопленных. Нередко, будучи совершенно незнакомыми с методикой и организацией того или иного рабочего процесса, военнопленные допускались к работам без производственного инструктажа. Причиной высокого производственного травматизма было не только игнорирование правил техники безопасности технадзорами хозорганов, но и необеспечение военнопленных необходимым инвентарем, средствами защиты и спецодеждой. Однако в таком положении в военные и послевоенные годы оказалось и большинство работающих советских граждан.

Источники свидетельствуют, что вплоть до 1946 г. профилактика производственного травматизма в лагерях области не проводилась, вопросами техники безопасности как лагеря военнопленных, так и хозорганы не занимались, а отсюда, как результат, совершению отсутствовал сколько-нибудь упорядоченный учет количества производственных травм и анализ причин их возникновения. Есть, однако, сведения, что в 1945 г. от травм, полученных на производстве, скончались 68 военнопленных. При этом 78% из них приходится на три лагеря: № 84 – 23 случая, № 313 – 17 случаев, № 245 – 13 случаев. В лагере № 377 было зарегистрировано 5 несчастных случаев на производстве со смертельным исходом, в лагерях № 153, 197, 318, 376 и 523 – по два³⁸. Производственный травматизм был особенно высоким на горно-рудных предприятиях области по добыче асбеста, железной и медной руды. Связано это было не только с отсутствием надлежащего контроля за безопасностью труда, но и с тем, что в большинстве своем военнопленные были новичками в горном деле, совершенно незнакомыми

³⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 19–23.

³⁸ Там же. Л. 126.

Таблица 48

*Производственный травматизм
военнопленных лагерей Свердловской области
в 1946–1949 гг.*

Показатель	Годы			
	1946	1947	1948	1949
Находилось на амбулаторном излечении вследствие получения травм, чел.	8760	4588	1322	327
Освобождено от работы, в чел/днях	33 378	23 282	7467	1740
Находилось на госпитальном излечении вследствие получения травм, чел.	2867	1930	973	179
Затрачено койко-дней	70 376	53 367	27 754	4241
Всего потеряно чел/дней от производственного травматизма	10 3754	76 649	35 221	5981
Всего отработано чел/дней в течение года	16 085 682	10 348 429	7 211 308	3 872 372
Процент трудопотерь от производственного травматизма	0,65	0,77	0,48	0,15
Смертность от производственного травматизма, чел.	124	77	31	9

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.125.

с горными и шахтными разработками. Так, только на одном предприятии, «Красноуральском медруде», в 1944 г. имели место 14 случаев травматизма среди работавших там 106 военнопленных, в 1945-м – 209 случаев среди 545 военнопленных, а в 1946-м – 247 случаев среди 705 военнопленных³⁹.

³⁹ ГАСО. Ф.Р2415. Оп.1. Д.43. Л.2–19, 24–36.

В 1946 г. производственные травмы стали причиной гибели 124 чел., из них более половины произошли на подземных работах Дегтярского и Красноуральского медных рудников, где были заняты военнопленные лагерей № 313 и 376. Главными причинами травматизма военнопленных явилось отсутствие стационарного электроосвещения в штреках и забоях при одновременном недостатке и неисправности индивидуального освещения (карбитовых шахтерских ламп), а также изношенность подземного оборудования. На шахте «Капитальная № 2» Дегтярского медного рудника только в течение апреля 1946 г. имели место три несчастных случая со смертельным исходом. Так, 7 апреля 1946 г. уборщик военнопленный Мучинский был задавлен породой в результате отслоения руды с кровли камеры ввиду недостаточной оборки кровли. 9 апреля 1946 г. по той же причине погиб военнопленный Никулае. 27 апреля на месте работы погиб военнопленный Плоте. Причиной происшествия явилось обрушение кровли орты и высыпание руды в образовавшиеся щели в креплении вследствие неподготовленности забоя к дальнейшим работам⁴⁰.

В 1947 г. количество производственных травм военнопленных со смертельным исходом сократилось, однако трудопотери от несчастных случаев на производстве именно в тот период оказались наибольшими. Работники производственных аппаратов лагерей пытались хоть как-то изменить положение, обращаясь к руководителям хозорганов с настоятельными просьбами и требованиями обеспечить безопасные условия труда военнопленных, однако о результативности этих мер говорить не приходится. В ответ администрация лагерей снимала военнопленных с объектов, где не обеспечивались допустимые условия жизни и труда⁴¹.

В 1948 г. особенно неблагополучное положение с охраной труда военнопленных сложилось в лагерях № 313, 504 и 531; всего же в течение года от производственных травм по области скончался 31 чел. В 1949 г. эта цифра сократилась до 9 чел., и общее количество трудопотерь от производственного травматизма уменьшилось в три раза⁴².

В целях борьбы с производственным травматизмом в обязанности хозорганов вменялось проведение ежедневного производ-

⁴⁰ РГВА. Ф. I п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 126–128.

⁴¹ Там же. Л. 129.

⁴² Там же. Л. 130.

ственного инструктажа с каждой рабочей бригадой, а также организация занятий по техминимуму для ведущих профессий и изучению правил техники безопасности. Кроме того, из производственных аппаратов лагерей специально назначались лица, ответственные за охрану труда и состояние техники безопасности на участках работ военнопленных. По каждому несчастному случаю на производстве проводились расследования, в основном заканчивавшиеся «строгим репрессированием виновников производственного травматизма»⁴³.

Правда, руководителей предприятий и строек проблема создания для военнопленных всех необходимых условий труда вряд ли действительно заботила, поскольку для них бывшие вражеские солдаты и офицеры были всего лишь дармовой рабочей силой, как и тысячи узников другого управления НКВД-МВД, использовавшего труд заключенных, – ГУЛАГа. Вообще, нельзя не отметить, что опыт ГУЛАГа был в значительной степени заимствован при организации трудового использования вражеских военнопленных. Более того, работая на предприятиях и стройках Среднего Урала военнопленные получили возможность ознакомиться едва ли не со всеми «передовыми методами социалистического труда». Как отмечается в архивных документах, «правильно поставленная организация труда военнопленных» предполагала создание комплексных рабочих бригад и внедрение звеньевого метода ведения работ, заведение индивидуального оперативно-производственного учета работы каждого звена, бригады, лагерного отделения и лагеря в целом, а также своевременный анализ их производственной деятельности и организации обмена опытом лагерями и лагерными отделениями путем издания обзоров, бюллетеней и прочее, регулярное проведение производственных совещаний во всех подразделениях лагерей, повышение роли на производстве командиров подразделений военнопленных и введение производственно-финансового планирования в рабочих бригадах с доведением этих планов до каждого работающего военнопленного, полный охват всех работающих военнопленных трудовым соревнованием⁴⁴.

В этом смысле организация труда военнопленных вражеских армий не многим отличалась от условий, в которых работали советские рабочие тех же предприятий и строек Среднего Урала.

⁴³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 132.

⁴⁴ Там жс.

Имевшие же место при организации трудового использования бывших солдат и офицеров иностранных армий нарушения норм международного права были скорее вызваны причинами объективного свойства, нежели злонамеренными действиями с чьей бы то ни было стороны. Тем более что в военные и послевоенные годы, когда вся страна самоотверженно трудилась, разбираться в деталях права военнопленных было попросту некогда.

Вопрос об эффективности трудового использования бывших вражеских солдат и офицеров до сих пор относится к числу самых дискуссионных (см. Введение). В свете приведенных ниже данных представляется более убедительным (Табл. 49) мнение авторов, которые ставят под сомнение выгодность использования пленных в трудовых процессах.

Сравним общесоюзные показатели с уральскими.

Анализ архивных материалов показывает, что в начальный период пребывания иностранных военнопленных в лагерях Среднего Урала производительность их труда была чрезвычайно низкой. По сообщению начальника Монетно-Лосиного лагерного отделения, заключенные которого трудились на добыче торфа, в течение июня-июля 1942 г. производственное задание было выполнено всего на 30–40%. В августе руководство лагеря докладывало, что «работа лагеря, как по использованию военнопленных на работах, так и по выполнению ими производственной программы, значительно улучшилась. Так, на Монетном торфопредприятии большинство работающих бригад военнопленных нормы выполняют и перевыполняют по всем видам работ свыше 100% ежедневно»⁴⁵. Между тем сообщалось, что на Лосиновском торфопредприятии за весь лесной сезон 1942 г. план добычи торфа «ни одного дня выполнен не был». Среди основных причин невыполнения производственных заданий своими подчиненными лагерное начальство отмечало: во-первых, неоднократные факты проявления вредительских действий и саботажа со стороны военнопленных; во-вторых, простой военнопленных на производстве ввиду частых поломок техники, отключений электроэнергии, плохой организации труда, дождей и т.д. Однако здесь администрация лагеря явно лукавила.

Документы архивов недвусмысленно указывают на то, что причиной низкой производительности труда военнопленных было отсутствие необходимых для нормальной жизнедеятельности ус-

⁴⁵ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.92–93, 120.

Таблица 49
**Основные показатели трудового использования
 иностранных военнопленных в СССР в 1943–1949 гг.**

Часть 1

Показатель	ГОДЫ			
	1942	1943	1944	1945
Среднесписочная численность пленных, тыс. чел.		32,5	159,2	1213,4
Трудовой фонд, тыс. чел.	3,0	18,9	102,7	920,0
Вывод на оплачиваемые работы, в % к трудовому фонду	60,0	69,9	70,5	73,0
Среднедневной заработка, руб.	4,12	7,25	8,75	12,15
Средняя производительность труда, %		91,3	98,7	98,6
Удельный вес выполняющих норму выработки, %		43,0	43,8	54,0
Валовая сумма выработки, млн руб.	2,2	12,8	182,6	2194,0
Расходы на содержание пленных, млн руб.	33,2	158,6	713,7	3909,0
Покрытие расходов на содержание пленных за счет их заработка, %	6,6	8,1	25,6	56,1

Часть 2

Показатель	ГОДЫ			
	1946	1947	1948	1949
Среднесписочная численность пленных, тыс. чел.	1691,9	1341,8	776,0	341,0
Трудовой фонд, тыс. чел.	1416,8	1077,3	-	-
Вывод на оплачиваемые работы, в % к трудовому фонду	79,1	80,5		
Среднедневной заработка, руб.	14,36	17,11	18,97	21,81

Окончание табл. на стр. 258

Источник: Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 453.

Окончание части 2 табл. 49

Показатель	ГОДЫ			
	1946	1947	1948	1949
Удельный вес выполняющих норму выработки, %	66,8	70,5	75,0	88,0
Валовая сумма выработки, млн руб.	4791,8	4502,6	3326,4	1765,3
Расходы на содержание пленных, млн руб.	5122,4	6182,5	4424,5	1635,0
Покрытие расходов на содержание пленных за счет их заработка, %	93,5	72,8	75,2	108,0

ловий в лагерях, прежде всего недостаточность питания. Со всей наглядностью это отразилось на показателях трудового использования военнопленных Басьяновского лаготделения. Начальник и комиссар лагеря сообщали, что если за июнь 1942 г. их подопечные выполнили производственный план на 73,9%, то за первые десять дней августа эта цифра составила 63,7%, снизившись на 10%. После введения во второй половине августа новых, пониженных норм питания военнопленных процент выполнения производственной программы сокращается до 50%, а в сентябре – до 32%. На содержание военнопленных Басьяновского лагеря с момента его создания до 1 октября 1942 г. было потрачено 447 327 рублей, а заработали они за этот период всего 243 698 рублей, или 54% от суммы общелагерных расходов⁴⁶.

Общая физическая слабость военнопленных оставалась главной причиной низкой производительности труда и в последующие годы, а потому заработанных военнопленными денег на покрытие расходов по их содержанию до окончания войны по-прежнему не хватало. В одном из документов отмечается, что по состоянию на июль 1944 г. возмещение в доход бюджета израсходованных средств на содержание военнопленных составляло совершенно не значительный процент: к примеру, по лагерю № 153 это всего 37,5%⁴⁷. Спустя год ситуация не изменилась. Согласно приказу НКВД СССР № 0160 от 15 июня 1945 г. «Об итогах трудового использования военнопленных за I квартал и апрель 1945 г.» из 46 названных лагерей хороших показателей добились только

⁴⁶ Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.36, 37, 37(об.).

⁴⁷ Военнопленные в СССР... С. 587.

четыре лагеря. Кстати, из этих четырех два были уральскими – № 84 и 245. Однако и там расходы на содержание пленных за счет их трудоиспользования покрывались не целиком, а только на 80–95%⁴⁸.

По имеющимся данным, все лагеря военнопленных Свердловской области оставались нерентабельными и содержались за счет дотаций из государственного бюджета до третьего квартала 1945 г. К концу 1945 г. на самоокупаемость перешли лагеря № 313, 314, 376, 504 и 531, сдав при этом в доход государства 3669 тыс. рублей⁴⁹.

По неполным данным, к середине 1946 г. практически все лагеря военнопленных стали рентабельными. Наилучших показателей при этом снова добились лагеря № 313, 376 и 504, а также лагерь № 245. Доходы от трудового использования военнопленных за июль 1946 г. превысили расходы на 5223 тыс. рублей, или почти на 40%. К концу 1946 г. лагеря военнопленных сдали в доход государства 29 130 тыс. рублей. Нерентабельными по итогам года, правда, остались лагеря № 318 и 531, которые содержались за счет доходов других лагерей, так как их собственный контингент был занят на низкооплачиваемых лесоразработках и добыче торфа⁵⁰. В 1947 г. лагеря военнопленных Свердловской области снова стали дотационными, получив из государственного бюджета 47 853 тыс. рублей. Связано это было с резким ухудшением физического состояния военнопленных из-за общего снижения суточного рациона питания и отмены всех дополнительных форм довольствия для работающих военнопленных. При сокращении количества выводимых на работы хозорганов заключенных лагерей областного ОПВИ рентабельными в 1947 г. остались только два лагеря – № 313 и 504⁵¹.

Неудовлетворительное финансовое состояние лагерей было зафиксировано и в первом полугодии 1948 г., когда с сокращением числа больных и ослабленных военнопленных эффективность от их трудового использования, казалось бы, должна была повыситься. Добиться превышения доходов от трудового использования военнопленных над расходами по их содержанию удалось только к

⁴⁸ Военнопленные в СССР... С. 613.

⁴⁹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.122.

⁵⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.108. Л.7; Д.143. Л.7; Д.171. Л.7; Д.196. Л.7; Д.247. Л.7; Д.250. Л.7; Д.291. Л.7; Д.292. Л.7; Д.346. Л.7; Д.351. Л.8; Д.341. Л.122.

⁵¹ Там же. Д. 341. Л.123.

Таблица 50

**Выполнение плана по отдельным видам работ
военнопленными Басыновского лагеря
(за первую декаду августа 1942 г.)**

Вид работ	Занято, чел.	План на декаду, руб.	Заработка фактически, руб.	Выполнение плана, %
Подготовка полей	4255	162 463	100 288	61,7
Шпалоразделка	33	455	527	115,8
Сушка торфа	994	5510	1121	20,3
Транспортировка торфа	1367	9930	11 874	119,5
Ремонт канав	383	2750	1594	57,9
Ремонт дорог	134	1602	1446	90,2
Подсобные работы	431		не нормированы	
ИТОГО:	7547	182 709	116 850	63,7

Источник: Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.67.

концу 1948 г. Лагеря военнопленных при этом возвратили государству полученную в первой половине года дотацию в сумме 10 050 тыс. рублей и сверх того сдали в доход государства 3550 тыс. рублей. Наиболее отстающим по выполнению производственного плана в 1948 г. оказался лагерь № 531, который из полученной им в первом полугодии дотации в размере 4150 тыс. рублей самостоятельно возвратил государству 400 тыс. рублей, остальная сумма была погашена за счет доходов других лагерей⁵².

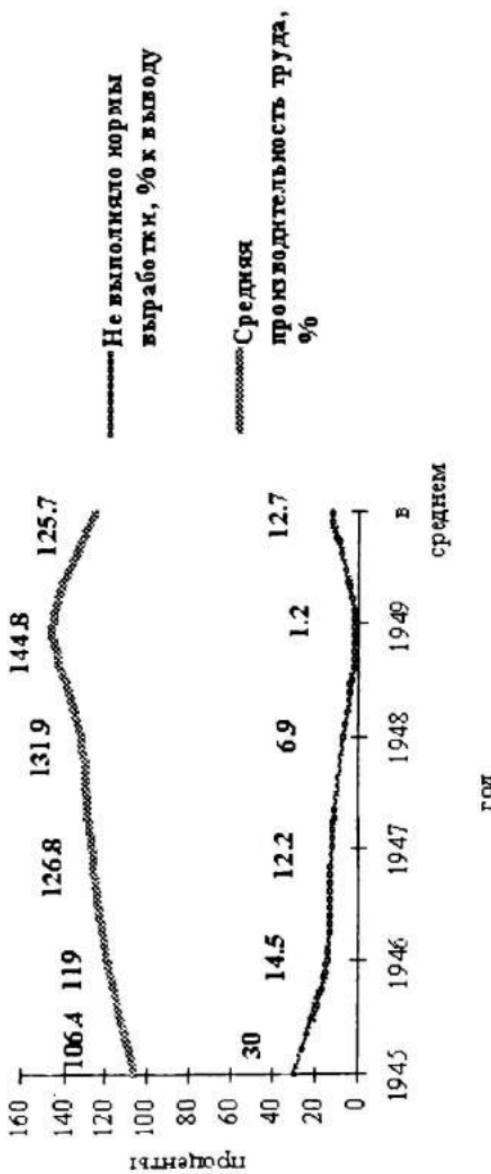
Перейти на самоокупаемость в полном объеме лагеря военнопленных Свердловской области смогли только во второй половине 1949 г., перечислив в доход государства 33 076 тыс. рублей. Наиболее высоких показателей выполнения производственного плана добились в 1949 г. лагеря № 153 (137,5%), № 314 (127,2%), № 504 (117,6%)⁵³.

⁵² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.124.

⁵³ Там же. Л.123.

Диаграмма 5

**Производительность труда военнопленных лагерей Свердловской области
(1945-1949 гг.)**

Источник: РГБА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341.Л.113.

Таблица 51

*Рентабельность лагерей военнопленных
Свердловской области (за июль 1946 г.)*

Лагерь	Отрабо- тано чело- веко- дней	Выра- ботка на одного военно- пленного в день, руб.	Валовая сумма выработки, тыс. руб.	Факти- ческие расходы по содеря- нию лагеря, тыс. руб.	Покры- тие расхо- дов на содер- жание, %
84	178 821	14,67	2623,1	1890,6	139,0
153	157 842	13,13	2073,5	1668,6	124,2
200	95 780	14,22	1362,5	935,8	145,5
245	168 659	14,25	2403,5	1588,8	151,3
313	182 115	14,12	2571,3	1736,0	148,1
314	153 225	11,6	1775,7	1432,4	124,0
318	45 279	10,67	483,5	458,8	105,4
376	115 302	16,7	1926,3	1101,8	175,0
377	62 832	15,14	951,7	656,0	145,1
504	96 309	15,9	1530,4	974,2	157,1
523	52 744	12,5	662,5	698,8	95,0
531-197			Нет данных		
Итого	1 308 908	13,9	18 364,0	13 141,8	137,4

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.108. Л.7; Д.143. Л.7; Д.171. Л.7; Д.196. Л.7; Д.247. Л.7; Д.250. Л.7; Д.291. Л.7; Д.292. Л.7; Д.346. Л.7; Д.351. Л.8.

Нельзя сказать, что тенденция постепенного повышения эффективности трудового использования узников областного ОПВИ приобрела в 1945–1949 гг. устойчивый характер. Тем не менее при плановом убытке в 13,5% лагеря военнопленных, по подсчетам работников производственного отдела, оказались самоокупаемыми на 102,5%⁵⁴. Правда, достичь последнего показателя удалось, скорее, за счет снижения на 57 руб. фактической стоимости содержания одного пленного в месяц, нежели за счет эффективного тру-

⁵⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.121.

Таблица 52

**Рентабельность лагерей военнопленных
Свердловской области (1945–1949 гг.)**

Часть 1

Показатель	Годы		
	1945	1946	1947
Всего содержится в/пленных, чел.	68 046	74 962	60 285
Всего отработано человеко-дней	12 164 439	16 085 662	10 348 429
Валовая сумма выработки, тыс. руб.	146 253	242 574	174 907
Выработка на 1 человеко-день, руб.	12,5	14,9	17,68
Плановая стоимость содержания военнопленного в месяц, руб.	200,0	250,0	456,0
Фактическая стоимость содержания в/пленного в месяц, руб.	172,0	232,0	358,0
Выработка на одного военно- пленного в месяц, руб.	178,0	271,0	242,0
Плановая рентабельность лагерей, %	89,0	108,5	53,1
Фактическая рентабельность лагерей, %	103,5	116,9	67,6

Часть 2

Показатель	Годы		Итого
	1948	1949	
Всего содержится в/пленных, чел.	32 166	15 486	
Всего отработано человеко-дней	7 211 308	3 872 372	49 682 230
Валовая сумма выработки, тыс. руб.	140 362	95 710	799 806
Выработка на 1 человеко-день, руб.	19,64	24,33	16,3
Плановая стоимость содержания военнопленного в месяц, руб.	456,0	456,0	364,0
Фактическая стоимость содержания в/пленного в месяц, руб.	353,0	422,0	307,0
Выработка на одного военно- пленного в месяц, руб.	362,0	515,0	314,0
Плановая рентабельность лагерей, %	79,4	113,0	86,5
Фактическая рентабельность лагерей, %	102,5	122,0	102,0

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.121.

Таблица 53

*Основные показатели трудового использования
заключенных лагеря № 476 (за январь–апрель 1954 г.)*

Показатель	январь	февраль	март	апрель
Выводилось на работу, чел.	2583	3342	5397	5566
Отработано человеко-дней, тыс.	60,808	81,024	137,49	147,5
Выработка на человека-день, руб.	14,8	12,25	12,8	14,56
Не выполняло норму, чел.	1010	1746	2787	2170
Не выполняло норму к выводу, %	39,1	52,2	51,6	38,98
Производительность труда, %	93,3	85,0	86,2	100,0
Валовая сумма выработки, тыс. руб.	899,44	992,9	1760,4	2148,1
Расходы на содержание лагеря, тыс. руб.	1512,9	1127,7	1688,8	2163,0
Окупаемость лагеря, %	59,5	88,0	104,2	99,3

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.3т. Д.19. Л.42–45, 75–76, 68, 68(об.), 100–101.

доиспользования лагерных контингентов. Кроме того, официальная «цифры» не вызывает особого доверия. Это становится очевидным, если обратиться к другим источникам. Приведем пример. Есть сведения, что после перехода на самоокупаемость с 1 октября 1945 г. и по 1949-й заключенными Нижнетагильского лагеря № 153 было заработано 7313 тыс. рублей, а на их содержание за это же время было затрачено 22 057 тыс. рублей. Таким образом, доходы от трудового использования военнопленных в три раза уступали расходам лагеря; в денежном выражении фактический убыток составил 14 744 тыс. рублей. При этом из полученной от государства дотации в размере 12 216 тыс. рублей лагерь возвратил только 11 462 тыс. рублей, задолжав 754 тыс. рублей⁵⁵. Представляется

⁵⁵ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.143. Л.46.

вполне вероятным, что аналогичная ситуация имела место и в других лагерях военнопленных Свердловской области, а потому – есть основания не доверять приведенным в официальной статистике цифрам.

В полной мере это относится и к показателям производительности труда пленных. По документам, представляемым чиновниками областного ОПВИ в Москву, лагеря военнопленных Среднего Урала в период с 1945-го по 1949 г. добились не только превышения доходов от трудового использования своих заключенных над расходами по их содержанию, но и ежегодного увеличения производительности труда военнопленных.

Минимальная производительность труда военнопленных была зафиксирована в Свердловской области в 1945 г. Характерно, что администрация лагерей списывала низкую производительность труда военнопленных на плохую организацию рабочих мест, отсутствие технического надзора и рабочего инвентаря. Кроме того, одной из типичных была картина, когда «приписанные» к хозорганам бывшие вражеские военнослужащие использовались без учета их гражданских специальностей и квалификации. Отсюда – 30-процентный показатель не выполняющих нормы выработки военнопленных; более того, на отдельных объектах он достигал 50% всех выводимых на работы узников областного ОПВИ. Из документов яствует, что особенно неблагополучно дело обстояло на подземных работах, где выработка военнопленных едва достигала 40% сменного задания при одновременном росте трудопотерь от производственного травматизма. Наиболее отстающими по итогам 1945 г. оказались лагеря № 314 и 318, по которым производительность труда военнопленных составила соответственно 86% и 88%. Наилучших результатов за этот же период достигли лагеря № 84, 245 и 313; два первых из них попали в короткий список рентабельных лагерей НКВД СССР, объявленный уже упомянутым приказом от 15 июня 1945 г., и их руководство было премировано за «хорошую постановку трудового использования военнопленных»⁵⁶.

В целях повышения производительности труда своих подопечных областное ОПВИ требовало от производственных аппаратов лагерей прежде всего выявить среди военнопленных специалистов разных профессий и провести их тарификацию по разрядам, а также ввести премиально-прогрессивную оплату труда на ведущих участках работ с одновременным созданием улучшенных бытовых ус-

⁵⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 113, 114.

Таблица 54

*Заработка плата военнопленных
Дегтярского рудоуправления (1948–1951 гг.), руб.**

Месяцы	Годы			
	1948	1949	1950	1951
Январь	Нет данных		420	628
Февраль			453	628
Март			472	568
Апрель			523	625
Май			643	658
Июнь			523	733
Июль			472	663
Август	381	608	491	719
Сентябрь	386	612	572	715
Октябрь	282	571	605	760
Ноябрь	359	543	665	725
Декабрь	393	306	686	648
В среднем	360	528	544	673

Источник: ГАСО. Ф.Р2600. Оп.1. Д.105. Л.73–218.

* Для сравнения – в 1950 г. заработка плата по области по всем отраслям составляла 699 руб., в 1951 г. – 720 руб. (РГАЭ. Ф.1562. Оп.15. Д.3730. Л.54.)

ловий для содержания передовиков производства. В итоге в 1946 г. средняя производительность труда военнопленных по сравнению с 1945 г. повысилась на 12,6%, в то время как количество не выполняющих нормы выработки снизилось аж на 51,5%⁵⁷. Правда, по мнению «ответственных органов», это был далеко не предел. Поэтому они продолжали принимать меры, главным образом административные, дабы повысить эффективность трудоиспользования своих подопечных. Комплексными комиссиями, составленными из руководящих работников областного ОПВИ, были организованы «глубокие проверки» всей деятельности лагерей.

⁵⁷ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.116.

Были осуществлены подбор и перемещение работников производственных аппаратов лагерей и лагерных отделений в соответствии с характером и условиями того или иного производства, обслуживающим лагерными подразделениями; усилен контроль за работой военнопленных путем закрепления офицерского состава лагерей за местами работ военнопленных с возложением ответственности за организацию их трудоиспользования на данном участке. Особое внимание было также уделено контролю за своевременным начислением и выдачей военнопленным заработной платы⁵⁸.

Работа по повышению производительности труда военнопленных продолжалась и в 1947 г. Именно в 1947 г. были расформированы 4 лагеря с 20 лагерными отделениями, где отсутствовали необходимые условия содержания и трудового использования военнопленных и которые в силу этих причин оставались убыточными. Контингент таких подразделений был переведен на работы хозорганов, руководители которых не допускали невыполнения своих договорных обязательств по обеспечению и использованию военнопленных.

В 1947 г. перед политотделами лагерей, помимо задачи «перевоспитания» пленных, была поставлена в качестве первоочередной задача развертывания среди военнопленных трудового соревнования. Насколько искренне были в нем заинтересованы узники областного ОПВИ, сказать трудно, но по итогам 1947 г. в целом по лагерям области среднесуточное количество военнопленных, охваченных трудовым соревнованием, составило 25 539 чел., или 85,2% общего количества работающих⁵⁹. В целях поощрения персонала им предоставлялись всевозможные поблажки, как то: временное расконвоирование, разрешение на выход из зоны лагеря и т.д. Как правило же, поощрение «рекордистов» выливалось в обычную премию. Есть сведения, что только в лагере № 504 на премирование лучших производственников было потрачено в 1947 г. – 2766,08 тыс. рублей, за первые четыре месяца 1948 г. – 1104,2 тыс. рублей⁶⁰.

Помимо целого арсенала административных методов, использовалось стимулирование труда военнопленных посредством про-

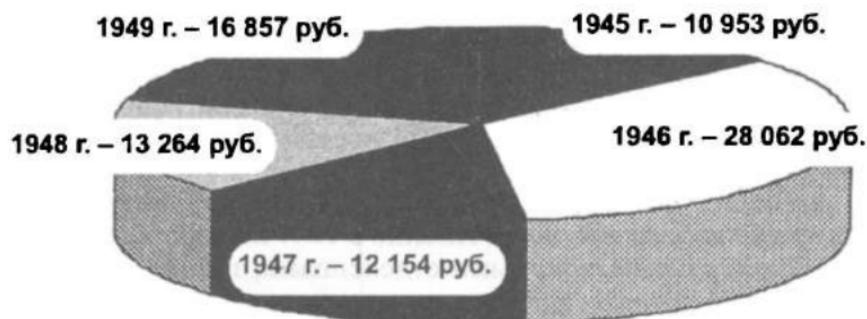
⁵⁸ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.117.

⁵⁹ Там же. Л.118.

⁶⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.19а. Д.20. Л.48.

Диаграмма 6

*Выплачено военнопленным, тыс. руб.
(1945–1949 гг.)*

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.121.

довольствия. Так, в зависимость от качества и объема выполненной военнопленным работы был поставлен размер хлебной пайки (см. Гл. 1). В условиях, когда продовольственное обеспечение узников областного ОПВИ было минимальным, дополнительное питание для выполняющих и перевыполняющих производственные задания становилось одним из важных факторов, позволяющих поддерживать свои физические кондиции на более высоком уровне. Однако очень часто оно превращалось в добавку к пище для всех и теряло тем самым свою стимулирующую роль.

Средняя производительность труда военнопленных в 1947 г. достигла 126,8% с одновременным сокращением до 12,2% числа не выполняющих производственные задания. Улучшить эти показатели в сравнении с 1946 г. не помешало даже чрезвычайное положение, введенное в лагерях Свердловской области в связи со значительным увеличением численности больных и ослабленных военнопленных, непригодных к трудовому использованию. Некоторое снижение производительности труда было зафиксировано только в конце 1947 г., когда военнопленные третьей группы здоровья были переведены на укороченный 4-часовой рабочий день⁶¹.

⁶¹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.118.

Дабы не допустить впредь ухудшения физического состояния военнопленных, а вместе с ним – сокращения численности работающих, в 1948 г. перед лагерями области была поставлена задача улучшить условия содержания своих заключенных. Между тем с повестки дня не снимался вопрос о максимальном трудоиспользовании военнопленных и обеспечении безусловной работоспособности всех подразделений. Об этом, в частности, говорилось на проводившейся в мае 1948 г. в г. Свердловске заместителем начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенантом И.А.Петровым кустовой конференции, в которой участвовали руководители лагерей 7 областей и республик Урала⁶².

Вряд ли решения этой конференции стали главной причиной повышения производительности труда военнопленных лагерей Свердловской области в 1948 г. на 4,9% по сравнению с 1947 г. и сокращения на 5,3% числа не выполняющих нормы выработки. Скорее всего, о работе конференции и ее итогах узники лагерей областного ОГВИ не имели ни малейшего представления. Вероятно, улучшение производственных показателей было следствием отмены в декабре 1947 г. карточной системы. Теперь военнопленные были более заинтересованы в заработка, чем раньше, поскольку получили возможность покупать в ларьках и буфетах, созданных непосредственно на территории лагерей, нефондовые продукты питания и промтовары.

В 1949 г. наиболее высоких трудовых показателей добились лагеря № 153 и 504, где среднегодовая производительность труда рабочих бригад военнопленных превысила 150%. В целом же по лагерям области она составил 144,8%, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 13%. Однако нельзя не заметить, что в четвертом квартале 1949 г. производительность труда военнопленных снижается на 5,6%. Связано это было прежде всего с тем, что переведенные в категорию военных преступников военнопленные потеряли всякую надежду на депатриацию. Многие из них отказывались выходить на работу и требовали отправить их на родину⁶³.

Полных сведений о производительности труда военных преступников лагеря № 476 доступные на сегодняшний день источники, к сожалению, не содержат. Тем не менее даже те фрагментарные

⁶² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.119.

⁶³ Там же. Л.120.

данные, которыми мы располагаем, показывают, что после 1949 г. просматривается тенденция к снижению производительности труда осужденных военнопленных. Если в 1951 г. этот показатель по лагерю № 476 составил 127,5%, то в 1953 г. он сократился до 119,8%, а в первой половине 1954 г. – до 100,2%⁶⁴. В то же время оставалось очень высоким число военных преступников, не выполнявших сменные задания. По нашим подсчетам, во второй половине 1953 г. они составляли 30,5% всех работающих за пределами лагеря № 476 осужденных военнопленных, а в первом полугодии 1954 г. – 40,6%. Администрация лагеря совершенно справедливо отмечала, что военные преступники из числа бывших военнопленных и интернированных относятся к труду недобросовестно не только в силу своей «профашистской настроенности», а прежде всего потому, что при любом отношении к работе перспектива возвращения на родину является для них слишком далекой и призрачной. И всякая массово-разъяснительная работа «ответственных органов», «мобилизующая на закрепление достигнутых результатов и повышение производительности труда», а также борьба против репатриационных настроений военнопленных заметного успеха не имели⁶⁵. Маловероятно, что при таком положении дел за счет трудового использования заключенных лагеря № 476 удавалось компенсировать расходы на их содержание. Иллюстрацией к данному тезису являются данные, приведенные в таблице 53 (см. Стр. 264).

Очевидно, таким образом, что производственные показатели трудового использования осужденных вражеских солдат и офицеров уступали цифрам, характеризующим эффективность привлечения к труду иностранных военнопленных в период, предшествовавший их массовой репатриации.

Источники также свидетельствуют, что военнопленные работали со значительно меньшей отдачей, чем вольнонаемные советские рабочие на тех же производственных объектах. К примеру, занятые на предприятиях Красноуральского рудоуправления военнопленные в среднем выполняли установленную норму выработки: в 1944 г. – на 52,2%, 1945 г. – 64,3%, 1946 г. – 68,3%. За эти же годы

⁶⁴ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.6; Оп.12и. Д.1. Л.2–119; Оп.3т. Д.19. Л.42–45, 68, 68(об.), 75–76, 100–101, 112–113, 123–124, 135–136; Оп.4т. Д.49. Л.8–9.

⁶⁵ РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.6; Оп.12и. Д.1. Л.2–119; Оп.3т. Д.19. Л.42–45, 68, 68(об.), 75–76, 100–101, 112–113, 123–124, 135–136; Оп.4т. Д.49. Л.8–9.

советские рабочие вырабатывали соответственно 130,0%, 127,7% и 120,3% планового задания. Остается непонятным, почему производительность труда вольнонаемных рабочих треста «Красноуральскомельруд» год от года снижалась, – в данном случае важно не это. Несмотря на отрицательную динамику производительности труда советских рабочих и положительную динамику производительности труда военнопленных, последним так и не удалось приблизиться к показателям выработки вольнонаемной категории трудящихся⁶⁶.

На другом предприятии – Среднеуральском медеплавильном заводе – средний процент выполнения нормы военнопленными составлял в 1947 г. – 102,0%, в 1948 г. – 111,1%; в то же время советские рабочие выполняли плановые задания соответственно на 124,7% и 129,7%⁶⁷. Не исключено, что «своим» предоставляли более выгодные участки работ, чем военнопленным. Однако более вероятно, что советские рабочие трудились с большей самоотдачей, чем узники лагерей областного ОПВИ.

Разница в показателях производительности труда в полной мере отразилась на соотношении заработной платы, получаемой вольнонаемными рабочими и выплачиваемой иностранным военнопленным. В среднем в месяц на тех же предприятиях она составляла для советских рабочих и военнопленных: по Красноуральскому рудоуправлению – в 1944 г. – соответственно 580 и 226 рублей, в 1945 г. – 508 и 286 рублей, в 1946 г. – 617 и 450 рублей; по Средуралмедьзаводу – в 1947 г. – 660 и 416 рублей и в 1948 г. – 746 и 597 рублей⁶⁸.

По имеющимся данным, заработка плата военнопленных, работавших сдельно, напрямую зависела от объема выполненной ими работы и в период с 1942-го по 1956 г. значительно колебалась. Помимо показателей производительности труда узников областного ОПВИ, на них оказывали влияние инфляционные процессы военного и послевоенного периода. Есть сведения, что с 1942 г. выплачиваемый работающим военнопленным заработка к 1956 г. увеличился в среднем с 200 до 750 рублей в месяц и выше. При этом,

⁶⁶ ГАСО. Ф.Р2415. Оп.1. Д.43. Л.4, 7, 26, 29.

⁶⁷ ГАСО. Ф.Р2201. Оп.1. Д.76. Л.3, 9–14, 19–22, 26–27, 34–37, 43, 46, 48, 64–68, 78–79, 84–88, 102–105, 111, 114, 124, 126–127, 130, 140, 147, 150.

⁶⁸ ГАСО. Ф.Р2415. Оп.1. Д.43. Л.4, 7, 26, 29; Ф.2201. Оп.1. Д.76. Л.3, 9–14, 19–22, 26–27, 34–37, 43, 46, 48, 64–68, 78–79, 84–88, 102–105, 111, 114, 124, 126–127, 130, 140, 147, 150.

будучи очень нестабильной, заработка плата военнопленных менялась практически ежемесячно (см. табл. 54. Стр. 266). Очевидно, поэтому четкой системы оплаты труда пребывавших на Среднем Урале вражеских солдат и офицеров как таковой не сложилось.

В июле 1945 г. директива НКВД СССР № 107 «Об улучшении трудового использования военнопленных» запретила всякое бесплатное использование пленных в производственных процессах⁶⁹. Пленным стало начисляться так называемое премиальное вознаграждение. Но начислялось оно только при условии выполнения и перевыполнения нормы выработки тем пленным, чей заработка превышал затраты на их содержание. Эти затраты составляли до апреля 1946 г. 200 рублей, до апреля 1948 г. – 400 рублей, со второго квартала 1948 г. – 456 рублей. Из суммы, которая оставалась при вычете стоимости содержания, пленным, занятым на тяжелых работах, выплачивалось до 200 рублей, на прочих – до 150 рублей, которых хватало на покупку продуктов и кое-каких вещей в местном ларьке. Позже пленные стали получать не по 150–200 рублей, а 70–85% суммы сверх 456 рублей⁷⁰. Оставшиеся от заработной платы деньги, если таковые были, шли на лицевой счет военнопленного.

Отметим, что для заключенных ГУЛАГа действовала другая система премиального вознаграждения. Если пленный мог рассчитывать на 70–85% заработка, то заключенным при тех же условиях вне зависимости от самоокупаемости выплачивалось от 3,5% до 12,5% заработной платы⁷¹.

Некоторым военнопленным за длительный период пребывания в лагерях Свердловской области удалось скопить небольшие суммы денег. Вывозить советские дензнаки за пределы СССР было запрещено, и перед отъездом вчерашние узники областного ОПВИтратили накопленные деньги. Заместитель министра внутренних дел С.Переверткин в докладной записке «Об окончании депатриации германских граждан, осужденных за преступления, совершенные против народов СССР во время войны» от 18 января 1956 г., отмечал: «Депатрированные из лагеря № 476 Свердловской области закупили различных товаров на сумму свыше 400 тыс. руб., в том числе: более 900 кг колбасных изделий, около 300 кг сливочного масла, около тонны сахара, 300 кг сыра, 1500 бутылок шам-

⁶⁹ Военнопленные в СССР... С. 618.

⁷⁰ Там же. С. 981.

⁷¹ Там же. С. 968.

панского и других вин, а также 350 наручных и карманных часов, 150 чемоданов, 50 дамских сумок, 10 фотоаппаратов и другие товары»⁷².

Как представляется, вопрос о том, насколько выплачиваемые военнопленным суммы отражали реальную стоимость произведенного ими продукта, нуждается в дальнейшем изучении. Еще при использовании труда узников ГУЛАГа была отработана целая система, позволяющая по усмотрению администрации предприятий завышать или занижать нормы выработки и расценки за работу подневольной категории трудящихся. Возможно, тот же механизм былпущен в ход и при организации труда военнопленных. Кроме того, суммы, получаемые государством от использования труда военнопленных, могли быть выше еще и потому, что заработка, начислявшийся каждому работающему, целиком на руки никогда не выдавался. Даже при условии вычета из него стоимости содержания и выполнения планового задания на 100%, военнопленный не мог получить больше строго фиксированной суммы – около 150–200 рублей или определенный процент от заработной платы, в то время как заработка шахтеров, забойных рабочих и вообще военнопленных, имевших региональные надбавки за работу в суровых климатических условиях, был достаточно высоким. Невыплаченные же деньги, шедшие на лицевой счет военнопленного, еще на какой-то срок оставались в распоряжении государства.

Проведенное исследование проблемы организации и эффективности трудового использования иностранных военнопленных лагерей Среднего Урала позволяет сделать следующие выводы. Вопреки традиционному представлению об ограниченности использования труда военнопленных за пределами лагерей вплоть до 1945 г., вывод бывших солдат и офицеров вражеских армий на стройки и предприятия Свердловской области получил широкое распространение уже с 1942 г. Существенное значение при этом имело благоприятное расположение региона в глубоком тылу. Максимальное привлечение вражеских военнослужащих к труду, вероятно, было обусловлено еще и тем, что во время войны Средний Урал не только приобрел все характерные черты регионального военно-промышленного комплекса, но и стал опорным краем державы, и

⁷² Конасов В.Б. Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 189.

его экономика постоянно требовала пополнения трудовых ресурсов, истощенных войной. Принципиальной особенностью является также и то, что труд военнопленных лагерей Свердловской области с безусловным преобладанием использовался в тяжелой индустрии, горно-добывающей и лесозаготовительной промышленности, а также строительстве. Думается, что имевшие при его организации место нарушения элементарных норм права военнопленных были связаны с общим для военного времени ухудшением условий труда и быта людей. Несоблюдение техники безопасности и первоочередных санитарно-гигиенических правил приводили к росту травматизма среди военнопленных, их заболеваемости и смертности. Между тем зачастую руководители предприятий и не стремились создать безопасные условия труда для выводимых на работы из лагерей областного ОПВИ заключенных.

Эффективность трудоиспользования пребывавших в неволе военнослужащих иностранных армий в свете имеющихся источников вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, это связано с тем, что в обстановке военного и послевоенного времени удовлетворение их минимальных потребностей в питании, одежде, медицинской помощи и т.д. было сопряжено с огромными трудностями, а потому представляется весьма маловероятным, что труд в массе своей ослабленных и истощенных военнопленных был высокопроизводительным. В то же время нельзя не заметить постепенного повышения с 1942 г. производительности труда узников областного ОПВИ. Темпы роста производительности труда военнопленных с очевидностью отражали постепенное улучшение условий их жизнеобеспечения; вместе с тем администрация лагерей и хозорганов для стимуляции труда своих подопечных использовала и традиционные для советской системы организации труда внезакономические методы принуждения.

Вообще же рассмотрение вопроса об эффективности трудового использования иностранных военнопленных на Среднем Урале явно требует своего продолжения. Продвижение в данном направлении затруднено как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, историку, ставящему перед собой задачу объективного анализа проблемы, требуется надежная источниковая база, которая позволит вычислить реальную производительность труда узников лагерей военнопленных Среднего Урала, и параллельно – установить, насколько заработанные ими суммы покрывали затра-

ты на их же содержание. Доступные на сегодняшний день архивные материалы, несмотря на наличие в них статистической информации, изначально малорепрезентативны. Во-вторых, даже владея всеми действительно значимыми экономическими параметрами трудоиспользования военнопленных, следует помнить об общем своеобразии ценообразования «экономики социализма».

Принимая во внимание все вышесказанное, хотелось бы, тем не менее, отметить, что даже без сомнительных рекордов труда, зафиксированных в официальных документах, вклад иностранных военнопленных в развитие Среднего Урала очевиден и нагляден в буквальном смысле слова, поскольку внешний облик городов Свердловской области до сих пор определяется так называемыми «немецкими» постройками послевоенных лет. Не будет пресувлечением сказать, что своим значительно возросшим в военные и послевоенные годы производственным потенциалом и более разносторонней индустрией, способной решать новые народно-хозяйственные задачи, Средний Урал в какой-то степени обязан и труду иностранных военнопленных Второй мировой войны. Сегодня живые кварталы, сооруженные в стиле альпийских деревенек и баварских двориков, могут служить не только объектом познавательного интереса иностранных туристов. Аккуратные, в основном 2- и 3-этажные домики с типично немецким фронтом на улицах уральских городов – это молчаливые свидетели взаимодействия разных народов и культур. И этот опыт межэтнического и межцивилизационного взаимодействия не может остаться невостребованным в будущем.

Заключение

Проведенное исследование темы иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале показало, что в 1942–1956 гг. здесь оказалось свыше 250 тыс. вражеских военнослужащих. В процентном выражении это чуть более 6% общего числа всех узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Однако именно Средний Урал стал тем регионом, где возникли одни из первых тыловых лагерей для военнопленных на территории СССР. В то же время территория края стала местом отправки из Советского Союза последних эшелонов с депатриируемыми военнопленными на родину. На карте страны трудно найти другую такую область или республику, где вражеские пленные пребывали столь длительный период – с 1942-го по 1956 г. Поэтому материалы о лагерях иностранных военнопленных в Свердловской области и судьбах их заключенных с известной долей условности можно назвать уникальными. Они позволяют проследить эволюцию политики Советского государства по отношению к оказавшимся в его власти вражеским военнослужащим и выявить механизмы ее реализации в отдельно взятом регионе. Обнаруженные данные показывают, что для материально-бытового положения и трудового использования узников областного ОПВИ были типичны характеристики и формы, присущие пребыванию иностранных военнопленных в СССР в целом. Между тем нельзя не выделить некоторые принципиальные особенности, отражающие региональную специфику проблемы.

Первое. Существенным фактором, обеспечившим возможность размещения на территории Свердловской области вражеских военнопленных, явилось геополитическое расположение региона. В течение всей войны Урал находился достаточно далеко от фронтовой полосы, превратившись в глубокий тыл. Поэтому он был принимающей территорией как для гражданского населения СССР, эвакуированного с запада страны, так и для военнослужащих армий противника, захваченных в плен. Необходимость же отправки на Урал десятков тысяч иностранных военнопленных во многом определялась превращением региона в годы войны в главную промышленную базу советского тыла. В условиях дефицита трудовых ресурсов, вызванного уходом на фронт значительной части трудоспособного мужского населения и перебазированием на Урал промышленных предприятий из прифронтовой зоны, цель использова-

ния иностранных военнопленных в народном хозяйстве была приоритетной. Поэтому «столичная» для Урала и наиболее развитая в экономическом отношении Свердловская область по сравнению с другими областями и республиками края стала местом развертывания наиболее густой сети лагерных подразделений для пленных иностранцев. Конфигурация системы объектов областного ОПВИ определялась, однако, не только тактикой экстренного насыщения регионального хозяйственного комплекса рабочей силой, но и стратегией отраслевых приоритетов экономики Среднего Урала, несколько различавшихся в военные и послевоенные годы.

Второе. Численность пребывавших на территории Среднего Урала иностранных военнопленных достигла своих максимальных цифр в 1946 г., составив на 1 января 82 270 чел.¹ Обнаруженные сведения позволяют утверждать, что среди причин, оказывавших влияние на динамику численности военнопленных, роль главной играли постоянные переброски вражеских военнослужащих в рамках системы УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Только второе место в этом ряду занимала депатриация, традиционно считающаяся приоритетным фактором.

Наиболее масштабные перемещения военнопленных имели место в 1945 и 1947 гг. После 1949 г., то есть депатриации большинства вражеских военнослужащих и перевода оставшихся в категорию военных преступников, также наблюдалось движение значительных потоков военнопленных, хотя доступные на сегодняшний день источники не позволяют точно определить их количественные характеристики. В любом случае принципиально важным для анализа тенденций мобильности военнопленных остается тот факт, что сталинская миграционная политика всегда исходила из планового и централизованного регулирования как внутренних, так и внешних перемещений граждан.

Состав военнопленных лагерей Свердловской области поражает своим многообразием и широтой: в числе узников областного ОПВИ оказались военнослужащие всех воевавших против СССР армий, воинских званий, родов войск и возможных возрастных групп, в совокупности представлявших собой пестрый этнический конгломерат из более чем 30 национальностей. При анализе качественного состава пленных обращает на себя внимание то обстоятельство, что в основном это были немцы, румыны и венгры (более

¹ РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.15.

92%). Насколько многочисленными среди пленных были японцы, точно установить не удалось. Имеющиеся данные дают основания полагать, что их удельный вес в общем количестве узников областного ОПВИ был невелик. В этой связи национальный состав военнопленных лагерей Свердловской области отличался от этого же показателя по СССР в целом, поскольку среди всех подопечных УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД второе по численности место после немцев прочно удерживали японцы.

Третье. Анализ источников о пребывании вражеских военнослужащих на Среднем Урале показывает, что при интеграции пленных иностранцев в структуру так называемых «спецконтингентов» воспроизводились технологически уже отработанные в практике ГУЛАГа организационные и управлеченческие модели. Типичность институциональной природы ГУЛАГа и ГУПВИ нашла свое отражение в том, что и советские заключенные, и иностранные военнопленные, безусловно, ощутили на себе девальвацию человеческой жизни как самоценности, которая, будучи исключительной чертой сталинской эпохи в целом, особенно ярко проявилась в военные годы. Однако состояние предельного психоэмоционального и физического напряжения переживали не только пленные солдаты и офицеры противника. Во время, когда приоритет был отдан всемерному обеспечению армии и фронта, в близких к экстремальным условиях оказалось и подавляющее большинство гражданского населения страны в целом и Уральского региона в частности.

Обстановка военного времени явно не благоприятствовала решению социальных задач, скорее, наоборот. Было бы ошибкой полагать, что ситуация коренным образом изменилась сразу после окончания войны. Источники свидетельствуют, что материально-бытовое положение военнопленных в лагерях Свердловской области оставалось тяжелым вплоть до последней трети 1940-х гг. Однако нельзя не заметить тенденцию к его явному улучшению, обусловленную в первую очередь нормализацией продовольственного и медицинского обеспечения узников областного ОПВИ. В свою очередь нормализация эта была связана, с одной стороны, с неоднократными изменениями в сторону повышения норм питания, с другой – с преодолением организационной неразберихи в работе снабженческих служб лагерей и налаживанием бесперебойной доставки всех положенных военнопленным продуктов на лагерный стол. И то и другое стало возможным с постепенным разрешением тяжелых экономических проблем, вызванных войной.

Правомерность приведенных выводов подтверждается и явным сокращением числа ослабленных и больных военнопленных, а также падением смертности в лагерях Свердловской области. Важно отметить, что объективное состояние источниковой базы не позволяет точно определить количество скончавшихся в лагерях Среднего Урала военнослужащих армий противника. Между тем удалось установить, что в лагерях Среднего Урала в 1945–1950 гг. скончались 11 303 чел., или около 4,5% общего числа всех узников областного ОПВИ².

Архивные документы указывают на безусловную взаимосвязь и взаимоположенность физического состояния военнопленных и уровня обеспечения их минимальных потребностей. В соответствии с этой логикой заболеваемость и смертность среди узников областного ОПВИ была наибольшей в воинский период, наименьший – в 1950-х гг. При анализе проблемы с очевидностью обнаружилось, что на фоне постепенной стабилизации физических кондиций пленных среди причин их заболеваемости и смертности неуклонно снижается удельный вес «социальных» болезней, связанных с отсутствием нормальных условий содержания и обеспечения.

Абстрагируясь от региональной специфики, нельзя не отметить, что, в отличие от полуголодных и нещадно эксплуатируемых контингентов ГУЛАГа, иностранные военнопленные были защищены нормами международного гуманитарного права. И если сотрудники аппаратов лагерей имели крайне смутное представление о Гаагской 1907 г. и Женевской 1929 г. конвенциях, то в Москве об их существовании, безусловно, помнили. При всех попытках советского руководства подчеркнуть свое особое место в системе международных отношений, миропорядка в целом, СССР, будучи частью этой системы, не мог не считаться с принятыми в цивилизованном мире принципами и установками. Позиционируя себя как самое прогрессивное и демократическое государство, Советский Союз — на примере вражеских солдат и офицеров и непосредственно через них — стремился доказать всему мировому сообществу превимущества социалистической системы, создавая в местах возвращения военнопленных по возможности оптимальные условия жизни заключенных или хотя бы их иллюзию. При неоспоримой схожести системообразующих признаков ГУЛАГа и УПВИ–ГУПВИ сам факт организации для пленных иностранцев

² РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.15.

альтернативной сети лагерей свидетельствует, что в Кремле вражеские солдаты и офицеры рассматривались как иная, отдельная категория «спецконтингента» со специфическими статусно-правовыми характеристиками.

Четвертое. Пребывание на Среднем Урале так называемых военных преступников из числа военнопленных следует рассматривать как целостный, но противоречивый феномен. Советское правительство, учитывая, что на временно оккупированной территории СССР военнослужащими войск противника совершались зверства и злодеяния, инициировало процесс массового выявления военных преступников и их пособников. Опыт этой работы без преувеличения можно назвать уникальным, поскольку реализация дел о военных преступлениях шла в обратном направлении, то есть исходя из теоретического предположения о наличии среди иностранных военнопленных определенного количества военных преступников.

Установка на «несомненную виновность» во многом способствовала тому, что политика в отношении иностранцев в конечном итоге приобретает репрессивный характер. Юридическим последствием этого стала развернувшаяся в последние годы работа по реабилитации незаконно осужденных вражеских солдат и офицеров. Мысль эта кажется заслуживающей внимания и не лишена исторической перспективы прежде всего потому, что обнаруженные материалы о судебном преследовании военнопленных лагерей Свердловской области представляются вполне репрезентативными. В 1949–1956 гг. здесь функционировал лагерь № 476 для военных преступников МВД СССР, самый крупный из 11 подобных лагерей Советского Союза. Его узниками оказалась если не треть, то, по крайней мере, четвертая часть вражеских военнослужащих, осужденных в СССР за совершение:

- военных преступлений – по Указу Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников»;

- государственных преступлений – по ст. 58 УК РСФСР;

- имущественных преступлений – по Указу Президиума Верховного совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении ответственности за хищение социалистической и индивидуальной собственности граждан».

Можно считать установленным, что в числе узников лагеря № 476 была заметной долей тех военнопленных, при осуждении которых: во-первых, в качестве основания осуждения выступало на-

циональное законодательство, чье соответствие нормам международного права вызывает некоторые сомнения; во-вторых, широко использовался формальный принцип с обвинительным уклоном, не предполагавший доказательства конкретной вины каждого обвиняемого; в-третьих, были нарушены элементарные процессуальные нормы. Сам за себя говорит факт привлечения узников лагеря № 476 к ответственности по ст. 58 УК РСФСР, считающейся базовой в репрессивном советском законодательстве. В этом смысле основания и механизм уголовного преследования иностранных военнопленных Второй мировой войны мало чем отличались от оснований и механизма уголовного преследования советских граждан. В целом они были идентичны, что серьезно осложняет работу современных исследователей по выявлению истинных преступников и жертв войны.

Пятое. Режим содержания осужденных военнопленных, лишенных своего статуса, был изменен в сторону ужесточения. Материалы по лагерю № 476 свидетельствуют, что ужесточение отразилось главным образом на обеспечении военнопленных и организаций их трудового использования. Следует, однако, указать, что унификация норм снабжения военных преступников и их использование на самых тяжелых участках работ не повлекли за собой явного ухудшения их материально-бытового положения. Но связано это было не с нацеленностью советского руководства на создание сносных условий существования для осужденных пленных, а прежде всего с преодолением к концу 1940-х – началу 1950-х гг. негативных последствий войны.

Шестое. Проведенное исследование показало, что Свердловская область стала местом депатриации последних иностранных военнопленных из СССР. Особенно важно подчеркнуть, что анализ организаций и темпов депатриации военнопленных представляется полноценным только при их рассмотрении в контексте политики СССР на международной арене. Именно политическая конъюнктура, ее деформации и трансформации оказались детерминирующими факторами при решении вопроса об освобождении последних узников войны.

Обращение к конкретно-историческим аспектам темы позволяет выявить некоторые особенности депатриации, характеризующие ее с разных сторон. Во-первых, в событиях, происходивших в лагере № 476 в конце 1955 – начале 1956 г., можно выделить в самостоятельный процесс: а) депатриацию граждан Австрии, б)

граждан ГДР и ФРГ, в) граждан Венгрии и Румынии. При этом Средний Урал стал местом отправки на родину более 70% немцев, покинувших Советский Союз в тот период. Выбор лагеря № 476 в качестве пункта формирования эшелонов с отправляемыми на родину гражданами ГДР и ФРГ был не случаен. Здесь изначально было сконцентрировано значительное количество немецких военнопленных. В то же время, будучи самым крупным в стране, лагерь № 476 идеально подходил на роль сборного пункта для нескольких тысяч иностранцев. Во-вторых, депатриация иностранных военнопленных лагеря № 476 в свете имеющихся источников предстает одновременно как освобождение амнистированных вражеских военнослужащих и как передача определенной их части для дальнейшего отбывания наказания в качестве военных преступников. Документы, однако, свидетельствуют, что количество последних было незначительным — 980 чел. из 8546 иностранцев, покинувших лагерь № 476 в 1955–1956 гг., или 11,5%³.

Седьмое. Особенностью использования иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале как рабочей силы явилось прежде всего то, что сектор принудительного труда пленных энергично формировался отнюдь не в послевоенные годы, как это принято считать. Вражеские военнослужащие широко использовались для выполнения обширных планов срочного возведения и эксплуатации важнейших народно-хозяйственных объектов уже с 1942 г. Другой особенностью является то, что военнопленные в подавляющем большинстве трудились не на объектах НКВД-МВД, а на так называемых контрагентских работах (или работах ходорганов), то есть на предприятиях и стройках других наркоматов и министерств. Весь же труда иностранных военнослужащих в экономике НКВД, в отличие от труда заключенных ГУЛАГа, был невелик. Возможность практически беспрепятственной эксплуатации военнопленных, их быстрой переброски с объекта на объект высоко ценилась хозяйственными руководителями, несмотря на то, что эффективность труда вражеских солдат и офицеров уступала производственным показателям вольнонаемных рабочих. Ориентация лагерей военнопленных Свердловской области на обслуживание преимущественно контрагентских работ таила в себе еще одно противоречие. Будучи, казалось бы, монопольным владельцем находящихся в его ведении людских ресурсов, в частности повер-

³ Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.30, 31, 32.

женных неприятельских военнослужащих, НКВД-МВД ССР не могло распоряжаться ими беспрепятственно и только формально обладало правом отзывать военнопленных с тех объектов, где их физическое сохранение было затруднено. Ситуация, когда материально-бытовое и медицинское обеспечение, охрана и администрирование трудового фонда лагерей УПВИ-ГУПВИ возлагались на одно ведомство, а все остальные при минимуме издержек лишь конвертировали накопленный органами внутренних дел человеческий капитал в материальные блага, никак не способствовала рационализации использования несвободных работников и всей системы их содержания.

Восьмое. Определяя степень доходности лагерей военнопленных Свердловской области и, в конечном итоге, рентабельность труда их заключенных, необходимо оговориться, что речь здесь может идти лишь о приблизительной оценке.

Во-первых, проблематично выявить все области эксплуатации пленных. К примеру, остаются неизвестными данные о деятельности иностранных ученых и инженеров в так называемых «шарашках».

Во-вторых, по многим параметрам производственную деятельность лагерей военнопленных сложно сопоставить с деятельностью обычных хозяйственных органов: военнопленные использовались обычно в наиболее трудоемких процессах, нередко в условиях, близких к экстремальным. Это замечание касается прежде всего строительства, лесозаготовок, горно-добывающей, металлообрабатывающей промышленности и в целом тяжелой индустрии – ведущих отраслей приложения труда военнопленных.

Больше того, обнаруженные источники содержат далеко не все необходимые для объективной оценки труда военнопленных экономические индексы: в частности, представляется сложным точно определить производительность труда военнопленных, не располагая сведениями о выходе чистой продукции. Но даже при их наличии следует помнить, что стоимость продукта, произведенного режимным сегментом советской экономики, бюрократы от официальной статистики могли намеренно занижать, дабы минимизировать заработную плату подневольной категории трудящихся. В этой связи условием успешного продолжения научного поиска в данном направлении становится не столько сбор дополнительных цифровых показателей трудоиспользования пленных

иностранцев, сколько выработка специальной методики их адекватного прочтения и толкования.

Таким образом, в свете достигнутых результатов пребывание иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале в 1942–1956 гг. представляет собой *сложную и противоречивую картину*. Однако фрагменты этой картины четко сочленены в соответствии с *определенной внутренней логикой* – отношением Советского государства к оказавшимся в его власти вражеским военнослужащим, изменениями, которое это отношение претерпевало, и формами, в которых оно выражалось на местах. Складывалась эта логика сразу из нескольких компонентов – права, политики и экономики. В зависимости от того, какому из названных компонентов в тот или иной период отдавалось предпочтение, *от выстраивания той или иной последовательности приоритетов* и зависели судьбы пребывавших на Среднем Урале 250 тыс. иностранных военнопленных Второй мировой войны. Думается, что к любым однозначным оценкам в данном случае следует относиться критически, поскольку они вряд ли позволяют дать объективный анализ проблемы военного плена как одной из самых трагических и до конца еще не изученных страниц истории Второй мировой войны.

Список аббревиатур

- АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика.
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.
БАМ – Байкало-Амурская магистраль.
ВК – вспомогательная команда.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВС СССР – Верховный Совет СССР.
ВТ – Военный Трибунал.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ГВИУ КА – Главное военно-инженерное управление Красной Армии.
ГКО – Государственный Комитет Обороны.
ГЛТ – годный к легкому труду.
ГСТ – годный к среднему труду.
ГТТ – годный к тяжелому труду.
ГУЛАГ – Главное управление лагерей.
ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь.
ИЦ ГУВД по СО – Информационный центр Главного управления внутренних дел по Свердловской области.
КС – команда самоохраны.
МВД – Министерство внутренних дел.
МВС – Министерство Вооруженных сил.
МВТ – Международный Военный Трибунал.
МГБ – Министерство государственной безопасности.
МИД – Министерство иностранных дел.
МККК – Международный Комитет Красного Креста.
МЛП – Министерство лесной промышленности.
ММП – Министерство metallurgической промышленности.
МПС – Министерство путей сообщения.
МПСМ – Министерство промышленности строительных материалов.
МУП – Министерство угольной промышленности.
МЭС – Министерство электростанций.

НАТО – Организация Североатлантического Договора, военно-политический союз.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел.

НКО – Народный комиссариат обороны.

НКСГ – Национальный Комитет «Свободная Германия».

ОКВ – (нем. OKW, сокр. от Oberkommando der Wehrmacht) Верховное главнокомандование вооруженными силами Германии.

ООН – Организация Объединенных Наций.

ОПВИ – Отдел (отделение) по делам военнопленных и интернированных.

ОРБ – отдельный рабочий батальон.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РТИ – (завод) резинотехнических изделий.

РЦХИДНИ – Российский центр хранения и использования документов новейшей истории.

СД – (нем. SD, сокр. от Sicherheitsdienst) служба безопасности в составе СС.

СНО – Союз немецких офицеров.

СО – Свердловская область.

СС – (нем. SS, сокр. от Schutzstaffeln) охранные отряды Национал-социалистской партии Германии.

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза.

ТРДВ – турбореактивный двигатель с винтом.

ТЭЦ – теплоэлектроцентраль.

УГААО СО – Учреждение Государственный архив административных органов Свердловской области.

УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения.

УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР.

УПВИ – Управление по делам военнопленных и интернированных.

УФСБ РФ по СО – Управление Федеральной службы безопасности по Свердловской области.

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ЦКБ – целлюлозно-бумажный комбинат.

ЦХИДК – Центр хранения и использования документальных коллекций.

ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список опубликованных источников и литературы на русском языке

I. Опубликованные источники:

1. Нормативные документы:

- 1.1. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 года. М., 1932.
- 1.2. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года. М., 1954.
- 1.3. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. М., 1969.
- 1.4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., 1994.
- 1.5. Законы и обычай войны. Важнейшие международные конвенции / Публ. А.П.Павлова. М., 1942.
- 1.6. Коммюнике «О депатриации с территории Советского Союза отбывших сроки наказания, амнистированных и освобожденных досрочно японских военнопленных и гражданских лиц» // Красная звезда. 1953. 20 нояб.
- 1.7. Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М., 1996.
- 1.8. Положение о военнопленных, утверждено Постановлением Совнаркома СССР № 1798–800 от 1 июля 1941 г. / Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 50–54.
- 1.9. Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч.2. Курск, 1999.
- 1.10. Сб. приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных в лагерях НКВД. М., 1945.
- 1.11. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 г. М., 1927.
- 1.12. Указ Президиума Верховного Совета СССР О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских

граждан и их пособников» от 19 апреля 1943 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 17.

2. Документальные публикации:

- 2.1. Бабий Яр под Катынью? / Публ. А.С.Прокопенко и А.С.Сухинина // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 27–34; № 12. С. 30–38; 1991. № 4. С. 79–89.
- 2.2. Берия–Сталину. Создание иностранных спецподразделений в Советской армии // Карта. № 4.
- 2.3. Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии: Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. 1994. № 3. С. 102–107.
- 2.4. *Вартанов В.Н. и др.* Немецкие военнопленные в СССР, 1945–1955 гг. Сб. док. и материалов. Кн.2. М., 2002.
- 2.5. *Вартанов В.Н., Судаков В.В.* Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР. М., 1997.
- 2.6. Венгерские военнопленные в СССР. Док. 1941–1953 годов. М., 2005.
- 2.7. Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы / Под ред. М.М.Загорулько. М., 2000.
- 2.8. Военнопленные в Сталинграде 1943–1954. Док. и материалы / Под ред. М.М.Загорулько. Волгоград, 2003.
- 2.9. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на Родину из СССР (1940–1950-е годы): Док., факты, комментарии / Сост. Н.Бугай, В.Конасов. М., 2001.
- 2.10. «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства». Докладная записка МВД СССР / Публ. Н.Сидорова // Источник. 1999. № 1. С. 84–88.
- 2.11. Военнопленные. *Kriegsgefangene. 1941–1956* // Авт.-сост. Р.А.Черноглазова. Минск, 2003.
- 2.12. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР, 1941–1952: отчетно-информационные док. и материалы / Под ред. М.М.Загорулько. М., 2004.
- 2.13. Документы обвиняют: Сб. материалов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченной ими советской территории. Вып.1. М., 1943.
- 2.14. Документы обвиняют: Сб. материалов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып.2. М., 1945.

- 2.15. Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 87–97.
- 2.16. За антифашистскую демократическую Германию: Сб. док. 1945–1949 гг. М., 1969.
- 2.17. За Германию – против Гитлера: Сб. док. и материалов о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». М., 1993.
- 2.18. Захоронения иностранных военнопленных на территории Красногорского района / Публ. О.Д.Флида, В.А.Всеволодова // Трагедия войны – трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. М., 1999. С. 328–346.
- 2.19. Заявление Паулюса Советскому правительству // Красная звезда. 1953. 1 нояб.
- 2.20. Заявление Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам депатриации // Красная звезда. 1949. 20 мая.
- 2.21. Заявления двух немецких генералов // Красная звезда. 1944. 1 авг.
- 2.22. Зверства немецких захватчиков: Сб. статей, опубликованных в центральных газетах. М., 1947.
- 2.23. Зона милосердия / Публ. В.Б.Конасова и О.А.Богатырь // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 93–96.
- 2.24. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: Док. и материалы / Сост. Н.М.Маркдорф-Сергеева, Р.С.Бикметов. Кемерово, 2002.
- 2.25. Катынь. Март 1940 г.—сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Док. / Сост.: Лебедева Н.С. и др. [Россия], Вошинский Б. и др. [Польша]. М., 2001.
- 2.26. Катынь. Пленники необъявленной войны: Док. и материалы / Под ред. Р.Г.Пихой. М., 1997.
- 2.27. Катынь: Свидетельства, воспоминания, публицистика / Пер. с пол.: Старосельская К., Ларин С. М., 2001.
- 2.28. К вопросу о депатриации немецких военнопленных // Красная звезда. 1949. 30 янв.
- 2.29. Киевский «марш» немецких военнопленных: Док. «Особой папки» И.В.Сталина. 1944 / Публ. М.А.Выцлана // Исторический архив. 1997. № 1. С. 66–68.
- 2.30. **Конасов В.Б., Судаков В.В.**Пока не похоронен последний солдат: Очерки и док. Вологда–Москва, 1997.

- 2.31. **Конасов В.Б., Петелин В.Б.** Сопротивление и плен: Док. и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР, 1933–1955 гг. Вологда, 2000.
- 2.32. «Конвоирование начато в 11 часов утра» // Источник. 1995. № 2. С. 135–139.
- 2.33. К образованию Национального комитета «Свободная Германия» // Война и рабочий класс. 1943. № 56. С. 6–8.
- 2.34. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.
- 2.35. «Мы здесь гости Рокоссовского». Контрразведчик о жизни Паулюса в плену // Источник. 1995. № 2. С. 123–130.
- 2.36. Немецкие военнопленные в СССР // СССР и германский вопрос: 1941–1949 гг.: Док. из Архива внешней политики Российской Федерации. Т.2. 9 мая 1945 г.–3 октября 1946 г./Сост. Г.Кынин и И.Лауфер. М., 2000. С. 85–86.
- 2.37. Немцы на улицах Москвы: год 1944-й / Публ. Ю.М.Дягтерева // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 39–48.
- 2.38. Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса / Ред. и авт. предисл. Л.Н.Смирнов. М., 1984.
- 2.39. Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР: Пленный немецкий генерал в послевоенной ситуации / Публ. Л.Бабиченко // Источник. 1996. № 1. С. 51–59.
- 2.40. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1957–1961.
- 2.41. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 2 т. / Под ред. К.П.Горшенина. М., 1952.
- 2.42. Обвинительное заключение и приговор, по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Вильнюс, 1946.
- 2.43. «Организовали экскурсии военнопленных немцев» / Публ. М.Леушина // Источник. 1997. № 2. С. 84–85.
- 2.44. Первая конференция пленных младших командиров немецкой армии // Правда. 1942. 19 марта.
- 2.45. Пересмотрены приговоры в отношении иностранцев // Источник. 1994. № 4. С. 108–112.
- 2.46. Последние пленники Второй мировой войны: Док. из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных / Публ. А.М.Петрова // Исторический архив. 1993. № 1. С. 68–78.

- 2.47. Пребывание немецких военнопленных в госпиталях Вологодской области в 1944–1947 гг. / Публ. О.А.Богатырь // Историческое красведение и архивы: Материалы IV научно-практич. конф. Вып.4. Вологда, 1997. С. 30–37.
- 2.48. *Ромашкин П.С.* Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны / Предисл. А.Н.Трайнина. М., 1949.
- 2.49. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: Нормативные документы. / Под ред. В.А.Золотарева. Т.24(13–1). М., 1996.
- 2.50. Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР: Док. и материалы. 1941–1945 гг. / Под ред. В.А.Золотарева. Т.24 (13–2). Кн.1. М., 1999.
- 2.51. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.
- 2.52. Секретные документы из «особых папок» // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–22.
- 2.53. Смерш: Исторические очерки и архивные док. / Редкол.: А.Г.Безверхний (гл. ред.) и др. М., 2003.
- 2.54. Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. док. В 6-и т. / Гл. ред. комис. А.А.Громыко. М., 1984.
- 2.55. Союз немецких офицеров. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте 1943–1945 / Публ. Л.Решина // Источник. 1993. № 10. С. 86–106.
- 2.56. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сб. док. и ст. / Пол ред. С.В.Мироненко. М., 2001.
- 2.57. Сражались за Родину: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в документах / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 2000.
- 2.58. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Док. из архива внешней политики Российской Федерации. Т.1. СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 – 8 мая 1945 г. М., 1996.
- 2.59. Судебные процессы о злодяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. М., 1946.
- 2.60. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М., 1943.

2.61. Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 г. / Пер. с нем. М., 1964.

2.62. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР: Стено-графический отчет. Минск, 1947.

2.63. Что говорят пленные немецкие, румынские и финские солдаты о войне с Советским Союзом: По материалам нашей печати. Севастополь, 1941.

2.64. Чтобы выжить! Творчество военнопленных, 1942–1950: [Альбом] / Сост. И.П.Кузмичева. М., 2000.

3. Мемуары и дневники:

3.1. *Адам А.А.* Трудное решение: Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1967.

3.2. *Айнзидель Г.* Бисмарк на Востоке // Независимая газета. 2000, 11 апр.

3.3. *Архипова А.* Пленные // Независимая Молдова. 2001. 25 мая.

3.4. *Бертельсманн Ю.* «На той и другой стороне – люди...» Война глазами немецкого солдата // Карта. № 10–11.

3.5. *Биркемайер В.* Оазис человечности 7280/1. Воспоминания немецкого военнопленного. М., 2005.

3.6. *Бланк А.С.* Несколько месяцев в Суздале // Новый мир. 1968, № 3. С. 70–86.

3.7. *Он же.* Пленники Сталинграда // Новый мир. 1983. № 1–12.

3.8. *Бурцев М.И.* Особый фронт. М., 1986.

3.9. *Он же.* Прозрение. М., 1981.

3.10. *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: Записки бывшего офицера вермахта. М., 1965.

3.11. *Вернхард Р.Кренер.* Сталинград и тотальная война 1942–1943 гг. М., 1996.

3.12. *Видер И.* Катастрофа на Волге: Воспоминания офицера разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965.

3.13. *Вольф В.* На стоянке Красной Армии: К деятельности Национального комитета «Свободная Германия» на советско-германском фронте с 1943 по 1945 год. М., 1976.

- 3.14. *Он же*. О деятельности Национального комитета Свободная Германия на советско-германском фронте // Военно-исторический журнал. 1983. № 7. С. 81–86.
- 3.15. Вспоминают очевидцы // Международное общество прав человека. Уральская группа. Специальный вып. 1992. Июнь. С. 25–32.
- 3.16. В русском плену / Публ. С.В.Горбачевой // Архивы Челябинска. 2003. № 1. С. 195–204.
- 3.17. *Геродник Г.* Восточные университеты // Новый мир. 1977. № 7. С. 189–217; № 8. С. 196–223.
- 3.18. Граф Генрих Айнзидель / Публ. В.Б.Конасова, В.А.Всеволодова // Новый Часовой. 1996. № 4. С. 246–249.
- 3.19. *Григорьев Г.* Мы давали клятву // Вечерний Первоуральск. 1992. № 5.
- 3.20. *Доиков Ю.* Под небом Мюнхена вздыхают об Архангельске // Архангельск. 1999. 21 янв.
- 3.21. *Егоров М.* Бунт генералов // Уральский рабочий (Екатеринбург). 1992. 7 апр.
- 3.22. *“сида Юкио*. Три года в японском плену: Сказание бывшего военнопленного сержанта японской армии. Зеленогорск, 2000.
- 3.23. *Запп Ф.* Сталинградский пленник 1943–1946. М., 1998.
- 3.24. Из личного архива фельдмаршала Паулюса // Военно-исторический журнал. 1960. № 2. С.81–95; № 3. С.89–98.
- 3.25. Из личного архива фельдмаршала Паулюса // Сталинград: Уроки истории: Воспоминания участников битвы / Под общ. ред. В.И.Чуйкова. М., 1980. С. 270–312.
- 3.26. Исторические свидетельства иностранцев о Европейском Севере. Тетрадь первая: Из записок немецкого военнопленного (1944–1948 гг.) / Пер. с нем. Вологда, 1999.
- 3.27. *Казак В.* «Близость к русским началась у меня в плену» // Нева. 2001. № 3. С. 160–169.
- 3.28. *Като Кюдзо*. Сибирь в сердце японца. Новосибирск, 1992.
- 3.29. *Крайнюков А.В.* Оружие особого рода. М., 1977.
- 3.30. *Клингенберг О.* Я ишу вас, доктор! // Международное общество прав человека. Уральская группа. Специальный вып. 1992. Июнь. С. 23–24.
- 3.31. *Краузе Г.* Пятилетка в советском плену // Карта. № 4.
- 3.32. *Мариан Б.* Там, за рекой, в тени воспоминаний // Независимая Молдова. 2001. 30 марта.

- 3.33. **Мишин С.** Фритц вспоминает минувшие дни // Комсомольская правда. 1993. 20 мая.
- 3.34. **Мюллер В.** «Я нашел подлинную Родину». М., 1965.
- 3.35. **Нилов Е.Г.** Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 137–145.
- 3.36. **Оттме Х.Ю.** В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь–ноябрь 1943 г.: Из воспоминаний летчика Люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 226–231.
- 3.37. **Он же.** Сбили!: Из воспоминаний летчика Люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый часовой. 1997. № 5. С. 275–287.
- 3.38. **Петерсхаген Р.** Мятежная совесть. М., 1958.
- 3.39. Печальные японские военнопленные были в СССР. Боеевые друзья плачут под мерзлой землей / Сб. картин. Б/м, 1995.
- 3.40. **Плева Н.** В русском плену: Воспоминания // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 167–185.
- 3.41. **Подольный И.А.** Адвокатский вопрос // Подольный И.А. Школы моей жизни: Из записок счастливого человека. Вологда, 1996. С. 43–46.
- 3.42. **Пузырев Н.И.** Военнопленные генералы: Записки советского офицера // Волга. 1981. № 4–5.
- 3.43. **Рюле О.** Исцеление в Елабуге: Мемуары. М., 1969.
- 3.44. **Святек Р.** Катынский лес / Публ. В.Ф.Петрова // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 26–29; № 9. С. 68–78.
- 3.45. **Такасуги Итиро.** Во тьме под северным сиянием // Знакомьтесь – Япония. 1993. № 1–4.
- 3.46. **Он же.** Путешествие в тайгу // Карта. № 10–11.
- 3.47. Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е – 80-е гг.) / Сост. и ред. Т.Тигонен. Л.; СПб., 1991–1994.
- 3.48. **Федерт Х.** Приключения в русском плену // Нева. 1992. № 9. С. 265–274.
- 3.49. **Хендрикс И.** Лагерные «призраки» // Российские вести. 2000. 23–30 авг.
- 3.50. **Он же.** Часы: Документальная повесть из жизни военнопленного немецкогоunter-офицера / Пер. с нем. Н.Михалковой. М., 2001.
- 3.51. **Царфис П.Г.** Приметы нового // Царфис П.Г. Записки военного врача. М., 1984. С. 118–124.

- 3.52. *Шалов Х.* Мне снится земля, где я был заключенным / / Комсомольская правда. 1991. 27 нояб.
- 3.53. *Шиппманн Г.* Мой путь в рязанский плен // Кarta. № 1.
- 3.54. *Штейдле Л.* Агония между Дмитриевкой и Алексеевской // Сталинград: Уроки истории: Воспоминания участников битвы / Под общ. ред. В.И.Чуйкова. М., 1980. С. 349–403.
- 3.55. *Он же.* От Волги до Веймара. М., 1973.
- 3.56. *Штильмарк Р.А.* Страна Лимония // Штильмарк Р.А. Падшие ангелы / Ред. Е.Р.Радюш-Штильмарк. Душанбе, 1992. С. 370–433.
- 3.57. *Штраус Ф.* Воспоминания. М., 1980.
- 3.58. «Я знал поляков, якобы расстрелянных в Катыни» // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 90–92.
- 3.59. *Ямасита Сидзую.* За мир! Документальные зарисовки одного японского солдата. Рассказ о Сибири. Тиба, 1993.

II. Специальная литература:

1. *Абаринов В.К.* Катынский лабиринт. М., 1991.
2. *Айнзидель фон Г.* Национальный комитет – 50 лет спустя // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. Красногорск, 1996. С. 16–31.
3. *Алексеев Н.С.* Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М., 1986.
4. *Он же.* Ответственность нацистских преступников. М., 1968.
5. *Арнольд С.Р.* Музей немецких антифашистов в Красногорске (От верности идеям к исторической достоверности) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. Красногорск, 1996. С. 172–184.
6. *Бабиченко Л.Г.* Антифашистские школы и курсы немецких военнопленных в СССР – система подготовки актива движения «Свободная Германия». Кузница кадров для будущей ГДР // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 59–68.
7. *Он же.* О становлении и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Мифы и реальность // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 71–84.
8. *Он же.* Открытие музея немецких антифашистов в г. Красногорске // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 207–209.

9. *Он же.* Отражение проблем истории создания Национального комитета «Свободная Германия» в документах Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории // НКСГ – 50 лет: Сб. материалов Российско-германской научно-практич. конф. Красногорск, 1994. С. 73–74.
10. *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997.
11. *Базаров О., Кузнецов С.* В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири). Улан-Удэ, 1994.
12. *Они же.* Японские военнопленные в Сибири (1945–1956 гг.) (источниковедческий аспект) // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории: Тез. докл. Иркутск, 1994. С. 133–136.
13. *Бакаев Н.М.* Военнопленные // Мордовия: Энцикл.: В 2-х т. Т. 1: А–М. Саранск, 2004. С. 211–212.
14. *Баранова И.Д.* Обзор документальных материалов Центрального музея Вооруженных Сил о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. научно-практич. конф.: В 2 ч. Вологда, 1997. Ч.1. С. 119–124.
15. *Она же.* Обзор документальных материалов Центрального музея Вооруженных сил о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 165–170.
16. *Баранова Н.В.* К истории антифашисткой и оперативно-розыскной работы в советских лагерях военнопленных (1944–1949) // Российский исторический журнал. 1998. № 4. С. 18–22.
17. *Она же.* Немецкие военнопленные в Ярославской области (Их участие в восстановительных работах и реконверсии промышленности) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 226–230.
18. *Она же.* Советская медицина и немецкие военнопленные (1944–1949 гг.) // Вестн. Верхневолжского отделения Академии военно-исторических наук. Материалы науч. конф. Ярославль, 2000.
19. *Баранова Н.В., Ерин М.Е.* Немецкие военнопленные в Ярославской области // Отечественная история. 1995. № 6. С. 133–142.

20. *Безбородова И.В.* Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М., 1998.
21. *Она же.* Дела персонального учета иностранных военнопленных как исторический источник о деятельности УПВИ НКВД-МВД СССР // Вестн. архивиста. 1997. № 1. С. 78–82.
22. *Она же.* Деятельность Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР по организации депатриации в 1947–1950 гг. // Социальные проблемы в истории Отечества. М., 1997. Вып. 1. С. 83–94.
23. *Она же.* Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1944–1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165–173.
24. *Она же.* Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного пленя... Ч. 2. С. 50–58.
25. *Безрукова Л.* Не будем с вами удивляться... (По материалам альбомов военнопленных из Германии) // Преступление и наказание. 1992. № 6. С. 24–27.
26. *Безыменский Л.* Военный преступник или военнопленный // Советский Союз сегодня. 1990. № 10.
27. *Он же.* Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1961.
28. *Он же.* История одной «Истории» // Новое время. 1976. № 5. С. 12–13.
29. *Он же.* Приговор остается в силе? // Новое время. 1994. № 5. С. 12–13.
30. *Он же.* Чужая нога в архиве // Новое время. 1992. № 43. С. 14–15.
31. *Бем В.* Судьба кладбищ немецких военнопленных // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий. СПб., 1993. С. 149–170.
32. *Берников Н.Н.* За объективность и историческую точность // Трагедия пленца: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 183–193.
33. *Он же.* Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // «За Германию – против Гитлера!»: Док. и материалы о создании и деятельности

Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. С. 16–26.

34. *Он же*. Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и его место в движении Сопротивления гитлеризму // НКСГ – 50 лет... С. 166–174.

35. *Он же*. Пропагандистская деятельность НКСГ и СНО и их сотрудничество с политорганами Красной Армии во время войны в 1943–1945 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 104–111.

36. *Бикметов Р.С.* Под конвоем в шахту: спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х — середина 1950-х гг.). Кемерово, 2002.

37. *Он же*. Трудоиспользование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г. – август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тез. докл. участников Междунар. науч. конф. Кемерово, 2000. С. 34–35.

38. *Бикметов Р.С., Маркдорф Н.М.* Антифашистское движение военнопленных в Кузбассе в послевоенные годы // Новос в развитии исторического краеведения и регионального музееведения: Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Ново-кузнецк, 2003. С. 100–104.

39. *Бланк А.С.* Движение «Свободная Германия» и Коммунистическая партия Германии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 130–142.

40. *Он же*. НКСГ – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.). Вологда, 1963.

41. *Он же*. «Мученик плены» и теория «контрсчета» // Бланк А.С. Неонацизм – реваншизм: Мифы «психологической войны». М., 1985. С. 111–131.

42. *Он же*. Прозрение фельдмаршала Паулюса // Волга. 1976. № 2. С. 114–151.

43. *Бланк А., Левель Б.* Наша цель – Свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943–1945 гг.). М., 1969.

44. *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

45. **Бобренев В., Рязанцев В.** Варсанофьевские призраки // Родина. 1995. № 11. С. 52–57.
46. **Боже Н.М.** Восннопленных труд // Челябинск: Энцикл. Челябинск, 2001. С. 153.
47. **Боженко А.М.** Черная книга о преступлениях империализма. М., 1968.
48. **Бондаренко Е.Ю.** Военнопленные...: Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР на Дальнем Востоке России (30–50-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2003 № 4. С. 52–61.
49. **Она же.** Долгое возвращение из плена (К истории репатриации японских военнопленных из СССР) // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 102–107.
50. **Она же.** «Жестокий русский плен»? (Свидетельствуют японцы) // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 101–103.
51. **Она же.** Судьбы пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948–1949 гг.) // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 117–123.
52. **Она же.** «Школы коммунизма» для японских военнопленных // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 133–140.
53. **Она же.** Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997.
54. **Она же.** Японские военнопленные на территории советского Приморья в послевоенные годы // Рациональное использование биоресурсов Тихого океана: Тез. докл. Всесоюз. конф. Уссурийск, 1992. С. 55–58.
55. **Борисова Т.В.** Чрезвычайная государственная комиссия в 1942–1951 гг. М., 1986.
56. **Борозняк А.И.** Антифашистское движение Сопротивления: научное наследие А.С. Бланка и современные дискуссии в ФРГ // Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны: Тез. российской научно-практич. конф. Вологда, 1995. С. 16–19.
57. **Она же.** Генерал-фельдмаршал Паульс: «Покончить с войной и насилием!» // Нестор: Историко-культурные исследования. Вып.2. Воронеж, 1993. С. 127–134.
58. **Она же.** Генерал-фельдмаршал Фридрих Паульс: эволюция мировоззрения // НКСГ – 50 лет... С. 75–80.

59. *Он же.* История движения «Свободная Германия» в трактовках российских и германских исследователей // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 74–80.
60. *Он же.* Российская историография НКСГ // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. М., 1997. С. 43–48.
61. *Он же.* Советская и российская историография о НКСГ и СНО. 1943–1993 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 168–171.
62. *Борозняк А.И., Смирнов Д.А.* Вклад Берлинского мемориального центра «Германское сопротивление» в изучение истории Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров // Трагедия войны – трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. М.–Красногорск, 1999. С. 202–210.
63. *Бродский Е.А.* Генералы против Гитлера. Красногорск, 1996.
64. *Он же.* Это известно немногим. Красногорск, 1996.
65. *Бугаенко А.* Японские военнопленные наконец-то возвращаются на родину // Япония сегодня. 2001. Январь.
66. *Бугай Н.* Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы // Обозреватель. 1996. № 3.
67. *Буддис М.* Правосудие победителей. Нюрнбергский процесс: свет и тени // Родина. 1995. № 5. С. 74–79.
68. *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Опыт следования законам и обычаям войны при медицинском обслуживании раненых и больных немецких военнопленных в период Второй мировой войны // Трагедия войны – трагедия плены... С. 58–62.
69. *Букин С.С.* Воспоминания немецких военнопленных о Сибири как исторический источник // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 194–197.
70. *Он же.* Воспоминания немецких военнопленных о Сибири как исторический источник // Сибирь на рубеже XIX–XX веков: Межвузовский сб. науч. работ Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 1997. С. 98–102.
71. *Он же.* В чужой земле. Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000.
72. *Он же.* Живые и мертвые // Панорама. 1995. № 2. С. 13–14.

73. *Он же.* Захоронения военнопленных в Новосибирской области // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX): Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 192–205.
74. *Он же.* Иностранные военнопленные в Сибири: проблемы изучения // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 243–247.
75. *Он же.* Лагеря для военнопленных и интернированных в Сибири (1943–1949 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 166–169.
76. *Он же.* На, Фриц, закури! Немецкие военнопленные в российской глубинке // Родина. 1998. № 1. С. 88–91.
77. *Он же.* Немецкие военнопленные в российской провинции: впечатления о пережитом // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып.2. Новосибирск, 2000. С. 144–151.
78. *Он же.* Немецкие военнопленные в СССР // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: Материалы науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 275–280.
79. *Он же.* Немецкие военнопленные на советских предприятиях // ЭКО. 1999. № 1. С. 132–142.
80. *Он же.* Немецкие военнопленные о жизни в России // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Ч.3. Вологда, 2000. С. 255–263.
81. *Он же.* Норильское восстание 1953 г.: версия немецких военнопленных // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып.3. Новосибирск, 1997. С. 114–126.
82. *Он же.* Роль военнопленных в социально-экономическом развитии Западной Сибири (1943–1949 гг.) // Память о войне. 55-летию Победы посвящается: Материалы музейных чтений. Сб. статей. Новосибирск, 2000. С. 59–64.
83. *Он же.* Сибирская эпопея немецких военнопленных // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып.1. Новосибирск, 1999. С. 94–107.
84. *Он же.* Сибирские острова архипелага ГУПВИ // Проблемы истории Второй мировой войны: Сб. науч. работ. Вологда, 2000. С. 98–109.
85. *Он же.* Сибирь в воспоминаниях немецких военнопленных Второй мировой войны // Сибирь в истории и культуре зарубежных

стран: Тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. Иркутск, 1998. С. 57–61.

86. **Он же.** Смертность военнопленных в лагерях Сибири в годы Второй мировой войны и послевоенный период // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 167–170.

87. **Он же.** Условия труда и содержания военнопленных в Советском Союзе // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995. С. 257–262.

88. **Букин С.С., Долголюк А.А.** Военнопленные в Сибири: условия лагерного быта // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 220–236.

89. **Они же.** Медицинская помощь военнопленным в сибирских лагерях (1943–1948 гг.) // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 126–142.

90. **Они же.** Продовольственная проблема в сибирских лагерях для военнопленных (1943–1949 гг.) // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX веков: Бахрушинские чтения. Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 131–144.

91. **Они же.** Смертность военнопленных в сибирских лагерях: масштабы и причины (1943–1948 гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 1998. С. 249–262.

92. **Они же.** Трудовое использование военнопленных в Сибири // Из прошлого Сибири. Межвузовский сб. науч. тр. Вып.3. Ч.2. Новосибирск, 1999. С. 106–125.

93. **Они же.** Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–53.

94. **Букин С.С., Перегордова О.Н., Тимошенко А.И.** Труд немецких военнопленных в контексте социально-экономического развития Новосибирска (1944–1948 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы 3-й региональной науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 133–136.

95. **Букин С.С., Тимошенко А.И.** Военнопленные в Новосибирске (1944–1948 гг.) // Левобережье в Новосибирске: Страницы истории. Новосибирск, 1999. С. 190–192.

96. *Булдаков А.А.* Антифашистская деятельность Лутпольда Штайдле // НКСГ – 50 лет... С. 133–134.
97. *Бунгерт Х.* «Сломить волю немцев к сопротивлению» (Англо-американские планы создания немецкого комитета как ответная мера на образование НКСГ) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 46–56.
98. *Бурцев М.И.* Борьба за прозрение // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 71–91; № 5. С. 77–98; № 6. С. 70–92.
99. *Он же.* О влиянии НКСГ на послевоенное развитие Германии // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 31–36.
100. *Васильев В.* По поводу одной фальшивки: о проблеме депатриации военнопленных и перемещенных лиц после Второй мировой войны // Международная жизнь. 1978. № 8. С. 124–128.
101. *Веригин С.Г.* Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 85–91.
102. *Весновская Г.Ф.* О работе Генеральной прокуратуры Российской Федерации по реабилитации российских и иностранных граждан // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 50–58.
103. Вечная память солдатам (японские захоронения в Подмосковье) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 200–201.
104. *Власова И.В.* Документы НКВД о работе с военнопленными противника в годы Великой Отечественной войны // Вестн. архивиста. 1995. № 6. С. 61–67.
105. *Она же.* Эвакуация военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Трагедия войны – трагедия плена... С. 20–24.
106. *Она же.* Эвакуация военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 157–159.
107. Война Германии против Советского Союза (1941–1945): Каталог выставки / Под ред. Р.Рюрупа. Берлин, 1992.
108. Военные преступления: Это надо знать всем / Под ред. Роя Гутмэна, Дэвида Риффа. М., 2001.
109. *Войтенко М.Ф., Грибовская Г.А.* Гуманизм советской воинской медицины // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5. С. 68–71.

110. *Вольф В.* На стороне Красной Армии. К деятельности Национального комитета «Свободная Германия» на советско-германском фронте с 1943 по 1945 гг. / Пер. с нем. М., 1976.
111. *Воронков Ю., Зрелов В., Кувшинов С., Михельс Ю.* Германские авиационные специалисты в СССР. Судьба и работа. 1945–1954. М., 1996.
112. *Всеволодов В.А.* «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД–МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плены... С. 24–58.
113. *Он же.* Военнопленные 1941 года (идеологические, правовые и военные аспекты проблемы) // Проблемы военного плены... Ч. 2. С. 34–44.
114. *Он же.* НКСГ – в контексте истории, науки и политики // «За Германию – против Гитлера!»: Док. и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. С. 27–30.
115. *Он же.* НКСГ – в свете истории, науки и политики // НКСГ – 50 лет... С. 130–132.
116. *Он же.* «Образ врага» (К вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плены. Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 144–147.
117. *Он же.* Осуждение немецкими военнопленными преступлений вермахта // Трагедия войны – трагедия плены... С. 242–262.
118. *Он же.* О тех, кто был в плену // Источник. (Вологда). 1995. № 3. С. 14–17.
119. *Он же.* Пропагандистская деятельность НКСГ и СНО (взгляд из Москвы) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 112–122.
120. *Он же.* «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД–МВД № 27. М., 2003.
121. *Он же.* Японские военнопленные в СССР. Общее и особенное // Трагедия войны – трагедия плены...
122. *Всеволодов В.А., Купцова И.С.* 50-летие образования Национального комитета «Свободная Германия» // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 247–248.
123. *Выцлан М.* Они все-таки прошли по Москве... // Диалог. 1995. № 4. С. 21–25.

124. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980.
125. Галицкий В.П. А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 80–82.
126. *Он же*. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 120–126
127. *Он же*. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 44–58.
128. *Он же*. Гитлеровцы против Гитлера: Создание антифашистского движения среди немецких военнопленных офицеров в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 18–24.
129. *Он же*. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–49.
130. *Он же*. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конф. историков. М., 1997. С. 63–69.
131. *Он же*. Немецкие военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–78.
132. *Он же*. Предлагаем создать из военнопленных итальянцев вооруженные части // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 33–37.
133. *Он же*. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130.
134. *Он же*. Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 110–112.
135. *Он же*. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1995. С. 3–13.
136. *Он же*. Роль немецких военнопленных офицеров в создании Национального комитета «Свободная Германия» в лагерях для военнопленных НКВД СССР // Трагедия войны – трагедия плена... С. 121–126.

137. *Он же.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63.
138. *Он же.* Там, в Бекетовке под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 18–22.
139. *Он же.* Участие немецких военнопленных офицеров и антифашистском движении в плену СССР. 1941–1951 гг. // НКСГ – 50 лет... С. 100–118.
140. *Он же.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997.
141. *Он же.* Цифры, которых мы не знали // Новое время. 1990. № 24. С. 37–39.
142. *Он же.* Японские военнопленные в СССР: правда и догадки // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 70–79.
143. *Он же.* Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18–33.
144. *Он же.* Японские женщины в лагерях для военнопленных (неизвестные страницы советско-японской войны в августе 1945 года) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 256–262.
145. Герасимов П. У креста примирения // Воин России. 1998. № 9. С. 97–108.
146. Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939–1945. М., 1987.
147. *Он же.* Национальный комитет «Свободная Германия» и заговор 20 июля 1944 г. // НКСГ – 50 лет... С. 86–96.
148. *Он же.* Отважные борцы против фашизма (Борьба немецких антифашистов против гитлеровской тирании). М., 1984.
149. Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1939–1945 гг.). М., 1961.
150. Горбунов И.В. Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинского обеспечения (по док. ГАРФ) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 134–142.
151. Горыня В. Бывшие участники движения «Свободная Германия» в военных учреждениях ГДР // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 79–85.
152. Грабарь А.С. Первый том сборника документов «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 168–172.

153. Грибовская Г.А. Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НКСГ – 50 лет... С. 143–146.
154. Гуринович В.Э. Выставка «Память о плене» Владимиро-Сузdalьского музея-заповедника // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 125–133.
155. Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 29–36.
156. Данилов В.П. Государственный Комитет Обороны и использование иностранной рабочей силы в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып.1. С. 81–90.
157. Долголюк А.А. Лагеря военнопленных в Сибири // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: Тез. Междунар. науч. конф. Омск, 1999. С. 133–137.
158. Он же. Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч.2. С.73–76.
159. Дугин А.Н. Неизвестные документы о репрессиях 1930–1950-х годов (по фондам ЦГАОР) // Административно-командная система управления: Проблемы и факты: Сб. М., 1992. С. 69–87.
160. Дынкин К.В. Восстановление города Сталинграда после окончания сражения в 1943 году и участие в восстановительных работах немецких военнопленных // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945: Материалы науч. конф. Волгоград, 1997.
161. Ежевский Л. Катынь. 1940. Б/м, 1990.
162. Ежова Г.В. Великая Отечественная война и движение «Свободная Германия». СПб., 1998.
163. Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: Железная дорога Комсомольск–Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток, 1995.
164. Она же. Японцы на БАМе // Карта. № 10–11.
165. Елин Л. Капитан НКВД, который знает о Катыни все (О.И.К. Сопруненко, подписавшем приказ о расстреле польских военнопленных в 1940 г.) // Новое время. 1992. № 43.
166. Она же. Троє с пактом в Кремле: Катынские игры // Новое время. 1992. № 43. С. 12–14.
167. Елисеева Н.Е. «Ответственность за смертность... возложить на начальников конвоев» // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 71–77.

168. *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. М.–Тверь, 2002.
169. *Он же.* Источники о военнопленных и интернированных испанцах в СССР // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. М., 2002.
170. *Он же.* Участник «Голубой дивизии» о России // Вестн. архивиста. 1995. № 6. С. 77.
171. *Емелин А., Ивашов Л.* Нравственные и правовые вопросы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 44–49.
172. *Емельянов Н.* Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158 // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. IX. Вологда, 2001. С. 112–113.
173. *Ерин М.Е.* «Волгострой – Углич» в воспоминаниях немецкого военнопленного // Проблемы истории Второй мировой войны: Сб. науч. работ. Вологда, 2000. С. 109–117.
174. *Он же.* Воспоминания немецких военнопленных как источник по изучению истории советского плена // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 172–175.
175. *Он же.* Воспоминания немецкого военнопленного о пребывании в плену в Ярославской области // Век нынешний, век минувший... Ярославль, 1999. С. 83–87.
176. *Епифанов А.Е.* Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // Право и политика. 2001. № 2.
177. *Он же.* Деятельность советских органов внутренних дел по применению каторжных работ к гитлеровским военным преступникам и их пособникам // Труды Академии управления МВД России. М., 2000.
178. *Он же.* К вопросу о восстановлении прав лиц, необоснованно осужденных по обвинению в военных преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны // Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Уфа, 1999.
179. *Он же.* К вопросу о реабилитации военнопленных вермахта, незаконно осужденных за военные преступления // Соотношение и связи криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Ч. 3. Краснодар, 1996.

180. *Он же.* К истории борьбы с гитлеровскими военными преступниками в боевых условиях и прифронтовой полосе (1941–1945 гг.) // Трагедия войны – трагедия плена... С. 226–242.
181. *Он же.* Некоторые аспекты уголовного законодательства об ответственности гитлеровских военных преступников // Уголовное законодательство: история и современные проблемы: Тез. докл. и сообщений межвузовской научно-практич. конф. Волгоград, 1998.
182. *Он же.* Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948–1949 гг.) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 118–123.
183. *Он же.* Организация и деятельность Сталинградской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Сталинградская битва: Материалы науч. конф., прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения. Волгоград, 1994. С. 266–269.
184. *Он же.* О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 144–149.
185. *Он же.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.
186. *Он же.* Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21–22.
187. *Он же.* Сталинградский плен 1942–1956 годы (Немецкие военнопленные в СССР). М., 1999.
188. *Он же.* Счет за Сталинград. Волгоград, 1993.
189. Епифанов А.Е., Ломов В.С. Сталинградская милиция в борьбе с гитлеровскими военными преступниками // Проблемы обеспечения законности и прав личности в деятельности органов внутренних дел. Ростов н/Д., 1995.
190. Епифанов А.Е., Мулукав Р.С. Информационное обеспечение советских органов внутренних дел при уголовном преследовании гитлеровских военных преступников // Труды Академии управления России. М., 2000.
191. Епифанов А.Е., Петухов Н.А. Не забыть вовек: Гитлеровские военные преступники и их пособники перед советским

- военным судом в период Великой Отечественной войны // Закон и право. 2000. № 4. С. 51–56.
192. *Запрягаева А.П.* Обзор документальных материалов РГАКФД // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 164–165.
193. *Зебров Д.К.* Листовки НКСГ // Журналистика и жизнь. 1975. Вып.4. С. 233.
194. Зеки в генеральских мундирах: Беседа О.Дзюба с В.Конасовым // Эхо планеты. 1994 № 26. С. 22–23.
195. *Зиновьев И.* На могилах погибших врагов // Родина. 1999. № 6. С. 14–15.
196. *Зольтер Г.* Проповедники мира // Карта. № 3.
197. *Зоря Ю.Н., Прокопенко А.С.* Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 47–57.
198. *Ибатуллин Т.Г.* Деятельность Санкт-Петербургского центра «Примирение», его цели и задачи // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 97–98.
199. *Иваницкий Г.М.* К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень Института военной истории МО СССР. 1977. № 18. С. 26–35.
200. *Он же.* Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 118–122.
201. *Иваницкий Г., Ржешевский О.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 77–81.
202. *Иванов В.А.* О настроениях среди пленных немецких генералов и офицеров Курляндской группы армий в майские дни 1945 г. (По материалам фронтового пункта военнопленных № 1 в пос. Тиркитишкяй Литовской ССР) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 44–50.
203. *Ильме-Тухель Б.* Комиссия по делам церкви при НКСГ // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 57–70.
204. *Исааков И., Галицкий В., Кириченко А.* Обретут ли покой усопшие // Новое время. 1990. № 41. С. 37–39.
205. К 50-летию Национального комитета «Свободная Германия». М., 1993.

206. *Кампхаузен Г.* Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952–1953 гг. // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 113–118.
207. *Карель П., Беддекер Г.* Немецкие военнопленные Второй мировой войны. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 2004.
208. *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956 / Пер. с нем. О. Асписовой. М., 2002.
209. *Катасонова Е.Л.* За кулисами решения судьбы военнопленных // Япония сегодня. 2001. Январь.
210. *Она же.* Решение судьбы японских военнопленных странами – участниками «антигитлеровской коалиции» // Ежегодник Япония. 2001–2002.
211. *Она же.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003.
212. Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьбы интернированных польских военнослужащих. М., 1991.
213. *Кашин Р.Г.* Образование НКСГ и дискуссии в средствах массовой информации Великобритании на завершающем этапе войны // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 80–85.
214. *Кириченко А.А.* Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГе // Шпион. 1993. № 1.
215. *Он же.* 210 тысяч японцев ждут нашей помощи // Новое время. 1990. № 41. С. 39.
216. *Кирхнер К.* Власов против Сталина, Зейдлиц против Гитлера // Родина. 1997. № 8. С. 72–74.
217. *Он же.* Военные листовки // Родина. 1996. № 5. С. 61–64.
218. *Он же.* Листовки Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 73–76.
219. *Киселев А.А.* Военнопленные на Кольском полуострове // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 230–234.
220. *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.
221. *Кожевников Ф.И.* Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. М., 1954.
222. *Колеров М.* Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3(12).

223. **Он же.** Военнопленные на стройках коммунизма // Родина. 1997. № 9. С. 79–83.
224. **Колошинская Н.В.** Иностранные военные захоронения в Ленинградской области и организационно-правовые мероприятия органов МВД по их сохранению в 40–50-е годы // История государства и права. 2002. № 6. С. 24–26.
225. **Конасов В.Б.** В душе у Сталина // Эхо планеты. 1994. № 36. С. 19.
226. **Он же.** Военнопленные Второй мировой войны: международно-правовые, политические и нравственные аспекты проблемы // Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны: Тез. научно-практич. конф. Вологда, 1995. С. 10–12.
227. **Он же.** Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 г.: историографический аспект проблемы // Источник. Вологда, 1997. № 1. С. 95–99.
228. **Он же.** Гриф секретности снят: К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991.
229. **Он же.** Дискуссия о судьбе немецких военнопленных между союзниками в 1944–1945 гг. // Трагедия войны – трагедия плена... С. 136–140.
230. **Он же.** Историография вопроса о трудовом использовании немецких военнопленных в СССР // Германия и Россия: Материалы Междунар. науч. конф. Вып.3. Воронеж, 2000. С. 211–214.
231. **Он же.** Как лечили военнопленных // Резонанс. 1990. № 19. С. 14–16.
232. **Он же.** К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 187–189.
233. **Он же.** МККК – СССР: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952). М., 1999.
234. **Он же.** Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 176–194.
235. **Он же.** Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 61–66.
236. **Он же.** Периодическая печать как источник изучения проблемы немецких военнопленных // Источник. (Вологда). 1996. № 6. С. 46–50.
237. **Он же.** Последний рубеж генерала // Эхо планеты. 1994. № 47. С. 26–30.

238. *Он же.* Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных // Отечественная история. 1998. № 5. С. 167–173.
239. *Он же.* Проблема немецких военнопленных в международных отношениях 1944–1956 гг.: Исторический очерк и документы // Проблемы истории Второй мировой войны. Сб. науч. работ. Вологда, 2000. С. 45–73.
240. *Он же.* Проблема немецких военнопленных в международных отношениях первого послевоенного десятилетия // Сб. материалов межвузовской конф. Ч. 1. Вологда, 2000. С. 80–91.
241. *Он же.* Проблема немецких военнопленных в свете современных российско-германских отношений // Всехи российско-германских отношений (1940–1990-е гг. XX века): Материалы Междунар. науч. конф. Волгоград, 2001. С. 127–133.
242. *Он же.* Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Ч. 1. Вологда, 2000. С. 38–62.
243. *Он же.* Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестн. архивиста. 1997. № 5. С. 72–84.
244. *Он же.* Советские лагеря в воспоминаниях военнопленных Второй мировой войны // Сб. науч. тр. Вологодского института права и экономики. Вологда, 2000. С. 70–73.
245. *Он же.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: Внешнеполитический аспект. М., 1998.
246. *Он же.* Судьбы военнопленных Второй мировой войны на переговорах между СССР и МККК // Образование в регионах России и странах СНГ. 1999. № 5. С. 28–29.
247. *Он же.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996.
248. *Он же.* «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 138–141.
249. *Он же.* Финские военнопленные Второй мировой войны // Север. 2002. № 11–12. С. 178–191.
250. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. В плена Страны Советов: Военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.) // Новый часовой. 2002. №. 13–14. С. 55–79.

251. *Они же*. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, понятийный аппарат. Вологда, 2002.
252. *Они же*. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.): Исторический очерк, док. и материалы. Вологда, 2002.
253. *Они же*. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955): Очерки и док. Вологда, 2002.
254. Конасов В., Кузьминых А., Старостин С. Финские военнопленные на Европейском Севере. Вологда, 2003.
255. Конасов В.Б., Петелин Б.В. Изучение проблем германского фашизма, антифашистского движения и военного плена вологодскими учеными // Источник. (Вологда). 1996. № 4. С. 60–64.
256. Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. М., 1992.
257. Конасов В.Б., Судаков В.В. Российское законодательство в области военного пленя и правотворческая деятельность государства на международном уровне // Источник. (Вологда). 1996. № 3. С. 82–90.
258. Конасов В.Б., Терещук А.В. « Будут немедленно преданы суду военного трибунала... » // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337.
259. *Они же*. К истории советских и немецких военнопленных Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 54–72.
260. *Они же*. Долгий путь на родину: Репатриация немецких военнопленных из СССР // Новый часовой. 1994. № 2. С. 53–75.
261. *Они же*. Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый часовой. 1995. № 3. С. 67–75.
262. *Они же*. Люксембуржцы в советском плену // Новый часовой. 1997. № 5. С. 342–345.
263. *Они же*. Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 185–188.
264. *Они же*. Под влиянием побеждающего народа: германские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Народ и война. СПб., 1995. С. 282–304.
265. *Они же*. Узники войны: К истории иностранных военнопленных в России и в СССР // Новый часовой. 1994. № 1. С. 30–37.

266. *Корибут-Дашкевич Е.* Немецкие офицеры в Воркутлаге // Мемориал-Аспект. 1994. № 7–8. С. 5.
267. *Коровушкин В.Н.* 50 лет спустя. Об участии немецких и австрийских специалистов в атомном проекте СССР: Историко-документальный очерк 1946–1951 гг. М., 1997.
268. *Корсунский А.Р.* Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. № 46. С. 171–177.
269. *Костенецкий А.В.* Военнопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (по материалам ГАРФ) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 143–150.
270. *Котляр Л.К.* Окончание Второй мировой войны, завершение деятельности Национального комитета «Свободная Германия», начало депатриации военнопленных // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 13–16.
271. *Крупенников А.А.* Восстание совести // «За Германию – против Гитлера!»: Док. и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. С. 6–15.
272. *Он же.* Восстание совести // НКСГ – 50 лет... С. 45–51.
273. *Он же.* В первых боях. Красногорск, 1998.
274. *Он же.* К вопросу об австрийских военнопленных в СССР // Трагедия войны – трагедия плены...
275. *Он же.* К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947–1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Тез. межвузовской науч. конф. Екатеринбург, 1992. С. 83–85.
276. *Он же.* Красногорский особый... и музей «Трагедия плены» (Оперативно-пересыльный лагерь военнопленных № 27 в Красногорске как основа для создания Российско-Германского антивоенного музея «Трагедия плены») // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 127–137.
277. *Он же.* О некоторых судебных процессах против военных преступников // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 101–118.
278. *Он же.* О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х – начале 50-х гг. // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 177–183.
279. *Он же.* Политическая обстановка как мотивация политической борьбы НКСГ и СНО против Гитлера // Национальный

комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 95–103.

280. *Он же*. Тяжкая ноша плены. М., 2001.

281. *Крылова Н.Б.* Между жизнью и смертью: состояние военнопленных 6-й немецкой армии // Сталинградская битва: Материалы науч. конф. Волгоград, 1994.

282. *Кузеленков В.Н.* Документы РГВА о военнопленных и интернированных лицах периода Великой Отечественной войны // Вестн. архивиста. 2000. № 3–4. С. 95–100.

283. *Кузнецов С.И.* Генералы японской Квантунской армии в советском пленау (1945–1956 гг.) // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран: Тез. докл. и сообщений Междунар. конф. Иркутск, 1998. С. 74–80.

284. *Он же*. Идеологическая обработка японских военнопленных в лагерях на территории Республики Бурятия // Улан-Удэ в прошлом и настоящем: Материалы и тез. докл. научно-практич. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 116–119.

285. *Он же*. Корейцы в советско-японской войне 1945 г. и проблема репатриации // Корейцы в России: Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Декабрь 1994. Иркутск, 1994. С. 21–23.

286. *Он же*. Материалы архива Д.Макартура о японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.) // Россия, Сибирь и страны АТР: Тез. докл. Иркутск, 1994.

287. *Он же*. Международно-правовые аспекты плениния Квантунской армии (1945–1956 гг.) // Японские военнопленные в Сибири (1945–1956 гг.): Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Август 1995. Иркутск, 1995. С. 410.

288. *Он же*. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск, 1994.

289. *Он же*. Репатриация и социальные процессы в послевоенном японском обществе // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: Тез. докл. науч. конф. Иркутск, 1994. С. 45–49.

290. *Он же*. Сколько японцев похоронено в СССР // Версия. 1991. № 5.

291. *Он же*. Смертность в лагерях японских военнопленных и судьбы захоронений в СССР // Японские военнопленные в Сибири

(1945–1956 гг.): Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Август 1995. Иркутск, 1995. С. 11–22.

292. *Он же*. Участие японских военнопленных в Токийском и Хабаровском процессах // Историческое, культурное и природное достояние (состояние, проблемы, трансляция). Вып. II. Улан-Удэ, 1997. С. 65–72.

293. *Он же*. Французские военнопленные периода Второй мировой войны в СССР // Иностранцы в России: интернирование, плени, ссылка: Научно-информационный бюллетень Гуманитарного общественно-научного центра. Октябрь 1994. Иркутск, 1994.

294. *Он же*. Эксплуатация труда японских военнопленных в СССР (1945–1956) // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. Пермь, 1994. С. 120–122.

295. *Он же*. Японские военнопленные в Иркутской области (1945–1956 гг.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока. Иркутск, 1996. С. 163–182.

296. *Он же*. Японские военнопленные в Сибири (1945–1956 гг.) // Восток в прошлом и настоящем: Тез. докл. Иркутск, 1992.

297. *Он же*. Японские военнопленные в СССР (1945–1956 гг.) (По материалам Иркутского областного центра документации новейшей истории) // Архивы – источник истины: Материалы научно-практич. конф. Иркутск, 1998. С. 38–41.

298. *Он же*. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997.

299. Кузьмин С.И. К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного пленя... Ч. 2. С. 124–132.

300. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996.

301. Кузьминых А.Л. Военнопленные Второй мировой войны в Вологодской области (историографический обзор) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сб. науч. работ. Вып. IX. Череповец, 2002. С. 328–336.

302. *Он же*. Военнопленные специалисты на спецобъектах МВД СССР // Сб. тр. участников III Межвузовской конф. молодых ученых. Череповец, 2002. С. 163–165.

303. *Он же*. Вологжане в воспоминаниях иностранных военнопленных // Вологодская область в годы Великой Отечественной

войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Вологда, 2002. С. 47–55.

303. *Он же.* Изучение проблемы иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР: прошлое, настоящее, будущее // Сб. науч. работ студентов и аспирантов ВГТУ. Вып. IX. Вологда, 2001. С. 78–86.

303. *Он же.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: современный этап изучения проблемы // Вузовская наука – региону. Вологда, 2001. С. 265–266.

304. *Он же.* Из истории Вологодского лагеря НКВД для военнопленных // Молодые исследователи – региону: Материалы межрегиональной науч. конф. студентов и аспирантов. Вологда, 2002. С. 147–150.

305. *Он же.* Из истории становления и деятельности Вологодского отдела по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР: 1945–1949 гг. // История и перспективы уголовно-исполнительной системы России. Вологда, 2002. С. 123–132.

306. *Он же.* Использование труда военнопленных на предприятиях и стройках Череповца: 1942–1949 гг. // Вузовская наука – региону. Вологда, 2002. С. 341–343.

307. *Он же.* Историография вопроса о медицинском обеспечении иностранных военнопленных в СССР (1941–1956 гг.) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сб. науч. работ. Вып. 8. Череповец, 2001. С. 330–336.

308. *Он же.* К истории отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД-УМВД по Вологодской области (1945–1949 гг.) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 93–102.

309. *Он же.* Неизвестные строители Северной Магнитки (заключенные и военнопленные на строительстве Череповецкого металлургического комбината) // Северсталь: история и современность. Череповец, 2002. С. 30–36.

310. *Он же.* Проблема захоронений иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории СССР // PER ASPERA...: Материалы конф. молодых ученых. Череповец, 2001. С. 16.

311. *Он же.* Продовольственное обеспечение иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Ноосферные знания и технологии. XXI век: Тез. докл. научно-практич. конф. Череповец, 2002. С. 129–131.

312. *Он же*. Россия и лагерный мир глазами иностранцев // Шаламовский сборник. Вып.3. Вологда, 2002. С. 189–205.
313. *Он же*. Сельскохозяйственное производство в лагерях военнопленных: 1940–1948 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. Вологда, 2003. С. 165–175.
314. *Он же*. Финские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД // Сб. науч. работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып.Х. Вологда, 2002. С. 63–73.
315. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* К вопросу о пребывании военнопленных и интернированных поляков в Грязовецком лагере НКВД // Историческое краеведение и архивы. Вып.8. Вологда, 2002. С. 155–167.
316. *Купец В.И.* Российское законодательство и вопросы реабилитации российских и иностранных граждан // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 58–71.
317. *Кынин Г.П.* Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 91–113.
318. *Кюгельген фон Б.* В чем состоят успехи Национального комитета и Союза немецких офицеров? // Трагедия пленя: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 37–40.
319. *Лаптева М.П.* К вопросу о политической культуре немецких военнопленных // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 116–119.
320. *Ласкин И.* Еще раз о пленении генерал-фельдмаршала Паулюса // Военно-исторический журнал. 1961. № 3.
321. *Латышев А.* Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 121–125.
322. *Лебедев В.Г.* К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в России // Трагедия пленя: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 160–164.
323. *Он же*. К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в России // Трагедия войны – трагедия пленя... С. 220–226.
324. *Он же*. О судьбе захоронений иностранных военнопленных в России // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 138–144.
325. *Лебедева Н.С.* Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2.

326. *Она же.* Катынь: преступление против человечества. М., 1994.
327. *Она же.* О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 113–130.
328. *Левин Д.Б.* Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права: Сб. док. М., 1945.
329. *Левенштейн О.Г.* Военнопленные германской армии в МАССР в 1941–1945 гг.: некоторые страницы истории // Марийский археографический вестн. 1999. № 9. С. 132–140.
330. *Леонова А.С.* Кто кого: могущество СССР и США глазами военнопленных немцев. (По материалам «Особой папки» Сталина) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. 2002. Июнь. С. 27–28.
331. *Лобанов С.А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 75–79.
332. *Лужеренко В.К.* О судьбе военнопленных противника // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4: Народ и война. М., 1999. С. 194–204.
333. *Мамяченков В.Н.* Валькирии SS: Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
334. *Марасанов Р.А., Мельничук А.Н.* Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1981. № 5. С. 19–22.
335. *Маркдорф Н.М.* Немецкие военнопленные в Сталинске // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: Первые региональные науч. чтения памяти профессора Г.Г.Халиуллина. Кемерово, 1999.
336. *Она же.* Немецкие военнопленные на предприятиях юга Кузбасса // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тез. докл. участников Междунар. науч. конф. Кемерово, 2000. С. 41–42.
337. *Марковчин В.В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000.
338. *Марьина В.В.* Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 58–73.
339. *Матис А.В., Славко Т.И.* О методике формирования базы данных «Военнопленные» // Новые информационные ресурсы

- и технологии исторических исследований и образовании: Сб. тез. докл. и сообщений Всерос. конф. М., 2000. С. 178–180.
340. *Мерцалова Л.А.* Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990.
341. *Минасян Н.М.* Международные преступления Третьего рейха. Саратов, 1977.
342. *Мирецкий С.* Преступники в фельдмаршальских мундирах // Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1973. С. 253–270.
343. *Михайлов Г.С.* Вклад Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров в военное поражение фашистской Германии // НКСГ – 50 лет... С. 61–63.
344. *Михеева Л.В.* Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (40-е годы XX столетия) // Отан тарихы. № 3–4. Алма-Ата, 2002. С. 137–140.
345. *Она же.* Использование труда военнопленных Второй мировой войны в промышленности Карагандинской области // Социально-экономические проблемы региона. Вып.6. Караганда, 2000. С. 352–357.
346. *Она же.* Лагеря для иностранных военнопленных и интернированных в Центральном Казахстане // Вестн. Северо-Казахстанского университета. Вып.7–8. Петропавловск, 2000. С. 60–63.
347. *Она же.* О захоронениях пленных Второй мировой войны в Центральном Казахстане // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб.: Материалы II Междунар. научно-практич. конф. «Стеллеровские чтения». Тюмень, 2005. С. 95–98.
348. *Она же.* Спасский лагерь для военнопленных и интернированных: история в документах // Сб. материалов науч. конф. Караганда, 2000. С. 126–135.
349. *Млечин Л.* Цветы на забытых могилах: В сибирском плена погиб каждый десятый попавший в плен японский солдат // Новое время. 1991. № 16.
350. *Молодяков В.Э.* «Правосудие победителей»? // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 98–107.
351. *Морозов Н.А.* Военнопленные в лагерях // Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики первой половины XX в.). Сыктывкар, 1997.
352. *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар, 1998.

353. *Morpe I.* Институт 99 (К вопросу вхождения НКСГ в административные структуры СССР) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 123–130.

354. *Мотревич В.П.* Благоустройство мест захоронений иностранных военнослужащих на территории г. Екатеринбурга // Екатеринбург: от завода-крепости – к евразийской столице: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 2002. С. 182–183.

355. *Он же.* Вермахт на Среднем Урале // Урал. 2000. № 7. С. 69–74.

356. *Он же.* Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 120–121.

357. *Он же.* Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 42–43.

358. *Он же.* Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 1997.

359. *Он же.* Военные преступники // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 122

360. *Он же.* Военные преступники в Свердловской области в 1949–1955 годах // Военный комментатор. Екатеринбург, 2001. № 1(2). С. 77–95.

361. *Он же.* Германские воинские кладбища Второй мировой войны в Свердловской области: численность, дислокация и современное состояние // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 247–260.

362. *Он же.* Захоронения военнопленных в Челябинской области: численность, дислокация, проблема сохранности // Урал в 1941–1945 гг.: экономика и культура военного времени: К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне): Материалы регионального науч. семинара. Челябинск, 2005. С. 268–279.

363. *Он же.* Иностранные воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 52–56.

364. *Он же.* Иностранные воинские захоронения в Свердловской области: выявление, благоустройство и проблема сохранности // Культурное достояние Урала и Сибири. Екатеринбург, 1995.

365. *Он же.* Иностранные воинские захоронения в Свердловской области: численность, дислокация, современное состояние // Военный комментатор. Екатеринбург, 2000. № 1. С. 65–89.

366. *Он же.* Иностранные воинские захоронения на Урале // Великий подвиг народа: Исторические чтения. Екатеринбург, 1995. С. 149–156.
367. *Он же.* Иностранные воинские кладбища в Тюменской области // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997.
368. *Он же.* Иностранные воинские кладбища в Екатеринбурге // Екатеринбург: вчера, сегодня, завтра: Тез. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1998. С. 145–148.
369. *Он же.* Иностранные граждане на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Тез. докл. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1995. С. 93–97.
370. *Он же.* Иностранные граждане на Урале в первой половине XX в.: численность, состав, трудоиспользование // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. Т.1. Екатеринбург, 1996.
371. *Он же.* Кладбища военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып.1. Екатеринбург, 2001. С. 172–191.
372. *Он же.* Кладбища военнопленных: что дальше? // Международное общество прав человека. Уральская группа. Специальный вып. 1992. Июнь. С. 11–15.
373. *Он же.* Кладбища иностранных граждан на территории Северного округа // Уральский север в панораме тысячелетий. Североуральск, 2001. С. 39–44.
374. *Он же.* Кладбище иностранных военнопленных Второй мировой войны в г. Каменске-Уральском Свердловской области // Уральская провинция в системе регионального развития России: Исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 81–85.
375. *Он же.* К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области // Двенадцатые Бирюковские чтения: Тез. научно-практич. конф. Челябинск, 1996. С. 71–73.
376. *Он же.* Новые материалы по истории иностранных военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Тез. межвузовской науч. конф. Екатеринбург, 1992. С. 72–73.
377. *Он же.* Осужденные интернированные гражданские лица и военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области

в 1949–1956 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып.2. Екатеринбург, 2002. С. 208–221.

378. *Он же*. О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. Екатеринбург, 1996.

379. *Он же*. Погибли на Урале // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 210–212.

380. *Он же*. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Международное общество прав человека. Уральская группа. Специальный вып. 1992. Июнь. С. 49–55.

381. *Он же*. Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный: Материалы докл. и сообщений региональной научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999. С. 117–120.

382. *Он же*. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Ч.1. Екатеринбург, 1998. С. 469–471.

383. *Он же*. Японские воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние и перспективы эксгумации // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 49–52.

384. *Мотревич В., Зиновьев И.* На могилах погибших врагов // Родина. 1999. № 6. С. 14–16.

385. *Мотревич В.П., Мамяченков В.Н.* Материально-бытовое положение спецпереселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е гг. // Урал в прошлом и настоящем. Ч.1. Екатеринбург, 1998.

386. *Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 123–125.

387. *Они же*. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР: Сб. докл. участников Междунар. научно-практич. конф. Нижний Тагил, 2000. С. 97–102.

388. *Они же*. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источников базы) // Документ. Архив. История.

Современность: Материалы научно-практич. конф. Екатеринбург, 2000. Ч.1. С. 190–194.

389. *Они же. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале: источниковая база исследования* // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 48–51.

390. *Они же. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в Свердловске* // Екатеринбург: вчера, сегодня, завтра... С. 143–145.

391. *Муранов В.* Взят в плен под Сталинградом... Родственники Гитлера под колпаком советской разведки // Родина. 2000. № 8. С. 81–86.

392. *Мухамеджанов М.М.* Самоликвидация или распуск НКСГ и СНО? // Трагедия пленя: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 54–58.

393. *Мухин В.В.* Системы и органы плениения, учета, обеспечения и эвакуации советских и немецких военнопленных 1941–1945 гг. во фронтовой полосе // Трагедия войны – трагедия пленя... С. 6–20.

394. *Мюллер-Энбергс Г.* Манифест НКСГ от 13 июля 1943 г. (инициатива, авторство и цели) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 85–95.

395. *Надвидов Л.* Японский летчик в степях Калмыкии // Япония сегодня. 2001. Июль.

396. *Назарова Т., Носырева Л.* «Пойдем на Голгофу, мой брат!» // Родина. 1995. № 12. С. 99–106.

397. *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 48–56.

398. *Нахопетова Б.А.* Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1995. № 3. С. 71–74.

399. Национальный Комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. издания Герда Р.Юбершера. Красногорск, 1996.

400. *Никитина Ю.Я.* Немецкие военнопленные в Переславле-Залесском // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Ч.3. Вологда, 2000. С. 271–278.

401. **Никишкин К.С.** Установление судьбы незаконно депрессированных российских и немецких граждан и вопросы их реабилитации // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 71–74.
402. **Николаев А.Н.** Об изучении материалов Токийского международного военного трибунала // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 228–229.
403. НКСГ – 50 лет: Сб. материалов Российской-германской научно-практич. конф. Красногорск, 1994.
404. **Новик Ф.И.** Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Отечественная история. 1995. № 6. С. 106–119.
405. **Новикова Н.Н.** Гертруда Меркель: Россия больше не отпустит меня // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 154–156.
406. **Новоселов В.Н.** Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.
407. **Носырева Л.Л.** Документы Центра хранения историко-документальных коллекций как источник изучения проблем плена // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 171–173.
408. **Оверман Р.** Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии / Пер. с нем. М., 1996. С. 53–54.
409. **Осин В.М.** Подписан протокол о реализации проекта по копированию документов японских военнопленных // Отечественные архивы. 2005. № 3. С. 128.
410. «Особая папка» В.М.Молотова: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР, 1944–1956 гг.: Каталог док. / Сост. Е.Д.Гринько (отв. сост.) и др. М., 1994.
411. **Осипов С.** Белые звезды в красном плену // Новое время. 1995. № 29.
412. **Парсаданова В.С.** К истории катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 19–36.
413. **Она же.** Международные конвенции о военнопленных и интернированных и их применение в годы Второй мировой войны // Советские военнопленные и движение Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны: Сб. статей. М., 1991.
414. **Петелин Б.В.** Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С.Бланка // НКСГ – 50 лет... С. 123–129.

415. *Он же*. Плен и политика: ХДС/ХСС и проблема немецких военнопленных в 1945–1955 гг. // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 148–152.
416. *Он же*. «Трагедия пленя» в курсе новейшей истории (из опыта преподавания в вузе) // Трагедия войны – трагедия пленя... С. 198–202.
417. *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военно-пленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 83–85.
418. *Писарев Е.* Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа Французы в советских концлагерях // Карта. № 4.
419. *Погребной Н.Г.* Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1964. № 2. С. 64–69.
420. *Полторак А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право: Основные проблемы. М., 1976.
421. *Полян И.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их депатриация. М., 1996.
422. *Он же*. Ожоги прошлого: война и плен как трагедия (о двух научных конференциях в Германии) // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 404–408.
423. *Полянский Н.Н.* Международное правосудие и преступники войны. М.–Л., 1945.
424. *Он же*. Международное правосудие и преступники войны. М.–Л., 1945.
425. *Он же*. Международный военный трибунал. М., 1946.
426. *Попов А.Б.* Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов, 2000.
427. *Попов Н.Н., Мотревич В.П., Суржикова Н.В.* Иностранные военнопленные // Екатеринбург. Энцикл. Екатеринбург, 2002. С. 244–245.
428. *Попов Ю.И.* О военнопленных финнах (К постановке проблемы) // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 264–265.
429. *Поршнева О.С., Долинова М.Н.* Повседневность пленя: Иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943–1949 гг.) // Вестн. Российской университета дружбы народов. 2003. № 2. С. 127–139.
430. Проблемы военного пленя: история и современность; Материалы Междунар. научно-практич. конф.: В 2 ч. Вологда, 1997.

431. *Пронин А.В.* Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 94.
432. *Пушкирев Г.А.* Вермахт, который дошел до Урала // Витта. 1998. № 6. С. 28–31.
433. *Пянкевич В.Л.* Репарации и труд военнопленных как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны: Вопросы историографии. СПб., 1999.
434. *Райский Н.С.* Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 4. С. 136–144.
435. *Решин Л.Е.* Агентурно-политические организации из военнопленных на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 85–92.
436. *Он же.* Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену. 1943–1955 гг. // НКСГ – 50 лет... С. 37–40.
437. *Он же.* Генерал фон Зайдлиц, СНО и вопрос о немецкой освободительной армии // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 209–223.
438. *Он же.* Инициатива советского руководства по роспуску Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Сентябрь – ноябрь 1945 года // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 46–50.
439. *Он же.* Как из Паулюса Власова делали // Совершенно секретно. 1996. № 5. С. 25–28.
440. *Он же.* Московский процесс над генералом фон Зайдлицем в зеркале российских документов // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р. Юбершера. С. 235–247.
441. *Он же.* О привлечении плленного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса к деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров (1943–1944) // Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 50–54.
442. *Он же.* Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе в НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 224–234.

443. *Она же*. Фон Зайдлиц против Гитлера // Кентавр. 1995. № 3. С. 69–81.
444. *Ридель М.* Этос политического диалога // СССР – ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. М., 1990. С. 181–193.
445. *Рожкова Е.К.* Иностранные военнопленные в Оренбуржье (1943–1950 гг.) // Науч. тр. молодых ученых ОГПУ. Оренбург, 1997. С. 173–177.
446. *Она же*. Использование иностранных военнопленных на промышленных предприятиях Чкаловской области (1943–1950 гг.) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 239–243.
447. *Она же*. История использования труда военнопленных в СССР и в Оренбуржье // Материалы XXI преподавательской и XXXIX студенческой научно-практич. конф. Оренбург, 1997. С. 116–117.
448. *Она же*. К вопросу об использовании труда военнопленных и условиях их содержания в Оренбургской области // Материалы XX преподавательской и XXXVIII студенческой научно-практич. конф. Оренбург, 1996. С. 140–141.
449. *Она же*. К вопросу об истории Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1950 гг.) // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность: Материалы научно-практич. конф. Оренбург, 2000. С. 142–147.
450. *Она же*. Организация спецгоспиталей для иностранных военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ОГПУ. Оренбург, 1999. № 2(12): Исторические науки. С. 125–131.
451. *Она же*. Проблема использования военнопленных на промышленных предприятиях города Чкалова (1943–1950 гг.) // Тез. докл. региональной конф. молодых ученых и специалистов. Оренбург, 1997. С. 206–207.
452. *Она же*. Условия содержания и медицинского обеспечения немецких военнопленных в СССР // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: Материалы научно-практич. конф. Оренбург, 2000. С. 84–90.
453. *Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. М., 1953.
454. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 2001.

455. *Рукавицын П.М.* Взаимодействие НКСГ и СНО с органами спецпропаганды // НКСГ – 50 лет... С. 97–99.
456. *Рыбалкин Ю.* Шведские летчики в советском плену (Советско-финская война 1939–1940 гг.) // Родина. 1998. № 7. С. 34.
457. *Он же.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного пленя... Ч.2. С. 247–251.
458. *Он же.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Трагедия войны – трагедия пленя...
459. *Самоненко С.Е.* Расследование преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР. 1942–1951 гг. М., 1990.
460. *Самохин И.В.* Катастрофа на Волге: Воспоминания офицера 6-й армии Паулюса // Сталинградская битва в истории России: Сб. докл. Третьих Юношеских чтений. СПб.; Волгоград, 1999.
461. *Сапожникова Г.Н.* Национальный комитет «Свободная Германия» и антифашистское движение в концлагерях Германии // НКСГ – 50 лет... С. 119–122.
462. *Свинина Н.М.* Японские военнопленные в Сибири // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. С. 112–113.
463. *Селезнев К.Л.* Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история. 1985. № 2. С. 113–127.
464. *Семиряга М.И.* Военнопленные – изменники Родины или жертвы войны? Размышления о судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны // Проблемы военного пленя... Ч.1. С. 3–15.
465. *Он же.* Возвращение немецких военнопленных на родину и их участие в демократизации Германии // Трагедия войны – трагедия пленя... С. 148–168.
466. *Он же.* Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. 1994. № 15. С. 56–57.
467. *Он же.* Тюремная империя фашизма и ее крах. М., 1991.
468. *Сергеева Н.М.* «Навечно остались в земле Кузнецкой»: Захороненные в Кузбассе военнопленные времен Второй мировой войны // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: Материалы Междунар. конф. Кемерово, 2003. С. 90–93.
469. *Сиденко М.Ю.* Герингутер в плену на Сталинградской земле (воспоминания Хельмута Хиккеля) // Сталинградская битва в

истории России: Пятые Юношеские чтения: Сб. докл. СПб.; Волгоград, 2000. С. 150–152.

470. *Сидоров С.Г.* Военнопленные и интернированные в СССР. 1939–1956 гг.: связь с родиной // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 1998. № 3. С. 30–44.

471. *Он же.* В далеком 1943: к вопросу о судьбе военнопленных в СССР // Сарепта и народы Поволжья в истории России. Волгоград, 1998. С. 10–19.

472. *Он же.* Использование военнопленных в угольной промышленности СССР в 1941–1949 гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. I. Волгоград, 1999. С. 204–212.

473. *Он же.* Использование иностранных военнопленных в народном хозяйстве СССР (1939–1956 гг.) // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова и др. М., Волгоград, 2000. Т.1. С. 431–438.

474. *Он же.* Использование труда военнопленных в народном хозяйстве СССР в 1939–1941 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 2000. Вып.5.

475. *Он же.* Использование труда военнопленных в СССР на строительстве автомобильных дорог. 1945–1949 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 3: Экономика, экология. 1998. Вып.3. С. 119–126.

476. *Он же.* Использование труда военнопленных на восстановлении Сталинграда в 1943–1949 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945. Волгоград, 1997. С.78–94; 237–253.

477. *Он же.* Лагеря немецких военнопленных на территории Сталинградской области в 1943–1954 гг. // Стержень. Волгоград, 2000. С. 175–184.

478. *Он же.* Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История, философия. 1996. Вып.1. С. 71–82.

479. *Он же.* Продовольственное обеспечение военнопленных в СССР в 1941–1945 гг. // Сталинградская битва в истории России. СПб., 1997. С. 85–105.

480. *Он же.* Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.

481. *Смирнов Ю.В.* Пленные японской армии в послевоенное время // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. С. 117–119.

482. *Смыкалин А.С.* Иностранные военнопленные на территории Урала в 1942–1956 гг. // Российский исторический журнал. 2001. № 1. С. 39–45.
483. *Он же.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.
484. *Он же.* Немецкие военнопленные на Урале // Витта. 1997. № 15. С. 25–29.
485. *Он же.* Немецкие военнопленные на Урале // Уральский исторический вестн. № 7. Екатеринбург, 2001. С. 366–374.
486. *Он же.* «Особые лагеря» и «особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений Советского государства в 30–40-е гг. // Советское государство и право. 1997. № 5. С. 84–91.
487. *Он же.* Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147–150.
488. *Соколов В.Е., Баскин Л.М.* Конрад Лоренц в советском плену // Природа. № 7(923). 1992. Июль. С. 125–128.
489. *Спиридов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2001.
490. Судебные процессы по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М., 1964.
491. *Супрун М.Н.* Немецкие пилоты 5-го воздушного флота в советском плену // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 236–239.
492. *Суржикова Н.В.* Антифашистская работа в лагерях иностранных военнопленных Среднего Урала (1942–1949 гг.) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Пятые Всерос. историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 82–84.
493. *Она же.* Архивно-следственные дела военнопленных как исторический источник (по материалам УГААО СО) // Орел шестого легиона: Тез. докл. студенческой научно-практич. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1999. С. 109–113.
494. *Она же.* Военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области // Высшая школа России в преддверии XXI века: Тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 140–144.
495. *Она же.* Военнопленные Второй мировой войны в СССР // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Тез. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 81–83.

496. *Она же.* Военные преступники // Екатеринбург: Энцикл. Екатеринбург, 2002. С. 117–118.
497. *Она же.* Военные преступники на Среднем Урале в 1949–1956 гг. // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 234–236.
498. *Она же.* Возвращение домой: депатриация военнопленных Второй мировой войны с территории Урала в 1955–1956 гг. // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны: Материалы региональной научно-практич. конф. Оренбург, 2005. С. 145–162.
499. *Она же.* Динамика заболеваемости и смертности военнопленных в лагерях Свердловской области (1942–1949 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Сб. материалов V региональной науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 140–146.
500. *Она же.* Из истории лагеря № 476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 95–99.
501. *Она же.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны в воспоминаниях уральцев // Вторые военно-исторические чтения: Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 182–184.
502. *Она же.* Иностранные военнопленные и советские граждане: проблемы взаимоотношений (на материалах Среднего Урала) // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 132–136.
503. *Она же.* Иностранные военнопленные на Среднем Урале: условия содержания и обеспечения // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 90–94.
504. *Она же.* К вопросу о медицинском обслуживании военнопленных в лагерях Среднего Урала (1942–1956 гг.) // Орел шестого легиона: Тез. докл. научно-практич. конф. студентов и молодых ученых исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 143–146.
505. *Она же.* К вопросу о факторах размещения иностранных военнопленных на Урале в 1940–1950-х гг. // Уральская провинция в системе регионального развития России: Исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 108–112.
506. *Она же.* К вопросу о численности и составе иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал

на пороге третьего тысячелетия: Тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 321–325.

507. *Она же*. Оперативная работа в лагерях военнопленных Второй мировой войны (на материалах Свердловской области) // Материалы науч. конф. «Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (25–26 февраля 2005 года). Екатеринбург, 2005. С. 76–90.

508. *Она же*. Организация трудоиспользования военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Урал индустриальный: Материалы второй региональной науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 157–160.

509. *Она же*. Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949–1956 гг.) // Урал индустриальный: Материалы третьей региональной науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 84–89.

510. *Она же*. Отечественная историография об иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Историческая наука на рубеже веков: Ст. и материалы. Екатеринбург, 2000. С. 428–434.

511. *Она же*. Продовольственное обеспечение иностранных военнопленных на Среднем Урале (1942–1949 гг.) // Россия в поисках национальной стратегии развития: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 343–350.

512. *Она же*. Русские языковые вкрапления в речи немецко-говорящих военнопленных Второй мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. С. 119–121.

513. *Она же*. Трудоиспользование иностранных военнопленных Второй мировой войны: мифы и реальность (на материалах Среднего Урала) // Уральский исторический вестн. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 262–274.

514. *Она же*. Трудоиспользование немецких военнопленных на Среднем Урале (1942–1956 гг.) // Немцы на Урале и в Сибири: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 424–432.

515. *Она же*. Узники ГУПВИ и узники ГУЛАГа: сравнительный анализ // Четвертые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 207–210.

516. *Сухоруков С.Р.* Немецкие военнопленные в Советском Союзе и преодоление «образа врага» в российском менталите-те // Источник. Вологда, 1997. № 5–6. С. 54–60.

517. Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000.
518. *Талашова В.А.* Улицы Вологды еще помнят... (К вопросу о материальных памятниках пребывания немецких военнопленных в Вологде) // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 262–263.
519. *Темплинг В.Я.* Военнопленные Второй мировой войны в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1999. С. 107.
520. *Он же.* Линия судьбы (О привлечении советских немцев к работе с военнопленными) // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. С. 121–124.
521. *Темплинг В.Я., Шишкова С.Ю.* Военнопленные в Тюменской области // Большая Тюменская Энциклопедия. Т. 1: А–З. Тюмень, 2004. С. 259.
522. *Тестов Л.В.* Репатриированные немецкие военнопленные и антифашистские традиции в послевоенной Германии // Проблемы военного плена... Ч.1. С. 99–104.
523. *Толивер Р.Ф., Констебль Т.Д.* Лучший ас Второй мировой / Пер. с англ. А.Г.Больных. М., 2000.
524. Трагедия войны – трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. М.–Красногорск, 1999.
525. Трагедия плена: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. М.–Красногорск, 1996.
526. *Точенов С.В.* Лагерь № 48 // Отечественная история. 2001. № 4. С. 112–126.
527. *Трайнин А.Н.* Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944. № 9. С. 16–18.
528. *Он же.* Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. М., 1943.
529. *Он же.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.
530. *Он же.* Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодействия? // Война и рабочий класс. 1943. № 6. С. 13–14.
531. *Он же.* Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21.
532. *Он же.* Стратегия милосердия // Война и рабочий класс. 1944. № 19. С. 14–17.
533. *Трапалина Л.М.* 6-я армия в Сталинградском “котле” // Сталинградская битва в истории России: Сб. докл. Четвертых Юношеских чтений. СПб.; Волгоград, 1999. С. 131–133.

534. Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД МВД СССР Российского государственного архива / Под ред. В.П.Козлова и В.Н.Кузленкова. М., 2001.
535. *Унжакова Е.* Семнадцать лет на благо вражеского отечества // Отечественные записки. 2003. № 3(12).
536. Уроки Нюренберга: Материалы к международной конференции. Вып.2. М., 1986.
537. *Утевский Б.С.* Преступления гитлеровцев против мирного населения. М., 1946.
538. *Он же.* Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР. М., 1946.
539. *Фай Р.* Акции гитлеровского фашизма, направленные против НКСГ и СНО // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 92–96.
540. *Он же.* Решающий час. Фронтовая организация Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия войны – трагедия плены... С. 118–121.
541. *Фарсобин В.В.* Надо собирать свидетельства о судьбе пленных и заключенных в СССР // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 172–174.
542. *Федорова А.В.* Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия плены: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 99–103.
543. *Она же.* Военнопленные вражеских армий на Южном Урале (на примере Оренбургской области) // Роль Урала как арсенала Победы: Тез. докл. региональной науч. конф. Челябинск, 2000. С. 64–67.
544. *Она же.* Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: Сб. науч. тр. Оренбург, 1994. С. 43–56.
545. *Она же.* Иностранцы на Южном Урале в годы Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Победа, достигнутая единством народа: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1994. С. 158–166.
546. *Филимонов А.В.* Немецкие военнопленные в Искове // Проблемы военного плены... Ч.2. С. 197–202.
547. *Фомин В.И.* Плач матери с Бюккских гор (венгерские военнопленные в советских лагерях) // Трагедия войны – трагедия плены...

548. **Фризер К.-Х.** Национальный комитет «Свободная Германия»: «Война за колючей проволокой» в советских лагерях для военнопленных // Вторая мировая война: Дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Под ред. В.Михалки. М., 1996. С. 576–587.
549. **Хавкин Б.Л.** Германские генералы в советском плену // Человек. 1999. № 2. С. 125–141.
550. **Он же.** Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена... Ч.2. С. 3–9.
551. **Хайдер П.** НКСГ и СНО в историографии ГДР и «Комитет бывших офицеров» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 149–167.
552. **Хлевнюк О.** Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.
553. **Хорьков А.** К вопросу о военнопленных // Военная мысль. 1991. № 6. С. 26–30.
554. **Он же.** Плен: трагедия миллионов // Трагедия и героизм: Советские военнопленные. 1941–1945 годы. М., 1999.
555. **Христофоров В.С.** Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–13.
556. **Черкасов Н.С.** Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып.3. Томск, 1965.
557. **Чудиновских Е.Н.** Военнопленные Второй мировой в Вятском крае // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 98–100.
558. **Чудов В.** Военнопленные – общего роду-племени // Эхо планеты. 1996. № 2. С. 14–15.
559. **Чухин И.И.** Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немок НКВД СССР. М.–Петрозаводск, 1995.
560. **Шарков А.В.** Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси, 1944–1951 гг. Минск, 2003.
561. **Он же.** Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании. Минск, 1997.

562. Шауэр Г.-Э. Образование Национального комитета «Свободная Германия» // Трагедия войны – трагедия плена... С. 116–118.
563. Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии. М., 1974.
564. Шилинцев Н. На стороне Красной Армии (О деятельности антифашистской организации в период Великой Отечественной войны) // Коммунист Молдавии. 1984. № 8. С.48–52.
565. Шильников А.С. Немецкие военнопленные и узники Второй мировой войны на Верхней Волге // «Минувшее, сливаясь с настоящим...»: Тихомировские чтения. Ярославль, 1993. С. 90–91.
566. Шильников А.С., Горобченко В.А. Лагерь-пересылка военнопленных и узников Второй мировой войны под Рыбинском / / Проблемы военного плена... Ч.1. С. 156–160.
567. Они же. Немецкие военнопленные и узники Второй мировой войны в Рыбинском крае (о некоторых направлениях историко-поисковой работы) // «Война – жесточе нету слова...»: Тез. докл. историко-краеведческой конф. Рыбинск, 1995. С. 24–26.
568. Они же. Немецкие военнопленные на территории Ярославской области в середине – второй половине 1940-х годов (к вопросу о некоторых направлениях поисковой работы) // Проблемы истории СССР и Германии 20–40-х годов: Материалы науч. конф. преподавателей исторического факультета и факультета общественных наук Ярославского и Кассельского университетов. Ярославль, 1991. С. 96–104.
569. Штайнбах П. Между предательством и сопротивлением (Спор вокруг НКСГ и СНО как историко-политический симптом на презентации экспозиции Мемориала Немецкого Сопротивления) // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 11–26.
570. Штайнбах П., Юбершер Г. Историография о НКСГ и СНО в Федеративной Республике Германии и западных странах/ / Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 131–148.
571. Штаркулла Х. О распространении листовок НКСГ // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 203–208.

572. *Штейдле Л.* Национальный комитет «Свободная Германия» и его роль в борьбе против германского империализма // Германский империализм и Вторая мировая война: Материалы науч. конф. и комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14–19 декабря 1959 г.) / Пер. с нем. М., 1961. С. 337–345.
573. *Щелокаева Т.А.* К вопросу об уголовном преследовании иностранных военнопленных в СССР (1943–1956) // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 1999. С. 174–175.
574. *Она же.* О международных обязательствах СССР по обращению с военнопленными в годы Второй мировой войны // Юридический вестн. 1999. № 19–20.
575. *Она же.* Правовой статус иностранных военнопленных на территории Кировской области в 1942–1956 гг. (К постановке проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарного и экономического образования в негосударственных вузах. Киров, 1998.
576. *Она же.* Советское законодательство о военнопленных (1939–1941 гг.) // Российская государственность на пороге XXI века. Киров, 2000.
577. *Юбершер Г.Р.* Значение битвы под Сталинградом для немецкого движения Сопротивления и для НКСГ/СНО // НКСГ – 50 лет... С. 52–60.
578. *Он же.* Избранные документы о НКСГ и СНО // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 248–283.
579. *Он же.* НКСГ и СНО в борьбе против Гитлера 1943–1945 гг. // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / Пер. изд. Герда Р.Юбершера. С. 27–45.
580. *Он же.* НКСГ и СНО в новой историографии Федеративной Республики Германия // Германия и Россия: события, образы, люди: Материалы Междунар. науч. конф. Вып.3. Воронеж, 2000. С. 137–144.
581. *Он же.* НКСГ и СНО в новой историографии Федеративной Республики Германия // Трагедия пленя: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. С. 40–46.
582. *Эйхельберг Е.* Военнопленные в Тюменской области // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. С. 143–145.
583. *Он же.* Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999.

584. Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.
585. Якушевский А. Расстрел в клеверном поле // Новое время. 1993. № 25. С. 42–46.
586. Он же. Участие Национального комитета «Свободная Германия» в пропаганде среди немецко-фашистских войск // НКСГ – 50 лет... С. 81–85.
587. Якушенко Е.В. Трагедия плены: причины и следствия // Трагедия и героизм... М., 1999.

III. Газетные публикации:

1. Авдеев С. О захоронении поляков в Тавде уральцы не слышали // Известия. 1998. 19 авг.
2. Асланов Г. Тевтонские кресты на нашей земле // Киевские ведомости. 2002. 17 июня. №128(2642).
3. Баранова Н.В. Вермахт на улицах Ярославля // Золотое кольцо. (Ярославль). 1997. 9 мая.
4. Она же. Вермахт на «химии» // Ярославская неделя. 1997. 18 апр.
5. Басова К. Испанские военнопленные в СССР // Комсомольская правда. 2003. 7 дек.
6. Блинновских С. Похороненные кладбища // Вечерний Челябинск. 1998. 2 июля.
7. Он же. Японцы почтили память своего солдата // Вечерний Челябинск. 1998. 2 янв.
8. Боженко А. Что скрывается за шумихой о военнопленных // Красная звезда. 1953. 23 окт.
9. Бовкун Е. Поправка к приговору // Русская Германия. (Берлин.) 2002. № 14. 8–14 апр.
10. Богомолов С. В поисках «второй Катыни». Существуют ли могилы польских офицеров в Тавде? // Уральский рабочий. 1998. 19 авг.
11. Он же. Мертвые сраму не имут // Уральский рабочий. 1994. 27 июля.
12. Бубрыгга Н. Тайна лагеря № 188 // Известия. 1990. 10 мая.
13. Букин С.С. В России не было лагерей смерти // Вечерний Новосибирск. 2000. 29 сент.

14. *Он же.* Жизнь и смерть военнопленных // Советская Сибирь. (Новосибирск.) 1999. 9 апр.
15. *Он же.* На этих могилах не ставят крестов...: Неизвестные кладбища немецких военнопленных в Сибири // Труд. 1993. 24 сент.
16. *Он же.* Сибирская одиссея немецких военнопленных // Новосибирские новости. 1993. 22–25 сент.
17. *Бурцев М.И.* Спецпропаганда без тайн // Красная звезда. 1990. 12 окт.
18. *Васьков М.* Плачут сосны над кладбищем пленных // Уральский рабочий. 1994. 2 дек.
19. Венгерский военнопленный вернулся на родину // Санкт-Петербургские Ведомости. 2000. 16 авг. № 150(2300).
20. Военнопленные на Тагильской земле // Лотос. (Нижний Тагил). 1993. 15 марта.
21. *Волгин В.* Русский плен // Красноярский рабочий. 1997. 1 нояб.
22. *Всеволодов В., Максимова Э.* Опасное знание // Известия. 2001. 17 янв.
23. *Вылегжанина Т.* Более полувека в плена // Вятский край. (Киров). 1999. 13 нояб.
24. *Гиматдинова Т., Ковалева Л.* Концлагерь... в Тарловке // Вечерние Челны. 2000. 20 сент.
25. *Гребнев И.* Как это было на земле // Тверская жизнь. 2002. 5 дек.
26. *Дунаев Ю.* Военнопленные на Урале // Уральский трубник. (Первоуральск). 1992. 28 окт.
27. *Дунаевский А.* Почему они сдаются в плен // Правда. 1942. 15 янв.; 1 февр.
28. *Епифанов Ю.* На Вологодчине строили конторы прямо на костях немецких военнопленных // Премьер. (Вологда). 2000. 28 июня.
29. *Ерин М., Баранова Н.* Пленный враг – уже не враг // Золотое кольцо. (Ярославль). 1994. 12 апр.
30. *Ерин М., Смирнов В.* Судьба военнопленных немцев // Северный рабочий. 1991. 21 нояб.
31. *Ермолович Н.* Память по венгерскому проекту // Северный курьер. (Петрозаводск). 2001. 25 мая. № 99(23915).
32. *Жудылина Л.* Люди на старом кладбище // Медногорский рабочий. 1997. 3 июля.

33. Жульнические маневры вокруг вопроса о военнопленных // Правда. 1953. 8 сент.
34. За колючей проволокой (по материалам В.Б.Конасова и В.В.Судакова) // «Московский комсомолец» в Вологде. 1999. 7–14 окт.
35. *Ирха Е.* Предателями не считать! // Архангельск. 1998. 17 сент.
36. *Каesta Г.* Возвратиться в прошлое // Уральский рабочий. 1992. 17 июня.
37. *Калганов А.* Как Иван и Василий рейхсфюрера СС поймали // Труд. 2000. 16–22 марта.
38. *Капустин А., Мотревич В.* Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. 1991. 31 мая.
39. *Катасонова Е.* Загадки японской кампании: Что повлияло на судьбу последних пленников Второй мировой войны // Независимая газета. 2000. 17 окт.
40. *Кобзик Л.* Юрий Попов: «Белорусская земля – живой архив военных операций. И это могло бы стать средством привлечения иностранных туристов» // Туризм и отдых. (Минск.) 2002. 13 июня.
41. *Кокшаров В.* Лагерь военнопленных в Телегове // Знамя. 1990. 5 апр.
42. *Колбина Л.* Мертвым не больно. Больно живым // Уральский рабочий. 1993. 17 сент.
43. *Колеров М.* Рабсила для страны Советов: Немецкие и японские военнопленные на стройках коммунизма // Зеркало. (Вологда). 2001. 1 авг.
44. *Комлев С.* Лагерь № 158: Пленные немцы строили в Череповце судоремонтный завод и речной порт, дома в районе площади Металлургов и улицы М.Горького // Речь. (Череповец). 2005. 20 мая. № 90(21510).
45. *Коновалов Б.* У советских ракетных триумфов было немецкое начало // Известия. 1992. Март. № 54–59.
46. *Кононов С.* Ветеран с той стороны фронта // Курьер. (Череповец). 1998. 23 июля.
47. *Конышева Е.* Военные погоды: забота или презрение?.. // Республика. (Газета СМ Республики Беларусь). 2004. 15 мая. № 89(3529).
48. *Кропман В.* Неизвестные кладбища // Пермские новости. 1992. 29 мая.

49. *Липский А.* Пропавшая армия: Интервью с президентом Российско-японского фонда «Покаяние» В.Архангельским // Новая газета. 2004. 9 авг.
50. *Лутыянова И.* О «корнете Рильке» и военнопленном Харльде Тойферс // Правда Севера. 1997. 30 янв.
51. *Она же.* Чтобы не были врагами // Правда Севера. 1997. 9 окт.
52. *Махин В.* Последний поклон солдату // Казахстанская правда. 2002. 20 июля.
53. *Михеев В.* Дань памяти: (О кладбищах немецких военнопленных в Ашинском районе) // Челябинский рабочий. 1995. № 82.
54. *Мотревич В.* Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. 1992. 2 февр.
55. *Он же.* Генералы вермахта в Асбесте // Асбестовский рабочий. 1994. 21 мая.
56. *Он же.* Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск. 1992. 7, 9, 11 июля.
57. О японских военнопленных // Красная звезда. 1992. 6 окт.
58. *Панин-Павлов В.* Плененные войной // Русская Германия. (Берлин.) 2002. № 25. 24–30 июня.
59. *Пермяков Г.* Зона смерти // Тихоокеанская звезда. 2000. 11 февр.
60. *Петрушин А.* Здесь когда-то лагерь был // Столица. (Тюмень). 1991. 21 сент.
61. *Поздеев Л.* Итальянцам в России поставлен памятник // Красная звезда. 1994. 16 июля.
62. *Полян П.* Потери вермахта и немецкие военнопленные в СССР // Русская мысль. (Париж). № 4384. 2001. 8 нояб.
63. *Попова С.* Настанет день, и журавлиной статей... // Южный Урал. (Оренбург). 1997. 2 июля.
64. *Потапова Н.* Восстанавливаются кладбища военнопленных // На смену! (Екатеринбург). 1992. 11 февр.
65. *Прокопенко А.* На войне, увы, как на войне: Беседа с директором ЦГА СССР А.Прокопенко о военнопленных французах, погибших в годы войны в спецлагерях НКВД // Известия. 1991. 11 янв.
66. *Он же.* О 37 000 умерших в СССР японских военнопленных // Российские вести. 1992. 1 авг.

67. *Он же*. Тайна лагеря № 188: Как вернулись на родину оказавшиеся в советском плену французы // Советская Россия. 1990. 20 апр.
68. *Он же*. 647 итальянцев действительно захоронены в Суздале // Известия. 1993. 5 июня.
69. *Пушкиров Г.* Неизвестная стройка // Уральский рабочий. 1999. 17 дек.
70. *Он же*. «С нами Бог» // Подробности. (Екатеринбург). 1998. 27 марта.
71. *Рейфе П.* Теперь мы живем в одном городе // Русская Германия. (Берлин). 2002. № 19. 13–19 мая.
72. *Рискин В.* Могила бывшего врага: Погосты военнопленных – знак памяти или забвения? // Челябинский рабочий. 2002. 18 сент.
73. *Романенко Р.* Возвращение Харольда Фера // Русский Север. 1994. 11 марта.
74. *Руднев В.* Орден бывшему японскому военнопленному // Известия. 1993. 13 апр.
75. *Русинов М.* Старый солдат не знает слов ненависти, хотя едва не умер в вологодских лагерях для военнопленных // Премьер. (Вологда). 1998. 5 авг.
76. *Рыжков В.* На погосте, далеком от родины // Казахстанская правда. 2003. 12 авг.
77. *Семенов Е.* Самарские пленники // Будни. 2003. 4 марта (№ 13).
78. *Сигачев Ю., Карпичев А.* Русская баня, или Как два немецких генерала и полковник жили в одном доме с сотрудником НКВД // Труд. 2000. 1 февр.
79. *Сизов И.* Мертвым не мстят // Российская газета. 1996. 29 февр.
80. *Смирнова И.* Благодарность военнопленного // Северный курьер. (Петрозаводск). 1998. 28 авг.
81. *Смыкалин А.* «Строители» из дивизии СС // Уральский рабочий. (Екатеринбург). 1995. 17 янв.
82. Сын нашел могилу отца // Вятский край. 2002. 5 июля.
83. *Тавровский Ю.* Бывшим японским военнопленным нужна помошь // Известия. 1990. 16 нояб.
84. *Он же*. Судьба японских военнопленных: Пора сказать правду // Известия. 1991. 11 янв.

85. *Танин С.* Позорный провал одной клеветы // Труд. 1950. 17 мая.
86. *Тищенко Я.* Лесные призраки лагеря № 476 // Урал «МК». (Екатеринбург). 1997. 20–27 нояб.
87. *Тузюк В.* Японская любовь к отеческим гробам // Владивосток. 2002. 29 сент.
88. *Устюжанин С.* Вермахт не прошел, но немцы в нашей земле остались // Егоршинские вести. (Артемовский). 1992. 13–19 сент.
89. *Швилкин Б.* Духи от Гартмана. Над секретным атомным проектом в Сухуми работали знаменитые немецкие физики и химики // Независимая газета. 1997. 4 февр.
90. Эхо далекой войны // Курьер. (Череповец). 2002. 28 авг.
91. *Юрченко И.* К нам едет герр Гремель // Телегазета. (Киев). 2001. 15 апр.

Приложение 2

Pechman J. Dawai, Dawai! Meine Kriegsgefangenschaft
in Ural 2 Mai 1945 – 17 Dezember 1947. Wien, 1997.

Иосиф Пехман. «Давай, Давай!». Мой плен на Урале
2 мая 1945 – 17 декабря 1947. Вена, 1997. С. 3–81.

Перевод О.В.Дородных

Предисловие

Это не художественное произведение, повествующее о жизни в военном плену, с этим нет ничего общего. Это исключительно мои воспоминания о том времени, когда я был в плену на Урале со 2 мая 1945 г. по 17 декабря 1947 г.

Испытания и переживания трех миллионов австрийцев и немцев и условия их проживания в более чем 400 лагерях бывшего Советского Союза были настолько различными, что в каждом новом месте законность по отношению к пленным проявлялась иначе. То, что происходило в лагерях в разное время, часто сильно отличалось.

Но сами воспоминания о том состоянии и событиях, которые пережили мои друзья, находясь в годы войны в таких же лагерях, могут быть выражены совершенно по-разному. Это я знаю по собственному опыту, когда я разговаривал со своими товарищами о том времени. Раньше меня часто спрашивали, неужели то, что я раскрываю в своих воспоминаниях, было на самом деле, ведь прошло уже так много времени.

Совершенно неожиданно мои воспоминания подтвердились, когда в начале 50-х гг. я думал о том, чтобы побывать на могиле своего друга Франца Бирбаумера на Урале, я обнаружил в Министерстве внутренних дел, в учетном деле Бирбаумера записку: Людвиг Шуттинг, который находился в госпитале вместе с Бирбаумером, извещает после своего возвращения на родину в начале 1948 г. близких родственников погибшего о смерти своего друга и описывает жизнь в том лагере.

Я очень благодарен доктору Альбину Шуттингу за предоставление мне копий заметок своего отца, умершего в 1987 г. Когда я их читал, у меня пробегал мороз по коже: это же мои собственные переживания и впечатления. Более того, то, что я забыл по проше-

ствии времени, вновь возникло у меня в памяти. В качестве подтверждения правдивости моих воспоминаний я могу предоставить свою записную книжку, которую мне, несмотря ни на что, удалось сохранить в плену, и с ней я вернулся на родину. В этой самодельной тетрадке я записывал важные дни и события.

За поддержку при сборе документов, имеющих отношение к моему плену, я прежде всего благодарен профессору университета в Граце доктору Стефану Карнеру, руководителю Института, названного в честь Людвига Больцмана, занимающегося исследованием последствий войны. Также благодарю его коллегу Александра Заворотного. Эти люди помогли мне в поиске лагерей, в которых я был, и предоставили в мое распоряжение специальную информацию о лагерях в Истоке и Алтынае. Архив австрийских военнопленных и интернированных в Советском Союзе предоставил из Москвы мое учетное дело. Также я хотел бы поблагодарить представителя бундестага Петера Ризера и руководителя «Австрийского черного креста» Штайермарка. Его деятельность в Екатеринбурге (бывшем Свердловске) очень многое смогла прояснить для меня. Он предоставил мне не только карту города и его окрестностей, но и помог установить связь с профессором, доктором исторических наук В.П.Мотревичем, который возглавляет Ассоциацию Военные мемориалы в Уральском регионе. Я очень признателен профессору В.П.Мотревичу за то, что он помог отыскать могилы пленных, за его участие в работе по благоустройству этих могил, где это было возможно. А то, что он сделал лично для меня, об этом я подробно пишу в своих воспоминаниях. Его искренняя готовность помочь, теплое отношение и понимание глубоко тронули меня, и за это, а также за его помощь в поиске могилы Франца Бирбаумера я ему очень признателен. Вместе с тем я хотел бы сердечно поблагодарить Ингрид Шредер из «Австрийского черного креста» за перевод писем профессора В.П.Мотревича.

Подробную информацию вместе с чертежами временного лагеря Фюрстенвальд на реке Шпрес я получил от Вильгельма Р.Элгзера (Бонн), которого я благодарю за предоставление мне его дневника.

Наконец, особую благодарность я выражаю своему племяннику Иогану Конраду, который занимался подготовкой книги к печати.

«Давай, давай!» – это были первые русские слова, которые пленные запомнили на всю жизнь. Не требовался переводчик, чтобы понять, что они обозначали. Это обращение к себе пленные

слышали тысячи раз с самого первого «руки вверх, давай, давай» до последнего «домой, давай, давай». Для меня эти слова стали синонимом плена, несвободы, и это определило мой выбор названия этой книги.

Эту книгу я написал для своей семьи, своих коллег, друзей, для тех, кто проявил к этому искренний интерес. Она посвящается памяти моей матери, которая в те годы неизвестности, страха страдала больше всего, несмотря на никогда не покидающую надежду.

Арест. —

**Побег не удался. — Первое «давай, давай». —
Благослови нас, господь**

«Бежим!» — я не могу вспомнить, осознавали ли мы, молодые солдаты, в каком положении мы находились: остров Ваннзе был уже полностью окружен в ночь с 28 на 29 апреля, уже тогда советские войска твердо обосновались в юго-западной части острова.

Ваннзе — это, скорее полуостров, чем остров, который омывается с северной и западной стороны рекою Хафель, а на востоке ограничен озером Ваннзе. На юге и юго-западе — это ряд небольших озер, связанных между собой каналами так, что только четырех мостов через эти каналы связывают острова сушей.

По одному из этих мостов мы должны были попытаться покинуть остров и проложить путь на запад в направлении армии Венка. Этим мостом был мост, названный в честь Фридриха Леопольда (сегодня мост Ваннзе), расположенный дальше всех на восток через связующий канал между малым и большим Ваннзе.

Но не тут-то было! Как только мы приблизились к мосту, мы увидели, что он был почти полностью разрушен, и только по одному друг за другом мы могли идти по плавающим в воде обломкам. Тогда я бы не придал этому значения (обычно в случае опасности ее важность чаще всего понимается неправильно), но мне кажется чудом, что я вместе со своим отрядом преодолел это препятствие. Только изучая историю нашей дивизии, я узнал, что главные силы отступавших войск объединились здесь. Солдаты двадцатой танковой пограничной дивизии, с которыми мы, отставшие солдаты пехотной дивизии, носящей имя Фридриха Людвига Яна, пришли на остров, не могли образовать на другой стороне берега плацдарм, через который можно было бы добраться до суши.

Мы, разношерстная толпа солдат разных родов войск и подразделений, женщины, пожилые люди двигались в юго-западном направлении, не замеченные врагом. Тем временем, для наступающих на территорию Бранденбурга и продвигающихся на запад до Потсдама советских войск эта местность давно уже была знакомым местом. Когда солдаты появились в некотором отдалении, мы приняли их сначала за своих – тех, кому удалось бежать, но внезапно раздались разрывы гранат в нашем «войске». От улицы и от большой толпы ничего не осталось. С двумя товарищами мне удалось добраться до расположенного неподалеку леса, где мы почувствовали себя в безопасности. Наивные и еще совсем не опытные в военном деле, мы надеялись затаиться здесь на весь день, а потом с наступлением темноты уйти. Кто видел Бранденбургские леса, тот знает, какие они редкие – едва ли здесь можно увидеть подлесок, а тем более листву.

Это продолжалось недолго, пока ротмистры не стали регулярно прочесывать лес и не обнаружили нас троих. Должны ли мы были оказать сопротивление? Мы были плохо вооружены, и в такой ситуации было бы глупо стрелять из пистолетов 07 калибра. Нам оставалось только поднять руки и сдаться.

Тут же трое бросились к нам, чтобы нас обыскать. Я думал, что речь идет об оружии или боеприпасах. Волнуясь, я совсем не понял, что они имеют в виду совершенно другое. Утрату своих красивых серебряных карманных часов (подарок моего крестного дяди на конфирмацию) я заметил только тогда, когда ротмистры, ругаясь, делили свою «добычу». Свой пистолет, который я считал особо опасным «подарком», беспокоил меня гораздо меньше.

Два солдата, молодой и пожилой, после столь грубого поступка по отношению к нам, готовы были расстрелять нас из автоматов, но оставили нас в живых и увеличили. Тогда мы впервые услышали слова «давай, давай», которые потом повторялись на протяжении всего плена. Сначала мне показалось, что это был приказ, произнесенный на австрийском диалекте как «вайтер, вайтер», как будто «вайтер» и «давай» – это слова с одинаковым значением. Само поведение и сопровождающие его жесты красноречиво указывали на содержание приказа. Несмотря на то что мы не поняли, что сказали русские, у меня сложилось впечатление, что более пожилой солдат из этих двоих был настроен более терпимо по отношению к нам, в то время как молодой солдат ругался, ворчал и запугивал нас.

Нам пришлось стоять на одной из широких улиц, чтобы пропустить колонну танков. Вдруг из одного остановившегося танка выпрыгнул человек, не говоря ни слова и размахивая пистолетом. Прежде, чем мы поняли, что здесь произошло, русский ударил одного из моих друзей рукойткой пистолета по лицу. К счастью, он не затронул глаз. Открытая рана начала сильно кровоточить. Второй товарищ получил такую сильную пощечину, что не устоял на ногах и упал. Меня этот человек из танка не тронул, а лишь запрыгнул обратно в машину и скрылся. Это было первое проявление несправедливости со стороны солдат-победителей, с которой в дальнейшем мне пришлось еще не раз столкнуться.

После того происшествия мы продолжили свой поход. Пострадавшего от удара друга, который почти ничего не видел из-за того, что кровь заливала его лицо, мы поставили в середину. Наша группа тем временем стала больше, так как на пути подвоза должны были ждать другие пленные. Все отправились к тому месту, где собирались пленные под дикие крики наших караульных, к аэродрому между Штансдорфом и Гютерсфельдом.

Сюда согнали уже сотни (или даже тысячи) немецких солдат. Подавленные, уставшие, разбившись группами, они сидели рядом. Вновь прибывших при входе обыскивали повторно: мы должны были освободить карманы, вывернув их наизнанку, рюкзаки и противогазные сумки. Свое «богатство» каждый должен был выложить перед собой: часы, если они еще не были утеряны, кольца, авторучки, зажигалки, сигареты, расчески, зеркала, свидетельства, фотографии, письма, — одним словом, все, что было с собой. То, что для этих скряг представляло какую-нибудь ценность, они присваивали себе. Отбирались даже столовые приборы. Если же у кого-то и оставалась ложка, то это было случайностью.

Вся процедура сопровождалась бранью, руганью, иногда применением силы, удовлетворяя этим свои собственнические потребности, и мы не надеялись на счастливое будущее. И если, несмотря ни на что, некоторым удавалось сохранить свои обручальные кольца и другие вещи, служившие воспоминаниями о доме в течение всего времени пребывания в плена, это считалось чудом. Я сам сохранил до своего возвращения на родину фотографию своей матери фрау Кауфман и Эрики.

Осенью 1991 г. профессор доктор Вихерт из Вайнзе привез нас сюда на своей машине, для нас же это было путешествием в прошлое. Мы нашли бывший аэродром как место склада обломков

Берлинской стены, горы обломков стены, частью ярко раскрашенные, — это символ несвободы в собственной стране.

2 мая 1945 г. здесь, на первом сборном пункте, после того как волна арестов немного утихла, я впервые со всей серьезностью осознал, что сам я арестован, что я лишен свободы и отдан в руки победителю. Что с нами произойдет, как долго это будет продолжаться? Как долго мы будем пребывать в состоянии подавленности, унижения? Оставят ли они нас в Германии или отправят в Россию? И если верно то, что мы слышали в течение нескольких лет по радио, то, что мы читаем в газетах, что нам обещали Гитлер, Геббельс, Ганс Фриче, то благослови нас, Господь!

Чувство ненужности, одиночества заставляло нас искать товарищества. В первые дни пребывания в плену царила сплоченность и теплое товарищеское отношение, которое до того момента было мне незнакомо. Каждый делился тем, что у него было, со своими товарищами: один — булкой хлеба, другой — палкой колбасы, мясными консервами или кусочками масла, и я удивлялся, откуда у некоторых моих земляков такие запасы. Из этих припасов и мне кое-что перепадало. Насколько мне помнится, в первое время, кроме пустого супа один раз в день, русские вообще больше ничего не давали. Мы снова и снова пересчитывали свои порции и делили их между собой. Это пересчитывание вошло у нас в привычку и осталось до освобождения из плена.

Поход на Восток. —

Минуя Бранденбург. — Тысячи мирных граждан попадают в плен. — Пароль «Держись!»

Мы недолго оставались в этом лагере. Уже на следующее утро мы отправились на Восток: разумеется, как и наши товарищи, мы отправились в Россию. Снова и снова русские подгоняли нас своими криками «Давай, давай». Рядом с колонной слева и справа шли караульные со штыком или автоматом. Так как им приходилось пересчитывать всех по порядку, они выполняли эту процедуру с помощью приклада, палки или штыка. Таким образом они соблюдали порядок в строю. При этом каждый старался, насколько это было возможно, занять место в середине колонны, чтобы избежать ударов, и никому не хотелось идти с краю. Из-за постоянных изменений в рядах русские позволяли себе еще большие вольности.

Хуже всего были кавалеристы, которые, сидя на своих лошадях, пугали нас и били плетками.

Особенно тяжело было раненым и больным. Когда они пытались не отставать, несмотря на то, что еле-еле тащились, нам приходилось нести их на себе. Но это продолжалось недолго, до первого выстрела, и тогда одним становилось меньше, но его быстро заменял другой. Для этого караульные подбирали людей просто с улицы или просто первого попавшегося под руку, и количество людей в строю снова становилось прежним. На Урале я встретил 65-летнего крестьянина из Померании, которого забрали, когда он работал в поле, и превратили в пленного, а позднее, в одном лагере, я встретил 4-летнюю парнишку...

Мы пересекали Бранденбург — одним словом, двигались на Восток. Мне запомнилось одно местечко из-за его необычного названия — Кенигсвустерхаузен.

Необычно было то, что лишь некоторые дома были заселены, другие — пусты. Жители либо погибли в сражениях, либо спаслись бегством. Там, где дверь была открыта, — побывали русские и вынесли остатки домашней утвари, если их уже не опередил кто-то другой. В таком случае они разбивали вдребезги то, что осталось. Жилые дома они не трогали. Видя этот разбой, я переживал за своих родителей и надеялся, что им не пришлось покинуть родной дом, спасаясь бегством.

В пути мы впервые столкнулись с советской пропагандой: портреты Сталина всевозможных размеров, листовки на домах, телеграфных столбах и арках, огромные лозунги вдоль улиц. Среди всего этого я увидел портреты ведущих деятелей Германии, прежде всего изображение Гитлера, которое можно было узнать по причёске и усам, с дьявольской рожей, похожей на волчью, оскаливших зубы и пожирающих детей. Геринг был похож на свинью, украшенную орденами, у Геббельса были косолапые ноги, он бежал из Москвы на запад по горящим русским деревням. Сначала для меня это было шоком, так как подобные изображения наших вождей мы не могли себе представить.

Как-то в пути мы узнали даже о смерти Гитлера. Караванные кричали: «Гитлер капут!» и сопровождали свои крики грубыми ужимками. Сначала мы приняли это за «шутку» русских, пока каким-то образом не разнеслась весть о том, что Гитлер действительно умер, погибнув в борьбе за рейх. Только намного позже, на

учениях в лагере, мы узнали правду о том, что 30 апреля он совершил самоубийство.

Очевидно, для того, чтобы шокировать нас и показать силу победителя, некоторые постовые даже хвалились тем, что умеют говорить по-немецки, например «фрау фик фик» или «фритц капут». Вскоре мы поняли, что русские называют всех немецких солдат фрицами, как для нас все русские были иванами.

Мы ночевали в очень тесных помещениях, часто это были подвалы без света. В одном из таких подвалов мой сосед вдруг закричал, когда заметил, что лежит рядом с трупом. Однажды мы остановились на берегу Одера, по одну сторону была вода, по другую – часовые, которые делали предупредительные выстрелы, чтобы предостеречь нас от попыток побега.

Но, несмотря на это, некоторые пытались перебраться вброд. За это следовала ужасная расправа. Теперь я уже не помню, удалось ли кому-то сбежать.

Дальше мы двигались только на Восток, и в течение нескольких дней стояла ужасная жара. Первые майские дни 1945 г. были очень жаркими, и мы страдали от жажды. В районах, которые мы проходили, на обочинах дороги стояли женщины и дети с ведрами вод, и мы пытались наполнить ею свою посуду. Караванные кричали на нас и били. Одни позволяли нам угтолить жажду, другие опрокидывали ведра с водой и прогоняли наших благодетелей. Уже с первых дней пребывания в плену среди русских мы разглядели таких, которые снискали уважение к себе криками и угрозами.

Пароль был «Держись!». Тот, кто падал и не мог подняться, был обречен на гибель. Выбиваясь из последних сил, обессиленные голодом и жаждой, мы тащились по жаре, сами себе приказывая «только не выдохнуться».

И так мы добрались 8 мая до казарм в лагере Фюрстенвальде на реке Шпрее. Когда нам позволили занять места на учебномplatz, многое для нас было уже позади, а перед глазами все казалось черным. Я упал и не помню, сколько оставался без сознания. Я пришел в себя после того, как мои товарищи занесли меня в здание и уложили на мешок соломы на полу. В последующие дни у меня была привилегия, так как мне было позволено спать на соломе, в то время как другие лежали на голом полу или на земле.

Мышли почти 6 дней, все время двигаясь на восток, главным образом по объездной дороге, чтобы не мешать идущему по главной дороге транспорту со снабжением для Красной армии, который

двигался тоже на запад. Мы намеренно шли в обход, и если воздушная линия составляла около 60 км, то мы, наверное, проходили более 10 км в день.

**Фюрстенвальде
(08.05.–20.05.1945)**

**Война капут! – Даже картофельные очистки
считались едой. – Первое знакомство со вшами**

Здесь, в лагере Фюрстенвальде, сначала было зтишье, и у нас было достаточно времени подумать. Несмотря на неопределенность своей собственной судьбы, я переживал за свою семью. Живы ли они? Как у них дела? С марта я не получал от них никаких известий и не знал, сумели ли они пережить это время. Временами я слушал сообщения по радио, я знал о сражениях в округе Киркберг на реке Раб, в 10 км от того места, где я вырос. Шли ли бои в этом местечке? Остались ли мои родители дома или они бежали? А что с моим другом в Норвегии?

Автоматная очередь отвлекла меня от тяжелых мыслей. Вдруг русские начали стрелять как бешеные. Я немного испугался, и был не единственным, кто считал, что русские быстро разделялись бы с нами. Вскоре мы услышали ликование, пение, крики «Гитлер капут!». Эти слова мы уже научились понимать. Крики и выстрелы прекратились вечером, русские праздновали свою победу по-своему. Нам в тот момент казалось, что они напрасно истратили слишком много боеприпасов.

В нас зарождалась надежда на то, что скоро они отпустят нас домой. По крайней мере, на какое-то время прекратилисьочные бомбардировки.

Но даже в так называемое «мирное время» с нами не очень-то хорошо обращались. Наши продовольственные запасы уже иссякли, все чаще урчало в животе. К счастью, некоторые из нас дежурили на кухне, они могли что-нибудь урвать, наполнить свою посуду и карманы чем-нибудь съестным. На казарменном дворе возникали кухоньки. Бывалые земляки добывали где-нибудь несколько кирпичей и складывали их, делая место для разведения костра. Им удавалось каким-то образом добывать дрова, и тогда получалась настоящая кухня. Сам я не ходил за «добавкой», но один из нашей группы всегда делился со мной очистками, они ка-

зались такими вкусными и наполняли желудок (хотя бы на некоторое время).

В лагере Фюрстенвальде я впервые познакомился с мыльным существом, которое не покидало нас на протяжении нескольких лет, — вошью. Неделями у нас не было возможности помыться, а о том, чтобы принять ванну, не могло быть и речи. К тому же одежда и нижнее белье не менялось несколько месяцев. Сначала чесались подмышки. Перед бараками на теплом весеннем солнышке мы снимали свои рубахи и начинали искать. То, что я нашел, я принял сначала за клопа, но мои товарищи, которым уже приходилось с этим сталкиваться, смеялись надо мной: «Да ведь это же обычные вши!» До этого момента я никогда в своей жизни не видел ни вшей, ни клопов. Теперь нашим главным занятием была борьба с этими надоедливыми существами.

Об этих заботах и проблемах, возникавших в связи со вшами, рассказывал Вильгельм Р.Эглер (Бонн), который тоже побывал в Фюрстенвальде. В своем дневнике он очень подробно описал пребывание в плену, и привез свои заметки домой. После войны мне удалось установить с ним контакт. Раньше он был в пехотной дивизии. Он предоставил свои дневники в мое распоряжение.

Так, например, он пишет: «17 мая, четверг. Приготовил себе жареный картофель. При осмотре белья обнаружил вшей, убил около двух дюжин. Это ужасно...»

Благодаря заметкам Эглера я теперь знаю подробности о лагере Фюрстенвальде:

«Мы находились в одной части уланской казармы. Она состояла из штаба — 1 здание, из 2 хозяйственных блоков с 3-я кухнями и 5-ю жилыми помещениями. Вокруг лагеря была двойная колючая проволока и заграждение из сетки высотой 3 метра. Здесь находилось около 15–20 тыс. человек. Всем этим руководил русский капитан и немецкий штабфельдфебель.

Лагерь был переполнен, у большинства не было кроватей, многие не имели даже соломы. В бараках было очень тесно.

Санитарные условия были плохими. Не было возможности помыться. Ставилось ведро или какая-нибудь жестянка, из которой мы ели или в которой готовили, в таких же условиях мы мылись. Воды было очень мало, только 2 помпы, да и та вода, что была, была заражена дизентерией. Водоразборный кран с питьевой водой чаще всего был перекрыт. Вместо туалета была большая яма. В

лагере было огромное количество вшей. Самая распространенная болезнь — понос.

Элгзер, который исполнял обязанности писца в роте, отмечал: «... около 600 австрийцев, 600 чехов, 300 румын, 100 жителей города Данциг, 100 поляков, 100 французов, среди них 1 негр, кроме того, литовцы, латыши, эстонцы, русские, немцы, голландцы, 2 норвежца, 3 жителя Люксембурга, 4 итальянца, 3 югослава, 150 венгров, датчане, 3 еврея в германской роте. В основном это немцы, живущие за границей, которые вообще не умеют говорить по-немецки, либо говорят, но очень плохо».

Этот интернационализм давал ему возможность заниматься своим хобби, уже тогда он коллекционировал монеты и банкноты других народов (когда он, будучи судетским немцем, попал в лагерь для военнопленных, где были исключительно чехи). Но все накопленное у него отобрали чехи, в том числе и его дневник, который он снова получил обратно позднее.

Кюстрин (21.05.–31.05.1945)

«Добавка» ко дню рождения. — Австрийцы едут домой

Около двух недель мы оставались в лагере Фюрстенвальде, потом отправились дальше на восток. 20 и 21 мая были воскресенье и понедельник, праздник Троицы, мы добрались до одного из старых городов-крепостей на реке Одер — Кюстрине. Я уже не помню, как долго мы находились в этом временном лагере, зато я отчетливо помню свой день рождения, который я «отмечал» здесь. Дождь шел как из ведра, но, несмотря на это или, может, именно поэтому мы отправились в поход.

Часами мы ходили по улицам. Нам это казалось чистой воды уловками, вероятно, русские хотели нам показать, что они подготовили немецкому вермахту. Они всегда приговаривали: «Пой, дай!» Теперь-то мы понимали, что это значило, но мы еще думали, что русские очень любили слушать наше пение. Им нравились песни с переливами, которые мы иногда просто насвистывали.

Когда мы, уставшие и нас kvозь помокши, возвращались в лагерь мы, наконец-то садились есть: хлеб и суп, при этом густой суп из картошки и свеклы мы очень высоко ценили. Я отважился притвориться и сказать раздатчику еды, что у меня сегодня день рождения. И тогда я получил добавку. В свой день рождения я по-

настоящему наелся и получил дополнительный кусок хлеба, который я припрятал на будущее (это был самый дорогой подарок в день рождения в то время).

Здесь, в Кюстрине, нас впервые разделили по национальностям, австрийцы и немцы располагались отдельно от других. Для меня и некоторых других пленных такое разделение было сначала непонятным. Но вскоре я заметил, что многие стали выдавать себя за австрийцев. Для этого были свои причины. Прошел слух, что австрийцы будут первыми, кого освободят. И когда мы однажды пришли на вокзал, мы были убеждены, по крайней мере, мы надеялись, что отправимся домой. Но мы отправились дальше на восток, и следующей остановкой для нас стала Польша.

Польша
(начало июня – 31 июля 1945)
«Автогонки» и другие развлечения. –
Чесоточные бараки. – Из Граца

Около двух месяцев Польша была моей родиной. И хотя это сказано, может, слишком сильно, но здесь я чувствовал себя относительно спокойно. С условиями в новом лагере мы более или менее примирились и привыкли к жизни.

Русские оставили нас в покое, судя по перекличкам утром и вечером. Но мы сами создавали проблемы: некоторые шутники во время счета по порядку номеров меняли свое место в очередной раз так, что у русских каждый раз получалось другое число. Они кричали и ругались, и процедура затягивалась надолго. Нам ничего не оставалось делать, как подчиняться, так как мы были свободны, если нас не распределяли на дежурство по казармам или не отправляли мести лагерные улицы или заниматься чем-то подобным. Я радовался, когда мне доставалась такая работа, именно тогда было время поразмышлять, помечтать.

Любимым времятпрепровождением было пение. Несколько запевал начинали, мигом подхватывали другие, и получался хор. Мы подражали музыкальным инструментам, и получался настоящий оркестр.

Все принимали участие в «автогонках»: одни создавали шум быстро приближающегося или быстро удаляющегося автомобиля, а «зрители» синхронно поворачивали головы то к одному, то к другому участнику, как будто они были на настоящих гонках на ста-

дионе. Подобное шоу во время переклички приводило русских в бешенство, случалось, что именно поэтому они нас еще на час оставляли на месте построения.

Однажды я заметил на руке между пальцев маленькие бугорки и пузырьки, которые начинали чесаться. Врач поставил диагноз – чесотка (это являлось следствием плохих санитарных условий). А так как эта болезнь была заразная, мне пришлось переселиться в барак для чесоточных, что вызвало у меня шок.

При построении на следующее утро зачитывались фамилии больных. Когда я услышал фамилию Курцманн, меня это насторожило, так как это была фамилия, которую у нас дома можно было услышать очень часто, да и моя мама, перед тем как выйти замуж, была Курцманн. На мой вопрос о своем происхождении товарищ по фамилии Курцманн ответил, что он родом из Граца, а если точнее, то из Вилденской области, из Хайлигенкройц. Полное имя этого человека – Густл Курцманн; и с его, и с моей стороны радость была огромная. Теперь был кто-то, с кем можно было поговорить о родине, и уже это давало почувствовать, что мы больше не одиноки.

Позднее мы вместе отправились в Россию, прошли вместе первые лагеря, пока нас незадолго до Рождества в 1945 году не разлучили. А когда мы возвращались домой, в декабре 1947 года, то мы вновь встретились. Это произошло в Румынии, в городе Яссы. Получилось так, что моего друга освободили раньше, чем меня, поэтому на родину он вернулся раньше и сообщил моей семье, что я на пути домой.

Другим страшным следствием безобразных санитарных условий стало образование у меня нарывов. Я был этим особо обеспокоен, так как у меня образовались большие наривы на затылке и на шее (до сих пор можно увидеть рубцы от них), а один образовался даже в ухе, там болело особенно сильно. Это вело к забавным последствиям: всех пленных стригли наголо, а у меня можно было состричь волосы только на макушке. И когда мне разрешили убрать повязку, то я был похож на монаха. Конечно, оставшиеся по бокам волосы тут же обстригли, и до освобождения в 1947 году у меня, как и у всех моих товарищей, была лысина (за исключением антифашистов и тех, кого считали привилегированными). Впрочем, позднее волосы сбивали подмышками и спереди, чтобы предотвратить образование гнезд, где плодятся вши.

Большое путешествие (01.08.—17.08.1945)

Как сельди в бочке. — Голод, вонь, грусть. Град камней как приветствие на Урале

Когда мы 1 августа 1945 года вышли из лагеря, мы снова надеялись, что едем домой. И вновь нас ожидало разочарование. Такая игра, повторялась в России каждый раз, когда мы меняли лагерь, и снова мы ошибались в том, что едем домой, потому что просто хотели в это верить. Сначала мы очень переживали, но постепенно чувства притуплялись, и мы вновь принимали действительность такой, какая она есть. Это само по себе тоже неплохо. Самое главное — не потерять надежду.

Наш вагон, который предназначался для перевозки скота, был переполнен более чем на 100 человек. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, как сельди в бочке. Густая и я занимали хорошие места под зарешеченным оконным проемом. И хотя снаружи он был заколочен, через щель все же проходило немного свежего воздуха, которого нам так не хватало. Порой вонь была просто невыносимой. Во время всей нашей поездки, которая длилась 17 дней, у нас не было возможности помыться. Картину дополняли «ароматы» от 100 человек и кадка в качестве туалета, а еще дыра в полу вагона с воронкообразной приставкой.

Тем, кто занимал место рядом с туалетом, сильно не повезло. Ситуация усугублялась тем, что у многих из нас был понос, так что место было постоянно занято.

Не менее неприятной была жажда. Когда в течение дня солнце нагревало вагон, то температура внутри поднималась так сильно, что это с трудом можно было выдержать. Когда однажды стали делить воду, дело дошло до жестокой драки, и при этом с трудом завоеванная капля могла пролиться. Всем становилось легче, когда начинался дождь.

Совсем плохи дела были у пожилого начальника финансовой части: у него давно уже был понос, и он почти полностью обессилел. Он стонал: «Друзья, помогите мне». Но что мы могли сделать? Этот человек получал лакомство намного лучше нашего, лечился там, где офицеры и люди более привилегированные; он был нашим надсмотрщиком и кровопийцей.

Нам приходилось смиряться с перекличками, которые устраивались несколько раз в день. С одной стороны, нас это радовало,

потому что во время этой процедуры двери вагона открывались, и мы наконец-то получали свежий воздух. С другой стороны, эти переклички в таких стесненных условиях были настоящим испытанием для караульных, и нередко они прибегали к помощи прилада или автомата. В то же время нас постоянно обыскивали, кажется, караульные менялись, и каждый новый состав надеялся обнаружить у пленных какое-нибудь богатство.

Здесь, в вагоне, мы впервые столкнулись с тем профессиональным уровнем, который впоследствии сыграл очень важную роль, — я имею в виду переводчиков. В лагерях это были свои люди. Когда нас привозили в самые первые лагеря, то крики и жесты русских были настолько выразительны, что нам не требовался переводчик.

Переводчиков появлялось все больше и больше. В большинстве случаев они вообще не умели говорить по-русски, они были, например, из Вены, а их мать или дед мог быть чехом, поэтому они все же могли понимать родственный язык. Некоторые были родом из Каринтии, и у них были родственные связи со Словенией. В плenу их знаний вполне хватало. Для русских эти пленные стали незаменимыми помощниками, и большинство из них становилось и нашими помощниками, например мой друг Роберт Штескаль.

Питание в пути было очень плохим, и его было мало. Поезд ехал день и ночь, и на раздачу еды едва хватало времени. Очень часто целый день мы оставались без супа и хлеба, и тут мы узнали, что такие русские сухари. Это такие твердые, как камни, остатки хлеба. В них было одно преимущество: их можно было долго держать во рту, и от этого возникало чувство, что желудок наполняется. Но, несмотря на это, голод оставался нашим неизменным спутником.

Что же нужно, чтобы побороть это вечное чувство голода? — говорить об обеде! Все были участниками таких разговоров, еда была для нас первостепенной темой.

Никого не интересовали женщины. Разумеется, об этом мечтали, этого больше всего хотели, по этому скучали. Но тогда еда была нашей главной темой. У некоторых метод наговориться до съеста превращался в настоящую манию, которая позднее в лагерях, когда нам было особенно плохо, охватывала все больше пленных.

В вагоне напротив меня расположилось двое пленных, у которых эта мания достигла своей кульминации: Франц Ипсмюллер, трактирщик из Вены, и Фриц Найзер, который выдавал себя за

продюсера. Они каждый день составляли меню из множества блюд. Во время этого занятия разгорался такой горячий спор, что один упрекал другого за отсутствие воображения: «Ведь это же у нас было только вчера!».

Когда на 17-й день нашего путешествия мы достигли цели и нам было позволено покинуть поезд, мы едва держались на ногах, некоторые просто падали, сказывалось наше долгое пребывание в положении сидя и стоя в вагоне. Чувство голода и жажды тоже давало о себе знать. Мы были очень слабые.

Как-то разнеслась весть о том, что мы прибыли в Свердловск, на Урал. Кто-то из наших узнал, что разница во времени с Москвой здесь два часа, значит, от нашего родного времени нас отделяло четыре часа.

В городе люди «приветствовали» нас, не скрывая враждебности: взрослые плевали в нашу сторону, дети кричали и бросали в нас камни. Наши караульные пытались спасти нас от этой атаки. Впрочем, так было только один раз за все время моего пребывания в плена. Больше я не сталкивался с такой ненавистью и злобой со стороны русского населения.

Калиновка

(17.08.-30.09.1945)

Первый лагерь: открытое пространство. –

Здесь я бы мог стать «специалистом». –

Смертельный выстрел. – Желание выжить требовало нечеловеческих сил

Казалось, что поход не кончится, мы тащились уставшие и не были уверены, что дойдем. После того, как мы уже какое-то время были в пути, перед нами вдруг появился забор из колючей проволоки с наблюдательной вышкой. Больше ничего не было видно, не было ни бараков, ни домов. Как потерянные, на пустой территории располагались два больших котла в углу огороженного четырехугольника.

В лагерных воротах нас встретил русский фельдфебель (основные воинские звания Красной армии мы уже выучили) и объяснил, что это и есть наш лагерь. Этот человек разговаривал с нами на хорошем немецком языке, и его высокий уровень знаний иностранного языка нас удивил. Объяснение этому нашлось быстро, когда фельдфебель отозвал пленных берлинцев и стал расспраши-

вать их об их родном городе, он беседовал с ними о табачной лавке на углу одной из улиц, о мяснике на какой-то площади. Такие встречи с земляками в русской форме нам еще не раз приходилось пережить.

Сейчас я уже не помню, как мы добрались до своих «избушек», должны ли мы были принести из леса ветки или за нас это уже сделали русские. Из этих веток мы мастерили себе «палатки», которые позднее, конечно, промокали, особенно когда начались дожди. Мы лежали на голом полу. Сначала мы не придавали этому значения, но когда стало холоднее, мы все начали страдать от ревматизма — как молодые, так и пожилые. Как-то мы сделали себе подстилки из соломы.

Утром нас гоняли на берег озера. На полпути дорога делилась: тропинка вправо вела к озеру, а прямо — в деревню Калиновку, которая располагалась неподалеку. Там была разрушенная церковь, которую использовали в качестве склада, и выходила эта тропинка к вокзалу.

Однажды утром, поздней осенью, когда лежал густой туман, один из пленных направился к этой развилке и далее незаметно прямо к вокзалу. Он спрятался в грузовом вагоне и надеялся, что поезд скоро отправится, и он окажется дома. Но когда при ближайшей перекличке его отсутствие было замечено, в лагере начался такой переполох... Фельдфебель не обещал нам ничего хорошего, если беглец сам не объявится. Вечером того же дня его обнаружили в вагоне и привели обратно в лагерь. Я уже не помню, что произошло с ним дальше.

Наша работа ограничивалась сначала более или менее подвижной деятельностью. Кажется, русские поняли, что от голодных и обессиленных дорогой пленных пока нечего ожидать. На одном строительном участке, где возникали жилые деревянные дома, мы должны были собирать и уносить деревянную щербину, которая отпадала при обработке ствола дерева. В первые дни для нас было достаточно нагрузки. Постепенно мы набирались опыта и могли работать плотниками. Необходимо было уметь обтесывать ствол дерева с двух сторон так, чтобы один ствол накладывался ровно на другой, образуя стены сруба. Знакомого еще с детства станка и плотничьего топорика здесь не было. Стволы лежали просто на перекладинах на земле, и чтобы их обтесать, мы использовали обыкновенные топоры. И, хотя до этого момента я никогда в жизни не занимался такой работой, кое-что у меня получалось, и от на-

чальника я не раз получал благодарность и награду в виде горсти махорки. Однажды при помоши переводчика он сказал мне, что я мог бы стать специалистом в этой сфере, если бы остался в Советском Союзе.

Самые сильные из нас начали с того, что носили бревна. Без дополнительной техники им приходилось поднимать эти тяжеленные бревна, и некоторые тут же теряли силы.

Уже здесь, на первом рабочем месте, присваивались звания, например столяр, слесарь, сапожник. Эти и многие другие профессии очень ценились русскими, и человек, занимающийся одной из этих работ и делающий ее хорошо, считался специалистом. Кто умел что-то делать, был в большом почете у русских. Еще специалистом считался тот, у кого был талант в ремесленном деле, и при этом он мог достигнуть высоких степеней в лагерной иерархии, он больше «зарабатывал», то есть получал больше хлеба, ему позволялось иногда работать в комнате офицера, и он имел некоторые другие привилегии. Одним словом, специалист был человеком, добившимся положения в обществе. И наши товарищи, которые здесь при строительстве складывали бревна, ровняли их и возводили стены, были если и не квалифицированными плотниками, то, по меньшей мере, завидными мастерами.

Стройка располагалась рядом с блоком казарм. Весь день мы видели и слышали, как там муштровали и мучили солдат —казалось, это было еще хуже, чем порядки у пруссаков во времена их военного расцвета.

На улице, которая проходила между нашей стройкой и забором казармы, солдаты ездили в своих запряженных лошадьми повозках. Чаще всего они носились с бешеною скоростью так, что мы исчезали в облаке пыли. Один из наших вахтеров хотел было вмешаться, крикнув на кучера, но тот никак не отреагировал. Тогда наш постовой схватил автомат и сделал предупредительный выстрел в воздух. К несчастью, он прицелился недостаточно высоко, а в эту самую секунду один из наших товарищей выпрямился, и тут же замертво упал на землю.

Русские очень сильно переживали, мы тоже были в ужасе и оплакивали товарища. Очевидно, русские хотели выразить свое сожаление, поэтому они объявили, что выстрел насмерть приравнивается к 25 годам в Сибири. В день похорон случайно убитого товарища весь лагерь не работал и все пленные, а также русские офицеры, провожали погибшего в последний путь. Немецкие офи-

церы были приглашены и несли на похоронах военные награды, но их было немного, так как многие знаки отличия были отняты раньше и не сохранились.

Проходили дни, недели, ночи становились холоднее и свежее, потом начались еще и дожди. А мы все еще жили в своих палатках, которые сами смастерили из веточек. Теперь мы пытались их утеплять, например, древесной корой и опавшими листьями. Иногда с нами случалось невероятное: во время работ мы промокали до нитки, у нас не было возможности ни поменять белье или одежду, ни высушить ее. Такими мокрыми мы ложились в своих палатках без простыни и одеяла. Сырые вещи сушились на теле, и на следующее утро мы снова шли на работу. Долгое время у нас не было больных простудой. Позднее, будучи еще в плену, я убеждался, что когда человек чего-то хочет, когда перед ним стоит задача выжить, тогда он может справиться с невероятным и вынести многое.

К концу сентября мы оставили лагерь. Чтобы собраться, нам требовалось не так много времени, так как все наше имущество состояло из того, что было на нас, да еще из рюкзака, посуды, из которой мы ели, — консервных банок с проволокой вместо ручки.

Исток (314/4)
(01.10.—27.11.1945)

**6 недель суп и каша из кукурузы. —
Офицеры деградируют. — Работа в совхозе**

Путь в новый лагерь мы прокладывали пешком, это было не так далеко (как я отмечал в своих заметках). 30 сентября мы были еще в лагере Калиновка, а 1 октября уже в Истоке. Я едва вспоминаю условия в этом лагере, но я ясно помню (и Людвиг Шуттинг подтверждает это в своем письме от 11 февраля 1948) то, что наше меню на протяжении 6 недель состояло из кукурузы и хлеба: 3 раза в день мы ели суп из кукурузы, да еще 1 раз была кукурузная каша (это тот же самый суп, только погуще) и 600 г хлеба. Некоторые не могли переносить этот суп изо дня в день и страдали от поноса и аллергии. Мне, жителю Штирии, это было привычно. Когда я был ребенком, то 2 раза в день, утром и вечером, ел такую кашу, и здесь, в лагере, мне ничего не стоило есть суп и кашу.

В Истоке офицеры сначала считались привилегированным классом. Им не нужно было работать, у них было хорошее питание:

белый хлеб, масло. Они имели право голоса, их часто назначали бригадирами, и они водили нас на работу. Именно в этом лагере произошел случай с начальником финансовой службы, о котором я уже упоминал и который страдал от поноса по дороге в Россию. Между тем, спустя какое-то время, он поправился, вошел в роль большого начальника и был нашим надсмотрщиком, но однажды этому пришел конец.

За одну ночь все изменилось: у офицеров отобрали знаки, определяющие их чин, теперь они должны были работать, как и мы, и получали питание, как и мы. Позднее многие из них стали настоящими личностями, и мы выбирали их как старост в бараке, как доверенных лиц.

Хотя я с трудом припоминаю детали того, что произошло в этом лагере, но на сегодня я располагаю достаточными сведениями об Истоке: от профессора доктора С. Карнера, а также от коллеги А. Заворотного в мае 1994 года я получил копию плана вместе с характеристикой. Такие сведения предоставлялись 2 раза в год: 15 января и 15 июля в ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных). Предоставленные в мое распоряжение сведения были датированы 10 августа 1946 г., то есть через год после моего пребывания в том лагере. Но, насколько я был знаком с условиями, тогда вряд ли что-то могло измениться.

Отделение лагеря находилось у совхоза «Исток» Министерства внутренних дел близ Арамиля (Свердловская область), который находился в 6 км от железнодорожной станции Кольцово. Позднее представитель Бундестага Петер Рецер привез для меня с Урала план города Свердловска с окрестностями, все названные мною в воспоминаниях местности я могу точно показать на карте.

Допустимая вместимость лагеря в Истоке составляла, согласно этим сведениям, 700, в крайнем случае 900 человек. Но пленных в августе 1946 года было 1 558 чел. Они размещались в деревянных домах на 300 человек и в бараках на 380 человек. Не требуется много фантазии, чтобы представить себе эти жилищные условия. Названные в отчете полки вагонного типа в несколько этажей не были на самом деле никакими полками. Единственным местом, на котором можно было лежать, была доска, проходящая из одного конца барака в другой. Такие доски располагались друг над другом в 2 или 3 этажа.

Может, это было не только в Истоке, но и в любом другом лагере. Я вспоминаю, что однажды мы так тесно лежали, что могли

повернуться только все разом. Если ночью кому-то надо было выйти, то после его возвращения его место было занято и ему приходилось расталкивать всех.

Далее в отчете говорится, что военнопленные работали в совхозе «Исток», который находился от лагеря на расстоянии 3 км. Сам я не помню, чтобы мы там работали.

**Поретши (ОРБ № 428)
(01.12.1945–27.01.1946)**

Самое печальное Рождество в моей жизни. – Разгрузка дров в новогоднюю ночь при температуре -52 градуса. – Упрямые японцы и прилежные немцы

В моих записях о лагерях отсутствуют 3 дня. Там записано:
1.10. – 27.11.1945 – Исток
1.12.1945 – 27.1.1946 – Поретшино

Сомнение и неуверенность имели место до недавнего времени из-за обозначения местности. В моей записной книжке стоит: «Поретшино». Из моего учетного дела, которое в марте 1946 года было заведено в Алтынае, видно, что я был в особом рабочем батальоне № 428. Этот ОРБ находился в Поретше; это, как я позднее выяснил у профессора Мотревича, небольшая железнодорожная станция, расположенная в 30 км восточнее Туринска. Моя запись «Поретшино» была неправильной.

Но откуда эта ошибка? Я старался правильно записывать указания всех местностей, по крайней мере, правильно с точки зрения произношения. Кажется, дело в том, что русским был свойственен слог «-ино» (то же самое рассказывает Людвиг Шуттинг, ситуация с местом под названием «Мамино»).

Поретши – с этим словом у меня связаны ассоциации с холодом, там в новогоднюю ночь 1945 года на термометре, который висел на здании вокзала, мы увидели температуру 52 градуса ниже ноля.

Эта ночь осталась в моей памяти как одна из самых плохих во время всего моего пребывания в плена. Еще утром 31 декабря мы направились к вокзалу, находившемуся где-то в 6 км от нашего лагеря, где мы должны были разгружать лес.

При разгрузочных работах лагерная администрация, вероятно, платила нам больше в том случае, если вагоны разгружались быстро. Каждый раз на такое мероприятие всех пленных, кто был в состоянии передвигаться, гнали к вокзалу, никого не шадили.

Эта разгрузка вагонов отбирала у нас последние силы. Позднее, уже после своего возвращения домой, когда я видел транспорт с деревом, я крестился.

В тот день мы прождали вагоны очень долго. Нас заперли в совершенно пустом, неотапливаемом помещении, оставив на целый день без еды. Чтобы хоть как-то согреться, мы ходили кругами, практически не садились, не отдыхали, чтобы не замерзнуть.

Было уже темно, когда вагоны, наконец, прибыли. Тут-то и закипела наша работа. Начальник и караульные гоняли нас как сумасшедшие, они кричали и ругались, если им казалось, что мы работаем медленно. Поздно вечером из лагеря принесли бадью супа из капусты, его еще не успели разогреть, как опять раздались крики: «Работай, давай!» Некоторые просто не выдерживали, они падали и оставались лежать в снегу. Мы тащили их к огню, который поддерживали караульные, чтобы отогреть их. Пока пленные у огня не шевелились, караульные были спокойны, но как только те отворачивались от огня из-за жары, их снова гнали на работу, часто прибегая к помощи приклада.

Так как вагоны были доверху нагружены, нам приходилось поднимать тяжелые бревна. Бревна лежали в вагонах под открытым небом, а сверху были еще покрыты снегом. Снег попадал в рукава гимнастерки, таял от температуры тела, рукава сырели и очень быстро из-за холода замерзали. Кроме того, приходилось постоянно следить за своим соседом, не побелели ли у него нос и уши, это был признак начинавшегося обморожения. В таком случае помогало только быстрое, но осторожное растирание снегом, пока кровь снова не приливала к побелевшему месту.

Если снег не помогал, то последствия были печальными: было очень много пленных с отмороженными носами и ушами. И очень опасно, если были отморожены пальцы ног, хотя валенки и были хорошей защитой от холода, они, если однажды промокли насквозь, уже больше не грели, часто выходом из такой ситуации служила ампутация.

Когда после нескольких часов вагоны, наконец, были разгружены, постовые торопились вернуться в лагерь (Людвиг Шуттинг писал о том, что рабочий день продолжался с 8 часов вечера до 4 часов утра). Совершенно против обычая мы возвращались в лагерь, и нам не устроили перекличку. Но постовые на вахте у лагерных ворот, которые точно и аккуратно вели списки при входе и выходе из лагеря, определяя, все ли прошли, кто-то отсутствовал, и они

забили тревогу. Никому не разрешалось идти в барак, мы должны были еще раз построиться и нас вновь пересчитывали, выясняя, кого нет. Наконец, двое патрульных с некоторыми пленными отправились искать пропавшего, и они нашли его на том самом месте, где мы разгружали вагоны; немного в стороне, в низине, он лежал в снегу сильно замерзший (Людвиг Шуттинг вспомнил имя этого несчастного: его звали Штумпф). Должно быть, он вышел из строя, обессиленный, не смог устоять на ногах, упал и так и остался лежать. Но почему никто из нас его не заметил, мне непонятно.

С этого кошмарного события начался 1946 год, совсем не оптимистичное начало! Но на самом деле было еще хуже, так как наше следующее переселение привело нас в лагерь ужасов.

Перед только что описанной ночью мы отмечали Рождество. Для русских 25 декабря был обычным днем, так как, с одной стороны, они не отмечали этот христианский праздник, а с другой стороны, русский православный календарь отставал от нашего григорианского на 13 дней. И когда священник, который проживал в том же самом бараке, где и я, хотел устроить маленький праздник по поводу Рождества с молитвой и речью, ему это не удалось, так как ворвался караульный и «проучил» этого священника. Должно быть кто-то его выдал.

Но, несмотря на такое недоразумение, я и мой друг Гансл Лойскандл, место которого было рядом с моим, устроили праздник. К сожалению, рядом не было Г.Курцманна (нас разделили, когда меня перевели в Поретппи). Гансл Лойскандл был на год старше меня, состояние его здоровья было плохим, он был дистроиком, а значит, нетрудоспособным. Дополнительно к своему питанию он получал кусочек масла и белый хлеб вместо нашего клейкого «сталинского кирпичика».

Когда вечером после работы мы лежали рядом, то рассказывали друг другу о доме, о возвращении на родину, которого мы ждали с нетерпением; о том, что бы мы съели. Гансл мечтал о супе, а я рассказывал ему рецепт гречневой каши по-турецки; и еще я попросил бы маму, чтобы она сварила мне пшеничную кашу на молоке, масле, с сахаром и медом...

Перед Рождеством мы оба сделали маленький запас: Гансл сэкономил свое масло, а я – сахар. Свой рацион махорки мы обменяли на хлеб, так что в сочельник в своем бараке мы устроили настоящий пир: поджаренный в печке хлеб, сверху масло и сахар.

Один из нас раздобыл огарки свечи, которые мы, за неимением рождественской елки, поставили на перекладины своих нар и зажгли. В этом свете был не только огонек свечи, но и огоньки наших глаз.

Когда запели песню «Тихая ночь», некоторые пытались сначала подпевать, но вскоре прекрасная мелодия превратилась в всхлипывание. Слишком тяжелы для нас были мысли, каждый, наверное, в душе и мыслью был за тысячи километров отсюда со своими близкими дома. Живы ли они? Уже почти год я не получал от них никаких известий. Как у них дела? Наверное, они беспокоятся обо мне. Сегодня они собрались у рождественской елки и будут молиться, чтобы хоть что-то узнать о судьбе своего Пэпи. Мама будет плакать, а я не могу ей сказать, что у меня, судя по обстоятельствам, все нормально. В эти минуты тоска по дому была особенно сильной. Это Рождество было самым печальным в моей жизни.

С надеждой, что в новом году мы вернемся домой, мы встретили 1946 год. Для моего друга Гансла пробил его час. Его состояние становилось с каждым днем хуже, кроме того, у него были больные легкие. Летом 1946 года его отправили домой в Нижнюю Австрию. Позднее в том же году он написал моим родителям, что я жив-здоров.

Январь принес еще более холодные дни. По отношению к нам, пленным, существовало правило: мы не должны работать, если термометр опускался ниже 35 градусов. Но согласно поговорке «у Бога и у русских все возможно», это правило, разумеется, не действовало, когда требовали того обстоятельства. Например, нужно было грузить дерево в вагоны, как это было в новогоднюю ночь 1945/1946 года. При холода разница между -35° и -50° совсем не чувствуется. Когда мы по-страшному мерзли, когда солнце стояло над горизонтом около 9 часов.

В связи с солнцестоянием мне пришло на ум обращение русского старшего лейтенанта, который отлично говорил по-немецки, причем он не был иммигрантом. Он всегда обращался к нам со словами, что пора работать, солнце уже давно встало. Он хотел сделать нам комплимент, когда говорил, что немцы славятся как лучшие работники во всем мире. «Вот и докажите, что вы – настоящие немцы», и мы доказывали.

Совершенно иными были японские пленные. Они располагались недалеко от нас, в маленьком лагере. Они выполняли распоряжения только своих офицеров.

Однажды японцы должны были подкатить уже нагруженный вагон. Они стояли у вагона, делая вид, что упираются, но они не прилагали к выполнению своего задания ни малейшего усилия. Русские угрожали, кричали, ругались, но все напрасно! И тут вмешался тот самый лейтенант, о котором я уже упоминал: «Сейчас нам немцы покажут, что значит работать». И мы снова показывали. Японцы отходили в сторону не без усмешки, а мы, прилежные немцы, мужались и выступали в роли переводчиков локомотивов. Что это? Следствие нашего рабского повиновения или сознательное отношение к труду?

В конце января мы узнали, что австрийцы едут домой. Когда мы направлялись к вокзалу, мы твердо верили в то, что больные и нетрудоспособные должны остаться в лагере, так как они нетранспортабельны. Неужели четверо наших караульных под командованием молодого лейтенанта, который хорошо говорил по-немецки, были в хороших с ним отношениях? Впервые нам позволили зайти в настоящий пассажирский поезд и не грузить вагон, предназначенный для перевозки скота. Наша еда была, как всегда, скучной: хлеб и кусок сильно посоленной лососи, после которой очень хотелось пить, но пить было нечего. К счастью, было достаточно снега, и мы могли очень долго держать во рту снежный комочек, пока он не растает.

В пути наш лейтенант простыл. Сначала мы направились в главный лагерь в Свердловске. Было темно, когда мы туда прибыли. Уже издалека мы увидели прожекторы на наблюдательной вышке лагеря, и что-то еще нам показалось очень родным. Мы были уставшие и голодные, было ужасно холодно, а в жилых бараках было, наверное, теплее и было что-то горячее поесть и попить.

Но какое разочарование: нам туда было нельзя! Час за часом мы стояли холодной ночью перед воротами лагеря, лейтенант исчез, караульные были раздражены, так как им тоже было холодно, и они маршировали, как мы. Когда мы, наконец, переступили ворота лагеря, кухня была давно уже закрыта, не было еды, не было чая. И никто не знал, почему мы столько времениостояли на улице.

А потом при каждой смене лагеря, да и при пересезде из одного барака в другой начиналась борьба за «удобное» лежачее место, не у входа, особенно зимой, а ближе к печке и желательно на верхней полке, так как там было самое теплое место. Это всегда было связано с небольшим волнением, нередко происходили ссоры.

Через неделю мы снова отправились к вокзалу, все еще надеясь, что на этот раз мы едем домой. Сегодня, вспомнив прошлое, уже не кажется невозможным, что несмотря на столько разочарований, продолжаешь надеяться, что на этот раз все получится. Я был уверен, что только тот выдержит, кто не теряет надежду, а кто сомневался, тот был, действительно, потерян сам для себя.

**Алтынай (523/5)
(07.02.–05.05.1946)**

**Настоящий лагерь ужасов. – Хозяева венгры. –
Франц Бирбаумер умирает от голода и отчаяния. –
Симулянты. – В вагон для штрафников**

Вскоре выяснилось, что снова ничего не получилось с поездкой домой. Наш поезд двигался в северо-восточном направлении, это мы определили ночью по расположению звезд на небе. Железнодорожная станция, где мы утром вышли, называлась «Алтынай».

В течение нескольких часов мы шли пешком, сначала по сильно заснеженным тропинкам, а потом по рельсам нашего нового лагеря. Я не помню, как долго мы шли эти 16 километров. Смертельно усталые, мы пришли в лагерь, у лагерных ворот нас уже ждал командующий лагеря со словами: «Вы только на себя посмотрите, дряблые австрийцы. Я заставлю вас шевелиться!» Это звучало многообещающе. В тот момент мы думали о том, что с победой Красной армии будет побежден и немецкий милитаризм. Мы не предполагали, что именно здесь столкнемся с настоящим ужасом.

План Алтынай я получил вместе с данными от 9 августа 1946 года. Непонятно почему, но в списке отсутствующих зданий для обычного завода лагерного отделения на первом месте стоял «куб». И это в то время, как здесь были не то чтобы примитивные санитарные условия, вообще не было воды, неделами не менялось белье, никакой дезинсекции, а наоборот, масса вшей, отсутствовало электричество в жилых бараках, не говоря о керосиновых и карбидных лампах. Чтобы нам было светло в случае деликатной процедуры, имеется в виду деление хлеба, мы брали с собой из леса кору дерева, главным образом, бересту. Мы разжигали ее на жестяной подставке, она горела относительно медленно, зато очень много было сажи. Отсюда последствия: у завсегдатаев верхних полок раньше, чем у всех остальных, лица чернели от сажи. А так

как мы не могли вымыться по-настоящему, то на нас было страшно смотреть. В этом была наша проблема.

В лагере было уже примерно 300 венгров, 60 румын, 50 немцев пленных, к ним еще прибавились мы, 50 австрийцев. Вскоре мы узнали, что человек в безупречной униформе с блестящими офицерскими штиблетами, которого нам, новобранцам, представили как лагерного руководителя, по правде говоря, был венгром, который, разумеется, выполнял приказы русского начальства и был в его подчинении. Венгры занимали ключевые позиции, которые для пленных были очень важны: кухня, хлеборезная, отдел снабжения.

Кто мог делить продовольствие, у того была, действительно, власть, так как была возможность наесться. Наверное, некоторые из этих людей в тот момент, когда оказывались на кухне, становились слабее, поэтому я никого не могу осуждать. Я убежден, что русские таким образом «купили» венгров. Вот почему для них, очевидно, была выбрана выгодная работа, в то время, как мы, например, неутомимо трудились, не успевая выполнять положенной нормы.

Так как сфера влияния венгерского лагерного руководителя была ограничена, он применял свою власть тем беспощадней на абсолютно бесправных немецкоязычных пленных. Он придирился к нам, где только можно было, обзвывал нас фашистами и военными преступниками и способствовал осуждению немалого количества людей. Внезапно этот венгр исчез, а позднее мы услышали дикий крик. Это был крик боли, который доносился из госпиталя. Лагерный руководитель страдал от воспаления среднего уха, вероятно, он умирал уже. Больше мы его не видели, и никто из нас не спрашивал о нем.

Работу, которую мы вынуждены были здесь делать, мы знали уже с Поретти: работа в лесу. Несмотря на физическое напряжение и на ненасытья, прежде всего холода, я должен был быть благодарен, что мое место было на фабрике на свежем воздухе, а в шахте – никогда.

На рассвете, когда еще было совсем темно, и вечером (тоже в темноте) мы покидали лагерь и возвращались обратно. Приблизительно час мы тратили на дорогу, причем идти нам приходилось по железной дороге. Кто уже однажды ходил по шпалам, тот знает, как это утомительно. Это больше похоже на подскоки, а не на ходьбу.

Еще одна проблема состояла в том, что караульные хотели, чтобы мы всегда пели, а они бы нас слушали: «Давай, пой! Три, четыре!» Очень русским хотелось услышать песню «Это был эдельвейс». Откуда эта песня была известна русским, было непонятно. Иногда пение не удавалось, потому что мы не могли идти в ногу или потому что нам мешали венгры и румыны, но приказ есть приказ. Нам не оставалось ничего другого, как последовать приказу русских, иначе они обращались к помощи приклада.

Придя на рабочее место, начальник делал работу и указывал на деревья, которые необходимо свалить; на каждое дерево приходилась рабочая команда, состоящая из двух человек. Так как снега было много, приходилось сначала откапывать деревья, чтобы их можно было спилить как можно ближе к земле. Пилы были не заточены, топоры — тупис.

К моему несчастью, у меня был друг-шахтер Франц Ипсмюллер, выходец из 17-го венского округа, который стал непригодным к работе и у которого не было сил управляться с пилой. Не только потому, что он неправильно пропускал пилу со своей стороны, он еще и с моей стороны направлял ее неверно. Мы ужасно мучились, и работа дальше не продвигалась, мы слишком отставали от нормы, и следствием этого было то, что вместо 600 г хлеба мы получали только 400.

Когда дерево, наконец-то, падало, мы обрубали его ветки и сносили их в кучу, а потом сжигали. Сжигание такой кучи хвороста было в прямом смысле слова желаемой работой, так как можно было погреться и «поохотиться» на вшей. Стоя близко к огню, мы расстегивали гимнастерки, вытаскивали рубахи, из подмышек извлекали пристроившихся вшей, затем предавали их огню. В течение недель у нас не было дезинсекции, мы не получали чистого белья и в бараках не могли по-настоящему охотиться на вшей из-за отсутствия света. Поэтому минутами у огня мы наслаждались, особенно тогда, когда наш караульный был в хорошем настроении.

Деревья, в зависимости от толщины ствола (3 метра или 1 метр), нужно было распилить и уложить. На лошадях эти бревна увозили к складу. Нам, пленным, было очень жалко лошадей, когда русские, «заботливо» крича и ругаясь, колотили их и требовали от животных невозможного.

Метровые куски мы должны были сами тащить по дороге и складывать. Каждый вечер начальник проверял работу и наши результаты заносил в список; к этим результатам он прибавлял

еще процент выполненной нормы. После этого начиналось деление хлеба, но не так, чтобы за прилежную работу хлеба давали большие. Нет. Если норма не выполнялась, то из положенных 600 г хлеба несколько граммов вычиталось.

На обратном пути в лагерь мы пытались прятать и незаметно проносить деревянные бруски под гимнастёркой. Они служили нам материалом для топки, так как количество дров в бараках было строго ограничено. К сожалению, эта контрабанда нам удавалась очень редко, так как у караульных, вероятно, тоже очень мало было дров, и они отбирали у нас бруски, когда возвращались в лагерь.

Не успевали мы дойти до своих мест в бараках до смерти уставшие и насквозь промокшие, как снаружи мы слышали команду своего венгерского руководителя: «Всем выйти, взять брёвна!» И мы снова выходили, не венгры, не румыны. Мы шли к тому месту, где лежали брёвна, брали их и тащили для кухни, часто это длилось часами и только потом был «ужин», состоявший из одной поварёшки пустого супа из капусты и маленькой разливательной ложки каши, которая в этом лагере в большинстве случаев была водянистая, из замёрзших картофельных очисток или репы.

Питание и отношение, вместе взятые, в лагере в Алтынае были до того безобразными, что не только слабым становилось плохо, это сказывалось и на сильных людях, каким был мой друг Франц Бирмаумер, работник сельского хозяйства из Нижней Австрии: коренастый, плотный человек тридцати пяти лет с голубыми глазами; очень интеллигентный, с которым можно было обо всём поговорить и который многое повидал ещё до войны.

Здесь, в Алтынае, он сомневался, но, несмотря на это, продолжая надеяться на возвращение домой, и это было самое плохое. К тому же он страдал оттого, что постоянно недоедал. Он угасал прямо на глазах, у него отекли ступни, а когда он начал утолять свой голод протухшими кухонными отходами, то достиг уже самой последней, низшей ступени. Он попал в госпиталь, где через несколько дней, в марте 1946 года, умер. Людвиг Шуттинг лежал в госпитале вместе с ним. После своего возвращения домой, он сообщил 11 февраля 1948 года родственнику Франца Бирбаумера о страшном событии: «...3,4 марта пленный Бирбаумер попал в госпиталь больной и совершенно истощённый. Насколько мне известно, у него был сильный понос и он был не в состоянии что-либо есть из того, что нам давали. Через два дня утром его нашли мёрт-»

вым в лагере. И это при том, что он на протяжении всей болезни спокойно вёл себя».

По какой-то причине на следующий день я не пошёл на работу, и с некоторыми товарищами я принимал участие в захоронении Ф.Бирбаума. Я до сих пор не могу забыть того кошмарного состояния, которое у меня было, когда я увидел своего умершего друга раздетым на санях. На небольшом пригорке за пределами лагеря мы выкопали неглубокую яму в промёрзшей земле... Я не помню, было ли как-то обозначено место захоронения.

С тех пор я интенсивно занимаюсь временем моего пребывания в плену, пытаясь вспомнить, как всё было и с этим увеличивается моё желание посетить могилу своего друга, в том случае, если место его захоронения ещё существует. За помощью в поиске могилы друга я обратился к профессору С.Карнеру, но по этому вопросу он не располагал никакой информацией; тогда я через бундесрат обратился, при содействии Петера Ризера, за помощью к профессору, доктору исторических наук В.П.Мотревичу в городе Екатеринбурге. Этот человек с большой ответственностью взялся за поиск могилы немецкого военнопленного, похороненного в Свердловской области. Сталкиваясь с большими трудностями, ему удалось в мае 1996 года пройти в те места, где первоначально находился наш лагерь и лагерное кладбище. От них не осталось ни следа, тайга всё поглотила.

Когда я был в том лагере, моё физическое состояние ухудшалось день ото дня. Как и все остальные, я страдал от голода и холода и настолько ослаб, что часто у меня становилось темно в глазах.

Однажды утром во время переклички перед выходом из лагеря я потерял сознание. Когда я вновь пришёл в себя, я лежал в домике караульного, находившимся у лагерных ворот. Между тем товарищи отправились на работу, а меня перенесли в барак. В обеденное время пришёл русский лагерный врач – женщина, она осмотрела меня и, не сказав ни слова, ушла. На другой день я как обычно отправился на работу.

Где-то через неделю после этого события в столовой состоялось одно из скучных политических мероприятий, на котором русские политофицеры и наши антифашисты пытались нас убедить в преимуществах коммунистической системы. Разумеется, что при таком настроении имели место «преступления», которые, прежде всего, совершали немецкие солдаты. Кто отстранялся от политмероприя-

тий, тот тоже совершал преступление по отношению к Советскому Союзу, и того наказывали. Сюда же относились симулянты, люди, которые притворялись, будто у них болезнь или недуг, чтобы не работать. Зачитывались некоторые имена, в том числе было и мое имя. При помощи переводчика мы услышали приговор русского лагерного командования: месяц принудительных работ. И никто не смел возразить. Это было бессмысленно.

В тот же вечер я должен был занять свое место в бараке для провинившихся. Наказание состояло в том, что нас вечером, после возвращения с основной работы, привлекали к другим работам в лагере, например, убирать лопатами снег, но это длилось недолго по сравнению с тасканием дров для кухни.

Жизнь в лагере для штрафников едва ли отличалась от обычной жизни пленного, не было бы только румынских «друзей», которые составляли основной континент в лагере для провинившихся. Румыны умудрялись воровать у нас хлеб даже из карманов. Очень было опасно оставлять хлеб, когда его хотелось подсушить на печке. Людвиг Шуттинг описывает такой случай: однажды, когда он положил хлеб на печку, его ударили по спине. Он повернулся посмотреть, кто это сделал, а когда опять посмотрел на печку, хлеба там уже не было. Скорее всего, это была групповая работа. Каждый вечер были драки, ссоры. Некоторые из нас просто молились или пели песни.

К счастью, через неделю я был помилован благодаря тому, что прилежно работал, и меня выпустили из лагеря для штрафников. На самом деле, я работал так же, как и прежде, и мое наказание было не чем иным, как тонким ухищрением и показухой власти, при нашем полном бесправии.

В апреле дни становились теплее, снег таял, повсюду была грязь. Несколько местность была болотистой, мы не знали, прежде глубоко промёрзшая земля оттаивала, и нас, к счастью, снова перевели в другой лагерь. Только благодаря профессору В.П.Мотревичу, я узнал подробности топографических данных Алтыная: «Кладбище находится в 10 км от близлежащей местности, в болотистой области, заросшее кустарником и травой, могилы разрушены и больше не поддерживаются... Местность тяжело восстанавливаемая: леса, болота, дороги нет, тучи комаров, оводов, москитов и т.д. Местные жители очень смутно помнят, что где-то в тайге располагалось когда-то немецкое кладбище» (из письма от 02 апреля 1996 года).

Наступило 1 мая, «День труда». В России, в среде рабочих, это, конечно, большой праздник. В тот день даже пленные были освобождены от работ. Я не помню, как мы отмечали праздник в Алтынае, но мой приятель Людвиг Шуттинг сообщает об этом весьма подробно:

«В преддверии праздничного дня в течение нескольких часов мы стояли после обеда на улице на пронизывающем ветру. При этом от всех присутствующих наций говорилось на всех языках. Сначала выступил русский офицер, затем венгерский, немецкий, румынский, а также выступали союзники этих наций, чаще всего это были офицеры. На все языки переводилось только русское обращение. В конце праздничного дня каждая группа должна была спеть кроме своего «интернационала» ещё и политическую боевую песню. Около полудня этот праздник, наконец-то, закончился. После этого была еда получше прежней, и после обеда мы были свободны».

**Чудаково (523/8)
(06.05.-12.07.1946)**

**Дружеские отношения. – Птица?
Помощник в госпитале. – Расстрел за побег. –
Стаханов. – Идеал**

Несколько дней спустя после празднеств мы, немецкоговорящие, снова отправились в дорогу. Полные надежд мы покинули этот лагерь ужасов, даже если нам не предстояла дорога домой. Мы надеялись, что где-то могло быть и лучше. А было всё по-прежнему.

Пешком по шпалам мы добрались до нашего следующего лагеря: Чудаково. Уже издалека новый лагерь произвёл впечатление чистого; даже те, кого мы там увидели, казалось, чисто и хорошо одеты и находятся в хорошем физическом состоянии. Они очень удивились, когда увидели нас в лохмотьях, тощих, слабых.

На следующий день нас отправили, как обычно, на медицинский осмотр. Наше физическое состояние определяли и, исходя из этого, присваивали определённую категорию. Мы выходили со спущенными штанами или совершенно раздетые перед осматривающим нас врачом, чаще всего это была женщина. Одного она окидала взглядом, до другого лотрагивалась рукой, есть ли у него что-то кроме костей? Затем она принимала решение, к какой категории отнести того или иного человека: 1, 2-я категории – рабо-

тосспособные; 3-я – работа в здании; 4-я – нетрудоспособен, дистрофик. В некоторых лагерях была ещё категория под названием «ОК», я не знаю, что это значит по-русски, а у нас это расшифровывалось «без костей» (*ohne knochen*). К этой категории относились те, которые ещё не страдали дистрофией, но были близки к этому состоянию.

Этот медосмотр нужен был и для того, чтобы выявить сторонников эсэсовских отрядов. У этих солдат вверху внутри на левой руке была татуировка их группы крови. Это была их гибель, так как при любом медицинском осмотре, при посещении «сауны», пленным приходилось поднимать руки и их проверяли. Некоторые пытались скрыть этот знак, сделать его незаметным при помощи самоискалечивания, это становилось подозрительным.

В Чудаково произошло следующее (в воспоминаниях это очень смешная сцена). Это было на одном из наших медосмотров. Молодая русская женщина-врач каждому говорила: «Птица». Под этим подразумевалось: поднять руки, развести их в стороны. На это находчивые немцы отвечали: «Нет, раз, два!». Что это означало? Отвечая на этот вопрос, немец показывал на голову, подмышки и половые органы. Врач улыбалась, но потом говорила, что из этого следует...

Кроме того, физическое состояние для получения категории было не всегда решающим. На первом месте была потребность в рабочей силе и сроки выполнения работы. В знак уважения к русским врачам в этом лагере в Чудаково я хочу сказать, что они вели себя очень тактично по отношению к нам. Людвиг пишет, что из 93 человек только 3 были полностью работоспособными, остальные либо болели, либо выполняли лёгкую работу.

К последней группе относился и я: моим рабочим местом был госпиталь, я был помощником санитара. Это была лёгкая работа, но было ужасно наблюдать, в каком жалком положении оказывались многие пленные. Убогое зрелище представляли дистрофики со своими распухшими ногами.

Один из моих друзей, за которым я ухаживал Людвиг Шуттинг, 6 недель провёл в госпитале, пока водянная опухоль временно не прошла. Несмотря на то, что русские врачи и их немецкие коллеги прилагали все усилия, их средства и возможности были более чем ограниченными.

Среди прочих в мои обязанности входило измерять температуру пациентам. Это была очень ответственная работа. У русских

только тот считался больным, у кого была температура. Моя работа отнимала очень много времени, так как на весь госпиталь был один термометр. Свой рабочий день я начинал рано, ещё до восхода солнца, наверное, было бы правильнее сказать, после полуночи, поскольку лагерь располагался далеко на севере и полуночное солнце чётко отражалось.

На праздник Троицы в 1946 году было большое волнение в лагере: трём молодым берлинцам незаметно удалось скрыться с рабочих мест в лесу. Эта, как и безнадёжно предпринимаемые и раньше, попытка побега через несколько дней была пресечена: по такой болотистой местности вряд ли можно было быстро передвигаться, здесь сказалось также влияние оводов, комаров и москитов.

Весь лагерь должен был выйти, когда беглецов вернули: двоих пленных нашли в вагоне, один был уже мёртвый, предположительно, он был застрелен ещё раньше; другого забили до полусмерти, а третий стоял рядом, еле держась на ногах, в любом случае и он был не в лучшем состоянии. Лагерный комендант, капитан Эдельманн, очень гуманный человек, который отлично говорил по-немецки (вероятно, он был эмигрантом), держал пламенную речь и предупреждал, что в будущем при малейшей попытке побега будут предприниматься очень серьёзные меры, а именно расстрел.

Мёртвого беглеца унесли, других, оставшихся в живых, отвели в карцер, который находился напротив госпиталя. Это был грот, в который попадали «преступники», выступившие против Советского Союза. Из госпиталя было видно, как русский шёл за этими двумя беглецами, которых вернули в лагерь, а потом были слышны лишь крики. Скорее всего, это были крики пойманных. Один из оставшихся в живых спустя некоторое время умер от жестокого обращения с ним.

Через какой-то период я вновь принялся за свою прежнюю работу, снова ходил в лес. Самым противным было нашествие оводов. Мы пытались защищаться от этих хищников, закутываясь в лохмотья, портянки, во всё, что оказывалось под рукой. В рабочих группах, состоявших из трёх человек, один занимался тем, что отгонял этих паразитов от двух других веткой. И всё-таки, когда возвращались вечером в лагерь, у всех были опухшие лица.

В Чудаково была установлена норма, в большинстве случаев мы были в силах с ней справиться, и за её выполнение мы получали 900 граммов хлеба, как ни в одном лагере ни до, ни после. На обед

нам давали тёплый суп, который в канистрах приносили в лес, по вечерам в лагере ещё давали кашу, примерно 1/4 литра пшеничной или овсяной каши. В качестве дополнительной еды во время работы в лесу мы могли собирать грибы. Здесь, на Урале, я убедился, что почти все грибы съедобные. На пробу мы брали гриб, и если он жёг язык, значит, он был ядовитый, что, однако, случалось очень редко. Мы ели всё, что похоже на грибы, а в основном, из грибов нам попадались подберёзовики, которые росли семействами. Так как не было ни соли, ни жира, грибы мы клади в посуду и тушили на костре. Посудой нам служили старые консервные банки. Мы пытались впрок наполнить свои желудки, иногда получалось так, что в течение нескольких дней грибы нам просто не встречались.

При таком относительно сносном питании русские пытались увеличить рабочую норму пленных. Поводом для этого послужила стахановская система, названная в честь шахтёра Стаканова. В Советском Союзе его чествовали как человека, который свою ежедневную норму превзошел в 15 раз и не отставал от достигнутого.

В лагере была доска, на которой писали достижения отдельных бригад или рабочих групп (результаты писались в процентах). Я не помню, насколько процентов нужно было перевыполнить норму, чтобы иметь право называться «стахановцем». Некоторые пленные, главным образом это были рабочие группы или бригады, показывали высокие результаты благодаря особым отношениям с руководством, или содействию благонамеренного начальника, который просто записывал высокий процент. На это полагалась добавка, т.е. дополнительная порция супа и каши, и больше граммов хлеба. В некоторых лагерях выдавались денежные премии. Два раза меня награждали за особо хорошие результаты на работе. Один раз я заслужил досрочное освобождение из лагеря провинившихся (см. выше), а в другой раз... об этом чуть позже.

Одно событие того времени, которое многое раскрыло в нашей ситуации и в отношении к русским и даже русских между собой, осталось у меня в памяти: группа пленных должна была перекатить в одном из лагерных помещений высыпанное там зерно, чтобы оно не слежалось. Однажды, это было после обеда, мимо проходил лагерный комендант Эдельманн и отдал нам приказ: «Будьте внимательны, смотрите, чтобы русские ничего не стапили!» Людвиг Шуттинг запомнил очень примечательное высказывание этого капитана: «Кто посягает на ладан и чеснок (имеются в виду католики и евреи), тот обречён на гибель!»

В лагере Чудаково я впервые узнал, что такое театральные представления, вечера, концерты. И узнал прежде всего благодаря своим друзьям. Всё это говорит о том, что в лагере была очень неплохая атмосфера. Весело было наблюдать за русскими «почётными гостями», для которых были заказаны первые ряды: большинство из них не понимали ни слова, но, несмотря на это, они «умирили» от смеха над шутками и над изображением и высмеиванием нацистов. Членные тоже аплодировали высмеиванию своего бывшего вождя и притворялись, будто они никогда о нём по-другому и не думали (речь шла либо о перемене взглядов, либо о притворстве, о тактике выживания). Друг с другом мы это никогда не обсуждали, не вели споры политического характера.

Здесь, на Урале, я впервые услышал захватывающие песни Эммериха Кальмана. Он был евреем, в 1938 году ему пришлось покинуть Австрию. Первое время не разрешалось слушать его оперетты, не играли его песни. Из артистов я припоминаю Обльта Коха, в его репертуаре были только оперетты, и своим красивым тенором он вызывал восхищение как у немцев, так и у русских. До сих пор в памяти у меня сохранился его голос, то как он пел популярный в военное время шлягер «Кроваво-красные розы».

В этом лагере я относился к тем, кого уважали за выступление на сцене: наш кинопроизводитель Фритц Найзер хотел сделать постановку пьесы в трёх актах «Медведь» Антона Павловича Чехова. Я должен был сыграть женскую роль. Мы уже расписали роли и пробовали читать тексты, но тут внезапное «Домой!» И снова это была ложная тревога, всего-навсего очередная смена лагеря.

Однажды, прежде это казалось чудом, мы смогли отправить домой письма. У меня это была уже третья попытка (первое письмо домой я отправил 8 ноября 1945 года к годовщине свадьбы моих родителей). На этот раз у меня получилось: мою весточку от 11 июля 1946 года дома получили 09 сентября того же года. Это был хороший знак для моих близких – знак того, что я жив.

Колхоз Писанец (523/11)

(13.07.-01.12.1946)

**Немецкие фрау на Урале. – Мария узнала во мне
своего сына. – Я стал помощником повара. –
Оптимизм женщин. – Друзья по жизни**

На этот раз поездка по железной дороге продолжалась недолго, а когда позднее мы отправились пешком, стало ясно, что мы ехали не домой. Вблизи деревушки мы сделали передышку. Группу женщины, которая шла нам навстречу, мы не увидели, пока не услышали, что они разговаривают. Каково же было наше удивление, когда мы услышали немецкую речь. Немки на Урале... Наш караульный начал кричать и запретил нам общаться с этими женщинами. Ещё мы узнали, что женщин увезли из Германии и здесь им приходилось работать в колхозах как интернированным. Всё же мы встречались.

Эта встреча взволновала нас и обсуждалась, пока мы шли в свой новый лагерь. Когда пришли, наши мысли об этой проблеме сразу отступили, они сейчас были заняты нашим пересездом.

Лагерь состоял из нескольких бараков, которые были так построены на склоне, что нижний край крыши со стороны гор почти касался земли. Пленным, которые здесь были перед нами и которые построили бараки, не разрешалось использовать ни брёвен, ни досок; всё было сделано из круглого дерева (очень тонкие стволы), которые составляли поверхность наших деревянных «кроватей», доказывали свою твёрдость. В течение долгого времени они служили наилучшей периной с соломой или сеном. Гораздо хуже было тем, кто спал на нижней полке, так как при любом движении на верхней полке оттуда падала солома или сено.

Тем, кто спал вверху, вскоре стало не до смеха: крыша бараков была построена тоже из круглого дерева, на ней был насыпан слой земли, но, вероятно, изоляции всё равно не хватало. Когда мы возвращались с работы, нас отправляли на крышу бараков утаптывать землю. Но это ни к чему не приводило, так как, когда заканчивался период дождей, дождевая вода какое-то время капала с крыши на лежащих на верхних полках пленных. Лично меня это не коснулось, потому что мне тогда очень повезло. А было это так.

Немецкие женщины, которых мы встретили по дороге, жили в деревне, примерно в трёх километрах от нашего лагеря. Одна из женщин (её звали Мария) приходила каждый день в лагерь и варила

нам. Однажды она подозвала меня к себе (я, как и остальные, тогда очень надеялся на местечко на кухне) и спросила, наелся ли я. Она дала мне ещё одну порцию, и пока я её уплетал, она рассказала мне свою историю.

В одной гостинице в городе Франкфурт-на-Одере была повариха по имени Мария. Она очень хорошо готовила, и русские взяли её с собой, когда уходили. С Марией был её 18-летний сын. В первых трёх лагерях она была вместе с сыном, но потом им пришлось расстаться, с тех пор она ничего больше не слышала о своём сыне. Мария очень ко мне привязалась, я был такого же возраста, как и её сын, и она очень надеялась, что кто-то сейчас точно так же, как она обо мне, заботится об её ребёнке.

У дежурного по лагерю она добилась, чтобы мне позволили помогать ей на кухне, конечно, до и после моего рабочего дня (работать на кухне – это была мечта каждого пленного). Я стал даже помощником повара, так как мне приходилось очень рано разводить огонь, наполнять водой котлы для супа и каши. Через некоторое время мне позволили самому варить суп, с такими-то приправами здесь не требовалось особого умения. Но, когда однажды у меня пригорела гороховая каша (это произошло из-за того, что дрова были сухие), признаюсь, мне пришлось выслушивать оскорблений своих товарищ.

Каждый день мне приходилось очень рано приходить на кухню, поэтому мне разрешили устроиться в углу кухни, и мне удалось избежать описанных выше проблем с дождём и протекающей крышей в бараке (крыша кухни была изолирована значительно лучше).

Необычным в этом лагере было то, что здесь не было ограждения из колючей проволоки. Даже караульные не беспокоились за нас, доверяя и полагаясь на проверку утром и вечером. В любое время мы могли бы убежать, но никто не предпринимал этой безнадёжной попытки. Хотя мне побег наверняка удался бы, так как работа была у меня необычная, на которую меня назначил дежурный лагеря.

Когда дни осенью стали короче, Мария стала бояться по темноте возвращаться одна в деревню, так как с ней приходилось идти рядом с лесом и можно было услышать, как воют волки, а иногда и увидеть их сверкающие глаза. Поговаривали, что у Марии было что-то с дежурным по лагерю, который назначил меня сопровождающим Марии.

Эта вечерняя прогулка имела свои преимущества: мы шли через гороховое поле, на котором хотя и стояли караульные, но издалека ничего не было видно. У меня была возможность все карманы, какие только у меня были, а также штаны, которые я внизу загибал, набивать вкусными, не переспевшими стручками, которыми я делился со своими друзьями в лагере, не имевшими доступа к кухне, как я.

Дежурного по лагерю звали Ренц, мы его называли циркус Ренц. Он был нашим лучшим дежурным, и, несмотря на то, что он «слаял», он не «кусался». Вместе с Губертом, молодым антифашистским руководителем, он жил в «фюрер бункере». Это был выстроенный из берёзы домик, который казался чудом, он был очень уютным. В то время я думал, что, когда приеду домой, я построю себе такой же домик из берёзы (до сих пор у меня ещё не дошли руки до этого...).

Некоторые из нас снова работали в лесу, но нашим основным местом работы были колхозы. Это были не совсем колхозы (хозяйственные предприятия, называемые коллективным хозяйством), это были совхозы. Очень часто мы работали недалеко от русских, а иногда и вместе с ними, точнее говоря с русскими женщинами, так как в сельском хозяйстве было занято очень мало мужчин. А если и были, то всегда шугтили, работали очень медленно и плохо. В то время как мы, пленные, едва справлялись со своей нормой, так как мы выполняли работу со всей немецкой основательностью точно и правильно, русские женщины высмеивали нас, справляясь намного хуже со своей работой. Они обрабатывали территорию в два раза больше нашей, но они оставляли ботву на земле и не притрагивались к целым полоскам картофеля.

Самое примечательное было то, что нам не надо было объяснять, почему такой большой по территории Советский Союз, во владения которого входили огромные площади плодородных земель, не может прокормить своих жителей. Колхозы и стахановская система составляли тот самый результат по перевыполненной норме, в то время как результат рабочих в действительности был более скучным. А когда собирали урожай, то высшим инстанциям сообщали фантастические цифры, а ещё имели место кражи.

Смех у русских вызывало моё имя, когда один из моих товарищей называл меня вместо Иосиф – Jupp. Для немцев это звучало как обычно. Сначала мы не знали, что обозначает этот смех и ухмылки, пока одному из нас не пришло в голову, что у русских с

такого же слова начинается ругательство: «...твою мать». Оказывается, в этом-то всё и дело. Точно такая же ситуация была у нас: когда кого-то звали и для русских это было необычно, следовала такая реакция. От тех солдат, которые возвращались домой, русские узнавали, что обозначает то или инос слово или выражение, когда, например, в Германии преследовали женщину словами: «Ком фрау, фик, фик».

Было здорово, когда нам разрешали работать с немками. Все они пережили нечто ужасное и были рады, что у них есть с кем поделиться своими переживаниями. Самой молодой из них было 18 лет, а самой старшей – 65, когда их увезли из Германии. Они работали на шахте и на каменоломнях, на фабриках и в лесу. Этой работе пленные были рады, так как именно здесь они избегали криков караульных, для них место работы было раем. Эти пленные были настолько оптимистичны, что увлекали остальных своей жизнерадостностью и вновь заставляли верить нас в то, в чём мы начинали сомневаться. Пленные, работающие в шахте и на каменоломне, считались интернированными, и с ними обращались хуже, чем с нами, военноопленными.

Однажды, в воскресенье, немкам разрешили прийти к нам в лагерь. Кто-то раздобыл гармошку и играл старые песни, в которых пелись о доме и которые мы, иногда сквозь слёзы, пели все вместе. Иногда мы даже танцевали, и именно здесь, на Урале, я научился танцевать вальс. Незабываемой для меня стала песня «Лети со мной домой», которую пели немки и которая у нас после возвращения домой долгое время оставалась популярной.

Что касается «сомнений» лагерного дежурного, то наше физическое состояние было настолько плохим, что никому не могло прийти в голову подойти к женщине. Секс вообще не был у нас темой для разговоров, может быть, исключение составляли те, кто пользовался привилегиями: дежурные по лагерю, антифашистские руководители.

Лето подходило к концу, урожай складывали в сарае. У нас сараем был бункер для картофеля, свеклы, капусты. Немцы употребляли слово «аренда». Рабочая группа специалистов и помощников укрепляла такой бункер, как и наши жилища, бункер строился из круглого дерева. Стены уплотнялись соломой, так как сооружение должно было быть морозоустойчивым. Посередине бункера были встроены две печки. Тот, кого назначали ответственным, был счастливчиком: в его обязанности входило следить за тем, чтобы

входная дверь изнутри была закрыта. Дверь разрешалось открывать только тогда, когда в эти «хранилища» приходили «привилегированные» и, разумеется, те, кто работал в другую смену. Они имели возможность поесть в этом хранилище, а взять что-нибудь для товарищей было строго запрещено.

При относительной свободе и человеческом отношении в этом лагере было неудивительным, что многие товарищи игнорировали законы лагеря. Последствия наступали в том случае, когда караульный шёл по патям и заставал на месте преступления.

Один раз такое случилось с пленным, которого звали Пепи Ш., родом из Тулна. Рано утром он вышел из лагеря, чтобы в гороховом поле, о котором я уже писал раньше, собрать для себя дополнительную порцию. Постовой не сумел его схватить, но сообщил об этом дежурному по лагерю, который начал предпринимать меры. Ещё до завтрака дежурный обратился ко всему составу и хотел, чтобы вор сам о себе заявил. Этого не произошло, тогда Ренц пошёл по рядам и с точностью указал на Пепи, одежда которого была спереди мокрой, так как в гороховом поле он полз по сырой земле, когда искал горох... На несколько часов Пепи отправили в карцер.

Но, не обращая внимания на такие мелочи, жизнь в колхозе Писанец была сносной; этот лагерь мне так хорошо запомнился еще и потому, что я здесь приобрёл хороших друзей, которые в дальнейшем стали моими верными товарищами. Этими товарищами стали Иоши Бреннер, Роберт Штескаль и Эрнст Ребайн. Они причислялись к «старикам», так как молодыми считали тех, кому было до 30 лет.

Самый старший, которому было 49 лет, был Эрнст Ребайн из города Штеттин. Это был милый спокойный человек, но уже старый и дряхлый. Он был когда-то книготорговцем, очень начитанным, и всем интересовался. Благодаря моему привилегированному положению на кухне в качестве помощника, мне иногда удавалось подкармливать его, наполняя его посуду остатками каши из котла. В нашем следующем лагере он щедро отблагодарил меня, так как он был по профессии портным и считался специалистом в своём деле. Специалистами считались все ремесленники, а также разные артисты – русские их очень ценили и использовали для выполнения своих собственных работ и заданий, за что эти люди, имеющие статус специалиста, получали щедрую награду – либо в виде дополнительного хлеба, либо деньгами. Эрнст Ребайн дождался сво-

его возвращения на родину в 1947 году, раньше, чем остальные. После своего возвращения он обнаружил, что квартира и магазин были разрушены, жена и сын бежали на Запад, кроме того, сын был болен и неработоспособен.

В настоящее время Роберта Штескаля уже нет в живых. Как и Иоши Бреннер, он был родом из Австрии, из Вены, и вот что интересно: хотя венцы среди пленных не очень любили, оба товарища были моими лучшими друзьями. Роберт оставался таковым до самой смерти, а Иоши является им и сегодня.

Для Роберта Штескаля в том колхозе сбылась мечта, мечта любого пленного: он отвечал за снабжение. Благодаря своим предкам, которые были родом из Чехии, он владел немногим чешским языком. На лошадях он ездил в деревню, а потом и в город, чтобы раздобыть для нас хлеб и другие продукты; его отправляли без надзора, у него на куртке были буквы ВП – это сокращенно «военнопленный». Эти месяцы в колхозе для 40-летних пленных были самым лучшим временем их пребывания в плену.

Самым молодым в нашей компании был Иоши Бреннер, ему было 36 лет. Он всегда знал, как лучше поступить в любой ситуации. Основное он для себя усвоил, когда был в вермахте водителем. Он умел «собраться» и, благодаря «шарму», ему часто удавалось улизнуть от неприятной работы и добыть себе сносную работу, а где было возможно, то и дополнительное пропитание. Иногда ему удавалось стащить и для меня кусок, когда я работал помощником на кухне, я выручал его. Нашей дружбе 51 год, и я надеюсь, что мы ещё на протяжении нескольких лет будем её поддерживать.

Когда наступила настоящая зима, мы рас прощались с этим колхозом. По непонятным мне причинам я не оставил домашнего адреса своей покровительнице Марии. Больше я о ней никогда не слышал. Профессор Мотревич обнаружил только, что среди интернированных в лагере в списке умерших женщины по имени Мария нет. Что же могло стать с ней и с другими немками?

**Егоршино / Артёмовский (523/3)
(02.12.1946–20.06.1947)**

Антифашисты. – «С отметкой». –

**Первая весточка из дома. – Мое богатство. – «Комиссия»:
привлекательное слово для русских и пленных**

Егоршино – это не пригород Артёмовска. В этом лагере у нас не было никакой свободы: забор из колючей проволоки, сторожевые башни с прожекторами, строгая перекличка, когда мы уходили на работу и когда возвращались в лагерь.

Жизнь в лагере была строго организована, дежурный по лагерю следил за дисциплиной и порядком, которому нас обучили на военной службе. Жильё было сносным; госпиталь, где мне удалили зуб, сиял от чистоты. При часовне здесь была группа музыкантов, которые устраивали концерты и проводили развлекательные вечера.

У нас был хороший отдых и питание. Это служило предпосылкой для того, что когда становилось теплее, здесь устраивались футбольные игры и спортивные соревнования; обо всём этом я писал домой 15 июня 1947 года. Для меня было важно наличие здесь небольшой библиотеки, где можно было брать литературу (разумеется, избранную), например немецких классиков, а также книги про марксизм-ленинизм. Эта тема была всегда основой политических учений. Предпринимались попытки заучивать марксистские учения, чтобы после возвращения домой стать последователем этой системы, и, насколько мне помнится, учение в этом лагере стало заметно углублённым, в то время как в колхозе Писанец этому уделялось очень мало внимания. Странно, но в том и другом лагере антифашистского руководителя звали Губертом. Это был молодой человек, 25-ти лет, который, вероятно, исходя из экономических причин, решился на свою роль. В этом лагере мы чувствовали относительную свободу, несмотря на то что в лагере Егоршино «дул резкий ветер, и Губерт был более смелым».

Русские политинструкторы набирали преимущественно из числа немецких эмигрантов и офицеров Красной армии, отлично владеющих немецким языком. На вечерних учениях и в политкружках их поддерживали антифашисты-активисты из числа военнопленных. Я не припомню, чтобы в каком-либо из моих лагерей прилагались особые усилия по набору таких антифашистов из наших кругов.

Однажды меня пригласили поучаствовать в этом мероприятии. Губерт спросил меня, не хотел бы ли я поработать в молодёжной группе; но такого, чтобы он лез в душу, не было. Сделав мне такое предложение и увидев, что меня это не интересует, он больше не подходил ко мне с этим вопросом. Но так как я интересовался историей, я должен был написать статью для стенной газеты по теме «Революция в истории», главный акцент я должен был сделать на Октябрьской революции 1917 года. Я справился с этим заданием. Набросок этой статьи я даже привезу домой – это, скажем, моё настоящее, социалистически окрашенное начало в моей дальнейшей журналистской деятельности...

Вообще-то, антифашистов недолюбливали. С одной стороны, их рассматривали как «перебежчиков», которые служили в наемных войсках коммунистов с другой стороны, их привилегия будила у русских зависть, а не чувство сплочённости. Они выбирали лучшую одежду и чистили до блеска сапоги, выделяясь этим из общей массы пленных; и ещё они носили длинные волосы. Им не приходилось выстригать лысину, как нам, обычным пленным. Выражение из Библии «Храни вас господь от всего дурного» относилось к ним.

К моему великому сожалению, у нас в этом лагере не было возможности изучить русский язык. Когда уже не было учителя русского языка, её могла бы заменить переводчица. Об этом я сожалел тогда и сожалею сейчас. Мы выучили только те русские слова и выражения, которые мы слышали и которые для нас были важными: хлеб, каша, кухня, столовая, кушать, пожалуйста, спасибо, иди сюда, скоро домой.

Самым важным и радостным событием в этом лагере была, наверное, первая почта из дома. Я был единственным, кому пришлось ждать слишком долго известия из дома: 8 января 1947 года я получил письмо, которое моя мама написала 9 сентября 1946 года.

Свою радость я не в силах описать – такое же глубокое впечатление, как получение письма, произвела на меня несколько лет назад картина Вальтера Гросса, написанная маслом, которую я купил после выставки в мужском историческом музее; сейчас картина висит у меня в кабинете (см. иллюстрацию в конце книги).

Моим рабочим местом в этом лагере была фабрика и каменоломня.

На фабрике я работал токарем, я должен был собирать и упосить стружку. В качестве транспортного средства у меня был стальной лист размером около квадратного метра с проволокой, которая служила ручкой. На лист я сваливал опилки и тащил их на листе через все помещение во двор, сооружал там место на горе лома, которая становилась всё выше. На самом деле это была тяжёлая работа.

Совершенно иной была работа на каменоломне. Сама каменоломня располагалась на реке, а оттуда дул сильный ветер. Была зима, и здесь был ужасный холод. Нам приходилось бурить дыры, чтобы образовать трещину. Это происходило так: один держал метровую буровую коронку, а другой бил по ней молотком. Но эта коронка была ледяная, и, несмотря на то что мы работали в варежках, её можно было продержать в руках не больше пары минут. Тому, кто работал с молотом, посчастливилось, так как благодаря работе с тяжёлым устройством он согревался; потому приходилось постоянно меняться.

Смена одного другим приводила к тому, что бурильная установка отклонялась от правильного направления, потому каждый раз её приходилось устанавливать заново. Следствием этого было то, что буровая коронка застревала в дыре, которую бурили, а освобождалась она только тогда, когда мы сильно ругались, а также благодаря «стараниям» начальника. К чёрту норму, порода была настолько твёрдой, что буровая установка тупилась. После работы мы возвращались с 5, 11, 15% сделанного и получали крохи за это: из 600 г хлеба – только 400.

Вскоре это мероприятие прикрыли. Вероятно, поняли, что из нас ничего не выйдет. Позднее, весной, мы приходили на это место за дополнительным питанием: за молодой крапивой, которая росла здесь в огромном количестве, мы рвали её и как приправу добавляли в суп. Было очень вкусно, и это давало возможность получать витамины.

Некоторые товарищи, работая на фабрике, имели дело с никромом. Одним из них был Франц из Вены, он специализировался на производстве колец. Такими кольцами он подкупал начальника и этим «развязывал себе руки», успешно продолжая производство колец, которые он продавал русским либо обменивал на хлеб.

Одно из своих колец, которое он не продал, так как оно было некачественным, он подарил мне. Я привёз это кольцо с собой домой, но, к сожалению, через несколько лет, когда однажды мы

руки, снял кольцо и где-то его оставил. Франц мастерил из никрома папиросницы и трубы. У меня даже сохранился такой комплект от него.

Домой я привёз комплект, выполненный из дерева: трубка с надписью «Урал 1946 год» и папиросницу с необычной крышкой: на крышке были изображены эдельвейс и горчавка. Сейчас уже цвета орнамента поблекли, но первое время они были очень яркие. На внутренней стороне выгравировано: «Урал 1946 год – И.П.»

Хотя это не было жизненно важным, но для нас имело огромное значение содержимое папиросницы: 6 пуговиц, 2 крючка, короткий кусок шнура и небольшой кусочек дерева. С таким шнуром, при помощи пуговицы и кусочка дерева, служившего опорой, можно было что-нибудь прикрепить.

Бирка из никрома с выдавленным на ней номером 378 была моим свидетельством, когда я в лагере Егоршино хотел вложить свой «капитал» в тогда ещё создающуюся кассу. В этом лагере впервые мы получили в качестве зарплаты рубли, но как с ними быть, мы не знали. Касса была организована совсем недавно, и те рубли, которые я в неё вложил, я больше никогда не видел.

К моим богатствам относился ещё самодельный нож: заточенный из кусочка стали клинок с ручкой из эbonита.

Самой большой ценностью была моя записная книжечка. То, что мне удалось её сохранить, несмотря на обыски, было просто чудом, и многие товарищи просто в это не верили. Всё это время я хранил фотографии своей мамы, фрау Кауфманн и Эрики.

Книжечка размером 10x13, в которой всего-то 20 листочеков. Так как в плёнку, в лагере, вообще не было писчей бумаги, я использовал оберточную бумагу разного качества, в большинстве случаев мятую, а иногда твёрдую, как картон, и сантиметровый кусочек дерева на поверхности. Для переплёта я брал прочный картон. Всё это я связывал нитками, т.е. сшивал вместе и в уголках аккуратно закруглял. Писал я карандашом, иногда обычными фиолетовыми чернилами. Некоторые моменты, написанные карандашом, я обводил чернилами.

Откуда я брал материал, я не помню, вероятнее всего, я обменивал его на табак. Карандашами у нас пользовались столяры, а в нашем расположении обычно были чернила и перо, когда нам разрешали писать письма домой. Наверное, именно там добывали мы принадлежности для письма. Как я пришел к мысли писать на обёрточной бумаге, я уже не вспомню.

Содержание книжечки отражало, чем я занимался в свободное время, здесь были странички с английскими и французскими текстами, а также с математикой, тригонометрией, уравнениями с двумя и тремя неизвестными (арифметические и геометрические решения), – сегодня я понятия об этом не имею; были и записи из новелл Теодора Шторма, захватывающее стихотворение Иоганна Бехера; даты отправления писем и их получения и – что было особенно важным для меня – адреса моих товарищей: Роберта Штескаля, Иоши Бресснера, Эрнста Ребайна, Михаэля Чокая, Фредла Гетлихера, Франца Ипсмюллера. Когда в лагере № 7 «пароли», связанные с обозначением возвращения домой, стали напряженней, я отмечал эти противоречивые моменты у себя и, наконец, детали всех событий, станции, которые мы проезжали по пути домой с точным описанием питания.

Но вернёмся в Егоршино.

Пережитое очень точно показывало образ жизни русских, – по крайне мере, в тот момент и в тех условиях. Однажды ночью караульный вывел из барака несколько человек, вооружённых ломами и мотыгой, и пошёл с ними на территорию завода по темной улице. Завод не работал и уже не охранялся и не освещался. Придя туда, пленные должны были открыть большие деревянные ворота, обе створки сняв с петель, и на месте разобрать на части, готовые к транспортировке. Их надо было принести к помещению караульного и там распилить на бревна, умещающиеся в печку – караульные, как и мы, страдали от холода, и у них тоже было мало топлива. С какими обещаниями или угрозами они обязывали на это дело наших людей и принуждали к полному молчанию, мой товарищ, который принимал в этом деле участие, мне не рассказывал.

Тем временем мы уже научились отличать, что такое «забрали» и «цап-царап»: оба слова обозначают «украсть», но одно из этих слов употребляется больше в смысле «организовать, подготовиться к грабежу» (это местный жаргон). Какое слово имеет одно значение, а какое – другое, я уже не помню.

Хотя – как я уже упоминал – жилища были сносные, в лагере у нас возникли проблемы с клопами. Наше первое знакомство с этими существами состоялось летом 1945 года в лагере в Польше. Но самое интересное, что польские клопы оставили меня в покое, в то время как товарищи натерпелись от этих паразитов, у меня вообще не было с ними проблем, они меня не кусали. Мне нужно

было только застегнуть ворот рубахи, перевязать туго верёвкой рукава гимнастёрки, чтобы эти «чудовища» не заползли и не смогли помешать мне спать своим шекотанием.

Русские клопы, наоборот, не составляли никакого исключения, им нравилась и моя кровь. Так приятно было зимой лежать на верхней полке из-за того, что там тепло, но неприятны были клопы, которые ползали по потолкам и падали на спящих. Мы, конечно, охотились на этих паразитов и давили их, где только можно. Страшно воняло, и следствием этого были кровавые подтёки на стенах и потолке очень не нравившиеся русским.

Это мешало их чувству прекрасного, особенно тогда, когда назначали комиссию. Комиссия была поводом для того, что все должны раздеться догола, прежде всего убирались к приходу комиссии следы уничтожения клопов. Для этого нары пропитывались керосином, ужасная вонь! Жилища заново белили, и под страхом наказания была запрещена расправа с клопами, пока не кончится комиссия.

Между прочим, о комиссии: некоторые я пережил, и каждый раз наблюдал то же самое волнение у русских. Даже пол необходимо было циклевать, пускай и осколками стёкол, — дурацкая работа! В такой день давали даже особую еду. А потом проходила комиссия, в большинстве случаев с генералом во главе, по баракам, не говоря пленным ни слова и не интересуясь их пожеланиями и жалобами, одна показуха!

В общем, в Егоршино было относительно хорошо, это обнаруживается и в моём письме, которое я 15 июня 1947 года написал своим родителям. В нём я сообщал о «развлечениях в лагере»: до обеда разные спортивные мероприятия, после — гандбол, а потом гоняли мяч по полу. К тому же очень активно играла лагерная капелла, наверное, в этом присутствовала сильная доля оптимизма и это успокаивало пребывающих здесь.

В моих записях наше пребывание в Егоршино заканчивается 20 июня. Потом следует пропуск в 5 дней. Может, в те дни мы были во временном лагере (я бы это отметил в своей записной книжечке), но, скорее всего, мы эти 4–5 дней были в пути по направлению в наш следующий лагерь, который располагался намного дальше, на севере.

**Карпинск (504)
(26.06.–20.07.1947)**

Для австрийцев это был всего-навсего промежуточный лагерь перед тем лагерем, где собирались для возвращения домой.

В плену у нас не было карты местности, но кто-то откуда-то узнал, что наш следующий лагерь находится в точке пересечения меридиан 60 градусов долготы и 60 градусов широты (это, как выяснилось позже, было правильно). Карпинск был главным лагерем для всей лагерной группы и состоял, если я не ошибаюсь, из большого количества бараков. Соответственно здесь могло быть размещено несколько сотен (или даже тысяч) пленных.

Из лагеря мы были направлены на строительство железных дорог, прокладку путей в угольной шахте. К счастью, речь шла о строительстве днем, и нам не приходилось сидеть по-настоящему в ужасных шахтах. Самые сильные тащили и укладывали брусья и рельсы, а самые слабые, к которым относился и я, приносили гальку и металлическими стержнями набивали основание путей. На самом деле на угольную шахту были назначены другие товарищи – «постоянный состав», скажем так.

По отношению к нам, австрийцам, которые прибыли из Егоршина, имелись другие намерения. Уже в начале мая нам сообщили, что всех австрийцев-пленных освободят в течение 1947 года. В письме от 9 мая я писал своим родителям: «Вам же известно время моего возвращения. Я надеюсь, что я буду не последним». Карпинск был временным лагерем перед конечным лагерем для австрийцев, из которого мы затем отправились домой.

Краснотурьинск (504/7)

Лесной лагерь № 7 (20.07.–05.11.1947)

Вильгельм Руднегер и «дядя Пэпи и тетя Анна». – Неделя «отпуска». – Каждый день новый пароль. –

Они остаются должны России 50 копеек за день

Мы прибыли в лагерь, имея очень большую надежду, что именно отсюда мы отправимся домой. Здесь собрали только австрийцев, чтобы перед возвращением на родину их немного «выходить». В своей записной книжечке я отметил 13 сентября, что старшие инспекторы Делмер и Йостинг приобщали нас к политическим занятиям. Каждый день уроки! Аусманн был из школы города Москвы.

Для улучшения настроения и бесед пленных, а также и их каураульных устраивались концерты лагерной капеллы. 12 октября был поставлен спектакль в лагере. Во время этого мероприятия Эрих Ланиман вдруг подпрыгнул с места и закричал: «Вагоны пришли, пришли вагоны!» Он бушевал и кричал, наконец его увели в госпиталь от обморока в результате нервного потрясения. Через несколько лет после возвращения домой я встретил этого человека в Граце, тогда-то он мне раскрыл тайну: этот обморок был наигран, но это было сделано настолько хорошо, что даже русские ему поверили. Он просто не хотел больше идти на работу, и практически все оставшееся время до возвращения на родину он провел в госпитале, в котором я его даже один раз навещал...

«Варьете-мероприятия» позднее прославились жителем Каринтии, поэтом, писавшим на особом диалекте, Вильгельмом Руднигером. В то время он блистал прежде всего благодаря подражанию и пародиям на Ганса Мозера. Мы и понятия не имели, что он не только мог валять дурака, но уже тогда писал проникновенные стихи, как, например, его поздние «Молитвы цветов». Когда я встретил его в июне 1971 года, на выступлении перед солдатами, он вручил мне свой томик стихов под названием «В темноте живет свет» с сердечным посвящением «на память Иосифу Пехману о той самой темноте, в которой мы оказались... С уважением В.Руднигер».

Особое значение для меня имела венская песня, которую я впервые услышал в лесном лагере № 7, под названием «дядя Пэпи и тетя Анна». Я не был особым поклонником венской песни, слишком сентиментальной она была для меня. Но у этой песни была совсем не сентиментальная музыка и слова, которые меня затронули. Но этим история не заканчивается.

Когда я в 1959 году познакомился со своей любимой Эмили и сделал ей предложение, для нас я заказал музыкантам песню «дядя Пэпи...» Она качала головой, этой песни она не знала. Я напевал мелодию, читал текст. Ей эта песня была незнакома. Это происходило впоследствии еще несколько раз, так что Эмили начала уже сомневаться, существует ли такая венская песня вообще, так как она ее никогда не слышала.

По чистой случайности в начале 70-х годов я услышал в передаче по заявкам радиослушателей Ганса Мозера со «своей» песней! Мой звонок на передачу вывел меня на след этой старой плас-

тинки Мозера, и с тех пор я перед своей Эмили восстановил свою репутацию...

Разумеется, работали мы снова в лесу. Условия были относительно хорошими. В лесу имелось огромное количество брусники! Это самое дорогое из всех моих воспоминаний: молодой житель Граца (его имя я уже забыл) особенно охотно собирал бруснику. Два полных мешочка он уже припрятал на своих нарах, но ничего из этого «запаса» не ел. На мой вопрос, почему он бережет эти ягоды, он ответил, что повезет их своей тете домой, она очень любит бруснику. Этот задуманный подарок он все же съел, не дав ягодам испортиться, до возвращения на родину еще неизвестно сколько пройдет времени.

Как обычно, хотелось повысить в этом лагере результаты работы, через соревнование. Я уже сообщил, что достижения отдельных рабочих групп выписывались в лагере на большую доску и что им давали за перевыполнение нормы дополнительное питание. При этом речь идет необязательно о признании действительных достижений, это было общеизвестно. Здесь, в этом лагере, я сам это узнал самым неожиданным образом.

Однажды мне велели подойти к дежурному лагеря, от которого я узнал, что мне по поручению моего бригадира положен отпуск на 8 дней из-за особо хороших результатов на работе. Мне сначала трудно было в это поверить, и я не знал, как мне себя вести после такой новости. Что обозначает слово «отпуск»? Дежурный по лагерю объяснил мне, что во время отпуска мне не нужно работать и мне полагается дополнительное питание (кроме хлеба, конечно), и еще он добавил, что за это я должен благодарить своего бригадира.

Этим бригадиром оказался молодой житель Граца Михаэль Сзокой. В его бригаде сосредоточились молодые пленные. Михаэль был хорошим человеком, он вступался за молодых людей, насколько ему это удавалось. Он мне не сказал, почему он предложил отпуск именно мне, может, потому, что я тоже был из Граца, как и он, или потому, что я был самый молодой.

Так или иначе, но на одну неделю мне разрешили переселиться в барак, где были больные, и занять пустую палату, в которой стояли только три кровати. Этоказалось очень необычным, так как до сих пор я был знаком с палатами для больных, где было около 20 кроватей. Была ли заказана эта «комната» для привилегированных?

Как бы то ни было, пришли еще два товарища, которые тоже получили отпуск, и втроем мы отдыхали одну неделю, о которой военнопленный в России мог только мечтать. Нас не будили, нам не приходилось идти на перекличку утром и вечером, для нас это была просто сенсация, так как перекличка – это культовое мероприятие у русских. На завтрак мы ходили в столовую, когда остальные отправлялись уже на работу, и получали двойную порцию супа и каши в свои тарелки, и так было не только на завтрак, но и на обед и на ужин. В течение дня мы слонялись по лагерю и бездельничали – трудно даже себе представить: нам разрешалось выходить за ворота лагеря мимо караульного поста и собирать в лесу ягоды без всякого сопровождения, без надзора. Куда бы мы сбежали?

Исходя из того, что мне четко выдавали продовольствие, здесь я пережил эту неделю как самое лучшее и прекрасное время за весь плен!

Моему веселому настроению вот еще что способствовало: наконец-то установилась связь с домом! Так, 30 июля я получил аж 3 письма за один раз, даты отправления: 18 марта, 15 мая, 3 июня; мама писала, как они все с нетерпением ждут моего возвращения и как они соскучились. Она каждый день молилась за меня и просила меня (в письмах), чтобы я тоже не забывал молиться. Она отправила мне фотографию, на которой можно было увидеть отца, маму, Гансла и Митци, а также семью беженцев, которая полтора года жила у нас.

Мама рассказывала мне обо всем, что могло меня заинтересовать, о том, что маленькая Хельга растет очень послушной, смеется и подпрыгивает в коляске; что Гансл в Зильберберге закончил школу разведения винограда и занимается возделыванием винограда, прилежно ухаживает за деревьями; как продвигаются работы по строительству водопровода, а также что Фруман Пэпи никогда больше не вернется домой и что о Пфайферандере Феликсе ничего еще не известно; а в письме от 21 сентября (это последнее, которое я получил 25 октября), мама писала, что ей уже не доставляет радости писать письма, так как каждый день она надеется... Они внимательно слушали радио. Уже было отправлено 5 эшелонов; из нашего прихода двое с эшелонами отправлены на родину; вчера приходил Фельштнер Феликс. Мама уже не смеет думать о том, что когда-то меня увидит...

Такой была почта, которая создавала в лагере настроение, что «скоро домой», и слухи были тем сырьем материалом для паролей, которые распространялись по лагерю. Я начал эти пароли записывать в свою книжечку. Первый раз я записал 7 августа, и она звучит так: «Объявление: заявление об освобождении австрийских военнопленных до конца 1947 года. Пароль: В октябре переизбрание». 11 августа: «20 августа должен прибыть эшелон», и 20 августа я отметил у себя: «До 24.08 все должны быть в сорте, 28.08 идет эшелон». И так продолжалось некоторое время с паролями, вероятно, каждый что-то знал, слышал от другого, случайно узнавал и т.д. Мне «доверил тайну» один лейтенант 6 сентября: «Моя жена слышала по телефону, что вы 15 сентября поедете».

В конце сентября о паролях перестали говорить, когда уже многое указывало на то, что наше здесь пребывание подходит к концу. Каждый день уроки – из этих уроков одно высказывание у меня осталось в памяти: фамилия канцлера Австрийской народной партии Фигл (это сокращение для выражения «фашисты во всей стране»...)

Мы старательно собирали мох, вероятно для «матрацев», когда поедем домой; мы плели венки, которыми украшали вагоны и лагерь, тогда нам должны были дать большой прощальный концерт. В середине сентября привезли синие рабочие костюмы (робы), обувь, нижнее белье, портянки и одеяла: все для дома; 10 октября в Карпинск отправился руководитель лагеря, куда прибыло подразделение эсэсовских отрядов, который нас должен сменить.

22 октября случилась трагедия: моего друга Роберта Штескаля вывели из барака и отправили в карцер. Он тогда сам не знал, почему и куда. И это незадолго до возвращения домой, которого он так ждал. Мы все очень переживали.

Итак, после праздника (день Октябрьской революции) должен прийти эшелон. 29 октября врач должен был отдать список тех, кто нетранспортабелен. 1 ноября прибыли «карпинцы», которые тоже должны были отзываться из нашего отделения домой. А 3 ноября я записал в своей книжечке: «Хозяин ужасно гоняет на работу. Вечером нам нужно приносить в лагерь с собой котел, чтобы варить». Это было, наверное, признаком того, что мы больше в лес на работу не пойдем, и 3 ноября 1947 года был моим последним рабочим днем на Урале.

Вечером у парикмахеров была напряженная работа с бритьем, наголо нас больше не обстригали. Ночью лесорубам объявили,

что на следующее утро в лагерь прибудут вагоны. Наконец-то всё позади! Здесь заканчивалась ветка пути, и очень часто вечером после работы мы сидели на рельсах, представляли, что пришел поезд, мы в него заходим, и он везет нас домой.

Многие «пароли», смена надежды разочарованием, вечная переменя настроения так подействовали на нас, что мы шли, спокойные и равнодушные к организации вагонов: брусья между этажами должны быть спилены и установлены, печи встраивались, по возможности пилили много дров и бревен и эти бревна складывали в вагоны, а также наполняли вагоны мешками с соломой. Между тем была перепроверка, то есть смена белья, иногда выдача нового нижнего белья – и возвращение назад драгоценностей. Тогда мы в это не верили, но теперь я видел, как русские аккуратно вели учет своих плених. И если везло, то некоторые получали обратно часы, как случилось с двумя товарищами, которые при аресте сначала смогли спасти свои часы, которые у них в лагере в России забрали.

4 ноября был прощальный вечер с ужином. Не было ничего особенного, потому что у меня про это ничего не сказано, может, потому, что организация частью проходила в темноте, так как сломался световой аппарат. На следующий день на демонстрации политофицер хотел внушить нам, что мы должны быть благодарны Советскому Союзу, так как мы русскому государству задолжали в день по 50 копеек. Наша работа оценивалась в 13,5 рубля, в то время как наше проживание, питание, медицинское и другое содержание стоило 14 рублей. Я не припомню, посмели ли мы громко смеяться над этим, или мы задумывались над нашей участью, опасаясь в последний момент не оказаться вычеркнутыми из списка едущих домой в качестве «врага СССР».

Но какой была моя радость, когда я вернулся в барак и там увидел Роберта! В последнюю минуту русские его все же отпустили, после того как они его днями допрашивали, издеваясь над ним (подробности он никогда не рассказывал), и хотели ему навязать признание в вымышленном преступлении.

Вечером 5 ноября первые товарищи зашли в поезд, который вез их на родину, а мы должны были еще выгрузить картофель из второго вагона. В 11 часов вечера нам скомандовали: «Заходите в поезд, поедете домой!»

Возвращение домой
Мечта стала реальностью. —
Остановка через несколько километров. —
Питание могло не появляться. —
Встреча с Густлом и другими товарищами

То, о чем мы днем и ночью мечтали, о чем мы снова и снова говорили, и что мы в своем воображении во всех вариациях проигрывали, — наконец осуществилось. Мы сидели в поезде, он должен был привезти нас домой. Но годы плены и испытаний сделали нас скептиками, нельзя было быть уверенным, не изменят ли они своего решения.

В 9 часов следующего дня поезд отправился, впервые двери вагона не были закрыты, не было решеток. Но уже через несколько остановок, примерно 20, поезд остановился. Сейчас мне не вспомнить название местности, которое я уже слышал в лагере.

Мы остановились и продолжали стоять 4 дня. Вначале мы ни о чем не думали, это была просто остановка, как мы ее называли во время наших многочисленных переселениях. И лишь когда наступила ночь, потом день, потом снова ночь, в нас опять всeliлось сомнение, что мы когда-то окажемся дома.

Ужасные слухи носились по вагону, никто не знал, что произошло и почему мы стоим. Большинство предполагало, что праздник революции в этом виноват. Эти ноябрьские праздники отмечались коммунистами как великие и важные дни в году, и, может быть, они были причиной нашей остановки.

Когда через 2 дня питание стало скучным и русские запретили даже петь, мы стали беспокоиться и даже уже отчаялись. Вечером третьего дня 5-й вагон эвакуировали, мужчинам пришлось размещаться дополнительно в других вагонах. С этим вагоном должны были, вероятно, в Краснотурьинск доставить питание, так как до сих пор мы ничего не ели!

После того как мы 4 дняостояли на 20-й остановке, наконец-то в 9 часов утра 10 ноября поезд отправился снова. Есть нам так ничего и не давали. 11 ноября я записал в своей книжечке: «Через 39 часов принесли хоть что-то поесть. Эвакуировали 6-й вагон, так как встраивали кухню. 40 человек убирали лопатами снег. Вечером отъезд».

Через 5,5 дня мы уже отъехали около 20 км в направлении дома, это было здорово! В большинстве случаев я записывал: «Всю

ночь напряженная поездка». Лишь вблизи Свердловска еще раз была остановка на 3 дня.

На вокзале стоял еще один эшелон с австрийцами (300 человек); они ждали уже 10 дней. Здесь мы встретили нашего молодого антифашистского руководителя Губерта из колхоза в Егоршино. Даже он, несмотря на то что не был австрийцем, держал путь на родину. Он сообщал, что австрийцы из Егоршино уехали домой уже 3 месяца назад.

Наконец, 17 ноября в 4 часа утра мы отправились дальше. Медленно мы выбрались из лесной зоны. После того, как в утренних сумерках 19 ноября у Казани мы пересекли Волгу, я впервые в своей книжечке обратил внимание на местность: «Поля с озимым посевом, луга, ветряные мельницы, каменные дома». Это особенно бросалось в глаза, так как везде на Урале, кроме Свердловска, мы видели только деревянные дома.

В волнующей поездке мы двигались в направлении Москвы, мимо широких равнин, полей, лугов, деревень с ветряными мельницами и церквями, в то время как в Истоке, церкви были переделаны в магазины.

Теперь поезд останавливался ненадолго для того, чтобы мы смогли получить еду. Часто она у нас появлялась только после обеда или вечером. Но ее было достаточно по сравнению с тем, как мы за все время плена ее получали. Вероятно, нас хотели в последний момент еще немного воспитать. 1-го я записал: «Снова появилась рыба, немного растительного масла. Вечером давали 1 литр густой рисовой каши с мясом, 600 г хлеба». На следующий день снова дали 600 г хлеба, литр картофельного супа с кашей, немного мяса. Так продолжалось и дальше. Для разнообразия давали сухари, рыбу, суп из пшена, рисовую кашу с сахаром, однажды даже дали две луковицы.

Еще никогда нас не кормили так вкусно и сытно. И кроме того, однажды по вагонам поделили 2000 кг картофеля. Нам нужно было его почистить и принести к вагону-кухне. В результате только 500 кг оказалось на кухне, а 1500 кгшло на то, что мои товарищи набили себе желудок, это была для них дополнительная пища.

21 ноября мы весь деньостояли в Москве, на вокзале, нам не удалось посмотреть город. Здесь я встретил некоторых товарищей, с которыми осенью 1945 года был вместе в Истоке.

Далее мы двигались в юго-западном направлении мимо Брянска, Киева, Винницы к румынской границе. «Местность, природа больше не походили на русскую. Красивые деревушки, много полей, засаженных кукурузой. Сейчас мы на территории Бессарабии». Это было 25 ноября. А вечером 26 ноября мы приехали к румынской границе. Здесь мы вышли: перекличка, обыск, поиск денег. Их нельзя было перевозить через границу. У меня и моих товарищей не возникло с этим проблем, потому что мы не получали денег.

Вскоре после румынской границы была остановка на 2 дня в г. Яссы. Нам пришлось ждать вагоны для обычной колеи. В г. Яссы широкие русские рельсы закончились.

Здесь ждали дальнейшей поездки и пассажиры другого эшелона. Мы бродили по вокзалу, в надежде найти кого-то знакомых. И тут я увидел Густла и некоторых других, с которыми я расстался перед Рождеством в 1945 году. Вместе мы отправились в Россию и вместе возвращаемся домой, но не совсем вместе, как оказалось...

Приложение 3

Военные преступники лагеря № 476 МВД СССР, реабилитированные прокуратурой Свердловской области

1. Авинель Геральд Иоганес, 1909 года рождения, место рождения – г. Рига, Латвия, немец. Служил в 1-й роте школы переводчиков при разведотделе 1-Ц в г. Познань (Польша) в должности писаря, в чине ефрейтора. Пленен – 30.01.45 г. Арестован – 03.01.45 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

2. Адамтиц Иозеф Михаил, 1915 года рождения, место рождения – дер. Гихмельде, округ Опельн, Германия, немец. Служил в 183-м пехотном полку 62-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, рядовым. Пленен – 10.07.44 г. Арестован – 30.10.49 г. Осужден – 15.11.49 г. за участие в поджогах и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

3. Адлер Гейнрих Гейнрих, 1914 года рождения, место рождения – дер. Фирингейм, округ Майнхейм, Германия, немец. Служил в 5-м полевом запасном батальоне 5-й егерской дивизии в чине фельдфебеля в должности командира взвода. Пленен – 28.07.44 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в зверствах и злодействиях против мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

4. Адлер Пауль Петер, 1917 года рождения, место рождения – г. Дортмунд, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в 263-м полевом отряде жандармерии в чине унтер-офицера в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 28.11.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании не-

немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

5. *Айбль Петер Иоган*, 1913 года рождения, место рождения – г. Лансгут, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в 11-й роте 727-го пехотного полка 707-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля в должности помощника командира взвода. Пленен – 06.07.43 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 25.12.49 г. за участие в карательных операциях против мирных советских граждан, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

6. *Айгнер Георг Вильгельм*, 1923 года рождения, место рождения – г. Вюрцбург, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в 5-й егерской дивизии рядовым. Пленен – 23.07.44 г. Арестован – 03.11.49 г. по обвинению в участии в арестах и грабежах мирных советских граждан и сожжении населенных пунктов на временно оккупированной советской территории, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». 21.12.49 г. в судебном заседании от своих показаний отказался. Дело было отправлено на доследование. 22.12.49 г. дело прекращено за отсутствием доказательств.

7. *Айзен Готфрид Карл*, 1919 года рождения, место рождения – дср. Вейтровиц, край Цнайн, Чехословакия, немец. Служил в составе штурмового батальона 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине обср-сфрайтора, в должности конвоира в лагере «Маутхаузен» (Германия). Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 20.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

8. *Айхгольц Карл Иоган*, 1915 года рождения, место рождения – г. Розенбург, округ Добромуль, Германия, немец. Служил в отделе 1-Ц полевой комендатуры № 620 г. Ковель и полевых комендатурах гг. Владимир и Грубешев в чине лейтенанта, в должности переводчика. Пленен – 25.07.44 г. Арестован – 08.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в разведывательных и карательных органах противника, ст. 17 и 58-6 ч. 1 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума

ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 28.12.53 г. освобожден досрочно.

9. *Альборн Карл Георг*, 1910 года рождения, место рождения – г. Ганновер, Германия, немец. Служил в 1 и 3-м батальонах 12-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера санитарной службы. Пленен – 28.06.44 г. Арестован – 12.02.49 г. Осужден – 17.03.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан и сожжении населенных пунктов на временно оккупированной советской территории, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

10. *Альбрехт Герберт Эрнст*, 1908 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в 3-й роте 685-го мото-жандармского батальона 1-й танковой армии на территории Венгрии и Чехословакии в чине лейтенанта, в должности командира взвода жандармов. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

11. *Альтанер Виллибалд Леопольд*, 1903 года рождения, место рождения – дер. Альтрептен, округ Тарновицкий, провинция Верхняя Силезия, Германия, немец. Служил в военно-полевых судах на территории Польши и Чехословакии в чине обер-лейтенанта юстиции в должности секретаря. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

12. *Амент Гейнrich Михаэль*, 1904 года рождения, место рождения – г. Мишхен, Германия, немец. Служил в главной полевой комендатуре г. Люблин (Польша) в должности казначея, в чине обер-лейтенанта. Пленен – 26.07.44 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

13. *Андер Вилли Якоб*, 1924 года рождения, место рождения – с. Унтергентинген, округ Беблинген, провинция Вюртеберг, Гер-

мания, немец. Служил в 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине обер-ефрейтора, в должности зенитчика и шоferа. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 22.11.49 г. за участие в грабежах и разрушениях населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

14. *Анзорге Гейнц Гugo*, 1920 года рождения, место рождения – г. Бреслау, Германия, немец. Служил в дивизии СС «Великая Германия» в чине обер-ефрейтора, в должности писаря. Пленен – 28.03.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 29.11.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, ограблении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

15. *Артль Адольф Иоган*, 1903 года рождения, место рождения – дер. Дарслендорф, округ Гартберг, провинция Штаермарк, Австрия, австриец. Служил в криминальной полиции г. Брно (Чехословакия) следователем. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

16. *Аут Вилли Гeорг*, 1923 года рождения, место рождения – г. Ослерслебен, провинция Саксония, Германия, немец. Служил во 2-й роте 2-го пехотного полка штурмовой бригады СС «Дерливангер» в чине унтер-офицера, в должности стрелка. Пленен – 25.04.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за участие в арестах и ограблениях мирных чешских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

17. *Ахе Карл Генрих*, 1905 года рождения, место рождения – дер. Оберндорф, округ Вецлар, провинция Гессен, Германия, немец. Служил в 161-м охранном батальоне охранником; охранял лагерь советских военнопленных № 181 «Дулаг» (Крым). Пленен – 09.05.49 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа

Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

18. *Баднер Георг Карл*, 1902 года рождения, место рождения – г. Пенцбург, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чине ефрейтора, в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.06.49 г. за участие в арестах и угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, а также в насильственном принуждении мирных советских граждан к труду, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

19. *Базелер Георг Иоган*, 1918 года рождения, место рождения – г. Ольденбург, Германия, немец. Служил в 170 и 87-й пехотных дивизиях в чине фельдфебеля, в должности зав. арт. складом. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 06.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

20. *Базель Вальтер Густав*, 1925 года рождения, место рождения – с. Баргеде, округ Зост, Германия. Служил в 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чинеunter-офицера, в должности телефониста. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 07.11.49 г. за участие в ограблениях мирных советских граждан и сожжении и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 28.12.53 г. освобожден досрочно.

21. *Байер Эрнст Эмиль*, 1897 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в отделе «К» (транспорт) в гг. Варшава, Катовицы, Ченстохов (Польша) полицмейстером. Пленен – 22.04.45 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.45559. Б/н. (Обложка)

22. *Байес Эрнст Эрнст*, 1917 года рождения, место рождения – дер. Горнбарнзен, округ Альфид, провинция Ганновер, Германия, немец. Служил в 1-м батальоне 53-го гренадерского полка 14-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля. Пленен — 09.05.45 г. Арестован — 03.11.49 г. Осужден — 07.12.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания — 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

23. *Баккес Вальтер Вильгельм*, 1912 года рождения, место рождения – дер. Герценхайн, район Бидиген, провинция Обергессен, Германия, немец. Служил в 84-й моторизованной команде полевой жандармерии 4-й танковой дивизии в чине фельдфебеля, в должности жандарма. Пленен — 09.05.45 г. Арестован — 04.03.49 г. Осужден — 01.04.49 г. за участие в арестах и угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания — 25 лет ИТЛ.

24. *Бальдаур Гельмут Клеменс*, 1914 года рождения, место рождения – г. Хемниц, провинция Саксония, Германия, немец. Служил во 2-й батарее 131-го артполка 131-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности командира орудия. Пленен — 09.05.45 г. Арестован — 05.03.49 г. Осужден — 22.03.49 г. за участие в арестах, угоне на рабский труд в Германию и истязаниях мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания — 25 лет ИТЛ.

25. *Бартель Гейнц Рихард*, 1916 года рождения, место рождения – г. Берлин-Вильмерсдорф, Германия, немец. Служил во 2-й роте 109-й танковой бригады в чине унтер-фельдфебеля санитарной службы. Пленен — 16.02.45 г. Арестован — 13.11.49 г. Осужден — 07.12.49 г. за то, что в феврале–марте 1942 г. являлся комендантом лагеря для советских военнопленных в г. Берлин «Люкенвальде-5/4», где были созданы невыносимые условия жизни, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания — 25 лет ИТЛ.

26. *Бекк Рейнгольд Вильгельм*, 1899 года рождения, место рождения – г. Бреслау, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 95-й стрелковой дивизии старшиной полицейской роты в г. Корвин (Чехословакия). Пленен — 10.05.45 г. Арестован — 09.12.49 г. Осужден —

ден – 26.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

27. *Беккер Готхард Рейнгард*, 1922 года рождения, место рождения – дер. Ольберхдорф, округ Циттау, провинция Саксония, Германия, немец. Служил во 2-й роте 187-й батареи связи 87-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора в должности радиста. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 22.11.48 г. по обвинению в участии в грабежах, арестах, угоне на рабский труд в Германию и насильственное привлечение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». 14.12.48 г. в судебном заседании от своих показаний отказался и потребовал вызова свидетелей из числа своих сослуживцев. Дело было направлено на доследование и закрыто за недостаточностью улик 17.03.49 г. В апреле 1949 г. дело снова было отправлено на доследование, но из-за отсутствия улик прекращено 14.10.49 г.

28. *Беккер Карл Гейнрих*, 1920 года рождения, место рождения – с. Геринг Гаузен, область Айзенберг, провинция Кассель, Германия, немец. Служил в 129-м дивизионе связи 129-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности автослесаря. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 24.11.49 г. за личное участие в разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

29. *Беккерт Арно Пауль*, 1917 года рождения, место рождения – дер. Фройберг, округ Дрезден, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в дивизии СС «Великая Германия» в чине штабс-ефрейтора. Пленен – 17.04.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за участие в конвоировании мирных советских граждан и их угоне на рабский труд в Германию, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

30. *Бекштайн Михаэль Тобиас*, 1907 года рождения, место рождения – г. Нюриберг, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чине унтер-офицера, в должности жандарма. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.06.49 г. за участие в арестах, угоне на рабский труд

в Германию и насильственном привлечении к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

31. *Бем Макс Пауль*, 1908 года рождения, место рождения – дер. Леге, округ Бреслау, Германия, немец. Служил в 560-м строительном батальоне в чине сержанта, в должности ездового. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 02.11.49 г. по обвинению в участии в изъятии продуктов у мирного советского населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». 23.12.49 г. в судебном заседании от своих показаний отказался. Дело было направлено на доследование и закрыто за недостаточностью улик 27.02.50 г.

32. *Бем Фридрих Герман*, 1900 года рождения, место рождения – дер. Кайнрихегефон, округ Заксбург, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в 1-м охранном батальоне в чине обер-сержанта, в должности охранника. Пленен – 07.04.45 г. Арестован – 11.12.49 г. Осужден – 20.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

33. *Бемлер Эрвин Готфрид*, 1918 года рождения, место рождения – дер. Эльтинген, провинция Вюртемберг, Германия, немец. Служил в 441-м батальоне полевой жандармерии 41-го танкового корпуса в чине унтер-офицера, в должности полевого жандарма. Пленен – 02.07.44 г. Арестован – 08.11.49 г. Осужден – 28.11.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

34. *Бенгс Альфред Герман*, 1910 года рождения, место рождения – дер. Кудан, округ Зольдин, провинция Бранденбург, Германия, немец. Служил в штабной роте № 547 пехотного полка 83-й пехотной дивизии в чине обер-сержанта, в должности коноводчика. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 23.11.49 г. за участие в грабежах мирного советского населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет

ЗАРЯДКА ИМВА ССР ЗЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ		(Фамилия, имя, отчество)	2
УЧЕТНОЕ ДЕЛО			3
№			
Для представления в лагерь			
134 р.			
ОПРОСНЫЙ ЛИСТ			
Фамилия	Бычко		
Имя и отчество	Федор Гаврилович		
Год и место рождения	1895 год рождения в селе Красное (Курганская)		
Последнее место нахождения перед репрессией	В сел. Красном ул. Красногвардейской (Курганская)		
Точнее адрес, точная табка (фамилия, имя и отчество жены, от- цой или родителей, подчинений)	Бычко - Василий Гаврилович 1898 год рождения, рабочий жена - Краснова Евдокия Гавриловна родители - Бычко Гавриил Федорович и жена - Краснова Евдокия Гавриловна		
Сем. происхождение — сословие (какое самое высокое положение роди- телей)	рабочий рабочий		
Из каких мест уходил из зоны западного ободования	НЕ указывалось		
Национальность	Белорус		
Родной язык	белорусский		
Подданство	Советское		

11) Профессия и специальность (стаж работы)	<i>Химический инженер</i>
12) Политическая и общественная работа в органах государственной власти и т.д.	<i>Всеобщий референт</i>
13) Участие в спортивном обществе	<i>Спортивный общественный совет</i>
14) Высшее образование	<i>МГУ им. Ломоносова</i>
15) Последний член партии	<i>Член партии</i>
16) Нынешнее место работы (если не занимает в данный момент в других организациях)	<i>Бюджетное учреждение в г. Магнитогорске Уральского физико-технического института</i>
17) Стажем 2000% занимал ведущие научные должности	<i>Доктор химических наук</i>
18) Пребывая за границей Советской Федерации, когда и чем занято, занимался	<i>Научно-исследовательская работа</i>
19) Кто из родственников и знакомых проживает в СССР (их фамилии, адреса, землемеры, род занятий, образование)	<i>Моя жена живет в Москве</i>
20) Где вы находились или состояли на службе, где, кем и за что осуждены, где сейчас находитеесь	<i>Москва</i>

ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

35. *Бендингер Фриц Карл*, 1914 года рождения, место рождения – г. Кассель, Германия, немец. Служил в местной комендатуре гг. Умань, Львов (Украина) в чине лейтенанта, в должности адъютанта коменданта. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 24.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

36. *Бенефельд Хартвич Альфред*, 1920 года рождения, место рождения – с. Франкендорф, провинция Бранденбург, Германия, немец. Служил в 8-й танковой дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности связиста. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 21.04.49 г. Осужден – 13.05.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, разрушении и сожжении населенных пунктов, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

37. *Бениш Райнгольд Иоган*, 1894 года рождения, место рождения – дер. Голе, округ Розенберг, Польша, немец. Служил в территориальной жандармерии округа Левенбер (Польша) в чине обер-вахмистра, в должности жандарма. Пленен – 09.02.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.45 г. за службу в карательных органах противника, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 28.12.53 г. освобожден досрочно.

38. *Бервальд Вильгельм Вильгельм*, 1911 года рождения, место рождения – с. Фолькпрайде, округ Остхафнланд, провинция Бранденбург, Германия, немец. Служил в полевой жандармерии 207-й охранной полиции в чине обер-фельдфебеля, в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 11.11.49 г. за участие в угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 22.12.53 г., освобожден досрочно.

39. *Бервальд Пауль Альберт*, 1912 года рождения, место рождения – дер. Королингенгоф, округ Регенвальде, провинция Померания, Германия, немец. Служил в конном взводе полицейского ох-

ранного полка г. Радом (Польша) в чине обер-вахмистра, в должности ездового. Пленен – 17.06.45 г. Арестован – 14.12.49 г. по обвинению в участии в зверствах и злодеяниях против мирных советских граждан, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». После окончания предварительного следствия дело было передано в Военный Трибунал, но 13.01.50 г. оно было вытребовано обратно и отправлено в Москву на рассмотрение Центральной Межведомственной Комиссии. По указанию последней дело было прекращено 07.03.50 г.

40. *Бергер Фриц Фриц*, 1905 года рождения, место рождения – дер. Фольхаммер, округ Вольденбург, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 1-й роте полицейского охранного батальона «Кассель» в чине рядового, в должности сапожника. Пленен – 29.04.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

41. *Бергманис Эдгар Юлиус*, 1926 года рождения, место рождения – г. Елгава, Латвийская ССР, латыш. Служил в 18-м зенитном дивизионе в чине ефрейтора, в должности солдата. Пленен – 15.04.45 г. Арестован – 13.04.46 г. Осужден – 22.05.46 г. за измену Родине, ст.58-1 п. «а» УК РСФСР. Мера наказания – 10 лет ИТЛ. 23.09.46 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.

42. *Беренц Фриц Фридрих*, 1925 года рождения, место рождения – г. Кведлинбург, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 3-й роте 2-го танкового полка дивизии СС «Дас Райх» в чине сержанта, в должности радиста. Пленен – 06.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 11.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

43. *Бернс Вилли Герман*, 1917 года рождения, место рождения – г. Обергаузен, Рейнская область, Германия, немец. Служил в 26-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля в должности командира отделения. Пленен – 30.07.44 г. Арестован – 20.11.49 г. Осужден – 29.11.49 г. за участие в сожжении населенного пункта и одного колхозного сарая, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС

СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

44. *Бернхард Иоган Якоб*, 1911 года рождения, место рождения – дер. Кшивец, Лодзинский уезд, Польша, немец. Служил в жандармерии на территории Польши в чине обер-вахмистра, в должности жандарма и переводчика. Пленен – 21.01.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 25.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17, 58-6 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

45. *Бетгер Эдмунд Иоганес*, 1915 года рождения, место рождения – г. Бармштедт, округ Пиннеберг, Германия, немец. Служил в 1-м артдивизионе 5-го пехотного полка дивизии СС «Викинг» и 3-м артдивизионе 11-го артиллерийского полка дивизии СС «Нордян» в чине обер-лейтенанта, в должности командира батареи. Пленен – 02.05.45 г. Арестован – 31.10.49 г. Осужден – 30.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

46. *Билгау Якоб Конрад*, 1914 года рождения, место рождения – г. Гемер, округ Вестфалия, Германия, немец. Служил в 277-й отдельной бригаде самоходной артиллерии в чине унтер-офицера, в должности водителя-механика. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 24.01.49 г. Осужден – 19.02.49 г. за то, что неоднократно проявлял враждебное отношение к СССР, а 15.12.48 г. демонстративно изломал раму портрета одного из руководителей Советского государства и вместе с измятым портретом бросил в горящую печь жилого помещения, ст.17 и ст.58-8 УК РСФСР Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

47. *Биллер Гарм Иоган*, 1920 года рождения, место рождения – дер. Форлиц, окраина Аурих, провинция Ганновер, Германия, немец. Служил в 3-й роте 32-го саперного батальона 12-й танковой дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности шофера. Пленен – 16.04.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 16.11.49 г. за участие в разрушении гражданских сооружений и изъятии продовольствия у мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

УДИКВАР"
ЗАЧЕМ УДИКВАР
БЫЛ ОСНОВАН
ГЕНРАЛ-ДЖЕНЕРАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
1943 года.

АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОКУРОРСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬСТВА
ВОЕННОГО СОСУДА

"8" сентябрь 1949 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

На арест /

гор. Аббасов.

"26" октября 1949 года.

Я, следователь УДИК по Свердловской области старший лейтенант КУК, рассмотрев поступившие в УДИК по СО материалы о преступлении обвиняемого:

ВАГНЕР Гриц Густав - 1905 года рождения, уроженец г. Ратенов, провинция Бранденбург, Германский восток, Германского Лейтенанства, до службы в армии работал мясником в гор. Ратенов. Служил в скотобойной роте дивизии "Феликс Германн" в чина сержанта.

НАШЛО:

ВАГНЕР Г.Г. находясь на временно оккупированной Советской территории в составе скотобойной роты дивизии "Феликс Германн" систематически занимался из "яжми и угнем скота, принадлежащего Советским гражданам.

Так: с декабря 1943 года по январь 1944 года на территории Николаевской области/изъятие населенного пункта не установлено/ изъял у советских граждан 5 голов крупного рогатого скота.

В январе 1944 года изъял 5-6 коров у Советских граждан в одном населенном пункте, расположенным в 15 км. выше посёлка Поморская Каюзоградская области.

В марте 1944 года в составе группы солдат участвовал в угоне крупного рогатого скота в количестве до 250 голов, 50 скотин из посёлка Поморская Каюзоградская области в Гумбини.

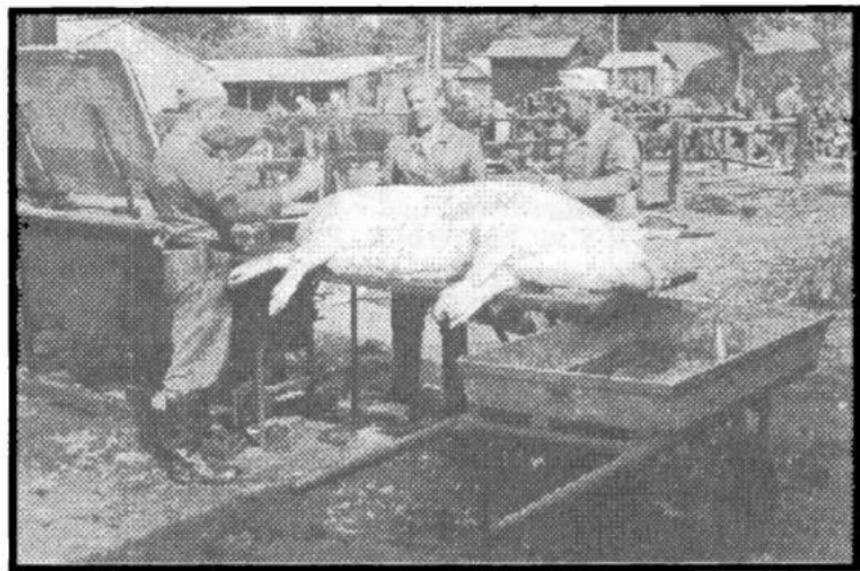
Все изложенные факты подтверждаются личными показаниями ВАГНЕР и его 62 фотоснимков, изъятых у военнопленного УДИК, а также письмами Ч.Г.К. по УССР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

ВАГНЕР Гриц Густав содержащийся в лагере №476 подвергнуть аресту и осыпку.

Следователь УДИК по СО от 1-го

"СТИЛАСН": зам начальника спец лагеря по УДИК

УГААСО. Ф. 1. Оп.2. Д.45585. Б/н
(Вещественные доказательства по делу Вагнера Ф.Г.).

395

24

certified

ПРИГОВОР

кажды Спілка Савета Соціалістических Ресублік

1938-1950. Краснодар. 15. 09.
Сообщение о земельном участке
в селе Краснодаре, Краснодарский край.
Участок земельного участка № 15245
имеет следующие характеристики:
1) Площадь участка 1500 кв. м.
2) Категория земель - сельскохозяйственная.
3) Использование земельного участка: земельный участок используется для выращивания зерновых культур и овощей.
4) Планируемое использование земельного участка: земельный участок планируется использовать для выращивания зерновых культур и овощей.

Геманний

Где-то в начале 70-х в городе Форт
Макмуррей было открыто новое
издание газеты «Форт Макмуррей».
Сразу же оно стало популярным.
В газете публиковались различные
статьи о жизни города, о его будущем,
о людях, о том, как в городе живут
люди. Газета имела хорошие
репортерские статьи и интересные
фотографии из жизни города.
Она стала очень популярной
и получила премию за лучшую
газету в Канаде. Но в 1970 году
газета прекратила выпуск в связи
с тем, что город перенесся в новый
район города Форт Макмуррей. В 1970 году
газета прекратила выпуск в связи
с тем, что город перенесся в новый
район города Форт Макмуррей.

Гранд-Кан Цзин
Год написания 1955
Год публикации 1958
Год изъятия из архива 1992 г.
Год возвращения в архив

Военное положение

Постановление

Все гражданское право и суд в Китае с 1-го июля 1953 г. были заменены на гражданское право Китайской Народной Республики и национальным законом о гражданском праве Китая. Суды и прокуратура Китая в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая должны проводить правосудие в соответствии с законом о гражданском праве Китая.

Суды Китая должны судить гражданские дела по законам Китая и национальным законам о гражданском праве Китая. Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая.

Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая. Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая.

Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая. Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая. Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая. Суды Китая должны судить гражданские дела в соответствии с законом о гражданском праве Китая и национальным законом о гражданском праве Китая.

REFERENCES

R. G. L. 1911

123

ОПРЕДЕЛЕНИЕ М

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

CONTENTS

Digitized by srujanika@gmail.com

For more information about the study, please contact Dr. Michael J. Hwang at (319) 356-4530 or via email at mhwang@uiowa.edu.

2000-2001

—
—
—

1000-1000-1000-1000

www.123RF.com

10

1. [ANSWER](#)

<http://www.scholarship.unimelb.edu.au>

1100 The Hague

卷之三

1000

卷之三

內蒙古大學學報

Учебник для 5 класса начального Педагогического училища

УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.46822. Л.107.
(Фрагмент определения Военной коллегии Верховного суда СССР)

арх 618-502

33

ГИБДД МВД СССР
Бюро по Краснодарскому краю

Определение № 004557/п

ПОСЛАНИЕ МИНИСТЕРА ВНУТРЕННЕГО ВЕДЕНИЯ СССР

в соответствии

Председателю Ставропольского генерал-майора военного советника МАУ/КББЧ

Членовам: генерал-майора военного советника
генерал-майора военного советника АЛТИХОВА

29

Установлено о разъездах от " " марта 1940 года
даты по времени Г. Г. Гика Г. Г. Гика, 1942 года разъе-
зда, уроженца гор. Бирюса, краснознаменца Сахалина, Героямии, началь-
ника штаба 11 земляка 1943 года Военного трибуналом войск
Министерства обороны СССР по ст. 1 Уголовного кодекса Верхов-
ного Совета СССР от 19 марта 1948 года и в 39 году личе-
ния находился в ИДА.

ПРИКАЗЫВАЮ:

записать ГЕРИНГ Ганса Феликса местечки срок назначения выда-
реком за пределы СССР.

Подлежит либо подтверждению подписями,

с положением верх:

степ. 5 км.
81-я км. 15
№ 7-3- адр.
сел. Гоманова.
в 48578

УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.46070. Л.38
(Определение о выдворении из СССР)

48. *Бингемер Генрих Иоганес*, 1908 года рождения, место рождения – дер. Беркен-Энгейм, округ Ганау, провинция Гессен, Германия, немец. Служил во 2-й роте 187-го батальона связи 87-й пехотной дивизии в чине обер-сфрайтора в должности радиста. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 22.11.48 г. Осужден – 26.03.49 г. за участие в арестах, грабежах и угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, а также разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

49. *Биринг Вилли Август*, 1908 года рождения, место рождения – дер. Рейтен, округ Ганновер, Германия, немец. Служил в 3-й роте 1-го батальона 82-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии в чине обер-сфрайтора, в должности стрелка. Пленен – 28.06.44 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в разграблении, разрушении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

50. *Биркгольц Макс Пауль*, 1899 года рождения, место рождения – г. Арислебен, Германия, немец. Служил в 187-м охранном батальоне 87-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля, в должности командира взвода. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 11.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в зверствах и злодействиях против мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

51. *Бирке Артур Юлиус*, 1897 года рождения, место рождения – г. Йодзь, Польша, немец. Служил в школе переводчиков г. Познань (Польша) в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 06.02.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17 и 58-6 ч.1 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

52. *Биркнер Карл Карл*, 1895 года рождения, место рождения – дер. Омулефофеи, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в пограничной жандармерии на польско-германской границе в чине обер-вахмистра, в должности рядового жандарма.

Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

53. *Бицингер Герман Иозеф*, 1920 года рождения, место рождения – г. Кельн, Германия, немец. Служил в 46-м саперном армейском батальоне в чине обер-сфрайтора, в должности сапера. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 17.12.48 г. Осужден – 07.01.49 г. за активное участие в уничтожении скрывавшегося в каменоломнях мирного советского населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

54. *Бишоф Арнольд Карл*, 1912 года рождения, место рождения – Людская губерния, Украина, немец. Служил в лагере № 20 (г. Орел) для советских военнопленных в чине фельдфебеля, в должности счетовода отдела снабжения. Пленен – 27.03.45 г. Арестован – 02.12.49 г. Осужден – 14.12.49 г. за службу в лагере советских военнопленных, где были созданы нечеловеческие условия для жизни, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

55. *Бишоф Леопольд Георг*, 1906 года рождения, место рождения – г. Вена, Австрия, немец. Служил в 861-м охранном батальоне в чине ефрейтора. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в охранных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

56. *Блайх Ганс Герберт*, 1920 года рождения, место рождения – г. Гильдесхайм, провинция Ганновер, Германия, немец. Служил в 87-й пехотной дивизии 187-го артполка 2-го дивизиона в чине лейтенанта, в должности командира 5-й батареи. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 09.11.49 г. Осужден – 18.11.49 г. за разрушение жилых домов мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

57. *Блау Герберт Гейнрих*, 1914 года рождения, место рождения – мест. Гельдбург, провинция Тюрингия, Германия, немец. Служил в 571-м отдельном отряде полевой жандармерии 258-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля, в должности жандарма. Пленен – 22.09.44 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 09.11.49 г. за участие в массовом угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

58. *Блосс Оскар Август*, 1900 года рождения, место рождения – г. Грайц, Германия, немец. Служил в 615-м охранном батальоне в чине штабс-ефрейтора. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в охранных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

59. *Блюм Бруно Готлиб*, 1909 года рождения, место рождения – дер. Мальдердингер, округ Фрейбург, провинция Баден, Германия, немец. Служил в 4-м танковом полку 13-й танковой дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности повара. Пленен – 10.02.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за изъятие скота у мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

60. *Богнер Иозеф Матиас*, 1920 года рождения, место рождения – дер. Банаука-Тополя, округ Велика-Кикинда, Югославия, немец. Служил в 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гайер» в чине рядового кавалериста. Пленен – 28.08.43 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 25.11.49 г. за участие в разрушении жилых домов и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 23.12.54 г. освобожден досрочно.

61. *Бок Эрнст Эрнст*, 1917 года рождения, место рождения – г. Гельзенхирхен, Германия, немец. Служил в 286-м отдельном зенитном артдивизионе в чине фельдфебеля, в должности командира взвода зенитных орудий. Пленен – 16.01.43 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за участие в арестах, угоне на

рабский труд в Германию и расстрелах мирных советских граждан, в сожжении, разрушении и разграблении населенных пунктов, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

62. *Болленбах Рудольф Франц*, 1913 года рождения, место рождения – дер. Юзефсберг, округ Дрогобыч, Польша, немец. Служил во вспомогательной жандармерии на территории Польши и Венгрии в чине обер-вахмистра. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в жандармерии бывшей германской армии по регулированию уличного движения и участие в арестах и обысках мирного польского населения, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

63. *Борер Герман Аллоиз*, 1903 года рождения, место рождения – г. Кельн, Германия, немец. Служил в полицейских частях на территории Чехословакии в чине обер-вахмистра, в должности шоfera и слесаря. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

64. *Бот Франц Франц*, 1908 года рождения, место рождения – г. Аугсбург, Германия, немец. Служил в полицейском полку «Норд» и 11-м полицейском полку в чине полицмейстера, в должности шоfera. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, а также в столкновениях с советскими партизанами и сожжении одного жилого дома, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

65. *Боте Рудольф Фридрих*, 1899 года рождения, место рождения – дер. Мадерслебен, округ Магдебург, Германия, немец. Служил в 630-м охранном полку в чине обер-лейтенанта, в должности командира роты. Пленен – 25.07.44 г. Арестован – 19.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в охранных частях противника, которые

проводили на временно оккупированной территории СССР карательные действия, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

66. *Бошен Гейнрих Герхард*, 1904 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чине обер-ефрейтора, в должности рядового солдата. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 27.05.49. Осужден – 24.06.49 г. за участие в арестах, грабежах, угоне на рабский труд в Германию и насильственное принуждение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

67. *Брайтенбах Август Август*, 1907 года рождения, место рождения – дер. Зиферсхаузен, округ Айнбек, провинция Ганновер, Германия, немец. Служил в 3-й роте 750-го саперного батальона в чине штабс-ефрейтора, в должности сапера. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 08.11.49 г. Осужден – 22.11.49 г. за участие в грабежах, арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

68. *Браншайт Вильгельм Фридрих*, 1907 года рождения, место рождения – г. Эссен, Германия, немец. Служил в 498, 233 и 441-м охранных батальонах на территории Дании и Германии в чине обер-лейтенанта, в должности командира взвода. Пленен – 07.05.45 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в охранных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

69. *Брассер Иоганес Филипп*, 1911 года рождения, место рождения – г. Ридерсхам, Германия. Служил в 4-м танковом саперном батальоне. Арестован – 13.01.47 г. Осужден – 23.02.47 г. за саботаж путем отказа от работы и антисоветскую агитацию среди военнопленных с призывом не выполнять производственные задания и не выходить на работу, ст.58-14 УК РСФСР. Мера наказания – расстрел. После рассмотрения кассационной жалобы 12.05.47 г. ст.58-14 заменена на ст.193-2 «в» УК РСФСР, а расстрел – на 10 лет ИТЛ.

YUPOK YURAT SPB
Pecužnost Števopanek

ПРОКУРАТУРА
Свердловской области

Справка о реабилитации

第3章 管理の基礎知識 第3回 営業部門における組織構造

THE INFLUENCE OF THE CULTURE ON THE LANGUAGE

卷之三

卷之三

卷之三

卷之三

卷之三

卷之三

卷之三

Digitized by srujanika@gmail.com

卷之三

EXERCISES 1003

卷之三

УГААОСО, Ф.1, Оп.2, Д.45585, Л.40. (Странка о реабилитации)

70. *Брауне Гельмут Кристиан*, 1903 года рождения, место рождения – дер. Вентлорф, округ Вольмерштет, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 82-м пехотном полку 31-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности повара. Пленен – 08.02.45 г. Арестован – 29.04.49 г. Осужден – 24.05.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

71. *Бреннер Эмиль Теодор*, 1906 года рождения, место рождения – с. Сарата, Бессарабия, немец. Служил в отделе I-Ц штаба дивизии «Фельдгернхалле» и в батальоне связи этой же дивизии в чине унтер-офицера, в должности переводчика. Пленен – 14.07.44 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17 и 58-6 ч.1 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

72. *Брентрут Ганс Иоганес*, 1915 года рождения, место рождения – дер. Бад-Засендорф, округ Зюст, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в 5-й батарее 252-го артиллерийского полка 252-й пехотной дивизии в чине обер-вахмистра, в должности командира взвода. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 12.11.49 г. Осужден – 06.12.49 г. за участие в грабежах и арестах мирных советских граждан и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

73. *Бринк Август Август*, 1924 года рождения, место рождения – с. Павштетен, округ Вилковишкен, Латвия, немец. Служил в охранных частях СД и гестапо рядовым. Пленен – 23.04.45 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 07.12.49 г. за службу в карательных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

74. *Брозам Райнгольд Матиас*, 1902 года рождения, место рождения – дер. Лобудице, уезд Штрац, Подзинское воеводство, Польша, немец. Служил во вспомогательной полиции бывшей германской армии на территории Польши полицейским. Пленен – 09.02.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за службу

в карательных органах противника, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

75. *Брозовский Бруно Иоган*, 1925 года рождения, место рождения – г. Фрайнштадт, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в 8-й роте полка «Айке» 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине ефрейтора, в должности стрелка. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 29.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

76. *Бромбах Эмиль Рудольф*, 1909 года рождения, место рождения – г. Вупперталь, Германия, немец. Служил при лагере № 203 для советских военнопленных в гг. Бельск, Слуцк, Орша, Кричев, Унеча, Могилев в чине унтер-офицера, в должности командира строительного взвода. Пленен – 25.08.44 г. Арестован – 06.12.49. Осужден – 16.12.49 г. за то, что, будучи командиром строительного взвода при лагере № 203, ежедневно выгонял на тяжелые строительные работы около 30 чел. советских военнопленных, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

77. *Броцат Альфред Георг*, 1900 года рождения, место рождения – г. Бармен, Германия, немец. Служил в 307-й хозяйственной роте в чине зондерфюрера-Ц, в должности сельхозруководителя (Так в документе. – С.Н.). Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за вывоз сельскохозяйственных машин и зерна с временно оккупированной территории СССР в Германию, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

78. *Брукмюллер Вальтер Фердинанд*, 1910 года рождения, место рождения – г. Фрайштадт, Австрия, австриец. Служил в местной комендатуре № 1/318 в чине унтер-офицера, в должности личного шофера коменданта. Пленен – 25.08.44 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 16.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Ме-

ра наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

79. *Буссе Вилли Рудольф*, 1919 года рождения, место рождения – с. Вальтерсдорф, округ Заунг, Германия, немец. Служил в 3-м полицейском полку 4-й полицейской дивизии СС в чине обер-ефрейтора в должности полицейского. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в карательных органах противника и участие в ограблениях мирных советских граждан, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

80. *Бух Герберт Карл*, 1923 года рождения, место рождения – г. Геттинген, Германия, немец. Служил в 3-й роте 657-го саперного батальона в чине ефрейтора, в должности переводчика. Пленен – 08.08.44 г. Арестован – 10.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

81. *Бухгольц Адольф Фридрих*, 1921 года рождения, место рождения – дер. Владислав, округ Вольстроте, Польша, немец. Служил в 57-й пехотной дивизии в чине ефрейтора, в должности солдата. Пленен – 05.07.44 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 16.11.49 г. за участие в арестах и грабежах советских граждан, а также разрушении жилых домов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

82. *Бухгольц Зигфрид Вальтер*, 1910 года рождения, место рождения – дер. Ванне-Айкель, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в 13-й роте 467-го пехотного полка 267-й пехотной дивизии в чине обер-фельдфебеля, в должности фуражира. Пленен – 09.07.44 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 10.11.49 г. за организацию и участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

83. *Бюргер Герман Карл*, 1900 года рождения, место рождения – г. Херне, Германия, немец. Служил в 31-м саперном батальоне 31-й пехотной дивизии в чине штабс-фельдфебеля. Пленен – 04.07.44 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 12.11.49 г. за участие в грабежах и насильственное привлечение к труду мирного советского населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

84. *Бюсов Вальтер Фридрих*, 1911 года рождения, место рождения – г. Польна, провинция Померания, Германия, немец. Служил в 169-м пехотном полку 68-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности ездового. Пленен в марте 1944 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 21.11.49 г. за участие в грабежах и охране насильно согнанных для принудительного труда мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

85. *Бюттер Антон Герман*, 1915 года рождения, место рождения – г. Охтрутп, Германия, немец. Служил в отдельном 1057-м артдивизионе в чине фельдфебеля, в должности командира отделения. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 02.11.49 г. Осужден – 23.11.49 г. за участие в расстреле ни в чем не повинного советского гражданина, выброшенного на берег полуострова Фришен-Неруппг (Восточная Пруссия) штурмом, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

86. *Вагнер Вальтер Густав*, 1925 года рождения, место рождения – г. Вурцен, округ Лейпциг, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 7-й батарее 187-го артполка 87-й пехотной дивизии в чине ефрейтора. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в уничтожении населенных пунктов вместе с их жителями путем артобстрелов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

87. *Вагнер Ганс Иозеф*, 1921 года рождения, место рождения – дер. Полей, округ Лакау, Германия, немец. Служил в саперном

батальоне 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине обер-ефрейтора. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 30.11.49 г. за участие в грабежах, арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 28.12.53 г. освобожден досрочно.

88. *Вагнер Пауль Густав*, 1916 года рождения, место рождения – дер. Мильтен-Шмалькольден, провинция Тюрингия, Германия, немец. Служил в 29-й пехотной дивизии и дивизии «Бранденбург» в чине фельдфебеля в должности командира взвода. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 10.11.49 г. за участие в уничтожении населенных пунктов и грабежи мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 22.12.53 г. освобожден досрочно.

89. *Вайдингер Гюнтер Ханс*, 1924 года рождения, место рождения – дер. Грос-Фризенталь, округ Плауен, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в составе отделения технического обслуживания саперного батальона дивизии СС «Великая Германия» в чине унтер-офицера, в должности автослесаря. Пленен – 16.04.45 г. Арестован – 02.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

90. *Вайерсхаузен Рихард Георг*, 1902 года рождения, место рождения – г. Мисбург, провинция Ганновер, Германия, немец. Служил на территории Германии и Польши в полиции в чине полицмейстера, в должности начальника жандармского поста. Пленен – 09.02.45 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17, 58-6 ч.1 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

91. *Вайраух Эрвин Карл*, 1920 года рождения, место рождения – дер. Комерсвальдау, округ Лигниц, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 110-м саперном батальоне 110-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора в должности шофера. Пленен – 14.06.44 г. Арестован – 02.11.49 г. Осужден – 02.12.49 г. за участие

в грабежах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

92. *Вайс Альфред Иозеф*, 1895 года рождения, место рождения – г. Эссен, Германия, немец. Служил в 813-м охранном жандармском батальоне жандармом. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 12.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в арестах и угоне мирных советских граждан на рабский труд в Германию, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

93. *Валличек Альфонс Иозеф*, 1918 года рождения, место рождения – дер. Лопп, округ Культбах, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в отделе по снабжению бензином и запчастями 285-й охранной дивизии в должности писаря. Пленен – 26.03.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

94. *Вальтер Эрих Рейнгольц*, 1907 года рождения, место рождения – с. Браштельгоф, округ Милеч, провинция Силезия, Германия, немец. Служил обер-ефрейтором 199-го пехотного полка. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 17.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

95. *Вальц Ульрих Андреас*, 1914 года рождения, место рождения – с. Унтергинсбах, район Кильсценцау, провинция Вюртемберг, Германия, немец. Служил в 577-м строительном и 758-м саперном батальонах в чине обер-фельдфебеля. Пленен – 08.07.44 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 21.11.49 г. за участие в расстрелях мирных советских граждан и насильственном принуждении советских военнопленных к строительству оборонительных укреплений,

ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

96. *Ванка Адольф Венцель*, 1892 года рождения, место рождения – с. Чихана, район Мис Карлсбад, Судетская область, Чехословакия, немец. Служил в территориальной жандармерии села Баранова (Польша) и жандармском батальоне «Бернинг» в г. Кенигсберге (Германия) в чине обер-вахмистра, в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

97. *Вебер Вернер Конрад*, 1910 года рождения, место рождения – г. Айнзааль, округ Альтена, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в штабе 9-го армейского корпуса (отдел 1а) СС в чине обер-фельдфебеля в должности чертежника. Пленен – 15.02.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 25.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

98. *Вендинг Вальтер Георг*, 1915 года рождения, место рождения – с. Марлебен, округ Дансиберг, Германия, немец. Служил в 3-й роте 743-го саперного батальона в чине штабс-ефрейтора в должности сапера. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 10.11.49 г. за принудительное использование мирных советских граждан на разминировании минных полей и изъятии у них продуктов и фуража, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

99. *Вендланд Альбин Франц*, 1907 года рождения, место рождения – с. Родовней, округ Фрайбург, провинция Померания, Германия, немец. Служил на временно оккупированной территории Латвийской ССР и Псковской области РСФСР в отряде полевой жандармерии местной комендатуры № 1/534 в чине штабс-фельдфебеля, в должности полевого жандарма. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в карательных

органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

100. *Вендт Вильгельм Густав*, 1912 года рождения, место рождения – дер. Альтенвальде, округ Нойштеттин, Германия, немец. Служил в 187-м пехотном артполку 87-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности ездового. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 23.11.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

101. *Венерт Артур Вильгельм*, 1924 года рождения, место рождения – округ Бранденбург; Германия, немец. Служил в саперном взводе 2-го танкового дивизиона 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине обер-ефрейтора, в должности стрелка. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 26.11.49 г. за участие в грабежах и разрушениях населенных пунктов на временно оккупированной советской территории, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 22.12.53 г. освобожден досрочно.

102. *Виланд Вильгельм Эмиль*, 1903 года рождения, место рождения – г. Люблинец, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 102-м саперном батальоне 102-й пехотной дивизии в чине обер-фельдфебеля, в должности командира отделения. Пленен – 17.04.45 г. Арестован – 29.10.49 г. Осужден – 10.11.49 г. за участие в уничтожении жилых домов и стратегически важных шоссейных дорог на временно оккупированной советской территории, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

103. *Вилл Вильгельм Вольфганг*, 1925 года рождения, место рождения – г. Колт-Кронах, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в танково-разведывательном батальоне дивизии «Фельдгерихалле» в чине рядового, в должности пулеметчика. Пленен – 05.07.44 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 24.11.49 г. за участие в расстрелах мирного советского населения и поджогах населенных

пунктов, а также охране 25 чел. военнопленных Советской армии, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

104. *Виль Георг Фриц*, 1911 года рождения, место рождения – г. Вунзидель, Германия, немец. Служил в 12-й батарее 4-го батальона 267-го артиллерийского полка 267-й пехотной дивизии рядовым солдатом. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 26.05.49 г. Осужден – 24.06.49 г. за участие в обстреле и арестах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ

105. *Вильдегер Георг Георг*, 1920 года рождения, место рождения – г. Штрасберг, Германия, немец. Служил в 4-й роте 8-го пехотного полка 1-й бригады войск СС в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 11.11.49 г. за участие в грабежах и расстрелах мирных советских граждан, а также поджогах и разрушениях населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

106. *Вильке Отто Август*, 1913 года рождения, место рождения – дер. Клинкавизна, округ Ласк, Польша, немец. Служил в 10-м полицейском участке охранной полиции г. Познань (Польша) в чине обер-вахмистра, в должности участкового полицейского. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 26.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

107. *Виммер Теодор Иозеф*, 1921 года рождения, место рождения – дер. Пенинг, округ Штраубинг, Германия, немец. Служил в 5-й батарее 2-го артиллерийского полка 187-го артиллерийского полка 87-й пехотной дивизии в чине обер-сержанта, в должности ездового. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 31.12.48 г. Осужден – 20.01.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан и разрушениях населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

108. *Винс Генрих Якоб*, 1918 года рождения, место рождения – г. Кенигсберг, Германия, немец. Служил в местной комендатуре 2-й разведывательной авиационной группы в чине ефрейтора, в должности переводчика. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 20.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

109. *Виссер Артур Адольф*, 1901 года рождения, место рождения – г. Фридсвальд, провинция Рейн-Ланд, Германия, немец. Служил в на временно оккупированной территории СССР в чине лейтенанта, в должности зондерфюрера «Ц». Пленен – 16.05.45 г. Арестован – 08.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за изъятие продуктов питания у мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

110. *Виссигк Макс Макс*, 1919 года рождения, место рождения – г. Брайн, округ Биттерфельд, Германия, немец. Служил в 187-м разведбатальоне 87-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 01.02.49 г. Осужден – 24.02.49 г. за участие в арестах и расстрелах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

111. *Вихман Герт Адольф*, 1909 года рождения, место рождения – г. Висмар, провинция Мекленбург, Германия, немец. Служил в тайной полевой полиции ГФП № 625 и № 745 в чине унтер-офицера, помощником полицейского. Пленен в августе 1944 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 28.11.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

112. *Вобраушек Эрвин Арпад*, 1907 года рождения, место рождения – г. Вена, Австрия, австриец. Служил в тайной полевой полиции № 647 при штабе 11-й армии в чине обер-лейтенанта, в должности инспектора. Пленен – 11.06.45 г. Арестован – 11.12.49 г. Осужден – 20.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17, 58-6 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

113. *Войтишек Франц Альфонс*, 1912 года рождения, место рождения – с. Кодлева, округ Трайен, Германия, немец. Служил в 3-м батальоне гренадерского полка дивизии «Фельдгерххалле» в чине обер-сфрейтора в должности шофера. Пленен – 26.07.44 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 31.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

114. *Воллерт Гейнц Юлиус*, 1906 года рождения, место рождения – г. Тапиау, округ Виллау, Германия, немец. Служил в 3-м батальоне 2-го полицейского полка в чине обер-вахмистра, в должности телефониста. Пленен – 10.04.45 г. Арестован – 31.10.49 г. Осужден – 22.11.49 г. за участие в сожжении населенных пунктов, арестах и расстрелах мирных советских граждан, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

115. *Ворш Герберт Франц*, 1910 года рождения, место рождения – г. Грац, Австрия, австрисц. Служил штабс-ефрейтором жандармерии в должности счетовода и начальника жандармских постов на временно оккупированной территории СССР. Пленен – 12.02.45 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

116. *Вурцер Вильгельм Ганс*, 1922 года рождения, место рождения – г. Фелькермахш, Австрия, австрисц. Служил в 502-м тяжело-артиллерийском дивизионе 44-й дивизии СС в чине лейтенанта, в должности командира батареи. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

117. *Вюрстайн Георг Адам*, 1918 года рождения, место рождения – дер. Зайбельсдорф, округ Лихтенфельс, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в 14-й роте 164-го пехотного полка 57-й пехотной дивизии в чине обер-сфрейтора. Пленен – 07.07.44 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 19.11.49 г. за участие в арестах

и расстрелах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

118. *Гаазе Эрнст Адольф*, 1913 года рождения, место рождения – г. Бидлиширинг, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в 9-й батарее 18-го артполка 18-й мотоегерской танковой дивизии в чине обер-ефрейтора в должности телефониста. Пленен – 15.07.44 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 15.11.49 г. за участие в грабежах мирного советского населения и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

119. *Габигер Густав Франц*, 1919 года рождения, место рождения – дер. Бросдорф, округ Мериш-Тюрбау, Чехословакия, немец. Служил в 7-й батарее 3-го артдивизиона 116-го артполка 5-й танковой дивизии в чине унтер-офицера в должности счетовода. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

120. *Гаген Пауль Альберт*, 1907 года рождения, место рождения – г. Виттен-ОНН, Германия, немец. Служил в центральном цензурном отделе г. Кенигсберг и в отделе 1-Ц старшим цензором и переводчиком в чине лейтенанта. Пленен – 08.04.45 г. Арестован – 11.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17, 58-6 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

121. *Гадач Иоган Иоган*, 1922 года рождения, место рождения – дер. Грусбах, Чехословакия, немец. Служил в 953-й роте радиоразведки в чине ефрейтора, в должности радиста. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17 и ст.58-6 ч.1 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

122. *Гайзлер Лотарь Луй*, 1891 года рождения, место рождения – г. Шмидель, провинция Познань, Германия, немец. Служил

на территории Новгородской и Псковской областей в чине полковника, в должности коменданта летных аэродромов. Пленен – 25.03.45 г. Арестован – 29.04.49 г. Осужден – 23.05.49 г. за участие в арестах и расстрелях мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

123. Галла Вильгельм Иозеф, 1905 года рождения, место рождения – дер. Расберг, округ Бойтен, Германия, немец. Служил в отдельном жандармском батальоне г. Люблин (Польша) в чине унтер-офицера, в должности жандарма. Пленен – 24.06.44 г. Арестован – 01.12.49 г. Осужден – 09.12.49 г. за участие в арестах мирных польских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

124. Гальк Вилли Карл, 1906 года рождения, место рождения – дер. Локен, округ Остероде, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в 337-м саперном батальоне 337-й пехотной дивизии в чине штабс-фельдфебеля, в должности старшины роты. Пленен в июле 1944 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 07.12.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

125. Ганнеман Иоган Лео, 1908 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил на территории области Катовицы (Польша) в чине вахмистра жандармерии, в должности начальника жандармского поста. Пленен – 02.02.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 26.12.49 г. за участие в арестах и допросах мирных советских граждан, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. Освобожден досрочно 22.12.53 г.

126. Гартвиг Август Август, 1909 года рождения, место рождения – с. Найдельбах, район Альсфельд, область Дармштадт, Германия, немец. Служил зондерфюрером. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 02.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в грабежах мирного населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

127. Гассе Герберт Пауль, 1918 года рождения, место рождения – п. Нидерунгсфельде, Юго-Западная Африка, немец. С октября 1942 г. по январь 1944 г. служил в «Индийском легионе» в чине капитана, в должности адъютанта командира батальона, одновременно исполнял обязанности начальника отдела 1-Ц. В момент плена служил в 536-м пехотном полку 384-й пехотной дивизии в чине капитана, в должности командира батальона. Пленен – 23.08.44 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в разведывательных и контрразведывательных органах противника, ст.17, 58-6 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

128. Гаук Гайнрих Гайнрих, 1920 года рождения, место рождения – г. Вальдирн, округ Мангейм, провинция Баден, Германия, немец. Служил в запасной роте полицейской дивизии СС в чине ефрейтора, в должности полицейского. Пленен – 14.04.42 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в охранной полиции СС, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

129. Гебель Вальтер Вильгельм, 1921 года рождения, место рождения – с. Ранцен, округ Воллау, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 4-м пехотном полку 5-й танковой дивизии в чине обер-ефрейтора. Пленен – 17.04.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 23.11.49 г. за участие в зверствах и злодействиях против мирного советского населения, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 22.12.53 г. освобожден досрочно.

130. Геен Артур Людвиг, 1918 года рождения, место рождения – дер. Алендорф, округ Кизен, провинция Гессен, Германия, немец. Служил в 1-й роте дивизиона связи 129-го пехотного полка. в чине штабс-ефрейтора. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан и уничтожении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

131. Гезиен Бруно Роберт, 1902 года рождения, место рождения – г. Хайлигенбайль, Восточная Пруссия, Германия, немец.

Служил в жандармерии округа Маков (Польша) в чине вахмистра, в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за участие в грабежах, арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных польских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

132. *Гейзе Альберт Карл*, 1917 года рождения, место рождения – г. Ленинград, немец. Служил в отделе 1-Ц штаба 9-й танковой дивизии в чине унтер-офицера, в должности переводчика. Пленен – 13.04.45 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 17.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17 и ст.58-6 ч.1 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

133. *Гайнеман Конрад Фридрих*, 1922 года рождения, место рождения – дер. Оссиг, округ Штригау, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 8-й танковой дивизии во второй роте разведывательного батальона в чине ефрейтора. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 08.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в грабежах, арестах и расстрелах мирных советских граждан, а также расстрелах пленных красноармейцев, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

134. *Гайнце Герман Франц*, 1905 года рождения, место рождения – г. Кальтенкирхен, Германия, немец. Служил в охранной полицейской команде г. Днепропетровска в чине обер-вахмистра в должности шофера. Пленен – 24.08.44 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

135. *Геккер Герберт Пауль*, 1910 года рождения, место рождения – г. Магдебург, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в отделе 1-Ц 385 отдельного пехотного полка 4-го армейского корпуса в чине унтер-офицера. Пленен – 24.08.44 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17 и ст.58-6 ч.1 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

136. Гептнер Вольдемар Гейнрих, 1909 года рождения, место рождения – г. Бреслау, Германия, немец. Служил в г. Праге (Чехословакия) в запасном батальоне 20-го полицейского полка в чине обер-вахмистра, в должности полицейского. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 27.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

137. Геринг Ганс Оскар, 1922 года рождения, место рождения – г. Вурцен, Германия, немец. Служил во 2-м батальоне пехотного полка дивизии СС «Великая Германия» обер-сфрайтором. Пленен – 05.09.45 г. Арестован – 29.10.49 г. Осужден – 11.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

138. Герлах Герман Генрих, 1919 года рождения, место рождения – г. Нордхаузен, Германия, немец. Служил во фронтовой разведкоманде ФАК-202 при армейской группировке «Центр» при секретной радиостанции в чине фельдфебеля в должности старшего радиста. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в разведывательных органах противника, ст.17, 58-6 УК РСФСР. Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

139. Герцен Роберт Гергард, 1924 года рождения, место рождения – с. Кекеки, округ Клеве, Рейнская область, Германия, немец. Служил в 25-й пехотной дивизии в запасном батальоне рядовым солдатом. Пленен – 06.07.44 г. Арестован – 26.05.49 г. Осужден – 25.06.49 г. за участие в истреблении и арестах мирных советских граждан, разрушении населенных пунктов на временно оккупированной территории СССР, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.05.53 г. освобожден досрочно.

140. Герцог Ганс Ганс, 1906 года рождения, место рождения – г. Вайден, Германия, немец. Служил в штабной батарее 187-го артполка 87-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности шорника. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 12.11.49 г. Осужден

– 06.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан и разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

141. *Гильвебер Рудольф Иозеф*, 1905 года рождения, место рождения – г. Бамберг, провинция Бавария, Германия, немец. Служил на территории Латвийской ССР в 561-м батальоне полевой жандармерии 16-й армии в чине фельдфебеля, в должности полевого жандарма. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 16.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

142. *Главе Альбрехт Вильгельм*, 1905 года рождения, место рождения – дер. Зофиенгер, округ Деммин, провинция Померания, Германия, немец. Служил до сентября 1944 г. в авиаохранном батальоне СС в чине рядового в должности охранника в лагере для советских и французских военнопленных на территории Австрии, затем – в 38-м авиазенитном дивизионе в чине рядового. Пленен – 28.04.45 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за службу в охранных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

143. *Гладис Иозеф Иозеф*, 1903 года рождения, место рождения – г. Кенигсхютте, провинция Силезия, Польша, немец. Служил в Военном трибунале и военной комендатуре «Остланд» в г. Минске в чине обер-лейтенанта, в должности инспектора юстиции. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за службу в Военном трибунале и военной комендатуре «Остланд» в г. Минске и участие в осуждении 140 чел. разной национальности, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

144. *Гласс Отто Густав*, 1905 года рождения, место рождения – дер. Лимфельде, округ Эбенруде, Германия, немец. Служил на территории Белорусской ССР в жандармском подразделении

«ЦБФ» особого назначения в чине фельдфебеля в должности рядового. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.12.49 г. Осужден – 15.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

145. *Годай Вальтер Франц*, 1913 года рождения, место рождения – с. Гиберцгоф, округ Лабиау, Германия, немец. Служил в 4-й батарее 2-го артдивизиона 1-го артполка 1-й пехотной дивизии в чине ефрейтора в должности ездового. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 09.11.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

146. *Гольцапфель Рихард Луис*, 1904 года рождения, место рождения – г. Ганау, провинция Гессен, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 1-442 г. Попрат (Венгрия) в чине оберлейтенанта, в должности адъютанта коменданта. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

147. *Гольцман Андреас Томас*, 1923 года рождения, место рождения – с. Мюллик, округ Бебинг, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в 3-й роте 743-го саперного батальона в чине обер-ефрейтора, в должности сапера. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 04.02.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, в разрушении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

148. *Готтгард Арнольд Карл*, 1913 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в 732-й команде тыловой охраны в чине лейтенанта, в должности командира взвода. Пленен – 08.04.45 г. Арестован – 05.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан, службу в карательных органах противника, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

149. Гофман Эрих Густав, 1897 года рождения, место рождения – г. Олау, район Бреслау, Польша, немец. Служил на территории Германии и Польши в чине лейтенанта в охранной полиции. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 25.12.49 г. за участие в облавах, обысках и арестах немецких коммунистов и мирных польских граждан, ст.58-6 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

150. Грабс Гейнц Отто, 1920 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в полицейском кавалерийском взводе в гг. Тарнополь и Львов в чине вахмистра, в должности писаря. Пленен – 02.02.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 24.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

151. Граф Герберт Макс, 1923 года рождения, место рождения – г. Ибигау, округ Липснверда, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 18-й танковой дивизии и в 187-й пехотной дивизии в чине ефрейтора, в должности канонира. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 12.11.49 г. Осужден – 28.11.49 г. за участие в грабежах и разрушениях советских населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

152. Грефе Вальтер Эмиль, 1900 года рождения, место рождения – дер. Финциксталь-Кемниц, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 240-м охранном железнодорожном полку в чине обер-фельдфебеля в должности охранника. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

153. Грефрат Ганс Иозеф, 1913 года рождения, место рождения – г. Эссен, Германия, немец. Служил в составе танково-разведывательного батальона дивизии «Фельдгерихалле» в чине обер-

фельдфебеля, в должности командира взвода. Пленен – 01.04.45 г. Арестован – 03.11.49 г. Осужден – 03.12.49 г. за участие в грабежах, расстрелах, угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

154. *Гримм Вильгельм Франц*, 1908 года рождения, место рождения – г. Ульм, район Вюнтерберг, Германия, немец. Служил в 550-й тыловой комендатуре в чине обер-фельдфебеля, в должности старшины. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в карательных органах противника и участие в злодействиях против мирных советских граждан, ст.17, 58-6 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

155. *Гримм Рудольф Рудольф*, 1917 года рождения, место рождения – дер. Шенау, округ Лудиц, провинция Бемен, Чехословакия, немец. Служил в 187-м артполку 87-й пехотной дивизии в чине ефрейтора, в должности наводчика. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 22.11.49 г. за участие в грабежах и разрушениях населенных пунктов, службу в карательных органах противника, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

156. *Гроб Вальтер Готлиб*, 1917 года рождения, место рождения – г. Пфорцхайм, Германия, немец. Служил на территории Белорусской ССР в полиции порядка в чине обер-вахмистра, в должности командира моторизованного отделения радиотелефонистов 112-й полицейской роты связи. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

157. *Грош Антон Франц*, 1920 года рождения, место рождения – дер. Лючки, округ Крельниц, Чехословакия, немец. Служил в 7-й роте 3-го охранного полка охранной дивизии в чине рядового солдата. Пленен – 12.04.45 г. Арестован – 10.11.49 г. Осужден – 03.12.49 г. за участие в грабежах, арестах, расстрелах и угоне на

рабский труд в Германию мирных советских граждан и поджогах населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

158. *Грубер Карл Карл*, 1908 года рождения, место рождения – г. Ифорцгейм, провинция Баден, Германия, немец. Служил на территории Чехословакии в 20-м полицейском полку в чине обервахмистра, в должности полицейского. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 16.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

159. *Губель Антон Антон*, 1897 года рождения, место рождения – г. Вена, Австрия, австриец. Служил в высшей полевой комендатуре № 372 г. Кельце (Польша) в чине обер-лейтенанта, в должности командира штабной роты. Пленен – 25.07.44 г. Арестован – 11.12.49 г. Осужден – 22.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

160. *Гудер Август Феликс*, 1901 года рождения, место рождения – г. Дельменхорст, округ Ольденбург, Германия, немец. Служил на территории Польши в жандармерии в чине обервахмистра в должности жандарма жандармского поста. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в жандармерии бывшей германской армии и участие в арестах мирных советских и польских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

161. *Гунгер Роберт Рихард*, 1907 года рождения, место рождения – г. Дрезден, Германия, немец. Служил в 8-й батарее 156-го артполка 56-й пехотной дивизии в чине штабс-ефрейтора, в должности возчика. Пленен – 11.02.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 26.11.49 г. за участие в поджогах населенных пунктов, изъятии продовольствия, расстрелах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от

19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

162. *Густ Якоб Якоб*, 1920 года рождения, место рождения – дер. Инсгейм, округ Ландау, Германия, немец. Служил в 199-м пехотном полку 57-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 10.07.44 г. Арестован – 01.11.49 г. Осужден – 01.12.49 г. за участие в арестах и угоне на рабский труд в Германию, а также в охране на принудительных работах мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

163. *Гутекунст Карл Карл*, 1918 года рождения, место рождения – г. Аугсбург, Германия, немец. Служил при штабе 27-го армейского корпуса в чине обер-ефрейтора, в должности шоfera. Пленен – 07.07.44 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 24.11.49 г. за участие в грабежах населенных пунктов, угоне скота и мирных советских граждан на рабский труд в Германию, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

164. *Гуттерайн Эрнст Георг*, 1909 года рождения, место рождения – дер. Нидернгаль, округ Кюнцельцау, провинция Вюртемберг, Германия, немец. Служил в 8-й роте 2-го батальона 335-го пехотного полка 205-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности оружейного мастера. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 28.10.49 г. Осужден – 10.11.49 г. за участие в разрушении жилых домов, арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. Освобожден досрочно 28.12.53 г.

165. *Гуттруф Отто Эмиль*, 1908 года рождения, место рождения – дер. Эбрайхслор, округ Баден, Австрия, австриец. Служил в 11-м полицейском полку в чине вахмистра, в должности полицейского. Пленен – 26.07.44 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 20.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

166. *Гюбнер Иосиф Август*, 1907 года рождения, место рождения – дер. Берген, район Швайдниц, Германия, немец. Служил на территории Германии, СССР и Франции в полицейских частях бывшей германской армии в чине вахмистра, в должности жандарма. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 21.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

167. *Гюртлер Иозеф Георг*, 1895 года рождения, место рождения – с. Никкельслорф, Бельский уезд, Польша, немец. Служил в составе охранной полиции на территории Польши в чине вахмистра, в должности полицейского. Пленен – 19.02.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесов и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 03.05.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

168. *Гюш Теодор Петер*, 1906 года рождения, место рождения – с. Альпен, округ Мерс, Германия, немец. Служил в 354-й роте пекарей 286-й дивизии безопасности в чине обер-ефрейтора, в должности пекаря. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 02.11.49 г. Осужден – 06.12.49 г. за участие в грабежах мирных советских граждан и сожжение пекарни в г. Круглое, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесов и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

169. *Дабыч Эрих Макс*, 1917 года рождения, место рождения – г. Гайдельберг, Германия, немец. Служил в 36-м разведывательном батальоне 36-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 05.07.44 г. Арестован – 27.10.49 г. Осужден – 12.11.49 г. за участие в разграблении магазинов и складов на оккупированной советской территории, в частности в г. Калинине, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодесов и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. При рассмотрении кассационной жалобы в заседании Военного трибунала войск МВД Уральского округа 28.11.49 г. было принято решение об отмене приговора и прекращении дела ввиду отсутствия в действиях Дабыч Э.М. при-

знаков преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Об отмене приговора военнопленному было объявлено 26.03.50 г. 29.04.50 г. он был выдворен за пределы СССР.

170. *Дамм Фридрих Иоган*, 1908 года рождения, место рождения – г. Грослосбург, округ Флатай, Польша, немец. Служил в 1-м дивизионе СС в чине фельдфебеля, в должности командира орудия. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 13.12.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за участие в расстрелах мирных польских граждан, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

171. *Даммаш Альфред Михаил*, 1909 года рождения, место рождения – г. Эссен, Германия, немец. Служил в пехотном полку 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» в чине унтер-офицера в должности командира орудия. Пленен – 10.05.45 г. Арестован – 06.12.49 г. Осужден – 16.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

172. *Данкер Вильгельм*, 1905 года рождения, место рождения – г. Гамбург, Германия, немец. Служил в транспортно-снабженческой комендатуре СС г. Рига в чине фельдфебеля, в должности писаря. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 15.12.49 г. Осужден – 24.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

173. *Даннер Карл Карл*, 1913 года рождения, место рождения – дер. Ноймаркт, округ Мюльдорф, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в 331 и 87-й пехотных дивизиях в чине обер-ефрейтора, в должности телефониста. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 06.11.49 г. Осужден – 25.11.49 г. за участие в грабежах и разрушениях советских населенных пунктов, ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

174. *Даубмайер Якоб Якоб*, 1905 года рождения, место рождения – с. Гессе-Лоз, округ Найдбург, Германия, немец. Служил в

10-й роте охранного батальона дивизии СС «Мертвая голова» в чине рядового, в должности охранника. Пленен – 11.05.45 г. Арестован – 07.12.49 г. Осужден – 23.12.49 г. за службу в охранных частях противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

175. Даусман Симон Георг, 1903 года рождения, место рождения – дер. Минхвайлер, округ Пирмансенс, Германия, немец. Служил в полевой комендатуре № 853 (Крым, СССР; Румыния) в чине ефрейтора, в должности повара. Пленен – 25.08.44 г. Арестован – 09.12.49 г. Осужден – 19.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неоткрытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

176. Дейнерт Герберт Пауль, 1921 года рождения, место рождения – дер. Вейсгольц, округ Клоачу, провинция Силезия, Германия, немец. Служил в 1-м эскадроне 299-го разведывательного батальона 299-й пехотной дивизии в чине обер-ефрейтора, в должности стрелка. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 22.07.48 г. Осужден – 30.09.48 г. за участие в арестах и расстрелах мирных советских граждан, а также поджоге населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

177. Денда Михаил Фридрих, 1899 года рождения, место рождения – дер. Нойкейкют, округ Ортельсбург, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в полицейском управлении г. Познань (Польша) в чине полицмейстера, в должности телефониста. Пленен – 04.03.45 г. Арестован – 17.12.49 г. по обвинению в службе в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». 17.12.49 г. дело было передано в Военный Трибунал войск МВД Уральского округа, но на основании распоряжения МВД СССР № 21 от 10.01.50 г. истребовано назад и отправлено в Москву на рассмотрение центральной Междудомственной комиссии. В соответствии с указанием комиссии дело было прекращено 24.02.50 г.

178. Депараде Курт Вильгельм, 1922 года рождения, место рождения – дер. Альберштедт, округ Мансфельд, провинция Саксония, Германия, немец. Служил во 2-й роте 743-го саперного ба-

тальона в чине унтер-офицера, в должности командира отделения. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 29.10.49 г. по обвинению в участии во взрыве мостов на временно оккупированной территории СССР, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Дело прекращено 29.12.49 г., так как подрывы мостов имели место в ходе боевых операций и не могли рассматриваться как преступления, предусмотренные ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников».

179. *Деринг Рудольф Адольф*, 1898 года рождения, место рождения – г. Пабьянице, Польша, немец. Служил в войсках СС бывшей германской армии. Пленен – 17.02.45 г. Арестован – 14.12.49 г. по обвинению в участии в арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных польских граждан. ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». 17.12.49 г. дело было передано в Военный Трибунал войск МВД Уральского округа, но на основании распоряжения МВД СССР № 21 от 10.01.50 г. истребовано назад и отправлено в Москву на рассмотрение центральной Межведомственной комиссии. В соответствии с указанием комиссии дело было прекращено 16.02.50 г.

180. *Дерлер Вернер Вернер*, 1926 года рождения, место рождения – г. Миттельфельд, Австрия, австриец. Служил в 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гайер» в чине ефрейтора, в должности минометчика. Пленен – 25.01.45 г. Арестован – 17.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за участие в грабежах и разрушениях советских населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

181. *Дехерт Ганс Иоган*, 1923 года рождения, место рождения – г. Ной-Изенбург, округ Оффенбах, Германия, немец. Служил во 2-й роте 7-го противотанкового батальона 7-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности командира орудийного расчета. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 05.03.49 г. Осужден – 22.03.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, в разрушении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

182. *Диневальд Фридрих-Карл Луиз*, 1904 года рождения, место рождения – г. Кемениц, провинция Саксония, Германия, немец. Служил командиром полицейской сотни на территории Польши и Германии в чине обер-лейтенанта. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 14.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за участие в арестах и преследованиях членов Коммунистической партии Германии и демократически настроенных немецких граждан, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 28.12.53 г. освобожден досрочно.

183. *Дмитрович Вильгельм Иоган*, 1915 года рождения, место рождения – дер. Себен, район Найденбург, провинция Восточная Пруссия, Германия, немец. Служил в 10-й роте 3-го батальона 12-го полка 31-й пехотной дивизии в чине ефрейтора. Пленен – 02.06.44 г. Арестован – 11.02.49 г. Осужден – 04.03.49 г. за участие в арестах и расстрелях мирных советских граждан, а также поджогах населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

184. *Дойсен Иозеф Гейнрих*, 1904 года рождения, место рождения – г. Берлин, Германия, немец. Служил в охранной полиции г. Познань (Польша) в чине вахмистра, в должности полицейского. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 23.03.49 г. Осужден – 05.04.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

185. *Ибис Вернер Людвиг*, 1922 года рождения, место рождения – г. Билефельд, провинция Вестфалия, Германия, немец. Служил в 3-й роте 743-го саперного батальона в чине обер-ефрейтора, в должности связиста. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 04.02.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, в разрушении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

186. *Каус Ивальд Мартин*, 1918 года рождения, место рождения – дер. Яротки, район Конин, Польша, немец. Служил в 442-м жандармском отряде полевой жандармерии и окружной комен-

датуре 58-й пехотной дивизии в чине унтер-офицера, в должности жандарма. Пленен – 30.04.45 г. Арестован – 15.02.49 г. Осужден – 24.03.49 г. за участие в арестах, грабежах, избиениях и угоне на принудительные работы в тылу германской армии мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

187. *Кларе Отто Эрнест*, 1898 года рождения, место рождения – г. Верникороде, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в 187-м охранном батальоне 87-й пехотной дивизии в чине штабс-ефрейтора, в должности охранника. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 11.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в зверствах и злодействиях против мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

188. *Крафт Вальтер Вильгельм*, 1900 года рождения, место рождения – г. Пиретц, провинция Померания, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чине обер-ефрейтора, в должности телефониста. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.07.49 г. за участие в арестах, грабежах, угоне на рабский труд в Германию и насильственное принуждение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

189. *Людвиг Готлиб Карл*, 1922 года рождения, место рождения – дер. Вана, округ Кимполунг, провинция Буковина, Румыния, немец. Служил в 8-й кавалерийской дивизии «Флориан Гайер» унтер-офицером. Пленен – 12.02.45 г. Арестован – 04.11.49 г. Осужден – 25.11.49 г. за участие в арестах мирных советских граждан и поджогах населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

190. *Майер Иозеф Михаэль*, 1903 года рождения, место рождения – дер. Бух, округ Миттельфранкен, провинция Бавария, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 жандармом. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.07.49 г. за участие в арестах, грабежах, угоне на рабский труд в Германию

и насилиственное принуждение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

191. *Мюллер Эмиль Валентин*, 1927 года рождения, место рождения – г. Этлинген, Германия, немец. Служил в 4-м стрелковом батальоне танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» рядовым. Пленен – 16.04.45 г. Арестован – 13.01.47 г. Осужден – 23.02.47 г. за саботаж путем отказа от работы и антисоветскую агитацию среди военнопленных с призывом не выполнять производственные задания и не выходить на работу, ст.58-14 УК РСФСР. Мера наказания – 10 лет ИТЛ.

192. *Райнлендер Зельмар Вилли*, 1922 года рождения, место рождения – с. Зундгадзен, Германия, немец. Служил в военно-морском соединении ставки Верховного Главнокомандования в чине обер-ефрейтора, в должности матроса. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 13.01.47 г. Осужден – 23.02.47 г. за саботаж путем отказа от работы и антисоветскую агитацию среди военнопленных с призывом не выполнять производственные задания и не выходить на работу, ст.58-14 УК РСФСР. Мера наказания – 10 лет ИТЛ.

193. *Рорбек Ганс-Гюнтер Карл-Август*, 1910 года рождения, место рождения – г. Грауденц, провинция Западная Пруссия, Германия, немец. Служил в 87-й пехотной дивизии в чине подполковника в должности начальника штаба. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 11.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за то, что отдавал приказы о разрушении телефонных, телеграфных линий и высоковольтной электростанции, о грабежах мирных советских граждан, чем создавал невыносимые условия для их жизни, ст. I Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

194. *Трост Карл Вильгельм*, 1908 года рождения, место рождения – г. Рарнис, округ Зальфельд, провинция Тюрингия, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чине унтер-офицера в должности жандарма. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.07.49 г. за участие в арестах, грабежах, угоне на рабский труд в Германию и насилиственное принуждение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

195. *Тумштерер Мартин Курт*, 1903 года рождения, место рождения – с. Атмансгрюк, провинция Саксония, Германия, немец. Служил в роте снабжения 187-го пехотного полка 87-й пехотной дивизии в чине фельдфебеля. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 11.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в зверствах и злодействиях против мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

196. *Фридрих Отто Отто*, 1923 года рождения, место рождения – с. Krakow, уезд Мерзебург, Германия, немец. Служил в 3-й роте 743-го саперного батальона в чине обер-ефрейтора, в должности санитара. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 04.02.49 г. Осужден – 28.12.49 г. за участие в арестах и грабежах мирных советских граждан, в разрушении и сожжении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 26.12.53 г. освобожден досрочно.

197. *Шефферлинг Георг Блатиевич*, 1914 года рождения, место рождения – г. Ленцен, Германия, немец. Служил во 2-й роте 102-го полицейского батальона в чине фельдфебеля, в должности командира взвода. Пленен – 09.05.45 г. Арестован – 30.10.49 г. Осужден – 21.11.49 г. за участие в грабежах, арестах и угоне на рабский труд в Германию мирных советских граждан, а также в разрушении населенных пунктов, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 21.12.53 г. освобожден досрочно.

198. *Шплитгербер Рихард Фридрих*, 1902 года рождения, место рождения – дер. Канненберг, округ Штаргард-Зациг, провинция Померания, Германия, немец. Служил в местной комендатуре № 154/1 в чинеunter-офицера, в должности санитара. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 27.05.49 г. Осужден – 24.07.49 г. за участие в арестах, грабежах, угоне на рабский труд в Германию и насильственное принуждение к труду мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ.

199. *Шрайбер Рихард Отто*, 1902 года рождения, место рождения – г. Дрезден, Германия, немец. Служил в 187-м пехотном

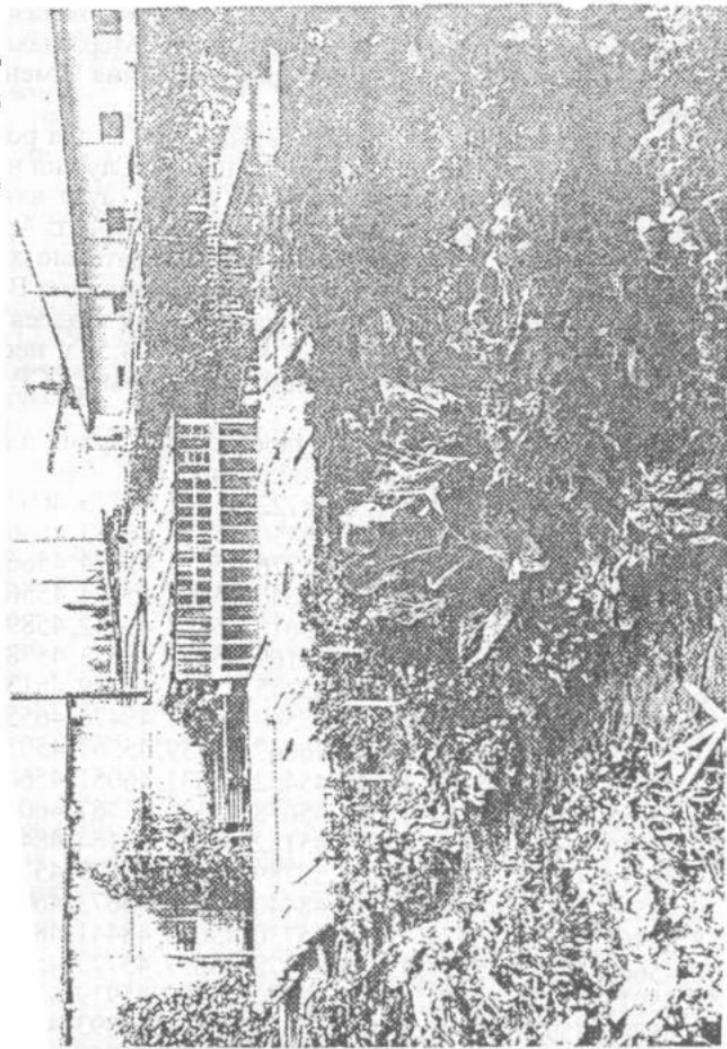
полку 87-й пехотной дивизии в чине штабс-фельдфебеля. Пленен – 08.05.45 г. Арестован – 11.11.49 г. Осужден – 08.12.49 г. за участие в зверствах и злодеяниях против мирных советских граждан, ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

200. Шульц-Вельхгаузен Бенно Герман, 1907 года рождения, место рождения – г. Классен, Германия, немец. Служил на территории Польши в 25-м полицейском полку в чине гауптвахмистра, в должности начальника караула. Пленен – 25.07.44 г. Арестован – 12.12.49 г. Осужден – 29.12.49 г. за службу в карательных органах противника, ст.17 УК РСФСР и ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19.04.43 г. «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников». Мера наказания – 25 лет ИТЛ. 29.04.50 г. неотбытый срок наказания заменен выдворением за пределы СССР.

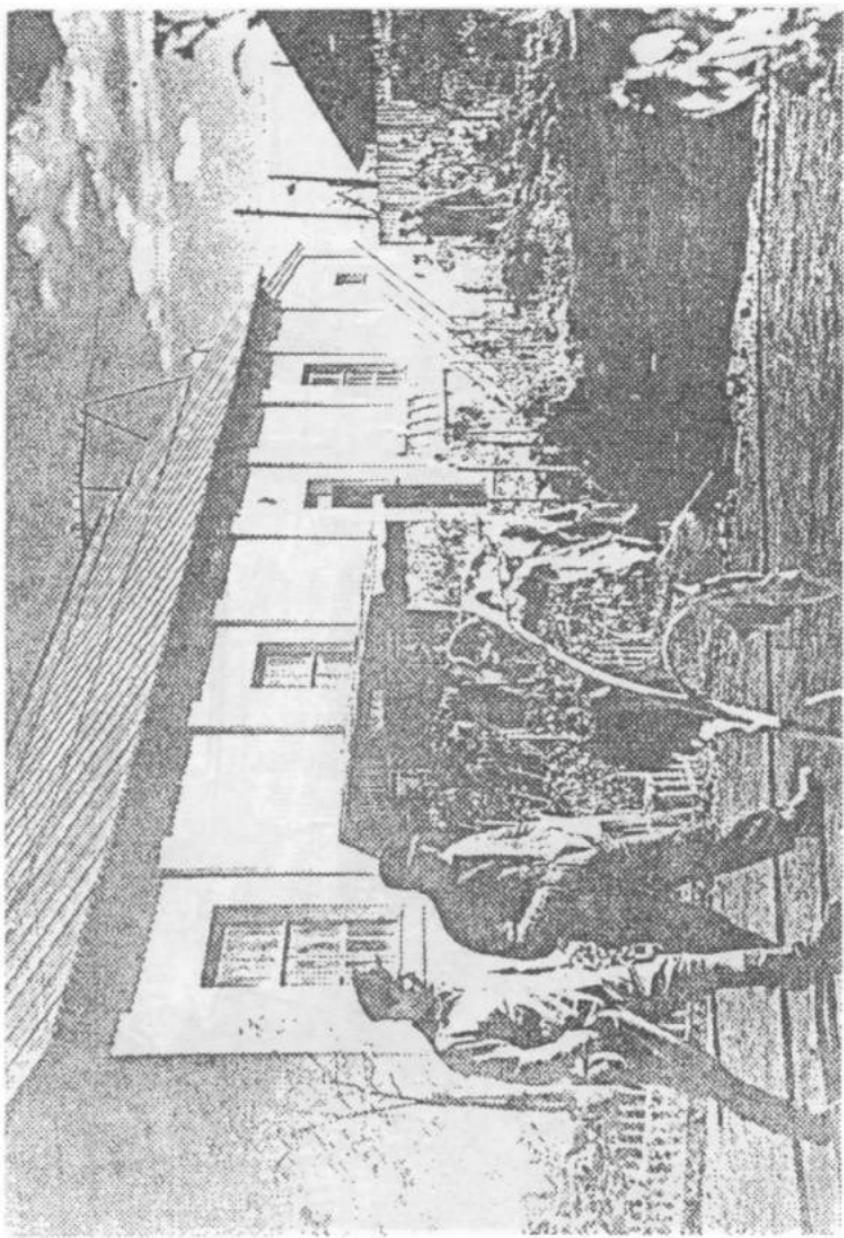
Источник: Учреждение «Государственный архив административных органов Свердловской области». Ф.1: Оп.2. Д.15497, 23244, 31458, 33550, 35127, 35128, 48722, 45642, 46725, 46071, 46924, 46042, 46921, 46075, 45554, 45775, 45450, 45178, 46053, 45668, 45800, 46895, 45731, 45552, 46074, 45771, 45726, 45773, 45674, 45669, 45671, 45727, 45735, 45474, 45847, 45561, 45646, 45562, 45444, 45563, 45648, 45393, 46049, 45602, 45695, 46054, 45618, 45892, 45442, 45891, 45631, 45630, 45746, 45581, 45583, 45559, 45169, 45577, 45553, 45585, 45896, 46076, 45778, 45580, 45777, 45557, 45445, 45773, 46349, 46139, 48653, 45772, 48443, 45790, 45550, 45670, 45549, 46921, 48476, 46551, 45734, 46551, 45728, 46822, 48451, 45638, 46067, 45539, 45567, 45057, 46028, 46072, 45599, 46246, 45186, 45645, 45452, 45831, 46051, 45603, 46030, 45590, 45655, 46106, 48724, 45609, 45658, 45306, 45467, 46070, 45584, 45678, 46060, 45649, 46073, 45639, 45182, 48537, 46164, 48457, 48329, 48653, 48619, 45778, 45569, 48456, 57789, 45555, 45679, 45736, 45912, 45570, 45557, 48438, 48448, 45376, 48440, 48444, 45673, 46921, 45664, 45558, 48461, 48723, 45774, 45732, 45730, 45665, 48441, 48701, 45667, 45770, 45662, 46554, 45377, 45663, 45378, 45657, 45779, 45666, 48442, 45656, 45915, 48328, 48475, 45897, 45184, 45890, 45919, 45942, 48484, 45653, 45895, 45929, 45572, 48538, 46355, 45439, 45893, 46353, 45392, 45804, 45589, 45650, 46352, 45801, 46052, 45179, 46050, 45647, 45644, 45776.

Приложение 4

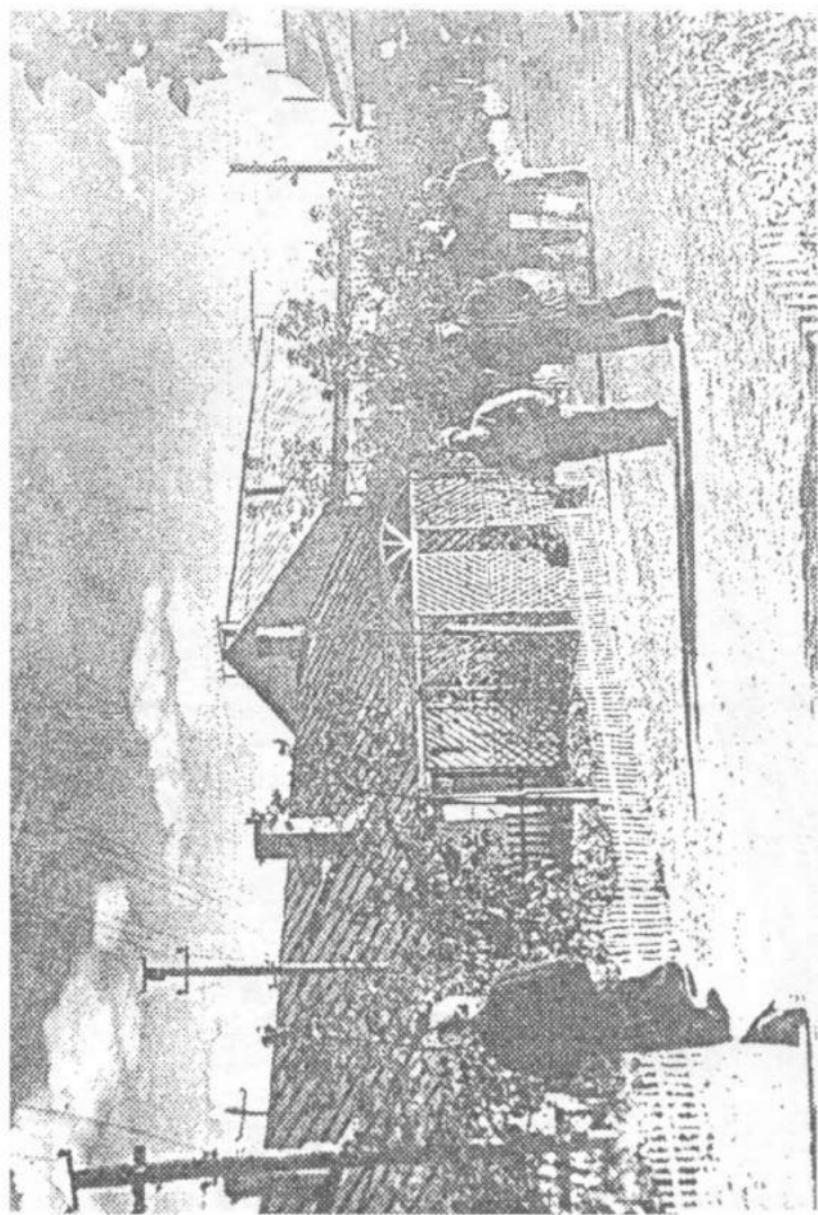
Лагерь № 476 МВД СССР для военных преступников в фотографиях

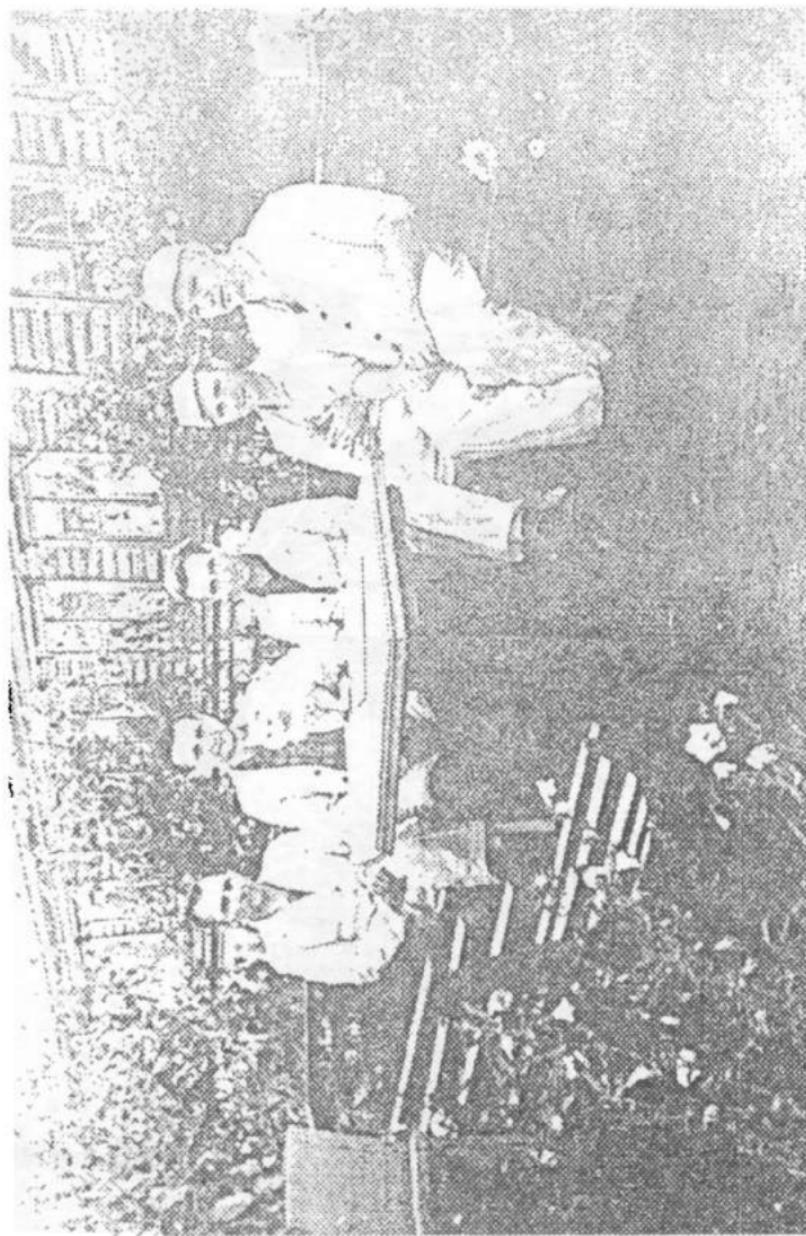
Внутренний вид зоны лагерного отделения № 1

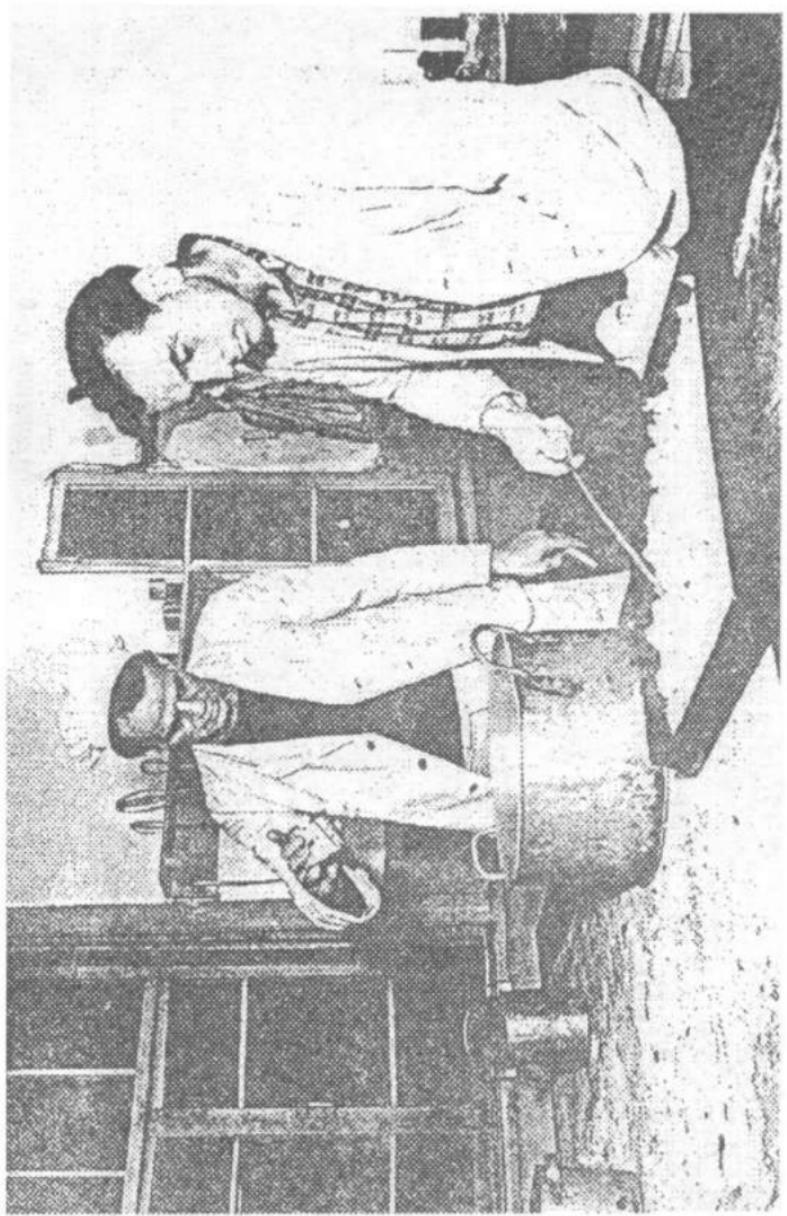
Внутренний вид зоны лагерного отделения № 8

Общий вид зоны лагерного отделения № 8

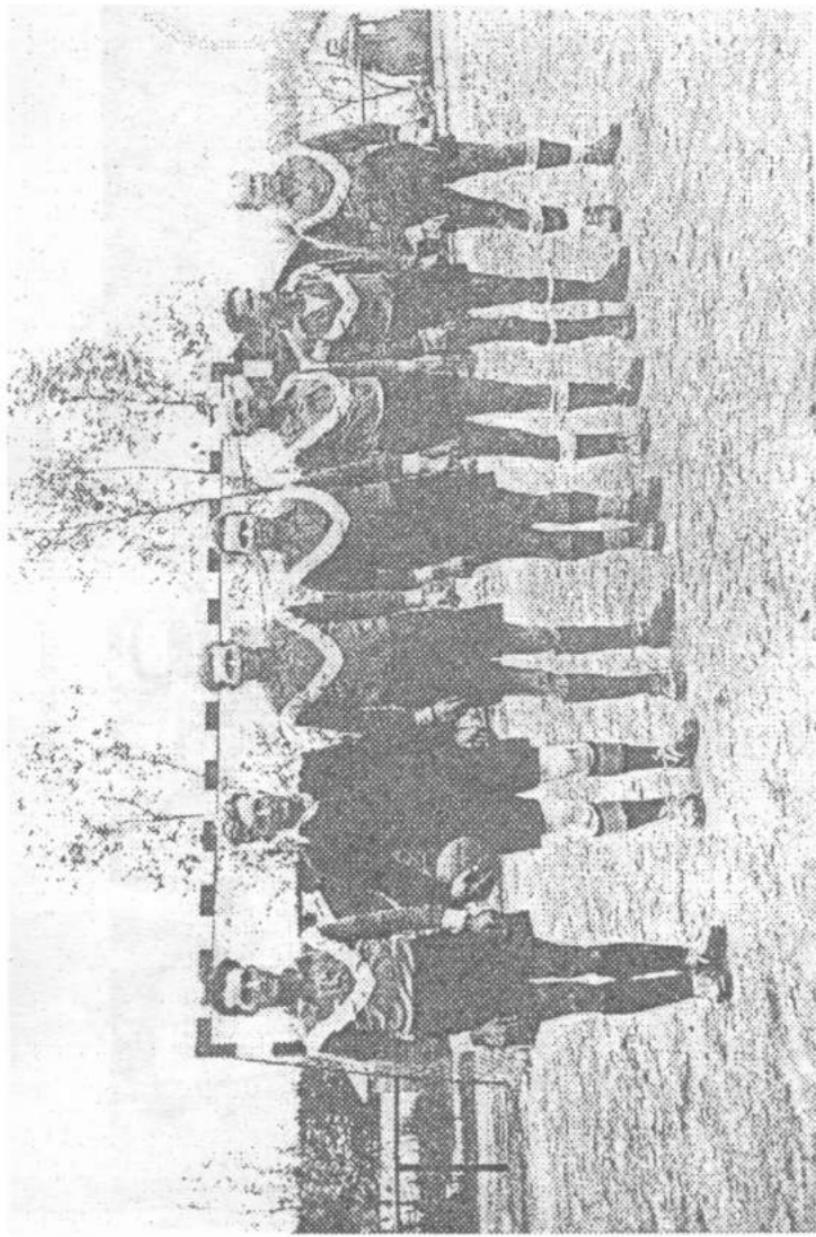
Во время отдыха в зоне лагерного отделения № 8

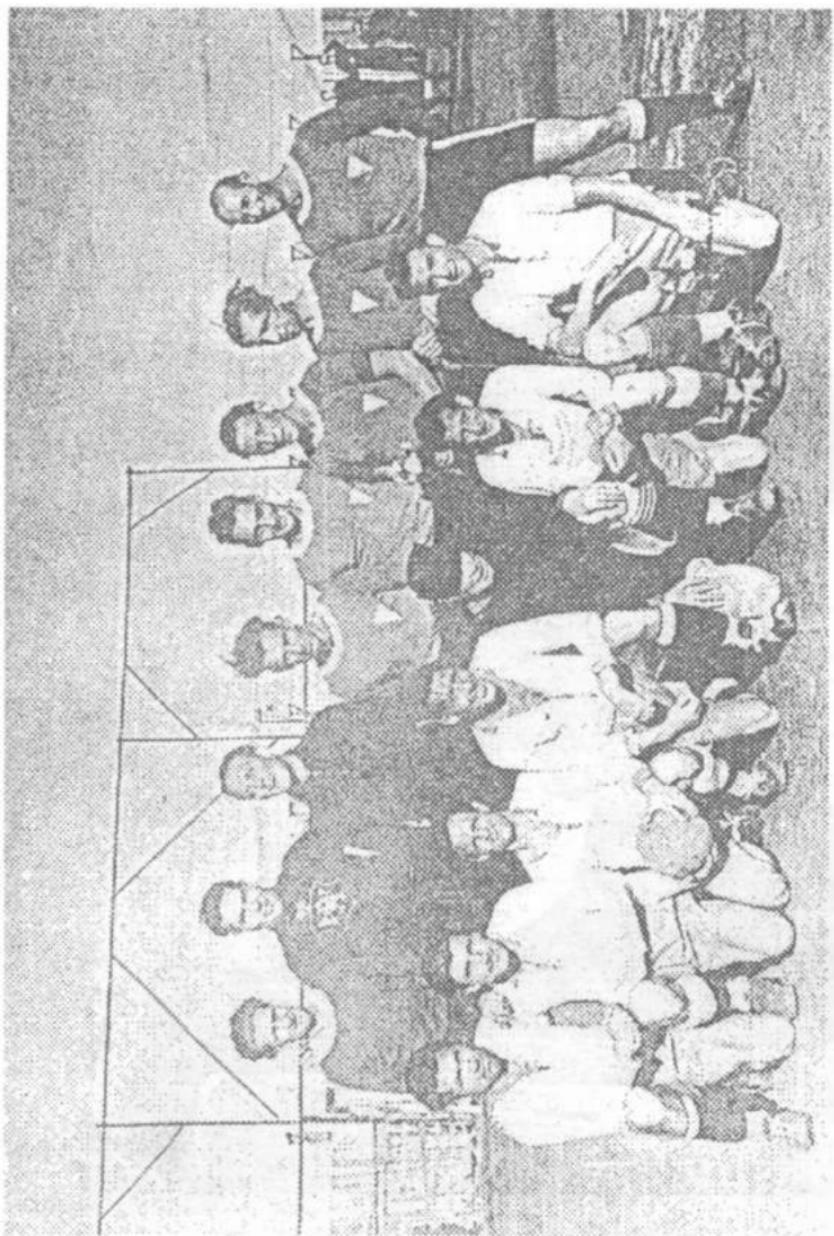
На кухне в зоне лагерного отделения. На снимке: старший кухни ШТИЛЬГЕНБАУЭР Ф. и повар дисткухни ЕНДРИКЕ П. Имцыев – композитор ГИЛЬДЕБРАНД Филипп, ГЕНШ Андреас, ФЕНСКЕ и другие

В ларьке лагерного отряда

Игроки 2-ой футбольной команды: Хеккер Вилли, Зель Руди, Шнайдер Гейнц,
Фрайтаг Фриц, Мельдерс Гейнц, Оксенкюн Фриц и Фуркерт Эдуард

Спортивный коллектив лагерного отделения № 2

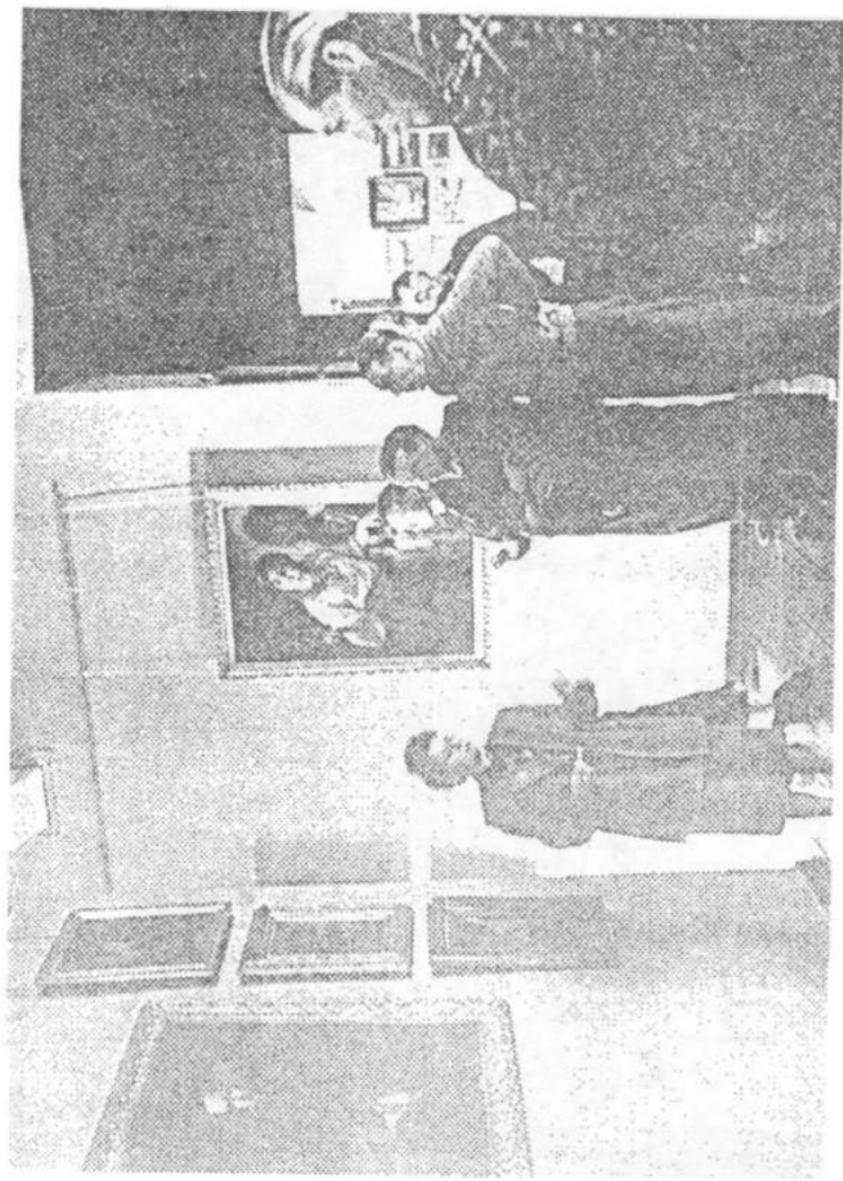
Больной немец Освальд Иоган на приеме
у немецкого врача профессора Шайник Гонтера в санчасти лагерного отделения

Амнистированные немцы в Свердловской картинной галерее

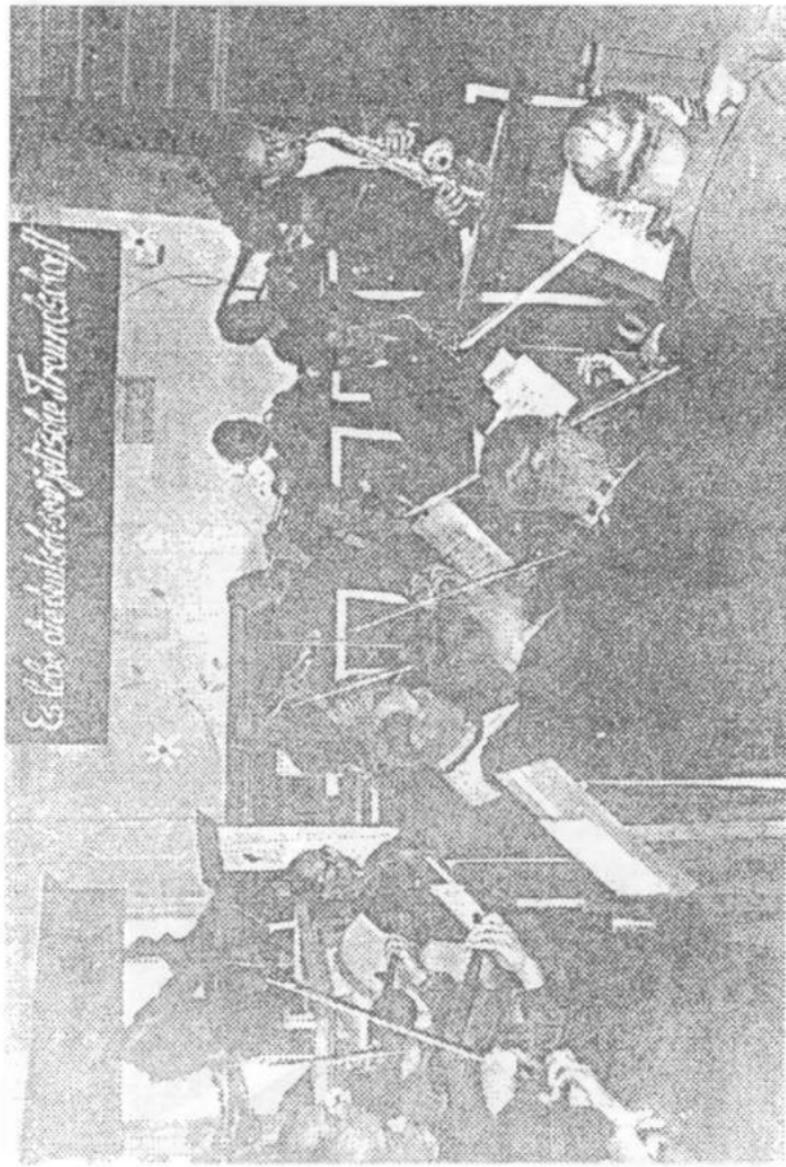
Амнистированные имущества из лагерного отделения № 8 в Свердловском геологическом музее

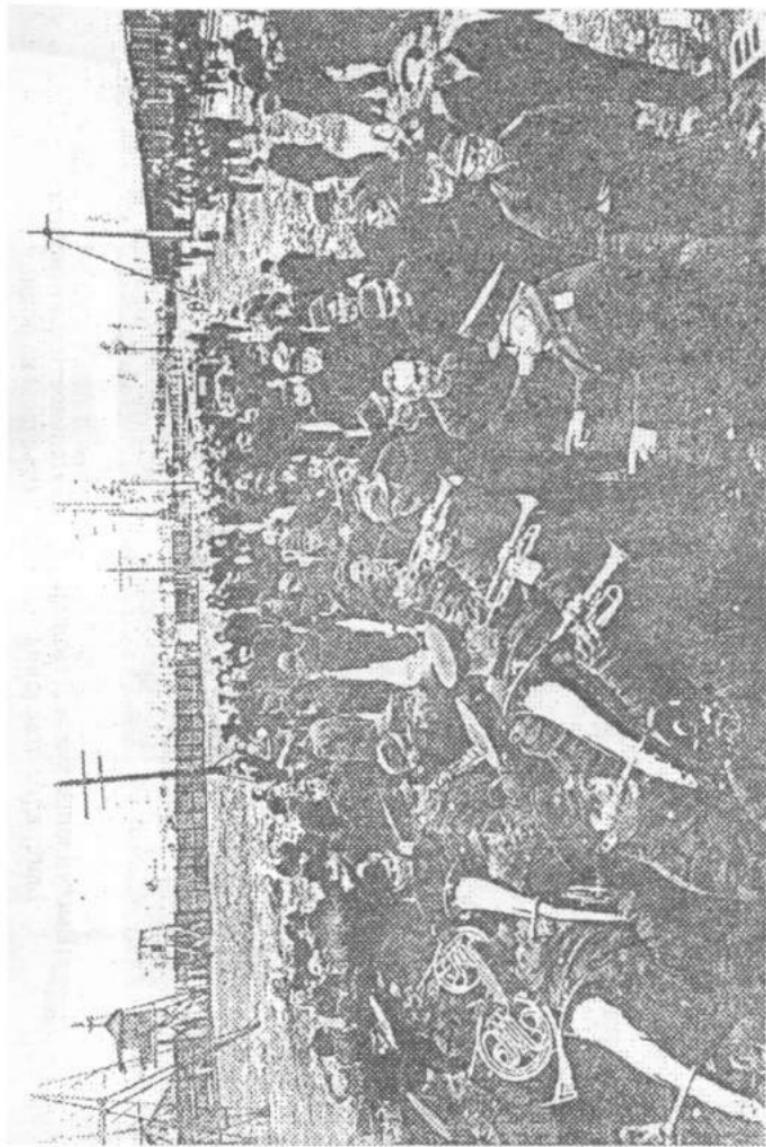
Амнистированные немцы из таганского отделения № 8 в Свердловской картинной галерее

Амнистированные немцы из лагерного отделения № 8 в ресторане «Шарташ»

Выступление художественной самодельности лагерного контингента № 3 перед отъездом на родину

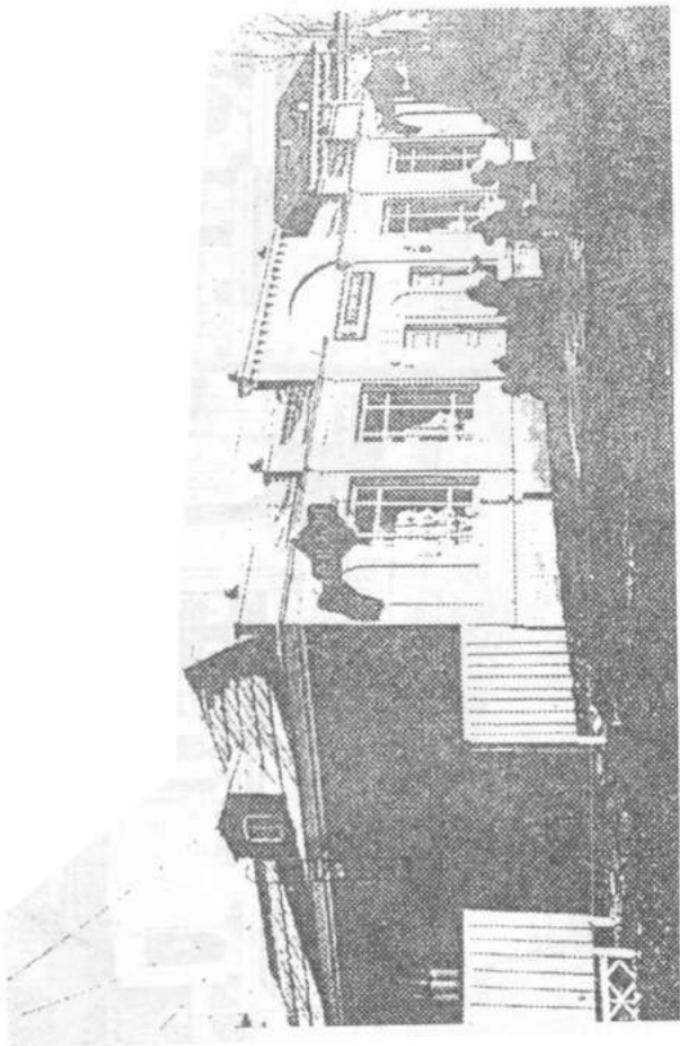

Выступление воинского духового оркестра перед отправкой эшелона. В передней группе немцы – композитор ГИЛЬДЕБРАНД Филипп, ГЕННДИСС Андреас, ФЕНСКЕ и другие

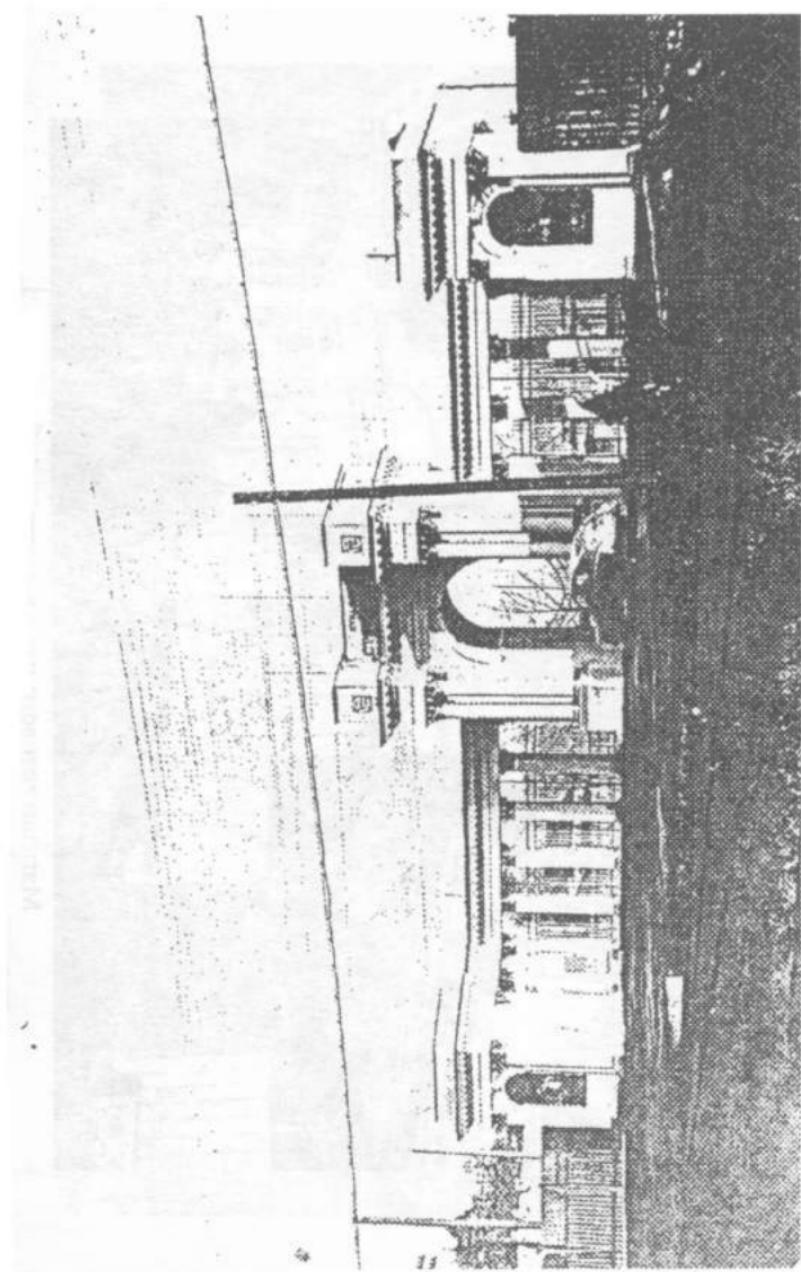
Источник: РГВА. Ф.1. Оп.15а. Д.343; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.73-78.

Приложение 5

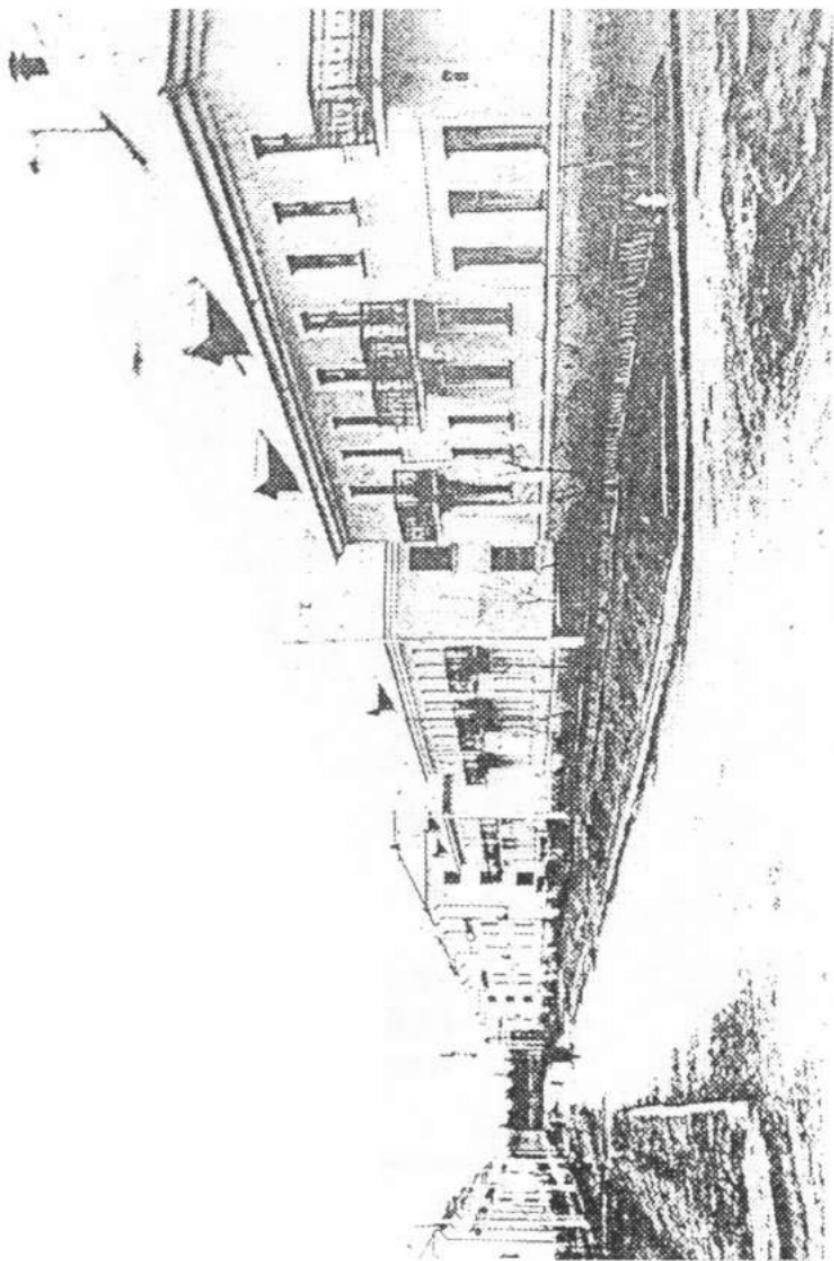
Объекты, построенные при участии заключенных
лагеря № 476 МВД СССР для военных преступников (фотодокументы)

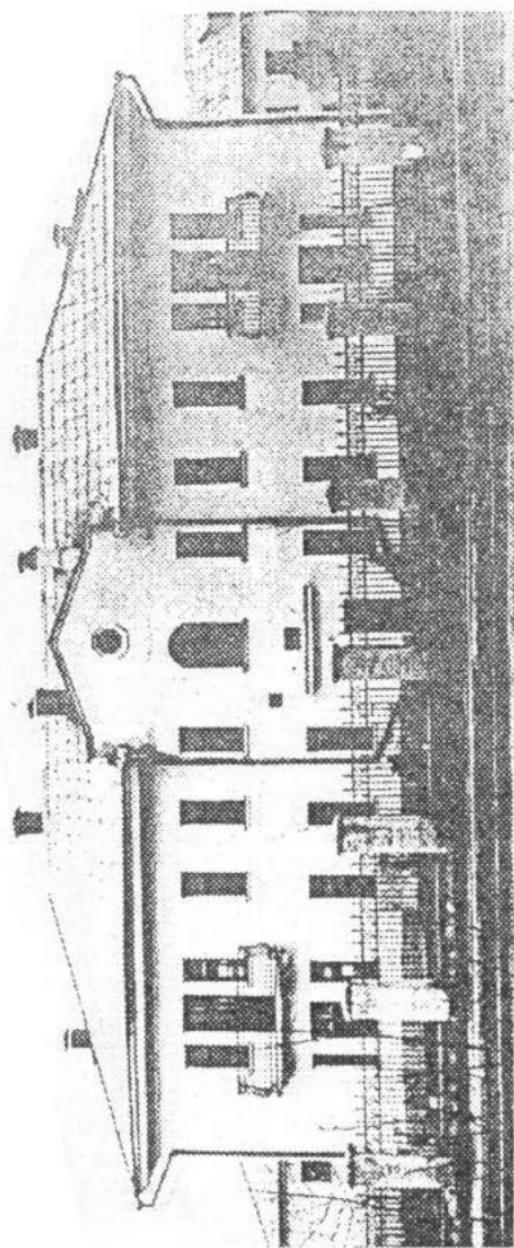
Магазин готового платья в городе Абссте,
построенный силами контингента лагерного отделения № 6

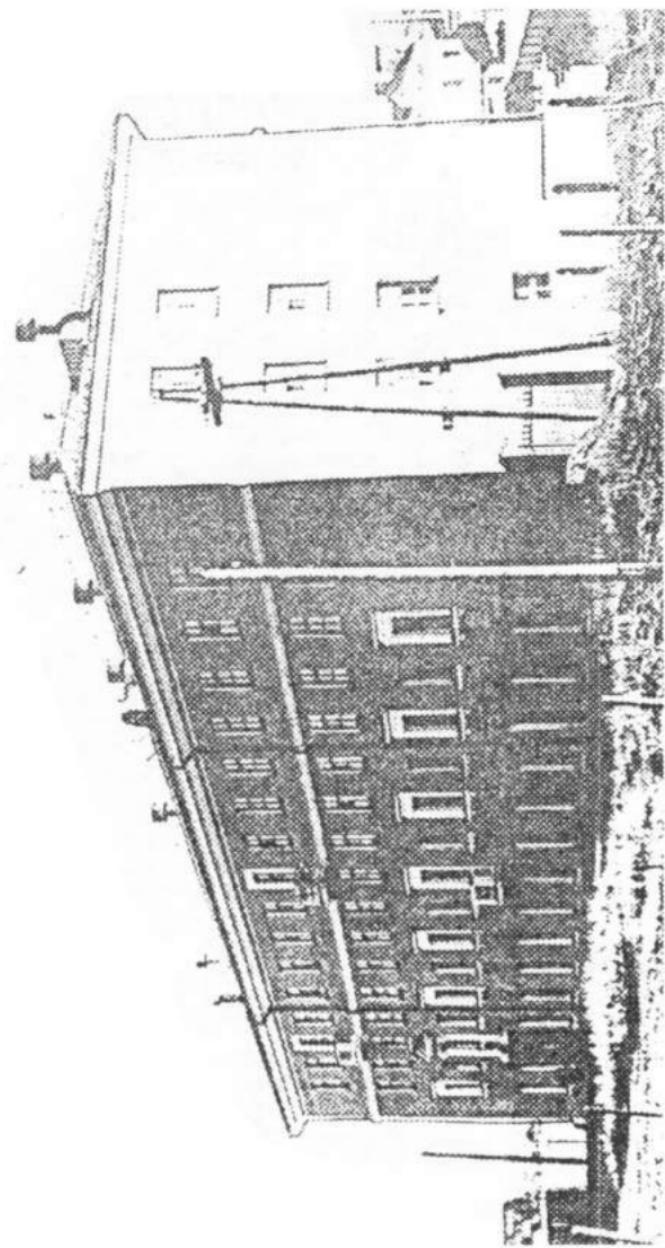
Стадион в городе Асбест,
построенный силами контингента лагерного отделения № 6

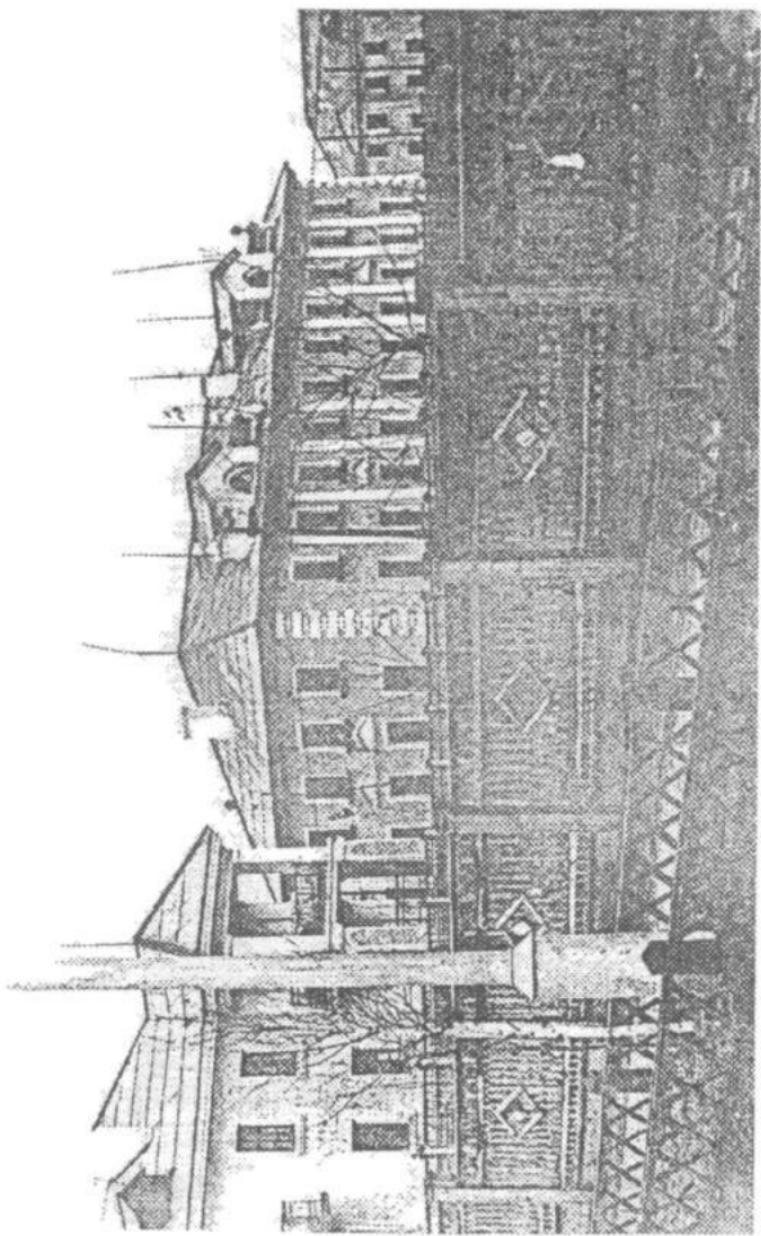
Жилые дома в городе Первоуральске

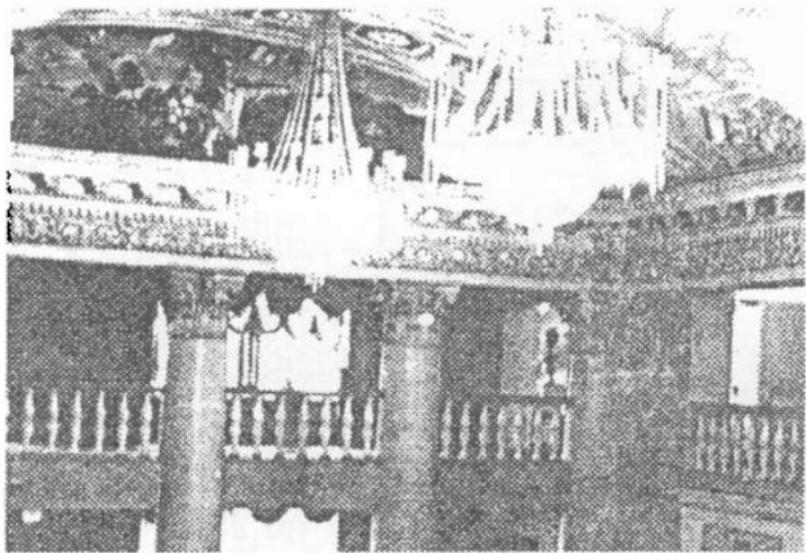
Детский сад в городе Первоуральске

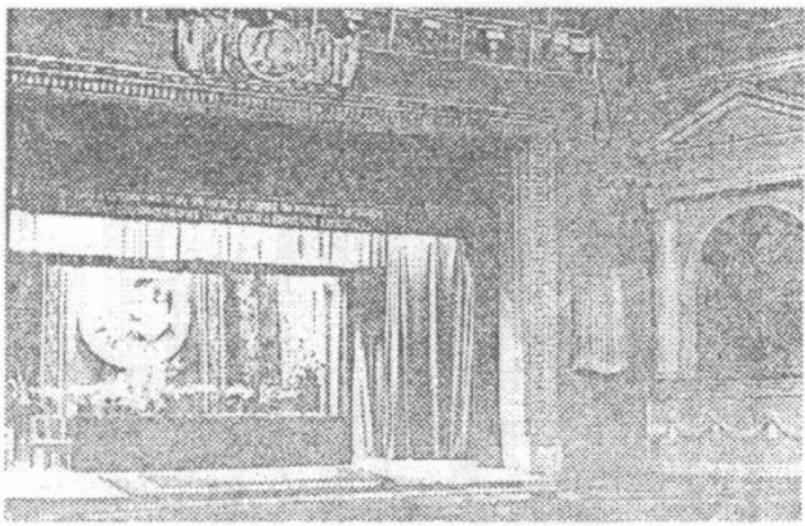
Жилой дом завода РТИ в городе Свердловске

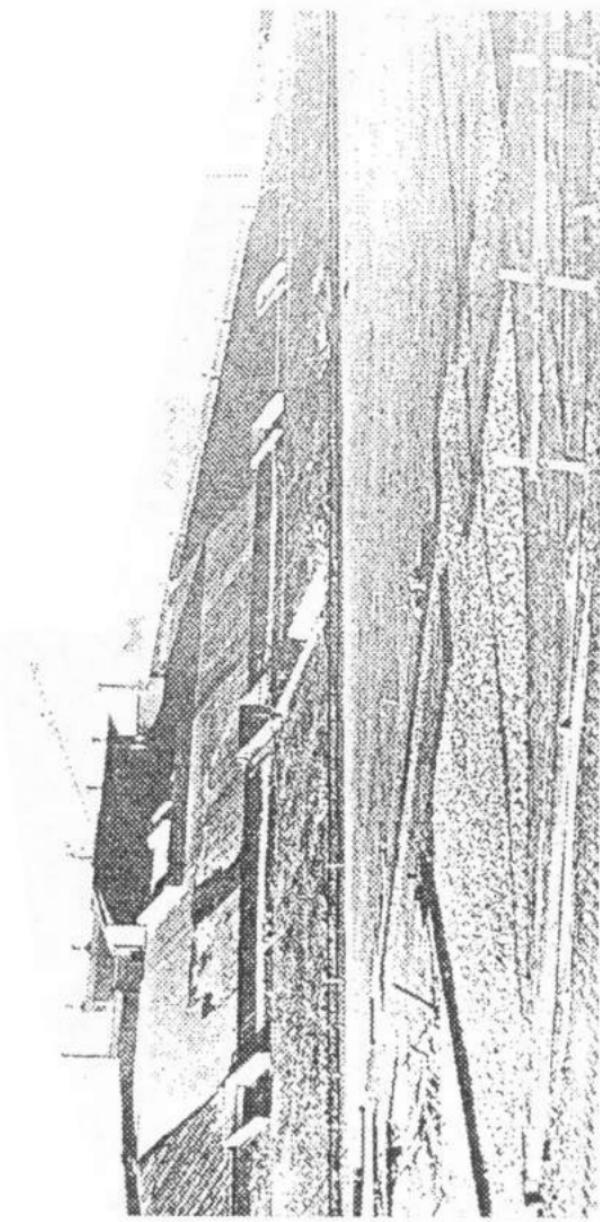
Жилые дома в городе Ровно, построенные силами контингента
лагерного отделения № 4

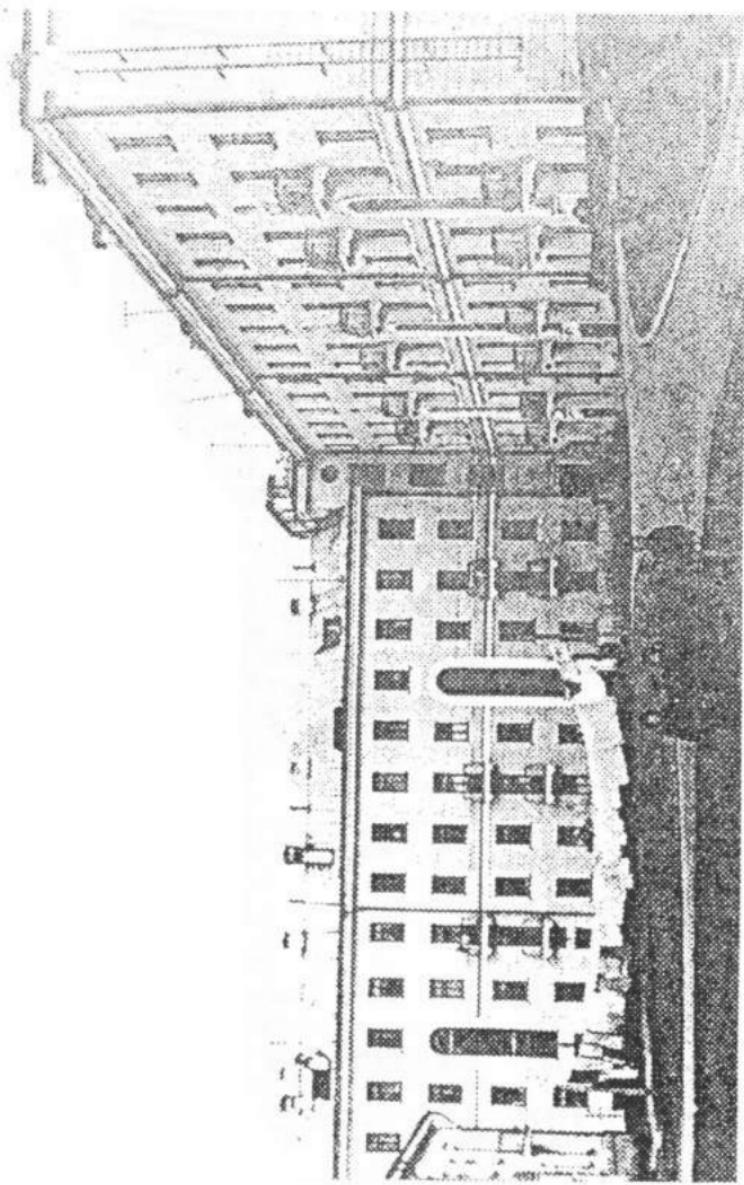
Интерьер Ревдинского дворца культуры, построенного силами контингента лагерного отделения № 4

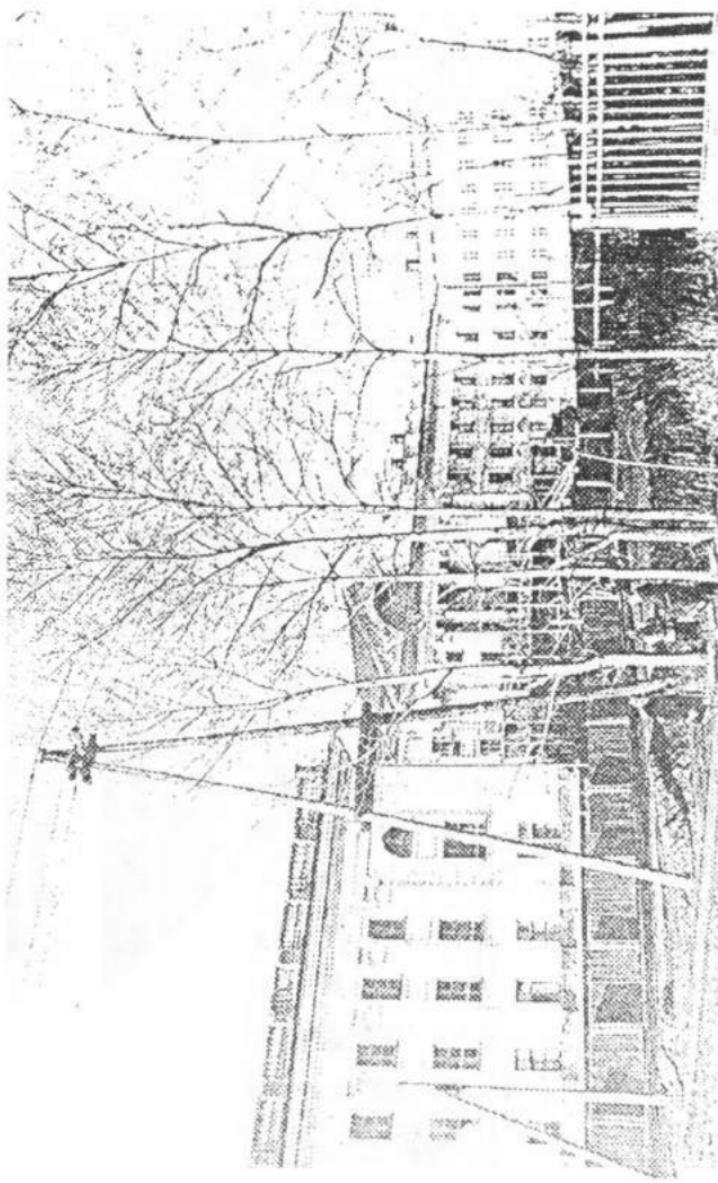
Сцена и часть зрительного зала Ревдинского дворца культуры, построенного силами контингента лагерного отделения № 4

Стадион «Металлург» в городе Свердловске,
строившийся силами контингента лагерного отделения № 1

Жилой дом в поселке Нижне-Исетск г. Свердловска,
построенный силами контингента лагерного отделения № 1

Здание пожарно-технического училища в городе Свердловске,
построенное силами контингента лагерного отделения № 8

Источник: РГВА. Ф.1. Оп.15а. Д.343; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.73-78

Приложение 6

Татуировки военных преступников лагеря № 476

Из личного собрания ветерана МВД СССР Д.С.Балдаева.

Копирование, составление и описание татуировок –

Д.С.Балдаев, фотографии – С.Г.Васильев

(См.: *Балдаев Д.С. Татуировки заключенных: Альбом.* СПб., 2001.)

vorwärts!

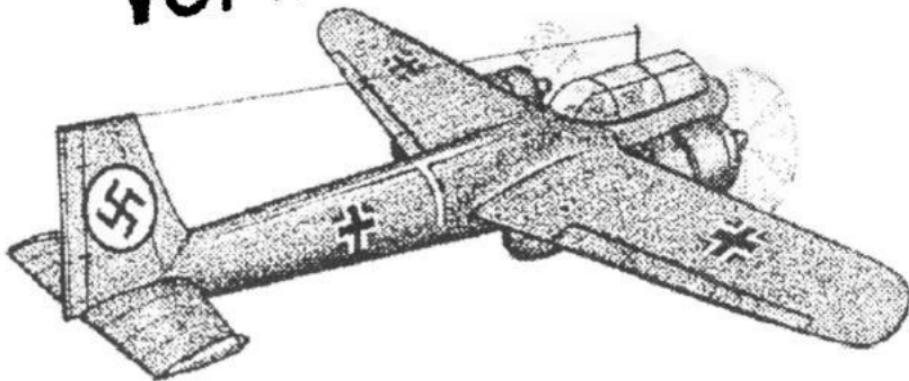

Рис. 1.

Татуировка военнопленного – летчика «Люфтваффе».

Скопирована в Нижнем Тагиле в 1950 году. Грудь.

Надпись: «Вперед» (нем.).

Объяснение носителя татуировки: «Я летал на бомбардировщиках "Юнкерс-87" и "88". По приказу командования бомбил промышленные объекты в тылу противника, узловые ж/д станции, мосты, скопления техники и войск, с которыми Германия находилась в состоянии войны. Я солдат, и за неисполнение приказа мог быть расстрелянным, как и у вас в русской, и любой армии мира во время боевых действий. За все беды, нанесенные войной, несут ответственность правители воюющих стран. Попал в плен в г. Котбусе в 1945 году»

Ju87 B-1 - Da hin ich Hause!

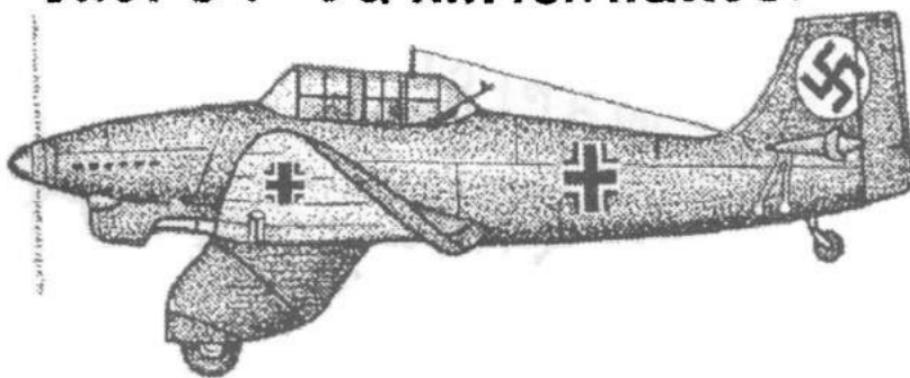

Рис. 2.

Татуировка немецкого военнопленного – летчика «Люфтваффе».

Скопирована в Нижнем Тагиле в 1950 году. Грудь.

Надпись: «Здесь я дома» (нем.).

Объяснение носителя татуировки: «Ваши русские, то есть советские самолеты, оказались по конструкции надежнее, чем немецкие.

Мой «Юнкерс» был сбит, когда во время воздушного боя при вираже произвольно открылись предкрыльники, и я не увидел боковой заход русского истребителя. С 1939-го по 1944 г. удалось сбить 56 самолетов разных стран. Роковой для меня была Прибалтика. Татуировка моя была сделана в летном училище под г. Дюссельдорфом, 1938 г.»

ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ СС „ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ“

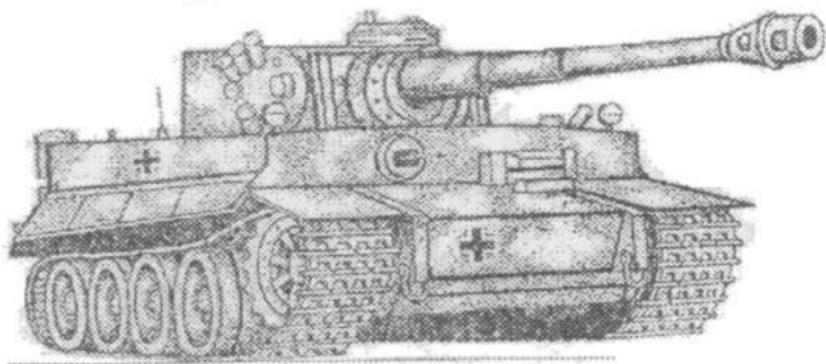

Рис. 3.

Татуировка военнопленного, бывшего офицера танковой дивизии СС
«Великая Германия».

Скопирована в лагере для военнопленных. Нижний Тагил. 1950 г.

Объяснение носителя татуировки:

«Нашу дивизию направили из Восточной Пруссии в Польшу, в район г. Лодзь. Боя были тяжелыми. Наши экипажи "Тигра" подбили 12–15 танков, расстреляв весь остаток боезапаса, а русские все шли, не считаясь с потерями. Когда подбили наш танк, мы пятеро переоделись в пехотную форму, снятую с убитых. Я попал в плен зимой 1944 года. Такие татуировки в нашей дивизии были у многих»

**3-Й ТАНКОВЫЙ
КОРПУС**

**ВОЙСК СС
ГЕРМАНИИ**

Рис. 4.

Татуировка военнопленного, служившего
в 3-м танковом корпусе войск СС.

Скопирована в лагере для военнопленных. Свердловск. 1950 г.
Объяснение носителя татуировки: «Если Адольф Гитлер сделал
бы союзниками русских, мы были бы непобедимы.

Ваше коммунистическое правительство разбежалось бы.

Мы вместе могли бы в короткое время уничтожить в Европе и России
всех евреев, цыган и армян как паразитов-кровососов, которые успели
разбежаться по всей планете подобно клопам и тараканам»

Рис. 5.

Татуировка немецкого военнопленного, воевавшего в танковой дивизии СС «Мертвая Голова». Скопирована в лагере для военнопленных в Свердловской обл. 1950 г. Груль.

Объяснение носителя татуировки: «Несмотря на поражение Германии в войне и ликвидацию NSDAP (Национал-социалистической рабочей партии Германии), никогда не будет любви и в Германии, и в других странах к евреям и цыганам. Они все криминогенное отродье Сатаны и Дьявола. Жаль, что мало их убили. Это мое мнение»

ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ „ВИКИНГ“

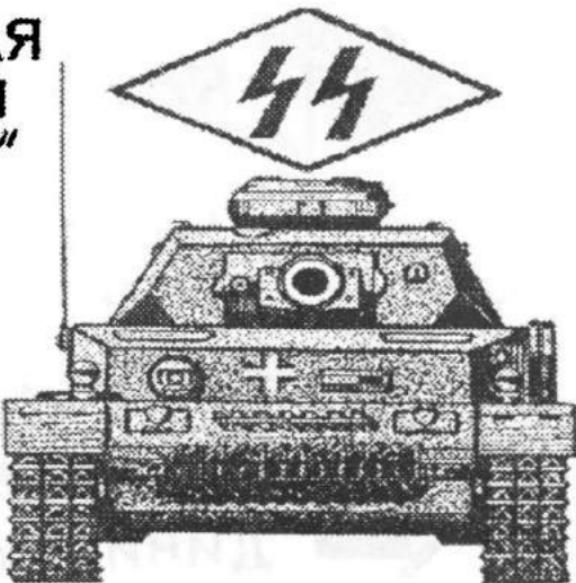

Рис. 6.

Татуировка немецкого военнопленного –
офицера танковой дивизии СС «Викинг».

Скопирована в лагере для военнопленных. Свердловск. 1950 г. Грудь.

Объяснение носителя татуировки: «Еврейский Кремль никогда
не считался с потерями солдат, офицеров и техники в войне
с Германией. Например: на один сожженный наш танк

5–6 уничтоженных советских, на одного убитого нашего солдата – также
не менее 5–6 ваших солдат, не считая миллионов пленных в 1941 году,
то есть в начале войны». Примечание: по последним данным, потери
были 1:10(12) (Германия – СССР)

Рис. 7.

Татуировка немецкого военнопленного –
бывшего офицера дивизии СС «Великая Германия».

Скопирована в лагере для военнопленных. Нижний Тагил. 1950 г.

Объяснение носителя татуировки: «Наша дивизия погибла с честью
и героизмом в боях при пятикратном превосходстве русских.
Это еще не крах. Война, к сожалению, проиграна, и в этом нет моей
вины. Я уверен в том, что Германия воспрянет из разрухи и пепла»

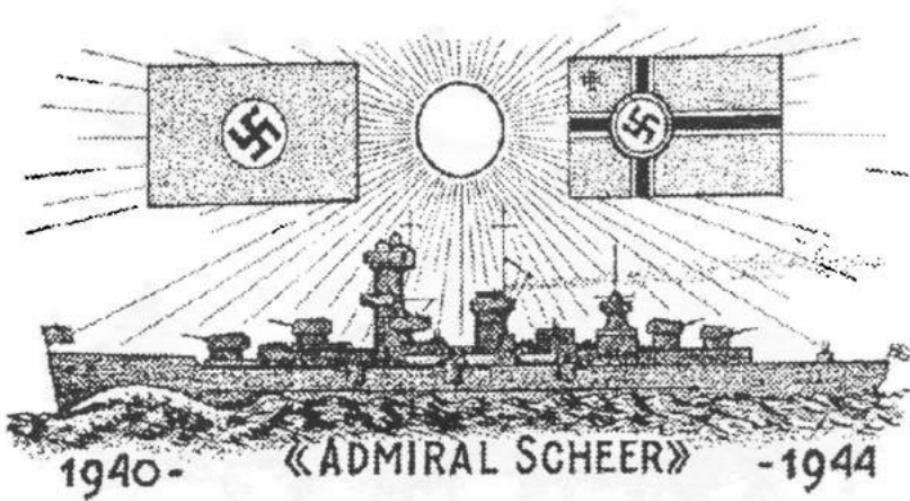

Рис. 8.

Памятная татуировка немецкого военного моряка.

Скопирована в лагере для военнопленных. Свердловск. 1950 г.

На татуировке изображены государственный флаг гитлеровской Германии, кормовой флаг Военно-морских сил Рейха и знаменитый фашистский линкор «Адмирал Шеер». Военнопленный служил на нем электриком с 1940-го по 1944 год. В плен попал в Польше, находясь на излечении в госпитале

Рис. 9.

Памятная татуировка немецкого военного моряка.

Скопирована в Нижнем Тагиле в 1945 году.

Военнопленный, носитель татуировки, служил артиллеристом на знаменитом линкоре «Тирпиз».

В плен попал в госпитале г. Шверина в 1945 году

Рис. 10.

Из патриотических памятных татуировок немецких военнопленных, бывших военных моряков, собранных в лагерях военнопленных в Ленинграде, Свердловске, Нижнем Тагиле, Челябинске.

Так называемые «штатные» наколки. 1949–1954 гг.

Располагались на плече, подобно военному шеврону

Рис. 11

Художественная татуировка немецкого военнопленного.
Скопирована в лагере для военнопленных. Свердловск, 1950 г.
Военнопленный закончил морское радиоучилище в г. Ростоке,
ходил на крейсерах и эсминцах. В плен попал в Восточной Пруссии

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY
LIBERAL ARTS UNIVERSITY**

N.V. Surzhikova

**The Second World War's Foreign Prisoners-of-War
in the Middle Urals (1942–1956)**

**Ekaterinburg
2005**

This monograph is devoted to history of the Second World War's prisoners-of-war in the Middle Urals in 1941–1956, implying the regional particularities to be considered by the author in close connection with featuring the general Soviet state's policy toward the enemy's military servicemen as one of numerous categories of prisoners within the USSR's NKVD-MVD system.

The in-depth study revealed that during 1942–1956 over 250 thousands of enemy's military passed through the camps of the Middle Urals. The essential factor allowing such a number of prisoners-of-war to be quartered on the territory of the Sverdlovsk *oblast* was its geopolitical position. The Middle Urals had been a receiving area for both the civil population of the USSR evacuated from the threatened western parts of the country and the captured servicemen of the enemy's armies. The necessity for dispatching tens of thousand of the foreign prisoners-of-war to the Urals emerged during the war years as a consequence of converting this region into the main industrial base of the Soviet strategic rear. The lack of labour resources made the use of the foreign prisoners-of-war for fulfilling the economic tasks an important priority. It's why the Sverdlovsk *oblast* being both the 'capital' region and the most developed industrial core of the Urals became an area with the densest network of the foreign POW camps deployed as compared to other Urals' *oblasts* and republics.

The number of the foreign prisoners-of-war arriving at the territory of the Middle Urals has reached its peak in 1946 when making up 82270 by the 1st of January. There were the military personnel of all armies

fought against the USSR, as well as all ages, ranks and arms of the service among the prisoners of the regional *OPVI* (Division on Affairs of Prisoners-of-War and Interned Persons). There was also a mixed conglomerate comprised of over 30 nationality groups.

Organization of camps and camp subunits for the enemy's prisoners-of-war borrowed the principles of administration and internal order being typical of those in the GULAG system. The material and housing conditions of prisoners-of-war remained severely constrained all the time till the late 1940s. However, there was an obvious tendency toward improving the maintenance and custody regime owing to gradual normalization of foodstuff and medical provisions. The sick and mortality rates were the highest during the war years, while the 1950s saw those rates decreasing to the minimum. The analysis reveals clear evidence that at the background of stabilizing gradually the physical conditions of the prisoners-of-war the dominant trend was toward reducing the proportion of the so called 'social' diseases concerned with the shortages in the maintenance and custody conditions, among the factors of their sickness and mortality.

In the course of study, the author succeeded in ascertaining that during the period of 1942–1956 the USSR's largest POW camp was No. 476 in the Middle Urals – the camp which had kept under imprisonment at least one fourth of all enemy's military accused in the USSR of:

- war crimes according to the Decree of the Presidium of the USSR's Supreme Soviet "On Punishment of the German Fascist Criminals and Their Accomplices" from April 19, 1943;
- treasons according to Article 58 of the USSR's Criminal Code;
- crimes against property according to the Decree of the Presidium of the USSR's Supreme Soviet "On Increasing the Blames for Plundering the Public and Personal Property" from June 4, 1947.

Among the prisoners of the camp No. 476, a noticeable proportion consisted of the prisoners-of-war which were accused of, first, on the grounds taken from the national legislation whose compatibility with the norms of the international laws is doubtful; second, on the basis of formal approach with the accusatory bias, not supposing any persuasive evidences in putting the specific blame on the accused; third, with violations of elementary legal procedures. In that sense the grounds and mechanism of criminal prosecution of the foreign prisoners-of-war after the Second World War made little or no difference to such practices used in prosecuting the Soviet citizens. In fact, these prosecution practices were identical.

The custody regime for the accused prisoners-of-war had been changed for more severe conditions. But making the supply rates for the war criminals unified as well as their engagement in the heaviest allotted works didn't bring their material provisions, physical conditions, and sick and mortality rates substantially to become worsened. It was due to overcoming disasters and other negative consequences of war by the late 1940s – the early 1950s.

The study carried out had discovered that the Sverdlovsk *oblast* became an area where the repatriation of last foreign prisoners-of-war from the USSR took place. Within the whole repatriation process of 1955 – early 1956 the following particular stages could be marked out: (a) repatriation of the Austrian citizens; (b) that of citizens of newly established German Democratic Republic and Federal Republic of Germany; (c) that of Hungarian and Rumanian citizens. It's noteworthy that the Middle Urals became a region of departure for over 70 per cent of German prisoners-of-war leaving the Soviet Union for their homeland.

It's also remarkable that using the manpower of the Second World War's foreign prisoners-of-war in the Middle Urals formed the whole en masse sector of forced labour since 1942 – not only in the postwar years. Another particular observation ascertains that the majority of prisoners-of-war were doing their works not in the NKVD-MVD facilities, but rather within the so called 'contractor' works (or economic departmental works), i.e. on the industrial and construction sites of other *Narkomats* and Ministries.

Saying on whether the POW camps were economical units and, finally, evaluating the economic efficiency of that kind of forced labour, it should be noted that only approximate evaluation is possible on that issue. By many parameters, it is a complicated task to compare the production activities of the POW camps with those of ordinary economic agents, because the prisoners-of-war were usually used within the most labour-intensive processes, often close to the extremities. Those involved, first of all, construction works, lumbering, mining, metal-processing and, in general, heavy industries – the leading sectors where the POW labour was used. Moreover, the sources discovered don't contain all the information on economic indices needed for the objective evaluation of the POW labour's contribution. So the need for further research in this direction is undoubted.

Thus, in the light of received results the very stay of the Second World War's foreign prisoners-of-war in the Middle Urals during 1942–

1956 offers very complicated and contradictory picture. But the fragments of that picture could be joined accurately to become clear in compliance with certain internal logic, including the Soviet state's attitude to the captured enemy's military servicemen, alterations this attitude underwent in time, and forms it took on the spot. This logic is composed by several components – law, policy, and economics. So the destinies of over 250 thousands of the Second World War's foreign prisoners-of-war stayed in the Middle Urals depended heavily on what component is preferred during one period or another and how priorities follow in those cases.

**Издание осуществлено при поддержке
Екатеринбургского общественного
благотворительного фонда
«Истории и археологии»**

Научное издание

СУРЖИКОВА Наталья Викторовна

**Иностранные военнопленные
Второй мировой войны
на Среднем Урале (1942–1956 гг.)**

**Рекомендовано к изданию Ученым советом Института
истории и археологии УрО РАН**

**Редактор С.В.Фельдман
Оригинал-макет Курьянович В.В., Л.Г.Белолугова**

Сдано в набор 25.08.2005. Подписано в печать 05.01.2006.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,06. Уч.-изд. л. 22,52.

Тираж 300 экз. Заказ № 154.

Гуманитарный университет

620049 г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.

Отпечатано ООО «ИРА-УГК»

620???, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 4.